ПОЛУНОЧНЫЙ ТРУБАДУР

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

ПОЛУНОЧНЫЙ ТРУБАДУР

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ДЕТЕКТИВ

ПОЛУНОЧНЫЙ ТРУБАДУР

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ

НИЖНИЙ
НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЛОКС»
1994

ББК 84.О Фр.
П 49

Оформление А. Г. ТАРАСОВА

Иллюстрации С. Б. СОКОЛОВА

П 49 **Полуночный трубадур. Фантастические романы.** Пер. с франц. В. Агеева, А. Ермошина, Н. Разумовой. Составитель С. Барсов. Н. Новгород. Флокс, 1994— 416 с., ил.

ISBN 5-87198-058-9

Сборник «Полуночный трубадур» впервые представит российскому читателю романы современных французских фантастов. Поэтическая аллегория о новых Орфее и Эвридике (Анри Рюэллан, «Ортог во власти тьмы»), философская притча о человеке, затерявшемся не только в глубинах космоса, но и в бездне собственной души (Ришар Бессьер, «Имя мне... все»), космические оперы Мориса Лима («SOS ниоткуда», «Полуночный трубадур») с лихими приключениями во времени и пространстве — всему найдется место в рамках жанра!

П $\frac{4703010100—010}{Д40(03)—94}$ без объявл. **ББК 84.0 Фр.**

ISBN 5-87198-058-9

© Перевод, составление, оформление. Издательство «Флокс», 1994

АНРИ РЮЭЛЛАН

ОРТОГ ВО ВЛАСТИ ТЬМЫ

1

Промокший насквозь кипарис содрогался под резкими ударами ветра. В сумерках, как камень из пращи, пронеслась какая-то черная птица. Из клюва торчали два клыка.

Лес вокруг поселения давно снесли, и этот кипарис разделил судьбы сотен других вековых деревьев, которые вместе с корнями были пересажены сюда, в это мрачное место, где их темные кроны как нельзя лучше соответствовали обстановке. Гроза неистовствовала, но была бессильна против деревьев-мутантов, синтезированных из кремния.

В завывания ветра, в шум дождя вплеталась протяжная мелодия, обрывки которой порой доносились с дальнего конца аллеи. Это была музыка, полная грусти и отчаяния; она лилась над лесом днем и ночью — ведь здесь в холодном тумане возвышалась гробница из черного камня, украшенная прекрасным фонтаном. Ее огромная масса нависала над обломками скал, а вершина превосходила высотой самые высокие деревья. Тысячи людей, вооруженные лучшими знаниями техники древности, возвели ее за два месяца, и вот уже два года гигантская пирамида изливала свою печаль Небу и Земле. Иногда в пирамиду с оглушительным разрядом ударяла молния, но она производила эффект не больше, чем искра: энергия поглощалась и обеспечивала защиту.

За пеленой дождя, разрываемой резким ветром с востока, виднелся вход в гробницу. Из его прямоугольника лился мягкий свет, постоянно горевший внутри; этот зеленовато-желтый свет играл на каплях дождя, создавая контраст со стальным оттенком невиди-

мого неба. В гигантском круглом зале, который размещался в основании пирамиды, царил покой; музыка и звуки грозы сюда почти не доносились; необыкновенная акустическая техника сделала его почти звуконепроницаемым. Сильное впечатление производили фрески и статуи, стоящие вдоль стены, с выражением боли и печали, с закрытыми глазами, с поднятыми к ушам руками. Сакральность и отрешенность, уединение и печаль. На лицах, высеченных из кремния и янтаря, на складках одежды из сланца и серебра, на золотых украшениях, на фресках с плавным, или, наоборот, резким переходом красок, чьи открытые глаза, казалось, пронизывали суровым взглядом сумрачные миры; на эмали и красной меди дымящихся курильниц, источающих аромат смолы и влажной земли — на всем дрожал отсвет склепа, который распространяли мириады насекомых, питающихся воздухом и влагой. Этот свет доходил до базальтовых плит, отражающих все вокруг, затем высвечивал конус, заполненный жидким камнем, который на ощупь вдруг оказывался твердым. В центре, подобно острову, который отражался в плитах, вызвышался круглый цоколь, поддерживающий открытый саркофаг; этот саркофаг стоял вертикально, как часовой. Саркофаг окружала полоса голубого света, льющегося из-под земли — с виду хрупкое препятствие, но грозные переливы света наводили на мысль о его смертельных свойствах. Около этой прозрачной преграды стоял человек, одетый в камзол стального цвета. Сложив руки на груди, он склонил голову; длинная белокурая прядь пересекла его лицо. Это был сеньор Дал Ортог Дал де Каланкар, рыцарь де Малакоржаль, навигатор Лассении. А в саркофаге, который возвышался перед ним, покоилось тело Каллы Карелла, Каллы, дочери Софарка.

* * *

Погруженный в раздумье, Дал Ортог был во власти нахлынувших воспоминаний. Уже два года прошло с тех пор! Раненый, но с победой вернулся он с задания, которое поставил перед ним Софарк Карелла, мудрейший в Ассамблее мудрейших. Его встретили, вылечили, спасли, но судьба уготовила страшный удар — известие о смерти той, чье имя сопровождало его повсюду. Во время его отсутствия Калла скончалась от той самой болезни, средство спасения от которой он добыл.

Измученный долгим анабиозом, в котором проходило его возвращение, он сначала отказывался верить в такую несправедливость. Связав простыни, сделал канат, убежал из палаты, потом разбил все кулаки о бронзовые двери Института консервации тел. Рыцари-навигаторы успокоили, заставили закончить курс лечения.

С тех пор многое прояснилось. Стало известно, что эта болезнь человеческой расы, убивающая в первую очередь внутренние органы, вызвана экологическим неравновесием. Стало известно, что земная биосфера, другими словами, единство всего живого — растений, животных и людей — образует единый общий организм, где все живое — его ячейки. Стало известно, что люди играли в этом организме роль нервной ткани, которая не могла существовать без необходимого минимума ячеек. А война Трех Планет, которая была два века назад, почти уничтожила человеческую расу ввиду применения абсолютного оружия: Голубого Оружия. Во время своих поисков по всей Галактике рыцарь Ортог нашел жизненно важное решение этой проблемы: необходимо значительное увеличение рождаемости для расширения генетической основы, развитие зародыша in vitro, вне чрева матери. Для этого Ортог основал Орден Гармонии.

Таким образом, генетическую болезнь удалось побороть, но, к несчастью, слишком поздно для того, кто спас человеческую расу. Спасая человечество, он не сумел сохранить ту единственную, которую любил. Тогда он добился, чтобы тело Каллы, охлажденное до -20°, поместили в достойную гробницу. Ассамблея Софарков, Коллегия жрецов, аристократия — все волей-неволей организовали мобилизацию рабочих и специалистов для возведения мавзолея. И теперь Дал Ортог каждый день отправлялся в это безрадостное сооружение недалеко от своего поместья в Каланкаре. Отсюда на своем геликсе за час он вполне успевал покрыть ту сотню километров над лесной чащей, что отделяла Каланкар от столицы Лассении. И сегодня, так же, как и в другие дни, Ортог снова и снова думал о том, что его принадлежность к касте рыцарей-навигаторов, элите, дворянству шпаги, надежде и оплоту Софаргии, не смогло его предохранить от катастрофы; ему оставалось только оплакивать ту, что была смыслом его жизни. А может быть, уже стоило немного подумать и о себе? Ведь благодарность и признательность человечества могли бы заполнить его дни без остатка. Он ловил себя на мысли, что жил для этого, в этом был смысл его деятельности. Может быть, следовало ограничиться ролью спасателя того огромного организма, которому он принес знание? Если так, то он выполнил свою задачу. Теперь можно уйти в сторону. Только рыцари-навигаторы имели право владеть Голубым Оружием — почему бы не обратить его против самого себя? Пронизывающий холод, аннигиляция в пространстве, и все. Ортога больше не существует. Его дело будет жить. Его боль исчезнет.

Дал чувствовал себя как натянутый до предела лук, готовый лопнуть. Он знал, что у него больше не хватит сил терпеть эту ежедневную пытку. Конечно, можно охладить свои воспоминания о Калле, как охладили ее тело, можно найти в Лассении или где-

нибудь еще среди сотен девушек ту, которая сможет заменить ее... Нет, Каллу не заменит никто. Осталось лишь присоединиться к ней.

* * *

Дал выпрямился, отбросил рукой непослушную прядь, которая постоянно спадала ему на лицо. «Почему бы ее не обрезать?» Он подумал об этом машинально — так иногда музыкальная фраза приходит в голову в самый неподходящий момент, путая мысли. Нужно сделать вот что: шагнуть к саркофагу через этот голубой световой барьер, и не нужно никакого оружия.

Сзади раздались мягкие шаги. Дал обернулся и увидел священника в черной сутане с надвинутым на голову капюшоном. Его одежда искрилась тысячами капель воды, подобно тому, как блестят крылья морских птиц после ныряния. Сам монах был высок и худ, как будто под сутаной находились ходули.

Наступила тишина. Двое мужчин замерли друг против друга, а конус над их головами излучал свой вечный свет.

Первым нарушил молчание Дал.

— Кто ты?

Священник поклонился.

— Я из Центрального Храма. Меня зовут брат Альбан, сеньор.

— Что ты здесь делаешь, брат Альбан?

— Мне нужно поговорить с тобой, сеньор.

— Оставим хороший тон,— сказал нетерпеливо Дал Ортог.— Ты думаешь, что удачно выбрал время для разговоров?

— Да, Дал Ортог Дал. Никто, кроме тебя, сюда не ходит, а то, что я собираюсь сказать, вовсе не для посторонних ушей.

— Тогда давай, говори быстрее. Мне уже пора возвращаться в Лассению.

Священник кивнул под капюшоном.

— Я видел, как ты уже сделал шаг вперед. Можешь ли ты утверждать, что вернулся бы сегодня в свое жилище в квартале навигаторов, если бы я вовремя не вмешался? Мне известно, как велика твоя боль, и я догадываюсь, что уже давно ты лелеешь мысль оставить нас, отбросив все, как ненужную старую одежду.

— Продолжай,— холодно проговорил Ортог.

— Это длинная история,— начал брат Альбан.— Ты должен знать, что не все священники враждебно относятся к Софаркам и навигаторам. Среди наших сторонников есть много ученых, которых некоторый мистицизм привел под сень храма и которые вместе с генетиками разработали научную программу еще до твоего отправления и до твоих открытий. Уже почти век Центральный Храм скрывает у себя биофизическую лабораторию, где изучаются границы смерти.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Наши исследования основывались не на гипотезе о существовании бога и, тем более, о постоянстве души, а на проблемах обитания в космосе и на психологических явлениях, которые сопровождают жизнь. Существует главный вопрос: при физиологической работе мозга мысли могут располагаться только в пространстве. Но в каком пространстве могут располагаться мысли?

— Мыслей не существует. Существуют слова. Тот, кто полагает, что он мыслит, просто приводит в действие свой язык или связки, и эта, так называемая мысль — не что иное, как комплексная реакция на внешние или внутренние раздражители. Не существует особой разницы между криком птицы и движением плавников у рыбы. Духовные явления, о которых ты говоришь, это всего лишь иллюзия, порожденная деятельностью нервной системы. На более низком уровне и наслаждение и боль — это периферическая реакция, и сознание тут ни при чем. Мы сознательны не более, чем Бог на душу положит, но это расстраивает нам регулирующий механизм, который называется гордостью.

— И тем не менее, сеньор, ничто не препятствует определенному порядку электронов, который я называю «мысль» или «сознание», оставлять в полях Вселенной свои отпечатки в виде пустот; нейроны же возвращаются в небытие. Мы исходим из теории, согласно которой эти отпечатки продолжают реагировать с космиче-

скими потоками энергии. Я с детства помню слова преподобного физика Галлега: «Смерть — это запятая, которая отделяет нас от вечности». Мы рассматриваем мертвого как негатив живого, а ведь с негатива можно сделать еще один снимок.

Ортог презрительно пожал плечами:

— Мистика под рациональным соусом.

— Не такая уж и мистика. Во всяком случае, усилия генетиков не смогли победить болезнь. Если уж не удалось спасти живых, нужно попытаться восстанавливать мертвых.

— Ты потерял разум, брат Альбан. Можешь идти.

— Но не раньше, чем я закончу; потом поступай, как знаешь. Ты ведь можешь даже нас всех арестовать или выслать отсюда.

— Хорошо. Даю тебе еще две минуты.

— Наши исследования уже подошли к концу, но твой успех свел все на нет. Однако эта наша работа ведется так давно, что мы ее продолжаем с тем же рвением, как и в самом начале. Я сам подвергался опытам с целью выяснить, где находятся пределы границы жизни. Многие из нас отправлялись туда и принесли ценные сведения. Конец пути совсем близок, но для последних опытов нужно мужество, которого ни у кого из нас не хватает. Ты, возможно, единственный человек, который никогда не отступает.

Ортог улыбнулся.

— И тем не менее,— сказал он,— я много раз отступал перед межзвездными перелетами. Каждый раз приходилось перебарывать свой страх перед Вселенной.

— Готов ли ты перебороть свой страх перед этим?

— Я не боюсь того, что не существует, и я отказываюсь ввязываться в предприятие, лишенное всякого смысла.

— Даже если существует слабая надежда, что ты установишь контакт с той, которую потерял?

Дал сжал кулаки.

— Оставь свои глупые аргументы! Займись своими делами, я не допущу, чтобы кто-нибудь касался этой темы!

Брат Альбан молча поклонился.

— Мои соображения более эгоистичны, Дал Ортог Дал,— сказал он затем.— Многие месяцы ты провел в анабиозе, но поскольку не сохранил об этом неприятных воспоминаний, значит ты подготовлен лучше всех нас для первого прыжка.

— А почему ты сам не хочешь попробовать лечь в анабиоз?

— Время не терпит, сеньор. Многие священнослужители — наши враги. Софарки поддержат нас лишь в том случае, если поддержат рыцари. А из твоих слов я понял, что на них нельзя рассчитывать. Вот поэтому, Дал Ортог Дал, я решил воспользоваться твоим горем, чтобы сделать тебя своим сообщником.

Обратной стороной ладони Дал откинул капюшон на затылок

священника, открыв угловатое лицо с широкими челюстями и лбом упрямца. Бритый череп блестел под желтым светом микроорганизмов.

— Да, ты не трус, и мне по душе твой цинизм. Я подумаю над твоим предложением. Иди с миром.

Брат Альбан еще раз поклонился, затем повернулся, не говоря бо́льше ни слова. Шаркая подошвами, он исчез за квадратной дверью, и его поглотил дождь.

* * *

Дал задумчиво сделал несколько шагов и снова подошел к саркофагу. Бред сумасшедшего! Как только у него хватило терпения выслушать все это до конца? Но, несмотря на полное отчаяние, даже легкий проблеск надежды заставил его с интересом отнестись к этим бредовым предложениям.

Да, если бы брат Альбан не появился вовремя, это наверняка был бы последний день для Ортога в мире, который оказался таким же враждебным, как самые далекие астероиды. Какая разница — днем раньше, днем позже! Но Дал чувствовал, что его мысли уже приняли другое направление. Теперь было невозможно сразу ставить точку. Медленно он направился к выходу.

Уже наступила ночь, и дождь хлестал с прежней силой. В пасмурном небе на северо-восток удалялись мощные габаритные огни геликоптера. Брат Альбан, выполнив свою миссию, возвращался в Храм. Ортог направился к своей машине, огни которой слабо светились в ста метрах, в конце кипарисовой аллеи. Деревья-мутанты, совсем неподвижные рядом с обычными, поднимали вверх свои кроны, еще более темные, чем сама ночь; в их больших ветвях поблескивали кристаллы кремния. Казалось, рука великана изваяла их из вулканического стекла; под ветром не гнулась ни одна ветка. И Дал Ортог подумал, что это подходящая стража для Каллы.

На борту геликса он включил автопилот и полетел в столицу. Сидя в тепле кабины, он смотрел через прозрачные стенки на черную пустоту, в которую летел, как пушечное ядро. И только потоки дождя, которые машина разделяла на три симметричные струи, напоминали о том, что кроме этой отрешенности где-то существует реальная жизнь. Иногда вспышка молнии освещала летящие горизонтально струи дождя, но через звуконепроницаемые стенки геликоптера Дал не слышал даже звука грома. Во всем этом окружении было что-то необычное, да и нужно ли теперь все обычное, если Альбан и его некрозофы правы?

Им снова овладело смешное, ни на чем не основанное чувство надежды. Хотя нет, Альбан и его некрозофы — это просто шарла-

таны. Может быть, во всем этом кроется какой-нибудь политический маневр, тайный сговор знати и духовенства, противников Софаргии. Но будущее покажет: никакая сила не в состоянии вот так, в лоб, атаковать рыцарей-навигаторов; а возможно, кто-то пытается просто подорвать их влияние, используя его, Ортога, как приманку. В таком случае, эта подрывная деятельность должна быть хорошо организована, потому что силы неравны. С помощью клеветы и других грязных махинаций невозможно справиться с элитой рыцарей, владеющих Голубым Оружием.

Геликоптер приземлился на дополнительном аэродроме Лассении. Несмотря на грозу, даже снежинка не смогла бы коснуться земли мягче, чем эта машина.

2

В холле аэропорта Дала поджидали трое мужчин. Они ничем не выделялись из общей массы и представились как сотрудники лаборатории. Затем предложили навигатору поехать с ними в Университет, если, конечно, сеньор не возражает. Дал улыбнулся: отношения навигаторов с учеными были вполне дружескими, и вряд ли можно было найти другие слои населения, между которыми существовали такие прямые и простые связи, менее всего подверженные условностям этикета.

— Господа ученые,— сказал Дал с грустной улыбкой,— я сочту за честь сопровождать вас в ваше почтенное заведение.

Трое мужчин кивнули в ответ, отдавая дань трауру Ортога. Автомобиль быстро доставил их в лабораторию психофизики. Дал вдруг почувствовал, что у него просыпается интерес к происходящему: это приглашение в лабораторию было, видимо, следствием его разговора с некрозофом, и результаты, которые хотели ему показать, должны были ответить и на его мысли, и на утверждения брата Альбана.

— Вы удачно выбрали момент,— заметил он.

— Да,— ответил один из лаборантов,— мы знаем. Ты имеешь в виду брата Альбана?

Дал удивленно поднял брови:— Откуда вы узнали об этом?

— О, это очень просто. Вот уже пятьдесят лет мы уступаем дорогу генетикам, но работаем в самом тесном контакте с духовниками. Некрозоф — это почти синоним биофизика.

— Тогда зачем вся эта таинственность, ведь он мог встретиться со мной здесь, в этой лаборатории и в вашем присутствии?

— Мы никогда полностью не понимали брата Альбана. Но мне кажется, он хотел поразить тебя торжественностью места встречи, призывающего к вниманию и сосредоточенности.

— В какой-то степени ему это удалось,— сказал Ортог, кивнув головой.— Кроме того, ведь вы за него поручились...

— Только отчасти,— поспешно ответил другой лаборант — Альбан — один из тех исследователей, которые действуют по вдохновению и интуиции, а мы не очень доверяем такой категории ученых. Мы проделали большую работу, и сейчас можно идти дальше, но что касается результата — здесь у нас нет никакой уверенности.

— Короче говоря, вы предполагаете, что можно исследовать пространства, в которые человек попадает после смерти, но не можете предугадать, что там можно встретить?

— Даже не это. Мы не знаем, существуют эти области или нет, но у нас есть зонд.

Некоторое время Дал молчал, уставившись в пол, затем спросил:

— Если я вдруг соберусь идти завтра утром в Храм, я вас там встречу?

— Нет. Наша связь с некрозофами — в настоящий момент такая же тайна, как и их исследования. Я совершенно убежден, что наши методы более биологические, но и в их основе тоже лежит теория, касающаяся отношений человека и космоса: мы пришли к выводу, что любая организованная система аналогична движению стационарных волн, которые, после исчезновения своего генератора, вступают во взаимодействие с ближайшими электромагнитными полями — это явление по своей природе похоже на индукцию. Этот вывод вполне материалистичен: такая модель может существовать после физической смерти тканей. В этом смысле у нас нет расхождений с некрозофами, но для реального осуществления этой гипотезы они владеют законом, который нам неизвестен.

— Пожалуй, я отправлюсь завтра в Храм,— сказал Дал,— хотя бы для того, чтобы собрать какую-нибудь информацию.

— Мы уже можем показать тебе пару совершенно новых экспериментов,— заявил биолог, который вел себя увереннее остальных.

Он поднялся, вслед за ним встали его ассистенты. Один из них открыл клетку, другой вытащил оттуда маленького гибридного мутанта — порождение Голубой Войны. Это была собака с человечьей головой, которая механически повторяла: «Оставьте меня, оставьте меня!» Эти слова она то и дело прерывала коротким идиотским смехом. Собаку привязали к доске и сделали ей анестезию.

— Вот,— сказал биолог,— это особь мужского пола, которая научилась перемещаться в этом лабиринте.

Он указал на сложную конструкцию высотой около метра, которая занимала значительную часть лаборатории.

— Придется принести его в жертву; сейчас мы подключим электроды электроэнцефалографа... и будем облучать пучком ультракоротких волн, который отражается вот здесь... а затем идет в приемное устройство. Вот...

Ассистенты уже обрили голову собаки-человека и установили электроды. Электроэнцефалограф стал регистрировать ритмы альфа, бета и дельта. После того, как ввели шприц с цианистым калием, линия регистрации стала ровной: деятельность мозга прекратилась. Гибрид был мертв; это подтверждали и другие тесты, а также отсутствие энцефалограммы.

Один из ассистентов схватил другого гибрида, который находился в соседней клетке, и прикрепил к нему электроды, также соединенные с коротковолновым приемным устройством.

— На этот раз,— сказал биолог,— мы не будем его подключать к регистратору. Сейчас он будет не передавать, а принимать. Этот опыт был бы возможен еще тысячу лет назад, если бы в то время существовали настолько чувствительные приемные устройства, что могли бы улавливать сигналы, близкие к нулю.

Второго мутанта отнесли в центр лабиринта.

— Само собой разумеется,— добавил экспериментатор,— здесь не было никакой специальной тренировки...

Он не успел закончить фразу, как мутант уже появился на выходе из лабиринта.

— Делай выводы сам. В варварскую эпоху атома сказали бы, что второй гибрид — это медиум, которому явился призрак первого. Ведь в ту эпоху считали, что существуют «любящие» привидения и призраки.

— Папа... папа...— звал мутант, пока его сажали в клетку, потом замолчал и начал раскладывать буквы алфавита среди собственных испражнений.

Дала передернуло.

— Это и есть новый тест?— спросил он.

— Нет. Это всего лишь доказательство того, что существует активная деятельность души. Это уже результат, так мне кажется. Ведь в область реальной физики мы привнесли открытия, которые раньше считались метафизическими. И раньше существовали такие понятия, как пространство и время, материя и энергия, но в данном случае речь идет о другом.

Дал ничего не ответил. Он думал о том, что где-то в вихре электромагнитных волн кружится то, что осталось от Каллы, и возможно, это «нечто», подпитываясь радиоактивными излучениями, думает о нем...

Вдруг он услышал окрик под окнами лаборатории, которая находилась на первом этаже. Раздался выстрел, кто-то обратился в бегство. Дал бросился к окну и распахнул его. На лужайке под

окном лежал человек. Он был одет в белую форму охранника, на груди блестел знак красного солнца Софаргии. Сбегалась охрана.

* * *

Квартал Университета оцепили, поиски велись во всех лабораториях. Безрезультатно. Появились люди из службы Безопасности, начали расследование. Но расследование продвигалось плохо: следы, которые удалось обнаружить под окном, принадлежали гибриду.

Дал подошел к лейтенанту службы Безопасности.

— Это было животное с довольно высоким уровнем интеллекта,— сказал лейтенант.— Во всяком случае, у него хватает ума пользоваться излучателем. Есть такие. Некоторые граждане держат их вместо слуг.

— Не так уж их и много,— заметил Дал, с содроганием вспоминая подопытных мутантов, эксперимент над которыми он только что видел.

— Их немного, рыцарь, но, во всяком случае, достаточно, так что работы нам хватает. Результат расследования появится еще не скоро.

Это был вежливый намек, поэтому Дал поспешно распрощался с ним, затем с биологами, и ушел. Теперь он начал понимать, почему некрозофы окружали себя такой таинственностью. Кто-то интересовался исследованиями. Кто-то подослал гибрида, снабдив его оружием и подслушивающим устройством высокой чувствительности, это уж точно. Он снова вернулся к лейтенанту.

— Скажите, следы видны на всем пути?

— Нет, рыцарь. Они обрываются за несколько метров отсюда.

— Это меня не удивляет. Наверное, они послали летающего гибрида.

Ортог повернулся и пошел прочь, оставив лейтенанта в полном недоумении. Он старался выбросить всю эту историю из головы — это не его дело. Он ведь не состоит в службе Безопасности. Пусть там сами разбираются.

* * *

Когда Дал появился во Дворце, было уже довольно поздно. Но для Дала Ортога все двери Лассении были открыты и днем и ночью. И в первую очередь двери самых высоких сановников. Его тотчас же провели к Софарку Карелла, который как раз, и не без удовлетворения, заканчивал составлять указ, разрешающий все

требования Баннеретов [1] из провинции. Карелла уже перешагнул шестидесятилетний рубеж, что по тем временам было неплохо и удавалось не каждому. Возможно, этим он был обязан общим усилиям, направленным на увеличение продолжительности жизни — он не знал точно, да и не интересовался, тем более что эти проблемы ни в какой степени не влияли на его деятельность, на его дело, которое он осуществлял с умом и блеском. Как и все Софарки, он был одет в простое красное платье с поясом. На бюро царил невообразимый беспорядок, в котором, казалось, мог разобраться только он. Движением руки Софарк предложил Ортогу кресло. После смерти дочери он считал его своим сыном.

— Расследование в самом начале,— заметил он.

Дал поднял голову.

— Ты уже знаешь, Софарк?

— Если бы мы не получали информацию своевременно, нас бы давно уже сместила какая-нибудь диктатура частных интересов...

Дал улыбнулся уголками губ.

— Ну раз тебе известно все...

Лоб Софарка разгладился.

— Да, это мезоньеры и служители культа. Баннереты менее опасны.

— Но ведь не все священники против нас,— заметил Дал.

— Ты имеешь в виду некрозофов?

Дал был поражен.

— Тебе все известно,— пробормотал он.

Карелла пожал плечами, положил изящные руки на кипу лежащих перед ним психосенсорных листов.

— Пятнадцать лет назад — ты был еще ребенком, как и Калла — я сам позвал их на помощь. Мать Каллы только что умерла. Ей было тридцать лет. В то время я еще не был Софарком. Я был простым геронтологом, погруженным в исследования. Но ведь тайных наук не существует. Весь Университет был в курсе разработок некрозофов, правда, дальше этого не шло. Среди специалистов различных дисциплин не существует секретов, в противном случае наука остановилась бы. Так было, и так будет всегда.

Дал слушал его все более внимательно.

— И что же дальше?

— Ничего. Моя жена умерла, и все. Некрозофы ничего не смогли сделать.

Дал понимал давнюю боль Кареллы, но не хотел разделять ее. Немного помолчав, он сказал:

---

[1] Bannerets, maisonniers *(фр.)* — знатные сеньоры. Поставляли армии своих вассалов под знамена сюзерена в Западной Европе в Средние века.

— В то время исследования некрозофов еще не дали результатов. Видимо, поэтому их еще не окружали шпионы Университета.

— Ты полагаешь, что шпионы появляются только тогда, когда работы идут успешно?— спросил Карелла.

Дал снова помолчал немного.

— Теперь все ясно. Сначала ко мне приставали в мавзолее, затем кто-то подслушал предложения тех, кто встречал меня в аэропорту. Кстати, тебе известны результаты последних исследований биофизиков?

— Да.

В замешательстве Дал изо всех сил старался взять себя в руки.

— Значит, ты в это не веришь! — он почти кричал.— Ты думаешь, что если твоя жена умерла и к ней не смогли применить результаты работ некрозофов, значит, их нельзя применить и к твоей дочери? Ты, Софарк, думаешь, что простой навигатор не может надеяться на то, что не удалось тебе?

Впервые в жизни он разрыдался. Карелла поднялся и подошел к нему.

— Я не делаю разницы между тобой и мной. Успокойся, Дал Ортог Дал, возьми себя в руки. Я ведь сам посвятил тебя в рыцари. Не веди себя, как ребенок.

Дал тоже поднялся, провел рукой по лицу, как будто его слезы были чем-то позорным. Его голос окреп.

— Я тоже ни во что это не верю,— сказал он,— но хочу надеяться.

Шел снег, когда Дал Ортог покинул Дворец. В квартал навигаторов он решил отправиться пешком. Улицы, к счастью, были безлюдны; ведь Ортог был известен, и все обычно низко кланялись ему при встрече, да и он сам уставал постоянно отвечать на бесконечные приветствия. А сейчас снег валил густыми хлопьями, прохожие торопились. Глядя на белый снег, Дал вдруг почему-то вспомнил черное блестящее платье брата Альбана. Была ли это безумная надежда, которая билась у него в мозгу, как бьется муха в паутине, или же посещение лаборатории придавало некую достоверность словам некрозофа, но так или иначе, Дал больше не мог сохранять ту угрюмость сердца, которая заставляла его отстраняться от всего и от всех, даже в то время, когда он создавал Орден Гармонии и Контроля над эктогенезисом. Сейчас он весь кипел нетерпеливым желанием побольше узнать о волнующих работах некрозофов и биофизиков, и пусть все это окончится либо встречей живого с мертвой, либо окончательным крушением всех надежд.

Два навигатора, охраняющие квартал, подняли оружие — обыкновенные излучатели. Но на плече каждого из них висело страшное Голубое Оружие. Жестом остановив церемонию, Ортог подошел, чтобы поговорить с ними. На груди его сиял герб, став-

ший знаменитым: разорванная над солнцем цепь. Другие рыцари также носили гербы, и под светом плазменных прожекторов эта неподвижная группа имела такой вид, от которого у проходящих мимо захватывало дух.

Вскоре Ортог стряхнул с волос снежинки и попрощался. Войдя в большой двор, он тотчас же отправился в свои апартаменты, где велел принести легкий ужин. Затем на бобинах голограммного магнитоскопа отыскал ту, которую унесла смерть. Это была запись из энциклопедии, но ему и не нужен был художественный или реальный образ. Так обычно он проводил часы перед тем, как забыться беспокойным сном.

На следующий день ранним утром Дал отправился в Храм. И на этот раз он пошел пешком, чтобы по пути подготовиться к возможным испытаниям. По дороге его остановил священник в коричневой сутане и предложил следовать за собой. Вместе они обогнули оба здания и с узкой улочки вошли в Храм через небольшую дверь. В это же время мимо улочки прошел другой священник. Продолжая свой путь, он тоже вошел в Храм, но уже через главный вход под арками.

Следуя за своим провожатым, Дал спустился по лестнице, которая вела в подземный коридор. В середине коридора открылся проход в стене. Дала ввели в большой зал — это была лаборатория — и оставили одного. Но ненадолго: появился брат Альбан; затылок прикрыт капюшоном. Он улыбался, но улыбка была грустной.

— Да будет мир тебе, рыцарь,— сказал он с поклоном.— Не думал я, что мы встретимся сегодня.

Дал взглянул на него.

— Вчера я был у биофизиков в Университете,— начал он.

— Я знаю. Они смогли тебя убедить лучше, чем я?

— Я остаюсь при своем мнении.

— Осторожность всегда похвальна.

— А ты?— немного резко спросил Дал.— Что нового ты можешь мне показать?

Брат Альбан поднял руку:

— Немного терпения. Но знай — мы ведем собственное расследование о вчерашних событиях.— Он оглянулся на дверь, через которую только что вошел Дал, и понизил голос.— Нам известно, что волк забрался в овчарню. Гибрид, убивший охранника, без сомнения, принадлежит к окружению Великого Жреца. Если ты согласен на эксперимент, то следует начинать прямо сейчас. Я боюсь саботажа, который может отложить его на какое-то время и, кто знает... сделает его невозможным.

Дал ответил, как ему показалось, помимо своей воли:

— Я готов.

— Это хорошо. Следуй за мной.

Они прошли в другой зал. На пороге Дал изумленно остановился. Почти все помещение занимал странный аппарат огромных размеров, напоминающий космический корабль с подвешенной гондолой.

— Некронеф,— сказал брат Альбан.

Сигарообразное тело отсвечивало металлом. Под ним на тросах висело нечто, напоминающее обычную лодку. Больше ничего не было видно.

— Ты издеваешься надо мной?— спросил Дал, став вдруг агрессивным.— Что это за смешная конструкция?

Брат Альбан поманил его рукой.

— Эта смешная конструкция,— заговорил он,— результат целого века ожесточенной работы, которую проводили поколения многочисленных и грамотных экипажей. Главное, чтобы перед путешествующим не было никакой материальной преграды, даже водителя. В верхней части аппарата находятся двигатели.

— Двигатели..! — слабо повторил Дал.

— Здесь речь идет не о путешествии в космосе или во времени,— объяснял брат Альбан.— И тем не менее это путешествие. Когда говорят — путешествие, поездка, подразумевают движение, в каком бы виде оно ни состоялось. Хотя этот корабль, даже когда он перемещается, остается здесь.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Мы уже запускали его туда, но без пилота. Автоматический пилот. Корабль раздваивается. От него отделяется отражение, проходит через стены подземелья и исчезает. А по возвращении оно снова появляется здесь, и два корабля сливаются в одно целое.

Дал молчал. Он ждал продолжения.

— Мы также засылали его с пассажиром на борту. С маленьким гибридом.

Дал снова вспомнил гибридов в лаборатории.

— И что же?

— Между моментами раздвоения и слияния этот гибрид был трупом, ни больше ни меньше. А затем он ожил, хотя мы ничего не делали для его реанимации.

— Он что, тоже раздваивался?

— Мы в этом не совсем уверены, потому что это очень трудно определить; но это вполне вероятно. Следует признать, что нам совершенно неизвестна природа этого раздвоения и... то место, я не знаю, как его назвать,— куда этот корабль отправляется.

Дал разглядывал некронеф. Вся эта затея была чистейшим сумасшествием. Если бы не смерть Каллы, он поставил бы всех некрозофов перед трибуналом за шарлатанство. А уже во время процесса можно было бы разобраться, что же есть серьезного в их учении.

Но в данной ситуации приходилось верить во всю эту мистику. Теперь Дал прекрасно понимал, как ловкий мошенник может без труда одурачить убитого горем человека.

— Ладно, закончим на этом,— сказал он со смехом.— Теперь я должен влезть в эту древнюю рыбацкую лодку?

Брат Альбан воздел руки к небу.

— Не так быстро! Ты должен подготовиться. Я хочу принять все возможные меры предосторожности.

— Ну, что еще?

Некрозоф отвел его в ту часть зала, где находился стол, заваленный бумагами.

— Ты, конечно, снова будешь принимать меня за мистификатора, но все, что я тебе сейчас скажу — правда. Вот карты сновидений.

Дал подошел, нахмурив брови.

Альбан положил руку на карты.

— Эти первые карты составил один из нас. Ведь некронеф может быть использован как сборник снов, как синкоплан, как психобатискаф...

— Что это за жаргон?

— Это не наш. Это язык биофизиков. Мы предпочитаем наши термины, такие, как «гондола сновидений, собиратель обмороков, шар семи агоний».

— Не вижу особой разницы.

— Пусть так. Главное — нам известно, что существует такой район, где царствуют сны. Район, общий для всех людей, для животных тоже, а возможно, что и для растений. Мы его назвали «Земля Объективного Небытия».

— Пустая болтовня! Но в какой степени это касается меня?

— Для начала ты совершишь короткое путешествие в эту незнакомую страну. Видишь, на наших картах есть белые пятна. Если все пойдет хорошо, ты продвинешься еще на один градус в небытие и принесешь нам сведения о сновидениях и обмороках. Но не пересекай Океан Комы. Настоящая цель твоей экспедиции — страна агонии. Она ведет к запретным территориям, к ужасным саваннам смерти.

— А зачем мне нужна вся эта аппаратура, чтобы исследовать сны? Достаточно просто заснуть!

— Ты заблуждаешься. Ты увидишь только *свои* сны. Спящий слеп к сновидениям других — за исключением редких случаев взаимопроникновения снов, что связано с телепатией. На борту этого корабля ты будешь перемещаться посреди тысяч сновидений людей с их личностью, судьбами, с их окружением. Что касается исследования подсознания, то трудно переоценить значимость этого некронефа.

— Я уже сказал, мне не нравятся эти термины. Но неважно. Теперь покажи, как управлять этой машиной.

Они подошли к гондоле, которая плавала, поддерживаемая тросами, в метре от земли. Дал поднял голову.

— Почему эта огромная масса держится в воздухе? Антигравитационное устройство?

— Нет, корабль находится в нестабильном положении между бытием и небытием. Его вес уравновешивается только центробежной силой вращения Земли. Именно в этом месте он может плавать в воздухе. Если его поместить в глубокий овраг, он упадет. На вершине горы сила земного притяжения перестанет действовать. А на этом уровне он подобен телу, погруженному в воду, если это тело имеет ту же плотность, что и вода. Тебе приходилось видеть приборы для изучения явлений в водной среде?

— Да.

— Мы думаем — по чистой аналогии, разумеется, что наш корабль перемещается подобным образом.— Он наклонился вперед через низкие релинги лодки.— Видишь переднюю панель?

— Я ее вижу.

— На ней несколько круглых пластин. На каждой из них изображена ладонь с растопыренными пальцами. Нужно будет прикладывать свою ладонь на каждую пластину по очереди. Не трогай только последнюю, которая справа. Это для окончательного броска.

— А эти два рычага под пластинами?

— Слева — двигатели, справа — горизонтальный и вертикальный рули.

— А как возвращаться?

— Приложишь тыльную сторону ладони другой руки на стартовую пластину. Но ее нужно будет держать в таком положении.

— Хорошо. Не будем терять времени.

— Еще одна деталь. Посмотри на дно гондолы.

— Да, что-то вроде платформы, на которой возят гробы.

— Прекрасное сравнение. Это действительно для тела.

— Тела?

— Для тела навигатора. Во время полета управлять будет твой двойник, а твое тело останется лежать здесь. После первого старта пилот... слегка теряет сознание. После повторного старта он на время превращается в труп. Я хочу тебе сказать, что даже этот предварительный вояж не исключает риска. Твое мужество известно всем. Мужество, отвага и дерзость. Но все, что ты пережил раньше, не идет ни в какое сравнение с тем, что тебя ожидает сейчас. Поэтому нужно твое добровольное согласие, и знай заранее, что ты не получишь никакой выгоды от этой операции. Более того, ты рискуешь жизнью, или, по крайней мере, рискуешь потерять рассудок.

— Довольно болтовни. Я сажусь?

— Иди.

Во время этого разговора в зал вошла группа некрозофов в черных платьях и встала полукругом. Дал перепрыгнул через борт гондолы, которая тотчас опустилась на землю, увлекая за собой огромную сигару.

— Я говорил тебе, что все это практически не имеет веса,— сказал брат Альбан.— Сейчас корабль имеет твой вес.

В замешательстве Дал сел в гондолу, огляделся и положил ладонь левой руки на оттиск первой пластины. Вокруг него все вспыхнуло и исчезло.

* * *

Дал сидел на стуле в кухне. Это было кресло гондолы, и в то же время это был стул в кухне. Кухня в доме его детства в Галанкаре. Он совсем маленький, ест тыквенную кашу. Стол совпадал с передней панелью. «Не класть руку на последнюю пластину справа». К счастью, это было довольно трудно сделать левой рукой. Перед ним окно. Окно открыто, но через него не видно то, что должно быть видно. Не видно долины со стадами мегатериев. Только бескрайняя серая степь, а в небе флотилия гигантских галер с тремя рядами весел. Дал трянул головой, пожал плечами и проглотил ложку тыквенной каши. Он всегда ее любил. Он будет об этом помнить, даже если наступит конец света.

«Я нахожусь в своем собственном сне,— сказал он себе.— Нехорошо так использовать эту прекрасную машину». Он поднял голову. Сквозь потолок угадывался корабль. Он схватил левый рычаг и плавно потянул на себя. И вдруг почувствовал, как его бросило вперед. Стена, открытое окно остались позади, и вот он уже среди трирем, которые разлетаются перед ним, как клочья дыма. Теперь он летел над серой равниной. Розовое солнце исчезло за неправдоподобно близким горизонтом. Внизу он видел монумент в форме наковальни, окруженный толпой маленьких человечков, Маневрируя рулем глубины, он опустился.

На фоне заката зажженные кругом огни боролись с последними лучами солнца. Один из маленьких людей неподвижно стоял в середине террасы, венчавшей монумент. Он увидел некронеф, закрыл лицо руками. Остальные с длинными лестницами бросились на штурм. Вскоре они выплеснулись на террасу и окружили человека. Дал видел, что человек пронзен стрелами, из его ран на землю струилась кровь. В какой-то момент ему захотелось опуститься и спасти несчастного. Но ведь это был только сон. Какие последствия может повлечь за собой эта инициатива? Дал оставил человека на террасе. Он принялся разговаривать сам с собой, сюсюкая, как ребе-

нок, ему снова хотелось каши. «Занятная пластина, та, что справа. Но взрослые запретили ее трогать. Взрослые только и пекутся о том, чтобы помешать игре». Кривляясь и гримасничая, Дал двинул вперед левый рычаг.

Он сразу же совершил скачок на двадцать лет вперед и отдернул руку, словно обжегся. Он снова почувствовал себя рыцарем-навигатором, управляющим этой необыкновенной машиной. Он снова пустил двигатели, и через мгновение был уже на другом краю равнины. Земля была покрыта холмами, как будто гигантский крот рыл здесь свои галереи. Он снизился, полетел над землей и вскоре оказался у какого-то жилища в виде шара, где женщина осыпала проклятиями мужчину с низким лбом. Чей же это сон? Мужчины или женщины? Может быть, он находился во сне кого-то другого, того, кто видел во сне этих двоих... Но кто был этот другой? Теперь он его увидел. Какой-то бородатый тип, который подсматривал через стенки шара. Он показал Далу кулак. Дал почувствовал, что ведет себя нескромно, и двинулся дальше. Теперь он оказался у подножья горы и попал прямо в пожар.

Он находился в пылающем лесу, но огонь его не жег. Какой-то человек катался по земле, пытаясь сбить охватившее его пламя. Дал слышал сдавленные крики; такие крики издают во сне. Человек его заметил и, несмотря на очевидные страдания, схватил охапку сучьев и бросил их в некронеф. На этот раз огонь подпалил борт гондолы, и Дал поспешно приложил руку ко второй пластине на передней панели, надеясь, что следующий район будет более гостеприимным. Когда он опустил руку, в небе показалась огромная стая летучих мышей и исчезла.

Теперь он был на высоком пустынном плато, насквозь продуваемом ледяным ветром. На горизонте вырисовывалась гигантская рука с отрезанным указательным пальцем. Она уходила в темно-серое небо, откуда доносились скрежещущие звуки какой-то мелодии. Вокруг гигантской руки поднимались испарения; Дал знал, что приближаться нельзя, иначе рука накроет хрупкий корабль и разнесет его на тысячу осколков. Но издалека район обмороков казался менее враждебным, чем район снов. Впрочем, Дал решил не задерживаться здесь. Он положил руку на третью пластину.

Теперь он находился в нескольких метрах над поверхностью спокойного океана, вода которого казалась похожей на клей. Время от времени какая-то липкая масса наполовину высовывалась из воды и ныряла обратно. Пока Дал плыл над поверхностью океана, больше ничего не происходило. Он не решался нажать на руль глубины, чтобы проникнуть под воду. Тогда бы он попал в царство комы.

Ничего не предпринимая, он летел дальше. Постепенно он начал чувствовать какое-то липкое безразличие, когда размываются

и исчезают все мысли и заботы. Зачем к чему-то стремиться? К чему все эти напрасные старания, которые привели его сюда, где начинается небытие? Для того, чтобы затеряться здесь навсегда.

Пришлось собрать все силы, чтобы положить тыльную сторону ладони на стартовую пластину.

* * *

— Ты совершил удачное путешествие?— спросил брат Альбан.

Дал оперся рукой о борт гондолы, но тут же отдернул ее — обжегся. Брат Альбан приблизился.

— Что случилось?— спросил он, наклонившись вперед.

— А, ничего,— с трудом ответил Дал.— Какой-то человек бросил в меня охапку горящих веток...

— Проклятье,— сказал некрозоф.— С этими спящими следует быть начеку. В этих случаях нужно действовать.

— Каким образом?

— Кричать. Они проснутся, и все исчезнет.

Дал недоверчиво посмотрел на него, но брат Альбан говорил совершенно серьезно.

— А как в других районах?

— Там тоже не пришлось отдыхать,— признался Дал.— Вообще, я должен сказать, что этот корабль в самом деле действует... так или иначе, если только это все не плод моего воображения.

— Как ты думаешь,— спросил брат Альбан,— твое воображение способно зажечь гондолу?

Дал ничего не ответил и вылез из лодки. Брат Альбан подвел его к столу, на котором лежали карты.

— Видишь, районы, где ты был, обозначены здесь толстыми линиями. А теперь расскажи о твоем путешествии.

Дел повиновался, рассказывая как можно подробнее.

— За исключением старта, который принадлежит тебе,— сказал брат Альбан,— посмотри, что нанесено на первую карту.

Дал посмотрел на карту. В середине широких белых зон, разграниченных белыми линиями, находилось краткое описание того, что он видел собственными глазами.

— Горящий лес, например, все еще там. В шаре уже нет тех двоих, которые ругались, но шар на месте. И так далее. Все это похоже на декорацию, поставленную раз и навсегда, и на фоне этой декорации спящие видят свои сны. Хочу заметить, что ты не достиг района настоящих кошмаров, но был на границе. Некоторые из нас остались в районе эротических снов, они захотели уйти с теми, кого там встретили. В этом районе не любят путешественников.

Некрозофы ушли, их призывала работа.

— Я ведь использовал вторую и третью пластины,— напомнил Дал.— Значит, если верить тебе, я исследовал глубины районов обмороков и комы. В каком состоянии было мое тело?

— Если хочешь знать, ты тоже был в состоянии комы. Но ты очень быстро вышел из комы, как будто вынырнул.

Появился некрозоф.

— Пришел какой-то человек,— испуганно сказал он.— Я не знаю, как он нашел путь к лаборатории.

Брат Альбан поднялся, не скрывая беспокойства.

— Что ему нужно? Он нигде не прятался?

— Нет, он появился внезапно. Он хочет говорить с рыцарем Ортогом. Он утверждает, что он — мезоннье-барон Золтан Шарль Гендерсон де Нанси.

* * *

— Неужели! — воскликнул Дал.— Он вернулся! Пусть войдет!

Брат Альбан сурово посмотрел на некрозофа, принесшего эту новость.

— Что же,— сказал он,— разве ты не знаешь барона или не слышал это имя? Имя собрата по оружию нашего рыцаря?

Молодой священник низко согнулся в поклоне.

— Я... да, конечно... но...

Но Золтан уже входил в зал; это был высокий мужчина, верхнюю губу которого украшала тонкая ниточка усов, хотя усы вышли из обычая уже много веков назад. Глаза горели неукротимым огнем. Он направился прямо к Далу, и мужчины обменялись рукопожатием — тоже устаревший обычай. Он носил необычное имя и сам был необычен. Он имел такие познания о прошлом, каких не имели даже Софарки; люди относились к нему с суеверным ужасом, особенно когда стало известно о его владении телепатией. После этого некоторые стали даже избегать его.

— Приветствую вас, Ортог,— сказал он.— Позволю себе высказать глубокое удовлетворение тем, что вижу вас снова.

Брат Альбан хранил молчание, склонив голову: барон всегда выражался крайне экстравагантно. Часто была непонятна половина из того, что он говорит.

В этот момент Золтан повернулся к нему.

— Добрый день, аббат.

Брат Альбан ответил на приветствие, как полагается.

— Я тоже приветствую вас,— церемонно сказал Дал.— Рад, что вы закончили инспекцию Ордена Гармонии на Марсе и на Венере.

Не могло быть и речи, чтобы говорить с Золтаном на «ты». Во время Голубой Войны вежливая форма практически исчезла для всех, но не для Золтана. Он обращался на «вы» ко всем подряд, и если кто-то не отвечал ему в такой же манере, значит это был представитель низших слоев, к фамильярному языку которых Золтан относился с отвращением. Он очень гордился своей родословной, и, прибавив ко всем своим титулам «барон», ценил этот титул больше предыдущих.

— Трудные места,— ответил Золтан.— Эти люди ведут себя с преступной небрежностью. Я уж было подумал казнить побольше, чтобы ускорить рождаемость...

Дал незаметно улыбнулся, так как знал великодушие Золтана.

— Однако оставим это,— сказал барон.— Я позволил себе провести небольшую психологическую разведку, чтобы узнать, где вы находитесь, мой дорогой Ортог. И попутно узнал много странных вещей.

Дал нахмурился: — Да, безумная попытка.

— Безумная в том случае, если вы отправитесь один,— заметил Золтан.— Сейчас у меня нет срочных дел, ничто не держит меня. Могу я предложить вам свой меч? Смерть — такой соперник мне по плечу!

Дал поднял голову, не в силах скрыть свою радость.

— Пусть ваш меч придет на помощь моему мечу! Благодарю вас, Гендерсон! Но сначала я должен вас предостеречь об опасностях, которые таит в себе эта экспедиция.

— Я знаю. Она окончилась плачевно для тех, кто делал попытку перед вами...

— Что?— спросил Дал, став очень внимательным.— Кто делал попытку передо мной?

— Это уже стало легендой,— ответил Золтан.— История из глубокой древности. Как-нибудь я вам ее расскажу.

— Я позволю себе прервать вас, сеньоры.— Некрозоф подошел поближе.— Господин барон предложил вам свой меч, и, право же, это прекрасная мысль. Мы и сами решили снабдить господина рыцаря оружием, но единственно эффективное оружие для этой миссии — Голубое Оружие. Только в нашем случае его нельзя использовать в том виде, в котором оно существует; этого пока что не позволяет техника... перемещения. Следует изготовить другое, такой же мощности, вот почему я хотел бы слегка охладить пыл рыцаря. Я отдам приказ выковать два новых меча в том же горниле, что дало начало Голубому Оружию — с высочайшего согласия Дала Ортог Дала, разумеется.

— Мы пойдем вместе, брат Альбан,— решил Дал,— иначе ты даже не сможешь приблизиться к Дому Ужаса, где находятся оружейные мастерские.

Здание было построено вдалеке от Лассении — чисто условная мера предосторожности, потому что в случае катастрофы была бы уничтожена территория, по площади равная целому континенту. Но приходилось считаться с общественным мнением.

Крыша над лабораторией была немыслимой высоты, так что здание было видно издалека. На всех четырех углах крыши день и ночь горели красные прожектора, пресекая всякое желание приблизиться. Прожектора были такой необыкновенной мощности, что легче было смотреть на солнце. Но и этого казалось недостаточно. С четырех сторон здания возвышались дозорные башни с гигантскими флешами, на которых постоянно гудели восемь огромных колоколов, отлитых специально для этой цели. Ревущий набат, исходивший из их бронзовых недр, заставлял пригибаться деревья вокруг и обращал в бегство самых ужасных гибридов. И в этой атмосфере Апокалипсиса двигались Дал, Золтан и некрозоф; оглушенные и ослепленные, они шли к воротам, которые постоянно охранялись фалангами навигаторов с сердцами, не знающими жалости. Здесь, казалось, набат был тише.

Дал раздвинул полы плаща, который он накинул на плечи так, чтобы были видны цепь и солнце на его груди. Но стражникам-навигаторам этого было недостаточно, хотя они и знали его в лицо. Пришлось пройти в камеру с бойницей, чтобы подвергнуться психограмме.

— Хорошо, Ортог,— сказал командир фалангистов.— Ты можешь войти, ты и твои друзья.— Затем с улыбкой добавил: — Я вижу здесь знаменитого мезоннье-барона. Как идут дела в Солнечной системе?

Золтан в это время находился в нескольких метрах от них и не мог его слышать, но, тем не менее, ответил:

— Она крутится, рыцарь, она крутится.

Навигатор взглянул на него, но, зная Золтана, не удивился. Это был атлетически сложенный человек с лицом таким же серым, как и его камзол. На лице выделялись зеленые глаза, такие же блестящие, как и у Золтана.

— Спасибо, Гендерсон,— сказал он.— И долгой жизни Софаркам!

— Долгой жизни Софаркам! — повторил брат Альбан, проходя под подозрительным взглядом навигатора.

Офицер взглянул на Ортога.

— Ты привел сюда священника?

— Мне дано на это право,— ответил Дал.— Успокойся. Это друг Софарков.

— Среди них есть друзья Софарков?— сухо переспросил офицер.

— Есть. Правда, их мало.

Навигатор пожал плечами.

— Слушай, Ортог, как ты можешь оставаться на этой проклятой планете? Всего два месяца назад я вернулся из своей последней миссии, и уже снова мечтаю о космосе.

Ортог посмотрел на него и улыбнулся. Он так хорошо понимал его!

— Хочешь стать странствующим наблюдателем? Ты мог бы содействовать развитию гектогенезиса на двух планетах-сестрах.

Лицо офицера изменилось.

— Я в твоем распоряжении.

Дал вынул из кармана камзола психосенсорную карту и прижал к ней палец.

— Возьми,— сказал он.— Завтра после смены караула попроси аудиенции у Софарка Кареллы. Передай мою просьбу. Завтра же вечером ты будешь в космосе.

Навигатор с чувством принял карту и поднял руку в приветствии.

— Благодарю, Ортог!

Он отодвинулся в сторону, чтобы дать им пройти.

* * *

Они не могли приблизиться к горнилу; его можно было видеть лишь издалека. Кузницу окружал гравитационный барьер, и внутри с трудом можно было различить человеческую фигуру.

— Внутри горна температура не очень высокая,— сказал подошедший к ним физик.— От трех до четырех тысяч градусов. Защитный скафандр кузнеца выдерживает от пяти до шести тысяч.

Дал вытянул шею, чтобы посмотреть.

— Он в самом деле кует?

— Конечно. Никакая другая обработка не в состоянии соединить фрагменты керилита с такой удельной радиоактивностью. Их можно только ковать.

— Но это же абсурд! — Дал пожал плечами.— Так, пожалуй, ты будешь утверждать, что для космических полетов можно использовать тачку!

Физик развел руками.

— Тем не менее, это так; мы думаем, что тут все дело во врожденной нерегулярности человеческих движений. Машину тоже можно запрограммировать на постоянное изменение энергии удара, но это не то. Только стихийная мускульная энергия человека может принести нужный результат. Возможно, это основано на кривой вероятности работы сердечной мышцы.

Дал кивнул головой, продолжая наблюдать. Окруженный рас-

каленным металлом, кузнец, скафандр которого венчал цилиндрический шлем, сильными ударами бил по наковальне, которая постоянно охлаждалась струей жидкого воздуха, чтобы не расплавиться. Клещами он держал кусок руды, который сверкал больше, чем все остальное, и постепенно менял свою форму под ударами молота.

— Очень хорошо,— сказал наконец Дал.— Нам нужно два меча.

— Из керилита?— обеспокоенно спросил физик.

— Да. Мы отправляемся в путешествие и не можем взять с собой Голубое Оружие в форме обычного карабина.

Физик задумался.

— Возникнут проблемы с ножнами.

— Почему?

— Потому что если вы будете носить меч без ножен, то будете разрушать временное пространство вокруг себя и постепенно сами будете уничтожены. Кроме того, необходимо, чтобы эти ножны обладали теми же свойствами, что и традиционный карабин.

К ним подошел Золтан.

— А не могли бы вы изготовить гравитационные ножны, как вот этот барьер, который окружает кузницу?

— Да, разумеется, но это на ваш страх и риск. Эксперименты еще не проводились.

— Ортог возьмет на себя риск,— заметил Золтан,— а я — страх.

Мечи были изготовлены.

* * *

И вот они снова в зале около некронефа. Уже наступил вечер, но в этом погребенном под землей зале ночь и день слились воедино. Заканчивались последние приготовления. Стоя около гондолы, Дал и Золтан застегивали ремни черной перевязи. Гравитационные ножны с виду были похожи на обыкновенные, но их контуры были размыты, а вес постоянно менялся. В ножнах покоилась ни с чем не сравнимая мощь мечей из керилита. Барон и рыцарь уже испытали свои мечи в долине: Дал с одного удара срезал секвойю, а Золтан снес вершину скалы в десять метров диаметром. Но мечи предназначались не для битвы врукопашную. Направить меч на дальнего противника означало уничтожить этого противника за долю секунды. Описав полукруг, можно было уничтожить целую армию.

Но навигаторы шли на встречу со смертью, поэтому их вооружили еще и энергетическими щитами. Это был уже не просто экран,

создаваемый генераторами, подвешенными у пояса. Это были прямоугольные щиты со сводом внизу; их заряд был рассчитан на определенный отрезок времени. Дал и Золтан перекинули ремни щитов через левое плечо, перекрестив при этом перевязь мечей. Их головы защищали круглые шлемы репульсивного действия. В белом свете подземелья сверкали их кольчуги и шлемы, вспыхивали цветами гербы на щитах.

Брат Альбан поднял руки и закинул ладони за голову:

— Именем Всеобщего Разума Биосферы я благословляю вашу экспедицию.. Возвращайтесь скорее и с победой!

Дал и Золтан склонились перед ним. Затем Золтан повернулся к Далу и сказал:

— Знаете ли вы, что привело меня сюда?

Дал покачал головой.

— Это был сон, Ортог. Сон, который я видел прошлой ночью. В этом сне я был торжественно отправлен в экспедицию, чтобы обнаружить вещи, которые выходят за рамки обычного. И я отправился в страну, усыпанную зеркалами, так что я мог видеть себя со спины. Утром я вступил с вами в телепатическую связь и таким образом узнал о ваших намерениях. Мне показалось, что мой путь предопределен.— Он повернулся к некрозофу.— А что об этом скажете вы, аббат?

Брат Альбан поднял брови.

— Вас ведет путь мудрости, сеньор. Всеобщий Разум — божественный вестник в вашем сне.

— Спасибо, аббат. Вы идете, Ортог?

Они сели в черную гондолу и, один за другим, приложили руки к четвертой пластине.

* * *

Большой корабль, тросы, гондола — все начало медленно раздваиваться. Легкое, как пар, изображение отделилось, двинулось к стене и медленно исчезло. В какой-то момент можно было различить контуры людей у пульта управления, потом все пропало.

С помощью двух священников брат Альбан перенес неподвижные тела Дала и Золтана в лодку, положил на платформу, подложив под них широкие щиты; снял мечи и положил их на грудь воинам, скрестив руки на рукоятях. После этого брат Альбан отступил назад, простер руки над неподвижно лежащими рыцарями и произнес ритуальную формулу. Тела были неподвижны, грудь не вздымалась, сердца не бились. Теперь это были трупы.

В зал вошел биолог; под белой накидкой он носил черное платье некрозофов.

— А! Они уже отправились! — сказал он, оглядывая гондолу.— А ты подумал о провизии?

Брат Альбан молча показал на амфору и глиняный кувшин, стоящие в задней части лодки.

— Отлично. А теперь следуй за мной в малую лабораторию. У меня появилась интересная кривая. В любом случае они вернутся не раньше, чем через две или три минуты...

Брат Альбан кивнул и пошел вслед за биологом. Оба священника последовали за ними. В зале остался только корабль с двумя неподвижными телами путешественников в небытие.

Внезапно из другой двери со всевозможными предосторожностями появился священник в коричневой сутане; тот самый, который этим утром проходил по улочке мимо Храма. В руках он держал излучатель, наполовину скрытый складками платья. В одно мгновение он оказался около гондолы и стал рассматривать неподвижные тела. Губы его чуть слышно шептали:

— Вот они, герои, идолы навигаторов и спасение Софарков! Вот люди, которые пошли против Храма и которые презирают мезоньеров. Сейчас вы — ничтожества, вы слабее насекомых. И надо же вам было слушать этого безумца Альбана и его бредовых друзей из этой проклятой лаборатории. Посмотрим, сможет ли кощунственная наука Альбана воскресить эти трупы, которые умрут дважды и чей организм будет разрушен излучателем. Я слышал, речь шла о двух или трех минутах. Им ведь там понадобится мозг с живыми клетками. А уж я сделаю так, чтобы эти тела стали непригодными.

Он поднял голову, посмотрел на огромную сигару некронефа, и его губы тронула ледяная улыбка.

— Сколько усилий, чтобы убить двух людей! Какое обрамление!

И он направил излучатель на тело Золтана.

3

Корабль медленно продвигался к району Семи Агоний, за которым начиналась страна смерти. Дал расположился у пульта управления, стоящий рядом Золтан обозревал окрестности. Правую руку он положил на рукоять меча, а левой прикрывал глаза, потому что через плотные облака то и дело пробивались яркие лучи невидимого солнца. Над ними лилась печальная музыка, прерываемая мрачным пением. Возможно, это было последнее эхо жизни, которую они только что покинули. Возможно, это были голоса тех ледяных миров, к которым они направлялись. Стоя во весь рост, неподвижные и молчаливые, с гордо поднятой головой и сверкающим взором, похожие на Зигфрида и Парсифаля у границы Вальхаллы,

рыцарь де Галанкар и барон де Нанси плыли навстречу неведомой опасности.

Теперь под грозовым небом на фоне пения труб и дикого хора тысяч измученных голосов стал нарастать чудовищный ритм барабана, огромного, как Земля. Облака разорвались, и навигаторы увидели горную вершину, которая нависала над страной Первой Агонии.

Корабль начал терять высоту. Напрасно Дал пытался привести в действие рули, как во время своего первого путешествия — корабль не повиновался. Он быстро приближался к воющей толпе, которая покрывала землю, как море. Музыка, пение — все исчезло. Был слышен только неумолимый ритм космического барабана, резонирующий в корпусе корабля.

Золтан обнажил меч и прикрыл щитом грудь. Дал бросил ставший бесполезным пульт управления и сделал то же самое. Они встали спина к спине, образовав живую крепость, прикрытую щитами, из-за которых сверкало грозное Голубое Оружие. В этот момент гондола коснулась земли, и ее тут же захлестнула огромная волна людей. Целые армии искромсанных людей с пустыми глазницами, потрясая кровоточащими культями, кинулись на навигаторов, пытаясь отнять оружие, растерзать, разорвать их на части. Первая атака закончилась страшным опустошением в их рядах: мечи проделали огромные бреши; сотни атакующих были разрублены пополам за один взмах. Золтан ударил с плеча, и образовалась гигантская дыра; никто больше не шевелился. Дал оставил на мгновение свой меч и вернулся к рулям. Корабль, освобожденный от толпы атакующих, внезапно послушался и в одно мгновение взмыл к затянутому облаками небу под дикий вой толпы, от которой ускользнула добыча.

Дал и Золтан заняли свои места.

— Это была мелкая сошка. Что вы об этом скажете, Ортог?

— Сейчас мы сражались с агонией всех раненых на свете, Гендерсон. И сами едва не стали их добычей. А настоящие атаки нам еще предстоят.

Дал включил двигатели. Прямо перед кораблем огромное черное облако закрывало солнце, лучи которого образовали кроваво-красный ореол. Дал направил корабль прямо в это облако и увеличил скорость. Металлическая сигара разметала туман и засияла под лучами солнца. Подобно молнии они неслись прямо к склону горы. От резкого торможения навигаторы повалились вперед на пульт управления. Когда они поднялись, гондола уже стояла на земле. К ней тут же начали карабкаться тысячи людей, носящие следы ужасных ожогов, оставляя за собой клочья обгоревшей кожи. Уже тянулись скрюченные, похожие на когти, пальцы. Еще мгновение, и они будут здесь.

Но Дал и Золтан уже заняли боевую позицию.

— Дела идут все хуже,— сказал Дал.— Я даже чувствую какие-то ожоги...

— Это действительно так. Сейчас мы находимся среди обитателей района Второй Агонии. Нужно держать их на расстоянии.

Снова в воздух взлетели мечи, разя бесконечную массу. Дал чувствовал, что температура резко поднимается.

— Отступаем,— сказал он, переводя дыхание.— Если мы сами и не сгорим, то аппарат рискует выйти из строя.

— Вы совершенно правы,— сказал Золтан, не прекращая действовать своим страшным мечом.— Мне вовсе не хотелось бы попасть в аварию посреди этой страны.

Дал отбросил свой щит за спину и повернулся к рычагам управления. Корабль оторвался от обожженных людей, испускающих дикие крики. Через несколько мгновений температура стала нормальной.

— Уф! — Дал вытер вспотевший лоб.

— Пока все идет нормально,— весело отозвался Золтан.— Интересно, как нас встретит симпатичная публика в районе Третьей Агонии.

— Смотрите,— только и успел сказать Дал.

Корабль плыл над поверхностью темного озера; берегов не было видно. Из воды то и дело появлялись бледные, распухшие лица. Мириады утопленников исчезали и появлялись вновь, поднимались по пояс из воды, протягивая в полной тишине сведенные судорогой удушья руки. Многим удавалось ухватиться за борт гондолы, и они тянули некронеф к черной поверхности озера. Дал и Золтан начали было обрубать эти руки мощными ударами мечей, но мечи рубили также и воду; огромные волны, поднимаясь, захлестывали гондолу. Пришлось вычерпывать воду кувшином и амфорой; так они потеряли продукты и питьевую воду.

Когда они уже совсем выбились из сил, Далу, наконец, удалось набрать высоту.

— Поспешим к обитателям района Четвертой Агонии,— сказал рыцарь.— Мне не терпится встретиться со смертью.

— Будьте осторожны,— отозвался Золтан.— Мы с ней уже встретились. Ее лицо пока еще скрыто для нас, но она нас уже атакует.

— Я хочу встретиться с ней лицом к лицу!

— Вы полагаете, что смерть — это какое-то реальное существо, противник, который отзовется на ваш вызов?

— Мы должны ее уничтожить!

— Прекрасно, прекрасно! Если мы ее уничтожим, то перевыполним свою задачу. Впрочем, гораздо труднее уничтожить нечто абстрактное, чем реального врага. Нет, Ортог, мы войдем в смерть живыми. Как сказал один очень древний поэт:

«Te fauldra-t-il ses maulx att endre,
Oui, ou tout vif aller ès cieux?..»[1]

Ну, что ж! Скоро мы и так узнаем, что скрывается под маской смерти. А в ожидании этой встречи — вот те, кого вы только что призывали от всей души...

Нужно было срочно занимать боевую позицию — спина к спине, щиты вперед — так как корабль опустился на берегу озера. От опушки близкого леса к ним уже бежали мужчины и женщины с львиными мордами; с криками они окружали корабль. Где-то в облаках отбивал свой ритм гигантский барабан. И опять пришлось разносить на куски тела этих несчастных, и опять оба навигатора с ног до головы были забрызганы черной кровью.

— Прокаженные! — с отвращением выдохнул Дал.

— Ба! — отозвался Золтан.— Они больны не более, чем я.— И продолжал с ожесточением косить их мечом.

Дал резко рванул корабль с места, так что их обоих отбросило назад. Задевая верхушки ядовитых деревьев, они летели прочь от омерзительного озера. Густые гибкие растения, мертвенно-бледные крапчатые лианы свисали с ветвей деревьев с влажной черной листвой; ветви раскачивались, хотя не было ни малейшего ветерка.

Вдруг лианы взвились над кораблем и, захватив его, потянули вниз, к лужайке, покрытой красноватой грязью. Пока навигаторы обрубали мечами клубки растений, под ними из-за деревьев появилась огромная масса людей с искаженными от боли лицами, согнутых пополам, с прижатыми к животу руками. Дал и Золтан внезапно почувствовали режущую боль в желудке и в груди; у них закружилась голова, подступила тошнота.

— Пятая Агония — это отравленные! — с трудом проговорил Золтан.

Они еще пытались работать мечами, но вскоре поняли, что все их усилия напрасны. Бороться нужно было не с нападающими, а с той ужасной болью, которую испытывали эти несчастные и которую уже начали чувствовать они сами. И все же следовало продолжать борьбу, чтобы не утонуть в этом человеческом море...

Дал отсек последнюю лиану, одновременно разрубив пополам сотню людей, хотя в этот момент был уже близок к обмороку. Он видел, что бледный, как полотно, Золтан уже не мог больше держать рукоять своего меча... Но освобожденный корабль уже несся сквозь грозовые тучи, и страна Пятой Агонии осталась лишь в воспоминаниях.

— Наши щиты бессильны против такой атаки,— прошептал Дал, закрыв глаза.

---

[1] Ждать ли тебе новых несчастий,
Или живым вознестись к небесам? *(фр.)*.

— Это они и есть. О них упоминали авторы глубокой древности. Каждый раз, когда одна летучая мышь взлетает, к кому-нибудь приходит сон. Интересно, какая из них взлетела, когда я увидел тот самый сон, в котором решил сопровождать вас... Смотрите, смотрите!

Вдалеке за кормой корабля разом поднялась в воздух стая летучих мышей и исчезла в темноте.

— Наверное, этот древний автор совершал такое же путешествие, как и мы...— заметил Дал.

— Нет. Ведь поэты очень близки к природе. Часто они домысливают вещи, которые сами никогда не видели.

Дал и Золтан прекрасно понимали, что весь этот разговор был нужен только для того, чтобы хоть как-то развеять гнетущее чувство, которое вновь появилось, когда они снова оказались в темноте.

— Если так будет продолжаться до конца экспедиции,— заметил Золтан,— то немного сможем мы узнать...

Дал ничего не ответил; такой исход был бы для него крушением всех надежд. Ведь он ринулся в эту леденящую душу авантюру вовсе не из жажды открытий, а в надежде войти в контакт с Каллой, с той, которую он любил и которая умерла, не дождавшись его...

— Мы, наверное, уже перескочили через целый этап,— продолжал Золтан.— Перед тем, как попасть в страну Агонии, мы должны были пересечь страну Кошмаров.

— Да нет, кошмары начинаются на этой стороне. Этот район должен быть между Сновидениями и Обмороками. Я следил по всему пути.

— Тогда, может быть, двери страны Смерти закрыты для нас, ведь корабль получил повреждения во время битвы...

Прямо перед ними из темноты стала выступать гигантская стена; они не могли различить ни основания, ни вершины. Огромная стена, циклопический запрет двигаться дальше, бесконечный барьер, разделяющий пополам Бесконечность.

* * *

Дал, как только мог, начал тормозить аппарат, но скорость была настолько велика, что через мгновение они должны были разбиться об эту стену, немыслимую стену; оба инстинктивно загородились щитами. Эти щиты сами были способны создавать энергетический барьер, перед которым распадалась материя. Пока корабль подобно снаряду несся к стене, Золтан набрался мужества спросить.

— Что бывает, когда непреодолимая сила встречает несокрушимое препятствие?

— Задача поставлена неправильно,— ответил Ортог.— Противоречие в ...

Он замолчал, потому что внезапно увидел проход в стене и направил туда корабль с точностью опытного астронавта.

Они прошли.

* * *

Некронеф постепенно замедлял движение. Теперь он легко скользил в сером тумане над неровной почвой. Гондола, которая слегка покачивалась на тросах, действительно очень напоминала примитивную лодку, и Золтан снова не преминул сделать экскурс в историю:

— По древней мифологии некий Харон...

— О! — Дал выбросил вперед руку, указывая на что-то пальцем.

Золтан увидел внизу какие-то силуэты. Их было трое, и они остановились, глядя на пролетающий мимо корабль. Три человеческие фигуры, одетые в доспехи, слегка размытые и блестящие одновременно. Контуры были не очень четкие, но в целом навигаторы видели их достаточно хорошо. Но — непонятное явление — они видели их одновременно и в фас, и в профиль.

— Вы видите то же, что и я?— глухо спросил Дал.

— Да,— ответил Золтан,— если вы их видите одновременно с лица и со спины... А! Нет, в фас и в профиль.

— Да нет же,— возразил Дал, у которого опять изменился угол зрения.— Я их четко вижу в фас и со спины одновременно... то есть...

Все постоянно менялось. Сейчас навигаторы видели этих людей одновременно со всех сторон, что было довольно неприятно и вызывало чувство тревоги. Но вот корабль уже проплыл мимо них, и загадочные существа растворились в тумане, таком густом, какой бывает в осенние вечера на Земле, в мире, где царствует Жизнь.

Навигаторы продолжали свой путь в этом тумане; иногда туман раздергивался, и можно было видеть скалистую землю и зеленоватое небо без солнца. Впрочем, свечение с левой стороны наводило на мысль, что скоро наступит рассвет. Рассвет в стране мертвых. Рассвет, который мог принести опасность.

Вдали появились другие фигуры людей, затем они исчезли, хотя тоже на мгновение остановились, рассматривая корабль.

— Вне всякого сомнения, они все в доспехах,— сказал Дал.— Неужели... неужели это мертвецы, и каким образом мертвые могут воевать?

— Может быть, скоро они нам это покажут...

В глубине души Дал думал только об одном: если в этом мире

каким-то образом существует человеческий род усопших, то Калла должна быть среди них. Если она здесь, Дал не отступит, пока не отыщет ее. Это займет много времени и потребует много мужества.

— Но мы ведь будем искать ее вдвоем,— сказал Золтан и тут же добавил: — О, прошу прощения, я вас не предупредил, что установил контакт...

Небо стало изумрудным, затем окрасилось в яркий желтый цвет. Белое солнце поднялось над горизонтом, разгоняя туман.

— Все это очень похоже на планету со своим собственным солнцем,— заметил Золтан.— Видимо, здесь все подчиняется тем же космическим законам, которые действуют и у нас.

— А вдруг это только одна видимость? Хотя эта стена, через которую мы вошли... тоже видимость?

Дал не ответил. Навигаторы догнали колонны людей в латах, которые останавливались, провожая взглядом их корабль. Враждебных жестов не было, только лишь ожидание. Их видели, но появление незнакомцев воспринималось как факт, не более того.

Когда колонны исчезли вдали, Дал снизился.

— Нужно было войти с ними в контакт,— сказал он.— Но как?

— Продвинемся еще немного вперед,— предложил Золтан.— Видите, что там впереди?

Вдали в лучах солнца дрожал расплывчатый силуэт какого-то

здания. Дал приблизился. Перед ними медленно вырастало гигантских размеров строение с тяжелыми формами. Оно было похоже на огромный куб, грани которого были не совсем перпендикулярны. Корабль еще более приблизился, нагоняя другие колонны воинов, которые направлялись к большому круглому входу, проделанному в стене здания. Этот вход был настолько большим, что корабль казался мышкой в гроте.

— Войдем туда вместе с колоннами,— решил Дал.— Они не должны преградить нам путь, если уж не сделали этого раньше.

— Прекрасно. Возможно, это их столица. Будем осторожны.

Корабль проплыл в отверстие; люди все еще останавливались, чтобы взглянуть на него, но тут же продолжали свое движение. Перед навигаторами простирался длинный коридор, который становился все более узким по мере того, как они продвигались, но ни Дал, ни Золтан довольно долго не обращали на это внимания. Теперь сигара корабля уже задевала за потолок коридора, а гондола чуть не касалась воинов в сверкающих доспехах. А те поднимали головы, чтобы взглянуть на них, и продолжали свой марш.

— В этом безразличии есть что-то пугающее,— заметил Золтан.— Хотя мы, должно быть, для них такие же странные существа, как и они для нас.

— Да, конечно. Однако попробуем продвинуться еще немного. К кому бы обратиться? Не видно ни одного командира.

Дал остановил корабль, который замер в узком коридоре.

— Эй! — крикнул он.

Никакого результата.

— Они глухие.

— Знаете что,— сказал Золтан,— если уж они на нас не реагировали, когда смотрели, то мало вероятности, что обратят внимание, когда услышат.

— Ладно,— бросил Дал,— попробуем проникнуть в самое сердце этой крепости, которая проглатывает солдат, как муравьед муравьев...

Но коридор стал уже слишком узким. Дневной свет сменился багровыми сумерками. В этом кровавом освещении Дал и Золтан дали задний ход, чтобы вернуться.

К их большому удивлению, позади корабля коридор стал таким же узким, как и перед ним, и постоянно сужался. От круглого входа не осталось и следа.

* * *

Дал Ортог не испытывал страха, только злость.

— А, ловушка! Мы попали в западню! Но я — слишком круп-

ная рыба для такого садка! Раз уж мы не можем двигаться ни вперед, ни назад, пойдем вперед!

Он медленно двинул корабль.

— В конце концов мы всего лишь неосязаемые двойники этого корабля. Мы должны пройти через все препятствия.

Золтан молчал, но его лицо исказилось, когда раздался ужасный скрежет и посыпались зеленоватые искры. Корпус корабля царапал потолок, а под гондолой пригибались солдаты в латах. Дал вынужден был остановиться, и его гнев еще более усилился.

— Оставим эту посудину! — крикнул он и, схватив свой щит, выпрыгнул через борт.

Золтан молча последовал за ним. Нужно было спешить: Дал уже затерялся в середине колонны.

Здесь они, наконец, смогли лучше рассмотреть окружающих. Они были похожи на людей, только лица закрывали шлемы без прорезей для глаз. Об истинной их внешности, скрытой блестящим металлом, можно было лишь догадываться.

Колонны продвигались плотной массой; скоро стало невозможно двигаться вместе с ней. Дал и Золтан остановились у покатой стены, все еще ошеломленные тем, что с ними произошло. Впереди коридор был похож на морскую раковину, освещенную пожаром. Сзади — та же картина.

— Наверное, это иллюзия,— промолвил наконец Дал, начав понемногу приходить в себя.

— Но, дорогой мой,— заметил Золтан, похлопывая по рукоятке своего меча,— положение корабля говорит об обратном...

— Но я ведь не пробовал дать задний ход,— напомнил Дал.

— Я бы и не советовал вам это делать. Результат был бы, скорее всего, тот же.

— Но что же произошло?

— Мне неизвестен принцип действия данной ловушки, которая не производит особого впечатления на этих людей, но она, несомненно, очень эффективна. Наверное, что-то вроде геометрического полупроводника.

— В таком случае, следует найти того, кто сможет изменить направление проводимости. А теперь, поскольку отступать некуда, идем вперед.

Они снова оглянулись назад, пытаясь найти просвет в рядах.

— Видите, откуда они идут? — спросил Дал.

— Да. Такое впечатление, что они выходят прямо из стены — очень уж быстро прибывают.

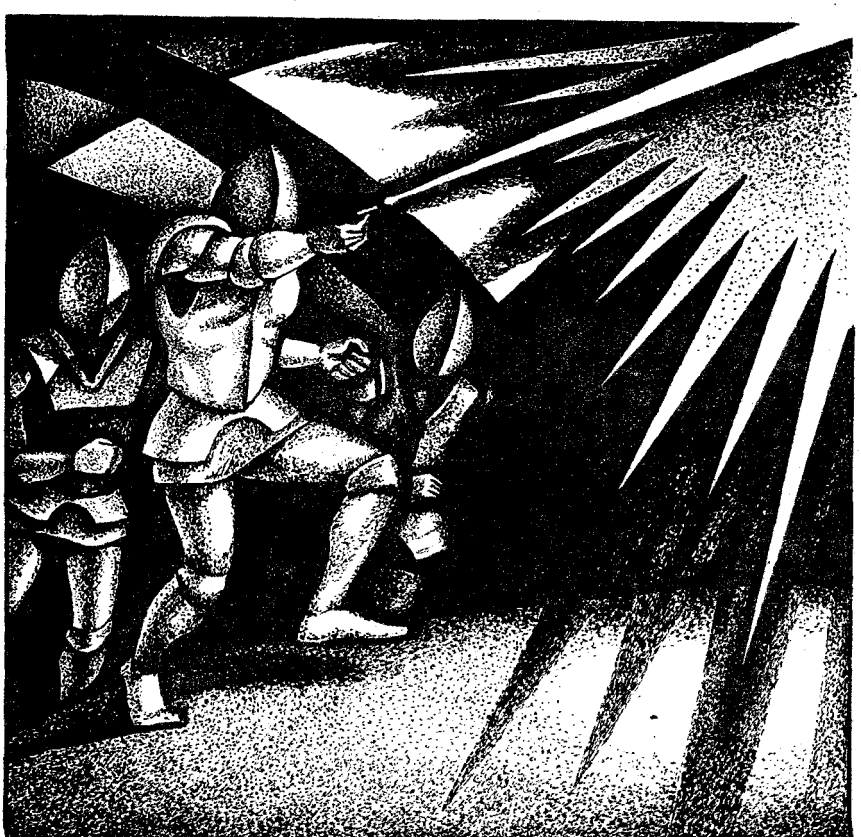
— А впереди нас?

— То же самое. Они исчезают через другую стену. Наша ловушка похожа на общую часть двух взаимно пересекающихся конусов.

— Возможно, это ловушка только для корабля. Скоро увидим.

Между двумя колоннами показалось свободное пространство. Они тотчас же втиснулись туда. По тому, как они шли, зажатые спереди и сзади воинственными людьми, можно было подумать, что они идут или под стражей, или с почетным эскортом. Но это было ни то ни другое. На них обращали внимания не больше, чем, скажем, на пролетающий геликс где-нибудь в Лассении.

Когда они достигли конца коридора, то им показалось, что дальше можно идти только согнувшись, но они продолжали идти так же, как и все другие воины в колоннах, и без всяких затруднений проникли сквозь стену. Здесь их взору открылся неожиданный спектакль: они оказались в гигантском круглом туннеле, где латники развертывали свои ряды, не имея возможности двигаться дальше: путь им преградили бесчисленные воины в черных доспехах;



на их латах играли блики кроваво-красного света, то вспыхивая, то исчезая. В том месте, где сошлись передние ряды, лежали распростертые тела, мелькали беззвучные вспышки.

— Они сражаются! — воскликнул Дал.— Мы тоже не будем стоять в стороне!

— Конечно, конечно... Но с кем именно вы собираетесь сражаться?— спросил Золтан.

— Ни с кем. Мы постараемся их разъединить. Это самая лучшая возможность вступить в контакт и с теми, и с другими.

— Попробуем,— скептически отозвался Золтан.

Не без труда они прокладывали себе путь через ряды воинов. Те, с которыми они прошли, либо топтались на месте, либо продвигались очень медленно; их боевые порядки уже редели от потерь. Навигаторам удалось наконец пробиться в более или менее свободное место, где царил настоящий хаос; это был перекресток, куда выходили смежные туннели, и именно здесь сильнее всего бушевала битва.

Нелегко было вклиниться между противниками, потому что бой уже принял индивидуальный характер. Дал и Золтан снова попытались привлечь к себе внимание, но опять безуспешно. Все, чего они достигли,— несколько раз попали под вспышки, которыми обменивались бойцы.

— Нужно избрать другую тактику,— предложил Дал, уходя в сторону.

Они укрылись за выступом стены у выхода одного из туннелей. Прямо перед ними разгорелась дуэль двух противников, шлемы которых были украшены непонятными символами. Они обменивались вспышками из каких-то стержней, которые каждый держал в руке. При каждой вспышке стержень уменьшался в длине, как будто он состоял из чистой энергии, и эта энергия освобождалась частями. Вспышки били противника, окружая его ореолом света, но защита доспехов, видимо, была очень эффективной. Каждый из них пытался попасть в места сочленения лат, но пока что никто не имел успеха. Их силы казались равными: оба одинаково ловкие, они прекрасно двигались, увертываясь от огня противника.

Очень скоро у бойца в белых одеждах-доспехах между пальцами остался лишь безобидный кусок стержня. Осыпаемый дождем вспышек и постоянно маневрируя, он выдернул из-за пояса новое оружие. При этом его движении что-то выпало на землю. Это был треугольный предмет, который излучал слабое свечение. Дал прыгнул вперед, схватил его и снова вернулся в укрытие, где Золтан уже вынимал из ножен меч.

Белый и черный шлемы одновременно повернулись к ним. Противники прекратили бой и вместе подошли к незнакомцам.

— А! — закричал Дал.— Теперь мы для вас существуем! По-

пробуйте, возьмите *это!* — Он взмахнул незнакомым предметом, который весил довольно много и слегка нагревал руку.

Почувствовав вызов, оба недавних противника единым движением вскинули оружие в направлении навигаторов. Золтан и Дал подняли свои большие щиты. В них полетели вспышки, и вдруг раздался оглушительный взрыв. Нападающих подбросило в воздух и отшвырнуло метров на десять, а Дала с силой прижало к стене. Его щит раскалился, а Золтан на мгновение даже выронил свой.

Черный шлем слетел от удара, и воин-гуманоид, покачиваясь, поднялся на ноги. Странное это было видение — его лицо — которое можно было видеть со всех сторон одновременно. Это было совершенно человеческое лицо, черты которого, правда, были трудно различимы, так как оно представало сразу в нескольких измерениях. Другой воин откатился в сторону и, пользуясь бессилием противника, снова направил на него свое оружие. Латы разъехались, и гуманоид упал с черным пятном на лбу.

— О,— возмущенно воскликнул Дал,— какая низость!

Он выскочил из своего укрытия; победитель все еще поднимался на ноги. Пока он пытался поднять оружие, Дал уже был около него и опустил свой меч на белую блестящую кирасу. Раздался новый взрыв. Противника больше не было, а на его месте осталась лишь вертикальная светящаяся линия; свет ее постепенно ослабевал и наконец исчез совсем.

Оцепенев от неожиданности, Дал смотрел на то место, где исчезла светящаяся линия. Бой вокруг прекратился. В три прыжка Золтан оказался около Дала:

— Ваш щит, ради всех смертей! Ваш щит!

Дал машинально поднял щит, и оба тотчас вернулись в свое укрытие.

— Ну вот! — выдохнул Дал.— Теперь, по крайней мере, мы знаем эффект действия Голубого Оружия в этом мире! И как себя ведет энергетическое поле наших щитов...

— Кроме того, мне кажется, что вы захватили неплохой трофей,— добавил Золтан.— Посмотрите-ка на них.

Обе враждующие стороны прекратили борьбу. Многие стали приближаться к убежищу навигаторов.

Дал блуждающим взглядом посмотрел на Золтана.

— Где мы?— тихо произнес он.— Что мы здесь делаем?

Лоб Золтана прорезали складки, на мгновение он закрыл глаза, потом тоже спросил:

— Кто все эти люди?

Солдаты подходили все ближе.

— Нужно готовиться к обороне,— снова сказал Дал.— У них враждебный вид.

Навигаторы подняли свои щиты. Их рассудок, казалось, повре-

дился. Один из гуманоидов в черных доспехах поднял свое оружие и выстрелил. Взрывом Дала и Золтана прижало к стене, а стрелявший воин отлетел на своих товарищей, уронив при этом человек десять на землю. Но этот взрыв вдруг развеял завесу в памяти путешественников.

— О, я все вспомнил! — с облегчением воскликнул Дал, видя, что с Золтаном произошло то же самое.— Может быть, их оружие поражает память?— пробормотал он.

Золтан покачал головой.

— В этом случае мы не обрели бы память так быстро. Нет, это что-то другое.

Странные воины окружили их полукругом, но больше не нападали. Пока не нападали. Затем приблизились двое в белых латах и подняли оружие. Дал, помня эффект, производимый Голубым Оружием, выступил на шаг вперед и взмахнул мечом. Двое смельчаков были отброшены прямо в ряды своих противников; вновь засверкали выстрелы. Одному из нападающих удалось спастись бегством, другой упал. Тотчас же в рядах воинов в белом произошло движение, их противники тоже насторожились. Но бой не возобновился. Все повернулись к навигаторам.

— Да,— сказал Дал.— Кажется, я поднял что-то очень важное и для тех, и для других.

Он обратился к ним с речью:

— Я не знаю, как вступить с вами в контакт, а теперь вы не знаете, что делать дальше. Давайте, подходите ближе, и заключим мир! Но если вы хотите войны, что же, хорошо! Вы ее получите! У нас есть чем драться! Я — Дал Ортог Дал Галанкар, я пересек межзвездное пространство! А это — Золтан Шарль Гендерсон де Нанси, он тоже побывал в космосе, и, кроме того, он умеет улавливать мысли на расстоянии, не прибегая к словам! Ну, вы, трусы, двуличные собаки, давайте же, атакуйте, и никто не уйдет от моего меча! Или пусть самые мудрые из вас согласятся на переговоры, и я отдам этот предмет тому, кто больше того заслуживает.

Так говорил Дал Ортог в горячем порыве юности, но тут к нему наклонился Золтан.

— У них, конечно, есть уши, но звук наших слов, я думаю, до них не доходит. Надо попробовать установить с ними телепатический контакт.

Он выпрямился и уставился пронзительным взглядом на ближайшего воина, одновременно подключившись к сознанию Дала. В случае, если произойдет контакт, он сможет служить передатчиком, и они вместе будут вести мысленную связь.

Прошло довольно много времени. И вдруг *это* произошло, как разрыв снаряда, отчего оба даже покачнулись. Гуманоид говорил с ними.

— Кто вы и откуда вы пришли, плоские существа?

— Плоские существа?— возмущенно воскликнул Дал.

— Тихо! — сказал Золтан.— Пусть говорит...

— Сначала мы подумали, что ваше появление — какой-то новый рекламный трюк, переданный неизвестным нам способом. Но сейчас мы видим, что вы живые, вы убили одного из нас, и вы украли у нас Ключ.

Золтан передал вопрос:

— Как мы можем вас убивать, если вы и так мертвые?

Пошли помехи, затем спутанные, неясные мысли, потом:

— Что дает вам основание думать такую чушь?

— Мы пришли из мира Жизни. Кем вы еще можете быть, кроме как мертвыми?

— Мир Жизни — это здесь. Царство объема. Вы же — плоские существа, полуживые объекты. Отдайте нам Ключ.

Золтан окинул задумчивым взглядом белую кирасу и прервал контакт. Затем установил связь с человеком в черных доспехах.

— С кем вы, плоские существа?— спросил тот.

— Посмотрим,— уклончиво ответил Золтан.— Мы владеем Ключом. Вы хотели бы его иметь?

Солдат сделал шаг вперед; Дал поднял свой меч. Солдат отступил.

— Да,— сказал он.— Да, конечно.

— Кому принадлежит Ключ?

— Нам!

Золтан вернулся к первому.

— Кому принадлежит Ключ?

— Нам!

— Кто-то из них лжет,— сделал заключение Золтан.— Мы оставим Ключ у себя.

Дал в отчаянии повернулся к Золтану:

— Мы ошиблись. Мы вовсе не в царстве Смерти.

Черные и белые о чем-то совещались между собой, но ничего не было слышно.

— Подождите,— ответил Золтан.— Почему вы думаете, что мертвые должны сохранить воспоминания о своей предыдущей жизни, о нашей жизни? Ведь если эти воспоминания у них отсутствуют, если они обрели здесь новую форму существования, то как они могут мыслить иначе? Самый великий лжец — это мертвец, который утверждает, что он мертв. Истинный, откровенный мертвец или молчит, иди говорит, то он жив. Все в мире возвращается на круги своя, и только мертвые не возвращаются никогда. Искать их нужно там, где они живут, чем мы сейчас и занимаемся.

Один белый и один черный воины приблизились; оба были без оружия. Сначала Золтан поймал мысли белого.

— Мы посланцы,— сказал он, затем показал на своего спутника,— а это падшие, отверженные.

Золтан взглянул на Дала.

— Это похоже на все древние религии,— быстро сказал он.— Мы были свидетелями борьбы ангелов и демонов. Видимо, в давние времена что-то просочилось из их мира в наш или наоборот. Возможно, это была случайная телепатическая связь.

— В настоящее время вы находитесь в тюрьме для отверженных,— продолжал тем временем посланец,— а ключ, который сейчас у вас — это ключ от тюрьмы. Верните его нам, иначе мы возьмем его силой.

— А что вы сами здесь делаете?— спросил Золтан.

— Они взбунтовались и перебили охранников. Вы здесь чужие. Возвращайтесь в свой плоский мир, а нам отдайте Ключ.

— Довольно,— сказал Золтан.— Ваше оружие слишком слабое для нас. Мы согласны вернуть вам ключ, но только в обмен на что-нибудь стоящее.

Дал повернулся к Золтану.

— Сейчас или никогда. Подключите меня.

Он изо всех сил представил себе лицо Каллы, ее голос, ее мысли, которые он знал, как никто другой.

— Обеспечьте нам контакт с образом, который мы только что показали,— перевел Золтан.

Как будто глухая стена встала перед ними, а затем:

— У нас есть ваша машина, этот плоский корабль. Мы вернем его, если вы дадите нам ключ.

— Он отклонил просьбу,— сказал Далу Золтан.— Это хороший знак. В противном случае он сказал бы, что не знает.— И снова обратился к посланцу.— Я уже сказал, что нам нужно. Или это, или ничего. Мы вернем себе корабль сами, и ключ останется у нас.

— Будьте осторожнее. У нас есть и другое оружие.

— В самом деле? Прекрасно. Покажите-ка его нам!

Посланец отступил назад, затерявшись в толпе. Тогда Золтан обратился к воину в черном.

— Итак, вы падшие, отверженные,— сказал он.— Отверженные от чего? А эти другие, посланцы, кто и куда их послал?

— Нас отвергла страна посланцев. А сами посланцы утверждают, что они — эмиссары Всемогущего.

— Вот увидите, так или иначе, но мы еще услышим про бога,— сказал Золтан Далу.— Однако никто нам его не покажет, ни здесь, ни в Лассении.

— Мы хотим ключ,— продолжал падший.

— Ну, разумеется,— согласился Золтан.— Когда находишься в тюрьме, первое, что нужно — это ключ от нее. А вы сможете в обмен на ключ дать нам то, о чем мы попросили?

— Если это в наших силах, да.

— Вперед,— сказал Золтан Далу.

Дал снова восстановил в памяти мысленный портрет Каллы. Этот портрет сопровождался такой грустью, что у Золтана пропало всякое желание шутить.

— Это существо присутствует здесь.

Дал вскрикнул от радости.

— Только это посланец, вернее, посланница.

— Как ее найти?

— Я не знаю, но кое-кто, без сомнения, знает.

— Кто же?

— Ткач Памяти.

— Кто это — Ткач Памяти?

— Это наш главный. Он тоже здесь. Он родился в тюрьме.

— Отведите нас к нему, и вы получите ключ.

Этот ответ был встречен со скрытой радостью.

— Я провожу вас к нему, но сначала придется обеспечить вам охрану, возможно, нам придется драться.

— Да, представляю, как будут реагировать посланцы. Хорошо! Мы ждем.

В рядах черных доспехов началось сильное волнение. Многие неожиданно бросились в бой, уничтожая посланцев; другие, воспользовавшись внезапностью и временным перевесом сил, образовали вооруженный эскорт глубиной в десять рядов.

И в этот момент из глубины туннеля появился отряд белых кирасиров, тащивших огромный диск, который отливал матовым светом.

— Нужно немедленно уходить,— сказал отверженный.— Они осмелились применить здесь Зеркало Небытия. Они все разрушат.

Дал и Золтан приготовились отступать вместе с эскортом, остальные бросились на землю, стараясь держаться ближе к стенам. Однако навигаторы даже не успели покинуть свое убежище, когда из середины зеркала вырвался черный луч. Этот луч сметал в темноте все, что было на его пути, медленно и постепенно прочесывая перекресток туннелей.

Дал и Золтан с ужасом видели, что там, где прошел луч, никого не осталось. Только дыра, глубину которой невозможно было определить на глаз.

Тогда Дал выскочил из своего убежища и в три прыжка оказался перед строем посланцев, стоящих впереди зеркала. Встреченный шквалом вспышек, он бросился на землю, но вся передняя линия уже была сметена. Дал вскочил на ноги, прикрываясь щитом, и его меч описал широкую дугу. Двадцать посланцев тотчас же были превращены в светящиеся линии, которые извивались и исчезали. Воин у Зеркала Небытия, торопясь, наводил свое оружие

на Дала, но навигатор был уже под зеркалом. Он принялся рубить его сплеча, вкладывая в меч все свои силы. Результат был ужасающим.

Свет из красного превратился в зеленовато-желтый, и по галереям пронесся пронзительный свист. Зеркало окуталось мглой и растворилось; стены туннеля оплавились на сотни метров вокруг. Дала отбросило назад, и он потерял сознание.

Но Золтан уже мчался на помощь во главе эскорта из воинов элиты. Отверженные завершали битву вспышками своих излучателей. Дал был легко ранен в руку и, прислонившись к куску зеркала, уже приходил в сознание.

— Да,— слабо сказал он Золтану,— я, кажется, разбил их арбалет!

* * *

Подсчитали потери; они были ужасными, особенно из-за действия зеркала. Количество трупов противника определить не удалось: мечи аннигилировали их полностью. Уничтоженные отверженными белые солдаты устилали весь перекресток. Многих дезинтегрировал взрыв зеркала.

— Вам крупно повезло, дорогой мой,— резко сказал Золтан.— Вы, можно сказать, рисковали жизнью. Арбалет уничтожил тьму людей, а вы были как раз под ним. Но если бы вы не бросились в атаку, никому из нас, наверное, не пришлось бы участвовать в этой битве.

Дал, морщась от боли, поднялся. Золтан уже обтер кровь на его руке и наложил такую повязку, под которой раны заживали в течение часа.

— А как же корабль?— спросил он.— Отсюда он должен быть виден. Они говорили правду, когда утверждали, что он в их власти. Как мы будем возвращаться?

— Не стоит волноваться. Мы доказали им, что Голубое Оружие оказалось в конце концов сильнее их Зеркала, а ведь оно, должно быть, лучшее, что у них есть. У нас еще будет время встретиться с ними. Смотрите! Не осталось никого. Держу пари, они уже все на равнине. Так что пока еще ничего не говорит о том, что они захватили корабль. Если корабль все еще находится в той общей части опрокинутых конусов, в первом туннеле, то очень возможно, что с этого места мы просто не можем его видеть.

Он помог Далу подняться, вложил в ножны меч, под которым уже начала распадаться земля, пристегнул щит, затем добавил:

— Когда вы встретитесь с Каллой, мой дорогой, у вас больше не будет вопросов.

Дал бросил на него взгляд, полный надежды, и они двинулись вслед за эскортом в один из боковых туннелей. Отверженный, с которым они вели переговоры, шел рядом. Золтан снова вступил с ним в телепатический контакт.

— А кстати, почему вы — отверженные?

— Это мне неизвестно. Мы здесь ничего не знаем. Возможно, это знает Ткач Памяти. Если он согласится вам рассказать... то вы тоже будете знать.

— Дьявол,— возмутился Золтан.— Они даже не знают, почему они в тюрьме, почему здесь рождаются, здесь умирают. Что за режим? Хороши они, эти посланцы!

— Как Калла могла оказаться среди этих тиранов? — размышлял Дал.

Так как связь была установлена, отверженный принял вопрос.

— А что такое тиран?— спросил он.

— Посланец,— коротко ответил Золтан.— Но не посланница...

Время от времени навигаторы посматривали на этих странных существ, которых с одного места можно было видеть под любым углом, и никак не могли к этому привыкнуть. Затем Золтан транслировал Далу мысль, которая его занимала уже давно:

— Это, без сомнения, страна мертвых, но у них здесь, наверное, действуют четыре измерения. Можно привести несколько доводов...

— Первый я знаю. Здесь действительно речь идет о четырех космических измерениях, не считая Времени, так как мы не знаем, какое у них время — как у нас или нет.

— Верно. А где доказательства?

— Голубое Оружие аннигилирует пространство. Существа, которые попадали под его действие, превращались в линию. Голубое Оружие уничтожало три измерения, присущие нашему пространству, и у них оставалось еще одно. Затем эта линия исчезала, поскольку сама по себе не может существовать.

— Да, я представляю это себе примерно так же. Другое доказательство: мы видим их под несколькими углами одновременно; точно так же их изображал один художник еще до Голубой Войны. И обратное доказательство: они видят нас плоскими.

— Это понятно. У нас на одно измерение меньше, чем у них. Они нас видят так же, как мы бы видели кого-нибудь у нас на Земле в двух измерениях.

Все это время Золтан не прерывал обоюдную связь. Внезапно их спутник начал передавать:

— Ваши рассуждения многое объясняют. Мы же сначала приняли вас за плоское изображение, переданное на расстояние. У нас есть такие, только передаваемые на очень короткую дистанцию. У нас даже есть объемные изображения.

— Ну да, в четырех измерениях. Мы ведь в нашем мире знаем только три...

— Но я,— прервал их Дал,— не вижу связи между существованием мертвых и четвертым измерением...

— А между тем,— ответил Золтан,— такая связь существует и объясняет многое. Но мне кажется, что мы узнаем гораздо больше после того, как побеседуем с этим Ткачом Памяти. Впрочем, я сильно сомневаюсь, что именно он расскажет нам о стране мертвых и об этом мире в четырех измерениях.

— Тогда кто же?— заинтересовался Дал.

— Кто? Да все эти посланцы и отверженные; положение этих отверженных кажется мне беспросветным... Я даже не удивлюсь, если узнаю, что отверженные были заключены в тюрьму за то, что искали некий товар, имя которому — Знание...

— А их бог, а космический разум?

— Ну, это уже другая история. Эти понятия — смесь надежды и ужаса — появлялись во все времена. Людям свойственно верить в нечто, что выше их. Но это не имеет ничего общего с определенной формой загробной жизни, которая связана с высшими физическими и математическими законами. Эти законы, которые сообщались в какое-то время с нашим миром, оставили там свои информационные следы, которые в течение веков превратились в легенды. Я говорю так, потому что сам оказался здесь. Если бы некронеф не принес нас сюда, я ни за что бы не поверил в существование этого мира. Но это факт, а всем объективным фактам можно и нужно найти объяснение. Загробная жизнь всегда казалась мне убежищем для тех, кто кончал жизнь самоубийством из боязни смерти. И вам, Дал Ортог, удалось меня в этом разубедить...

Дальнейший путь они продолжали молча. Их проводник и эскорт уверенно шли вперед, хотя навигаторы впервые видели такой запутанный лабиринт. Коридоры, за ними еще коридоры, и все разной длины и ширины. И везде все тот же пурпурный свет, который уже начинал действовать на нервы. Коридоры то уходили под землю, то, наоборот, поднимались вверх. Часто они проходили мимо отверстий, проделанных в стенах туннеля. Через эти отверстия можно было видеть семьи, занятые какими-то загадочными делами. Все мужчины были в черных одеждах, женщин же можно было отличить по прическам; на их волосах играли блики со всеми оттенками все того же красного цвета, начиная от розового и ярко-красного и кончая пурпурным и карминовым. Через некоторые окна были видны задумчивые дети, уткнувшиеся неподвижным взглядом в противоположную стену.

Навигаторы почувствовали, что их гид начал передавать свои мысли.

— Говорят, что раньше в этой тюрьме было всего четыре кори-

дора, но больших; которые пробили в этой гигантской массе. Тогда для всех заключенных, помещенных сюда посланцами, этого было вполне достаточно. Затем число узников все увеличивалось, и пришлось делать новые, более узкие коридоры, которые шли во всех направлениях. Поэтому мы так долго идем. Теперь посланцы уже сами не могут разобраться в этом лабиринте. Когда они начинают экспедицию против нас, то всегда останавливаются на уровне первых коридоров, так как знают, что если пойдут дальше, то непременно заблудятся, будут схвачены и разорваны на куски. Мы вынуждены их останавливать, иначе они проникнут всюду, всюду разместят своих охранников, чтобы полностью нас контролировать. Мы уничтожили этих охранников, что сразу же повлекло за собой экспедицию, в которую вы вмешались.

Он остановился; следом за ним остановилась вся колонна.

— Сделаем привал. Пещеры большого коридора еще далеко, так что нужно отдохнуть и подкрепиться.— Они остановились у входа в большой круглый зал.— Здесь у нас источники энергии.

Дал и Золтан переглянулись и принялись рассматривать пол зала, покрытый ковром неясных спиралей.

— Но мы не можем питаться этими спиралями,— сказал с беспокойством Дал.

Он испытывал голод, но даже если бы корабль был рядом, то все равно все запасы и питьевая вода были потеряны во время битвы с обитателями Третьей Агонии.

— Проходите, не стесняйтесь — вы наши гости.

Золтан первый приблизился к спиралям, которые вблизи оказались растениями, и осторожно сорвал одно из них. Растение тотчас же вырвалось, упало на землю и снова свернулось в спираль. Золтан потянулся за ним, пытаясь удержать двумя руками — бесполезно. Впервые за много времени Дал рассмеялся от всей души.

— Каким образом вы хотите удержать вашими пальцами, действующими в трех измерениях, эти растения, состоящие, к тому же, из чистой энергии?

— Это недопустимо! Этот салат мне отплатит! — И Дал ринулся в середину «огорода» под недоуменными взглядами отверженных. Но очень скоро вернулся.— Все хорошо. До них достаточно только дотронуться. Энергия переходит непосредственно через кожу. Сейчас я бодр и свеж, как никогда.

Дал тоже приблизился к спиралям и вынужден был признать, что Золтан прав. Хозяева же подкреплялись обычным для себя способом: они их ели. Разбившись на маленькие группы, они сели, положив рядом оружие, беседуя с помощью телепатической связи.

Привал продолжался довольно долго. Дал еще не вернул ключ, который лежал у него в кармане камзола, но, тем не менее, союз с отверженными не вызывал никакого сомнения. Их приняли.

Вскоре они снова шли по бесконечным коридорам, проходя мимо впадин, где работали люди. Пещеры большого свода были хорошо защищены. Посторонний мог бы разыскивать их годами, но так и не обнаружить. И все же отряд встретила мощная охрана, перекрывающая вход в туннели. Гид о чем-то переговорил с охранником, после чего стражники и воины эскорта обменялись дружественными приветствиями. В сопровождении группы охранников отряд двинулся дальше.

Теперь все коридоры кишели черными кирасами, в стенных амбразурах тоже виднелись солдаты. Семей больше не было видно, женщин и детей тоже.

И вот наконец появился большой свод. Это был огромных размеров зал со сферическим потолком, разделенный на множество келий стенами разной высоты. Гид ушел вперед, исчезнув на какое-то мгновение, затем вернулся.

— Ткач Памяти ожидает вас.

Следуя за ним, навигаторы пересекли весь зал. По мере того, как они продвигались вперед, становилось все темнее. Наконец они оказались в пещере, размеры которой нельзя было определить, так как стены скрывались во мраке. Прямо перед ними виднелась длинная драпировка, которая все время колыхалась, как будто обдуваемая легким бризом. Эта драпировка искрилась тысячей различных цветов, но свет был такой слабый, что все вокруг было погружено в сумерки. Около драпировки с трудом различалась человеческая фигура. Золтан установил контакт и тут же услышал вопрос:

— Кто вы?

На этот раз Золтан решил быть откровенным.

— Мы пришли из другого мира. Он не такой, как ваш. В этом мире все жители смертны, но наши ученые изобрели машину, с помощью которой мы смогли проникнуть в страну, в которую уходят наши мертвые.

Потеря контакта, затем ответ:

— Мы тоже живые, и так же смертны, но нам ничего не известно о существовании предыдущей жизни. Впрочем, лишь очень немногие знают, что где-то есть мир, который намного больше и сложнее, чем наш. Нам известны некоторые его проявления, но посланцы всегда учили, что все эти проявления имеют сверхъестественную природу и проистекают от единой воли.

— То же самое говорят наши священнослужители о нашей вселенной,— ответил Золтан и, обращаясь к Далу, добавил: — Без сомнения, мы уже умерли один раз, когда покинули свое состояние в двух измерениях и перешли в теперешнее. Просто мы этого не знаем. Точно так же, как мы не знали, пребывая всего лишь в двух измерениях, что наше предыдущее состояние ограни-

чивалось, например, точкой. А когда умирают эти люди, у них становится пять измерений... и так далее. Смерть — это появление еще одного измерения.

Золтан мыслил полусерьезно, полушутя, но Ткач ответил:

— Возможно, что вы правы. Ведь именно из-за подобных исследований наши предки были заключены в тюрьму. И именно потому, что мы тайно продолжаем эту работу, посланцы пытаются держать наши лабиринты в своей власти. Но они далеки от этого, тем более, что теперь вы — Держатели Ключа.

— Ключ действительно у нас, но мы согласны его вернуть, если получим сведения о той, кого ищет мой друг.

— Я знаю. Меня предупредили и в точности передали портрет той, кого вы ищете. Она здесь, только портрет неполный. Многого не хватает.

Дал, обращаясь скорее к самому себе, сказал:

— Да, разумеется... ведь теперь у нее на одно измерение больше...

Через связь Золтана он обратился к Ткачу:

— Вы можете сказать, где я могу ее разыскать?

— Вам уже ответили, что она — посланница. Впрочем, мне все равно. Вот все, что я знаю: она находится между двух гор внешнего мира, по направлению к звезде и на обетованной земле, разумеется. А теперь — Ключ!

— Я вижу, что вы хотите нам помочь, но мне нужны дополнительные сведения. Вот ваш ключ.

Он вынул треугольный предмет и протянул его Ткачу. Тот поспешно схватил его.

— Я вам очень признателен. Вы даже не представляете значение этого ключа для нас.

— Напротив,— ответил Золтан.— Нам известно, что это ключ от вашей тюрьмы. На вашем месте я бы обращался с ним повнимательнее...

— Скажите,— снова вступил в беседу Дал,— а что это такое — внешний мир? Я догадываюсь, но хочу иметь подтверждение.

— Это пространство, которое начинается там, где кончается наш лабиринт. Это населенный, обитаемый мир, где правят посланцы. Остальное я вам объясню: вы пойдете к двум высоким горам, держась в направлении звезды, и попадете в искомую резиденцию. Это опасно, потому что резиденция имеет важное значение и хорошо охраняется.

— Это будет долгий путь,— вздохнул Дал.

— Нет, наш мир тесен. Это пустыня, за исключением полоски земли, где находится обитаемый край. Только оттуда можно увидеть звезду в зените.

— А! — уточнил Золтан.— Значит, они селятся только на экваторе.

— Но каким образом вы узнали об этом, ведь вы родились в тюрьме и никогда из нее не выходили?— спросил Дал.

— Я провел много тайных встреч с посланцами, которые относятся к нам с симпатией. Особенно с одним из них... который знает ту, кого вы ищете.

— Что?— воскликнул Дал, охваченный внезапной ревностью.— А кто он, этот... тип?

— О! Вы сами узнаете... Она сама расскажет вам о своих приключениях. Но вот что странно... послушайте, отодвиньтесь-ка немного к свету, чужестранец.

Дал повиновался.

— Да, он немного похож на вас, несмотря на то, что вы плоский. Или, скорее, вы его чем-то напоминаете...

— Вот как! — озадаченно произнес Дал.— Но ведь я же не мертвый! Это не мог быть я, перенесенный в этот мир...

Золтан, решив, что не стоит углублять эту новую проблему, сделал отвлекающий маневр:

— Почему вас называют Ткач Памяти?

Темная фигура поднялась со своего места и коснулась рукой драпировки.

— Смотрите. Эта ткань заканчивается здесь. Отсюда она проходит во все пещеры большого свода. Это я соткал ее.

— А что это за ткань?

— Она содержит воспоминания всех, кто живет в лабиринте, вследствие особого расположения ячеек и цвета. Каждый, у кого есть что-то новое, приходит ко мне, и чаще всего это ученые, которых не обескураживает заключение в тюрьме.

— А почему именно ткань? Хотя по принципу действия она не похожа на те машины, которые делают у нас...

— Наше главное несчастье — не заключение, а неспособность сохранять в памяти наши воспоминания. Посланцы, очевидно, надеялись, что мы не сможем продолжать свои исследования — ведь без памяти можно получать лишь разрозненные результаты и все теряет смысл. Необходима большая коллективная память. А я ее создатель и хранитель. Вот почему меня называют Ткач Памяти.

В это время свет усилился, и Золтан увидел, что Ткач похож на него самого.

4

Как и в случае с Далом, Золтан решил уклониться от обсуждения проблем этого второго сходства. Все выстроенные ранее гипотезы на этот счет были явно слабыми, но сейчас не было времени их пересматривать. В этот момент сходство поразило и Дала.

— Да ведь вы тоже похожи друг на друга!

— Правда? — спросил Ткач.— Я ведь не вижу себя со стороны, да к тому же вы плоские...

— Да,— признал и Золтан.— Мое лицо действительно отчасти напоминает ваше. А ведь я присутствую здесь, в этом зале...— он повернулся к Далу.— Вы не будете возражать, если мы обсудим это позже? После прибытия в этот мир мы стали свидетелями многих событий и придумали уже немало теорий. Подождем, пока новая информация углубит и дополнит наши выводы.

Дал кивнул.

— Как вам будет угодно. Но если здесь могут существовать люди, похожие на живых у нас, а в данном случае на нас с вами, то, значит, больше ничто не доказывает о связи наших мертвых и их живых. А та, о ком они говорят, не имеет ничего общего с Каллой, кроме, может быть, чисто внешнего сходства.

— Нет, Ортог. Маловероятно, чтобы эти совпадения были случайными. Не теряйте надежду. Мы пойдем до конца.— Он повернулся к Ткачу Памяти.— Вам не кажется, что уже настало время действовать? Мы не можем дольше пользоваться вашим гостеприимством. Нам необходимо выйти наверх. Теперь мы можем это сделать вместе, как союзники.

— Хорошо сказано, чужестранец.

Легкими движениями Ткач привел в движение разноцветную ткань, конец которой держал в руке. Это движение пошло по всей длине нескончаемой драпировки, проходя, по всей видимости, через пещеры вплоть до сторожевых постов, потому что меньше чем через минуту в зале появился отряд вооруженных людей. Дал и Золтан были вынуждены признать, что они, несмотря на многоплановую внешность, все же были больше похожи на людей, нежели на «отверженных».

Воины получили инструкции и так же быстро исчезли. Командир обратился к гостям:

— У нас есть свой язык, который вы не поймете. Это древнее наречие, уже вышедшее из употребления. Так же, как и посланцы, мы обмениваемся мыслями, хотя делаем это не так хорошо, как они.

— Каким образом они отняли у вас память? — спросил Дал.

— Они воспользовались нашими собственными открытиями в области передачи мыслей, только усовершенствовали их. Конечно, горько сознавать, что нас ограбили и поработили тем, что принадлежало нам. Мне кажется, что они изобрели прибор, действующий по принципу наших открытий, который с помощью энергетического излучения подавляет все психологические механизмы.

— Ничто не вечно,— заявил Золтан.— Теперь мы можем идти?

— Да. Идите той же дорогой, стражники ждут вас. Я присоединюсь к вам позже. Нам предстоит драться, и я должен подготовиться. Кстати, мне стало известно, что посланцы захватили ваш корабль. Нужно отбить его у них; мы вам поможем.

— О! Позвольте задать вам последний вопрос,— сказал Дал, с радостью отмечая, что больше не нуждается в «передающем устройстве» Золтана.— Этот... этот посланец, на которого я похож...— опасаясь услышать ответ, он все же продолжал: — В каких отношениях он с той, кого я ищу?

Теперь уже Ткач помолчал немного и наконец ответил:

— Они должны были вместе жить, но это не состоялось.

Дал почувствовал, как ком поднялся у него в горле. Значит Калла, умерев, бросилась на шею другому в этом мире, куда она ушла?

— Вы забываете два важных момента,— сказал Золтан, поймавший его мысль, сам того не желая.

— Какие? — с раздражением спросил Дал.

— Во-первых, если это действительно она, то она должна была забыть свою предыдущую жизнь. Вам не в чем ее упрекать.

— Что дальше?

— Что дальше? Представьте себе, что ее обольстил посланец, который похож на вас. Я не верю, что это случайно. Слишком уж много удивительных совпадений; это наводит меня на мысль о возможности взаимопроникающих явлений.

Дал промолчал. Мало утешения в том, что Калла сохранила свои склонности.

— Что мне от того, что мой соперник — мой двойник? — сказал он.

Золтан покачал головой.

— Вам не кажется, что вы немного торопитесь? У нас пока слишком мало информации об этом мире и о событиях, которые здесь происходят. Если вы хотите узнать об этом побольше, пора идти. Вы идете?

— Следую за вами,— неохотно ответил Дал.

* * *

Они быстро двинулись вперед и вышли к перекрестку туннелей, где шла битва, гораздо быстрее, чем с этого же места достигли пещер большого свода. Как раз в это время к ним присоединился Ткач Памяти, ведущий за собой такую многочисленную колонну, что ее хвост терялся где-то в глубине коридоров.

— Посланцам пришлось перекрыть вход в лабиринт, чтобы исключить любую возможность контакта с внешним миром,—

сказал Ткач.— Им было недостаточно закрыть только вход, поэтому пришлось нести ключ с собой. Таким образом он попал в ваши руки. Это была их ошибка.

— Значит, один и тот же ключ работает в обоих направлениях?

— Да. Лабиринт закрывается с помощью электрогеометрического контура, который можно открыть и снаружи, и изнутри.

— Во всяком случае,— сказал Ортог,— его можно открыть только для нас, корабль ведь не смог пройти.

— Тем более корабль, в котором установлены двигатели,— добавил Золтан.

Тем временем Ткач подошел к стене, в которой было проделано небольшое прямоугольное углубление, и вставил треугольный ключ, плотно вошедший в паз.

— Как же они смогли выйти отсюда? — удивился Дал.

— У кого-то из них был, конечно, другой ключ. Достаточно вставить его на какое-то время в гнездо, затем вынуть — и можно выходить. Только это нужно делать быстро. Мы же не будем вынимать ключ, он останется здесь навсегда, но теперь нам необходим другой, чтобы установить его снаружи. В конце концов, это наш город, хотя он и был нашей тюрьмой. И сейчас я вижу, что мысль выйти отсюда пугает отверженных...

Он отошел от навигаторов, чтобы снова встать во главе своего войска. Солдаты были в явном замешательстве, нерешительно топчась у выхода, но в конце концов молчаливо двинулись вперед. Ткач вернулся назад.

— Их можно понять,— сказал он.— Что касается битвы с посланцами, которые вторглись сюда, то они уже доказали свое мужество. Но внешний мир — это для них ужасная тайна. Они родились здесь, никогда отсюда не выходили, а о том, что происходит там, узнавали только от меня. А ведь вся информация записана на ткани памяти, и без этой ткани они тут же забывают все. Мне удалось развить мою память долгой тренировкой, это мой долг, но ведь я один такой. И даже я до сих пор вынужден постоянно обращаться к моей драпировке.

— Кстати,— заметил Дал,— у нас ведь тоже был период амнезии, когда мы вошли сюда.

— Да, это так,— сказал Золтан,— в начале боя.

— Значит, вы тоже испытали на себе влияние посланцев. Но вы пришли из другого мира, и это влияние было лишь частичным.

Авангард отряда уже исчез в выходном отверстии-конусе лабиринта. Дал, Золтан и Ткач во главе основного войска тоже двинулись вперед, подбадривая солдат жестами и криками. Дал и Золтан подняли вверх свои мечи и щиты, могучее действие которых было еще слишком свежо в памяти.

Когда дошли до общей части конусов, навстречу вдруг хлынули по туннелям остатки авангарда; многие солдаты были ранены, и их поддерживали товарищи. Другие закрывали руками лицо, находясь в сильнейшем шоке. Из донесений Ткачу стало ясно, что у выхода воины встретили сразу два препятствия: сильная армия посланцев и яркий солнечный свет, который никогда не видели те, кто провел в туннелях всю свою жизнь.

— У посланцев есть другие зеркала? — спросил Дал.

— Вот это и ужасно,— ответил Ткач.— Там два зеркала в боевом положении, и они могут бить лучами по выходу.

— Ладно. Скажите нашим солдатам, что зеркалами мы займемся сами. Заодно объясните им, что солнце — это тот самый свет, который у них отняли посланцы, и за право на этот свет надо драться. А что касается сильной армии — то воины элиты только что обратили в бегство большую часть этой армии, а сейчас могут вонзиться в нее углом, тесно сомкнув ряды.

Он остановился и добавил: — Это, разумеется, всего лишь советы иноземца, привычного к битве. Своих воинов в бой поведет Ткач Памяти; они его знают и пойдут за ним.

Ткач, казалось, по достоинству оценил вежливость Дала, и отдал приказ войскам, произнеся короткую речь, в конце которой снова раздались одобрительные возгласы. Дал и Золтан пошли вперед через ряды, которые почтительно расступались перед ними.

— Все равно дело будет горячее,— сказал Золтан.

Они вышли на солнечный свет, крепко сжимая мечи и надежно прикрывшись щитами.

Вся равнина была усеяна сверкающими белыми кирасами, в которых ослепительно отражалось солнце, а расположенные по обеим сторонам выхода из лабиринта Зеркала Небытия мгновенно нацелились на навигаторов.

— Берите левого,— сказал Дал Золтану,— другой — мой.

Наклонившись, чтобы лучше закрыться щитами, они начали медленно продвигаться вперед, выставив мечи. Следом за ними тронулись с места черные кирасиры.

Засверкали вспышки. Но путешественники уже знали их эффект и еще больше пригнулись за щитами. Они только отступили на шаг и теперь косили мечами первые линии противника, как когда-то в стране Агонии.

Теперь перед навигаторами было войско, которое не участвовало в предыдущей битве в недрах лабиринта, поэтому, когда первые три ряда превратились в светящиеся линии, едва видимые на солнце, а затем исчезающие, белые кирасы тотчас же обратились в бегство, опрокидывая друг друга. Земля была усыпана генераторами вспышек, которые бросили солдаты. Далу и Золтану приходилось перешагивать через лежащие тела, которых не коснu-

лось их оружие. На фланге, где бился Золтан, посланцы, правда, пришли в себя и пытались атаковать, но тут же были отброшены отверженными, оставив за собой сотни жертв.

В этот момент Дала коснулся ужасный черный луч. Сначала ничего не было видно, а затем, когда луч отошел, Ткач увидел его, неподвижно лежащего на земле под своим щитом. Вокруг него образовалось свободное пространство. Отверженные мгновенно бросились на помощь, несмотря на угрозу черного луча. Золтан почувствовал, как хладнокровие покидает его. Он ринулся вперед, аннигилируя противника прямо перед собой и проделывая бреши, куда тотчас же устремлялись отверженные. Пока воин у прожектора пытался поймать его лучом, Золтан уже разнес прожектор своим мечом — Зеркало исчезло с ужасным черным взрывом.

Оператор другого Зеркала был мертв, пораженный лучом, отраженным от щита. Но он не исчез полностью, в его теле зияли огромные дыры, через которые был виден цоколь зеркала. Что касается Дала, то он медленно приходил в сознание.

Армия посланцев исчезла за горизонтом. Отверженные понесли легкие потери, но их добыча была бесценна: Зеркало Небытия, которым отныне можно было защищать подходы к лабиринту.

Золтан подошел удостовериться, что Ортог вне опасности.

— Вот что я хотел бы вам предложить,— заговорил он.— Я пойду с армией отверженных, которая уже начала преследование, и верну корабль. Посланцы не могли увести его слишком далеко; по всей видимости, у них нет машин. Наверное, они тащили его за собой за тросы гондолы. Что же касается вас, то, может, есть смысл последовать советам Ткача и отправиться на поиски Каллы? Встретимся здесь, если, разумеется, вы не против...

У Дала хватило сил лишь на то, чтобы кивнуть головой в знак согласия, и его оставили лежать на щите.

* * *

В светло-зеленом, казавшемся почти белым небе неподвижно висело солнце. Оно было совершенно белым, но не ослепляло и похоже, что и не грело. Это было очень странное солнце. Хотелось подойти и посмотреть на него поближе, что было бы, конечно, невозможно. Дал смотрел на это солнце и чувствовал, как к нему понемногу возвращаются силы. Нет, солнце действительно не грело, но, видимо, излучало какую-то неизвестную энергию. Его лучи были такими же всепроникающими, как космические лучи или, может быть, нейтрино. Отверженные в своей тюрьме с толстыми стенами, должно быть, получали эти удивительные частицы, даже если свет туда не проникал.

Дал потянулся. Больше нельзя отдыхать. Он не ранен, боли больше нет. Его ждет Калла. Он сел на свой щит. А ждет ли она его? Что там говорил про нее Ткач? Он узнает это.

Дал поднялся. Обе армии уже исчезли за близким горизонтом. Ткач сказал правду: этот мир действительно очень мал. Дал попытался определить направление. Он опустил мысленную вертикаль от звезды и положил меч в ножнах на землю в направлении этой вертикали. Затем стал ждать, чтобы солнце передвинулось по небу, чтобы определить, в каком направлении относительно меча оно движется. Ждать пришлось долго. Затем он начертил на земле с соответствующей стороны линию, перпендикулярную мечу, поднял ножны, щит и пошел в этом направлении. Теперь он был уверен, что не идет спиной к экватору.

Он долго шел по каменистой пустыне, где камни имели такой же странный вид, как и все в этой стране: их было видно с обратной стороны. Солнце теперь находилось слева и над головой. Оно медленно ползло по небу. Следя за движением солнца, он был уверен, что не сбился с пути.

Щит на плече становился все тяжелее, меч оттягивал пояс. Дал торопился достичь экватора, он это узнает, когда солнце будет точно слева... если, конечно, он успеет дойти до полудня.

Размышляя таким образом, он вдруг заметил, что на земле стали появляться чахлые побеги. Видимо, лабиринт находился на границе с территорией, на которой могло что-то расти. Он обернулся; вдалеке еще можно было различить вершину пристанища отверженных. Мысль о том, что этот мир не так уж мал и до цели еще далеко, поколебала его уверенность.

Теперь он шел посреди зарослей, которые доходили ему до пояса. Это были густые заросли с острыми хрупкими листьями. Когда он наступал на стебли, они издавали звук бьющегося стекла. Он остановился, чтобы рассмотреть эти растения поближе, и тут что-то уперлось ему в спину. Дал мгновенно обернулся, выхватив меч.

Это было растение с красными прозрачными листьями, и оно самым отвратительным образом раскачивалось на своих корнях. Он отступил назад. Новое растение хлестнуло его, как бичом. Отказавшись от мысли вступать в бой с этими агрессивными зарослями, он ускорил шаг. Но стебли, повинуясь какой-то таинственной подземной силе, встали на его пути: одно растение обвилось вокруг ног, другое протянуло колючую ветку на уровне лица.

— Вот как,— пробормотал он,— этот пырей мешает мне идти!

Ему было противно пробивать себе дорогу ударами меча, поэтому он только выставил вперед щит, чтобы раздвигать кусты. Но теперь растения атаковали его со спины. Одежда уже была порвана на плече, и, когда колючки вонзились в еще не зажившую рану,

он больше не колебался и взмахом меча очистил себе дорогу, по которой могли бы в ряд пройти человек десять. И тогда окрестности наполнил легкий шелест. Какие-то ягоды, лопаясь, источали облака зеленоватого газа. Дал понял, что вдыхать его нельзя, и бросился бежать, вращая мечом. Под действием клинка из керилита облака исчезали. Вырвавшись, наконец, из этих враждебных зарослей, он вышел к лесу, высокие деревья которого закрывали свет. Солнце еще можно было различить — светлое пятно в густой листве. Оно было еще очень низко, но почти точно слева.

— Кажется, эти деревья против меня ничего не имеют,— подумал Дал.

И вдруг совсем близко послышалось рычание, и внезапно стало очень холодно. Дал остановился. Что-то появилось из-под земли прямо перед ним.

Это «что-то» было похоже на крота длиной в десять метров и с белым прозрачным телом. Были видны бьющееся сердце, внутренние органы, кровеносная система. Тело зверя окуталось паром и быстро скрыло его вместе с грудой земли, которая сваливалась с него по обе стороны. От него исходил пронзительный холод. Чтобы не потерять сознание, Дал был вынужден отступить; все его члены окоченели в одно мгновение.

Очень скоро зверь появился из тумана, который сам испускал, и направился в сторону Дала. Тот продолжал пятиться назад между редких стволов, прикрываясь щитом. Но щит не мог защитить от холода. А животное приближалось.

Дрожа от холода, Дал сделал вперед шаг, второй, третий и атаковал зверя мечом в тот момент, когда ноги уже подгибались.

Животное растаяло с необыкновенной быстротой, превратившись в светящуюся линию, которая постепенно исчезла. Дал упал на колени, бросил оружие и резкими движениями попытался согреться. Ледяной туман вокруг него постепенно исчезал. Остались лишь горы земли, выброшенные кротом, и подземный ход, из которого он вылез. Опасаясь, как бы из этой норы не появился еще один такой же зверь, Дал обогнул гигантскую дыру и быстро пошел прочь.

— Ткач, кажется, забыл предупредить меня об этих встречах,— пробормотал он.

Конечно, можно было атаковать зверя мечом на расстоянии, но тогда была бы уничтожена большая часть леса, а Дал не хотел привлекать к себе внимание. Что он сможет сделать, если появится мощный вооруженный отряд посланцев да еще с двумя или тремя Зеркалами Небытия? Ведь армия, которая была в лабиринте, возможно, и не единственная...

Очень скоро солнце встало точно по левую сторону, и Дал определил направление, перпендикулярное тому, по которому следовал

до сих пор, чтобы идти прямо по линии, разделяющей пополам полосу экватора. Теперь солнце светило ему в спину.

Вскоре где-то очень близко стал слышен какой-то непрерывный гул. Он продвинулся на несколько метров вперед, чтобы попытаться определить, что производит этот шум, и раздвинул густую зелень. Эти стебли можно было брать руками, не как питательные спирали: они хоть и имели четыре измерения, но не состояли из чистой энергии.

Прямо перед ним текла река, и Дал понял, как ему повезло: он построит плот и поплывет дальше на нем, так как течение имело нужное ему направление. К тому же на плоту он легко и быстро достигнет двух гор, о которых говорил Ткач Памяти. Но сначала нужно было убедиться, не течет ли в реке какая-нибудь кислота — иначе его плот растворится за несколько минут. Дал взял один из тех странных камней, которыми была усыпана земля вокруг, и бросил его в воду, которая оказалась очень вязкой, хотя и была совершенно прозрачной. Камень упал в воду и не растворился. Более того, он лишь слегка погрузился и тут же его унесло течением.

Дал смекнул, что это упрощает дело, надежно закрепил щит и оружие, подтянул ремень своего шлема и прыгнул в реку. У него сразу же возникло ощущение, словно он опустился на подушку; теперь он сидел на поверхности, и река медленно уносила его. Через некоторое время он начал продвигаться как можно ближе к середине реки, подумав, что течение там быстрее. Так и произошло. Течение подхватило его с такой скоростью, что невозможно было различать пролетающую мимо по берегам растительность.

Обернувшись, Дал увидел, что солнце все еще сзади: река текла точно по экватору. А может быть, подумал Дал, река делает полный оборот вокруг планеты, может быть, она не имеет источника и никуда не впадает, влекомая лишь вращением планеты...

Но, как бы то ни было, течение несло его все с той же бешеной скоростью, и Дал уже подумал было, что это путешествие никогда не кончится, как вдруг увидел, что на горизонте стали появляться вершины двух высоких гор, расположенных по обе стороны реки.

Дал приблизился к берегу, и скорость уменьшилась. Так как горы, казалось, были уже совсем близко, он передвинулся по поверхности жидкости, плотной, как ртуть, еще ближе к берегу и медленно поплыл вдоль него.

Дикие заросли уступили место непонятным растениям, круглым и плоским, которые вибрировали и поворачивались, когда дул ветер. Дал ступил на эту кажущуюся цивилизованной землю и направился прямиком через плантацию. Вдали, у подножья одной из гор, которая казалась ближе — обманчивое впечатление, если смотреть от реки — виднелись какие-то постройки в форме спиралей. Дал

представил себе Каллу, стоящую у одного из овальных окон и погруженную в созерцание этого нового для нее мира... Возможно, она думает о нем...

— Сумасшествие! — прервал он себя.— Если по невероятному совпадению она действительно здесь, то ничего уже не помнит о своей земной жизни и обо мне тоже...

Дал вздрогнул. Как себя вести, если он встретит ее? Не волновать ее, вести себя как посторонний незнакомец, который решил нанести визит? Ничем не выдавать себя и разработать какой-нибудь план? А нужно ли разрабатывать планы, если она исчезла и теперь в другом мире, который не имеет связи с миром предыдущим...

Он так ждал этого момента, решившись на это безумное путешествие, но теперь чувствовал, что уверенность покидает его. Встретить чужую Каллу — еще большее страдание, чем ее потерять. Нельзя поддаваться этому настроению. Сейчас или никогда, он должен взять себя в руки. Дал ускорил шаг.

Среди круглых растений, недалеко от него, появился какой-то силуэт, затем исчез, но Дал успел заметить, что это был посланец в развевающейся голубой одежде. Поскольку это был не отверженный, значит, это посланец — Ткач ничего не говорил о других группах населения. Дал успел заметить и других, но при его приближении все исчезли. Он был уверен, что о его прибытии уже сообщили, и теперь ожидал появления солдат в кирасах, которых, как он думал, уже выслали ему навстречу. Может быть, это будут охранники Каллы?

Он не хотел прийти к ней врагом. Было совершенно невозможно предстать перед Каллой, предварительно уничтожив ее охрану. Он решил не использовать меч против тех, кто на него нападет. Он просто закроется щитом, заставит их отступить к своим жилищам и попросит разрешения войти, никого при этом не убивая.

С этими мыслями он шел дальше и наконец увидел первого солдата. Другие, очевидно, шли следом. Дал завел ремень своего щита за затылок и приготовился к встрече. Посланец быстро приближался, держа в руке генератор молнии. Дал продолжал идти прямо на него, готовясь к удару разряда. Когда до противника осталось десять шагов, вокруг него сверкнули вспышки; Дал отступил, затем снова двинулся вперед. Противник выстрелил снова. Дал покачнулся. Чем ближе он подходил к генератору молнии, тем сильнее становились разряды. Впрочем, это были не совсем разряды. Неважно. Он все равно дойдет до резиденции.

Посланец-воин тоже не хотел отступать. Дал надеялся подойти к нему на минимальную дистанцию, чтобы оттолкнуть щитом, если, конечно, за это время другие солдаты не придут на помощь. Он сделал еще шаг, но получил такой разряд, который бросил его на землю. Он поднялся, думая:

«Я бы мог заставить его исчезнуть одним движением руки... Калла среди моих врагов, я ведь союзник отверженных... Нет. Будет только хуже».

Он бросился вперед. Теперь уже посланец упал на землю — дистанция стала слишком мала. От удара его шлем слетел и откатился в сторону. Дал остановился, пораженный. У посланца были длинные черные волосы. Это была женщина, и черты ее лица поразительно напоминали Каллу.

* * *

Повелительная и непонятная мысль ворвалась в сознание Ортога:

— Прочь отсюда, жалкое подобие, призрак, наваждение! Как ты осмелился подражать образу Гараля Великого!

Дал стоял молча. В его мыслях царил такой хаос, что он был совершенно не в состоянии отвечать. Телепатический дар посланцев не был для него неожиданностью, он ожидал всего, но не такого резкого обращения. Женщина поднялась, подняла свой шлем и подошла к нему.

— Кто ты, дерзкий, и как ты осмелился поднять руку на дочь Повелителя Эллипсов?

Дал отступил. Это случалось с ним редко. Опустив руки, стесненный своим щитом, он мысленно ответил:

— Я... я пришел сюда, чтобы найти Каллу.

Молчание. Затем:

— Кто это — Калла?

Несмотря на свое замешательство, Дал отметил общую черту, присущую всем женщинам во всех мирах. Любопытство победило ее гнев.

— Это ты! — передал Ортог с силой отчаяния.

На этот раз молчание затянулось. Затем последовал новый вопрос:

— Значит, ты пришел искать меня? Но меня зовут Ифлиза, а не Калла. Твой мозг, должно быть, высушил ветер пустыни, и ты уже не отличаешь воды от соли. Откуда ты пришел, образ?

— Я пришел из далекого мира. Он еще дальше, чем я могу объяснить. А кто это, Великий Гараль?

Женщина мрачно смотрела на него; шлем повис у нее на пальцах.

— Тебе не нужно это знать. А как тебе удалось присвоить чужие линии лица?

— Значит, я действительно похож на Гараля?

— Великого Гараля.— Она подалась вперед: — Ты мне его на-

поминаешь. Но, даже несмотря на твою грубость, ты не можешь быть таким дурным, как он.

Дал увидел, как слеза скатилась по этому странному лицу; черты Каллы проступали так явственно, что Дал почувствовал, как глаза у него увлажнились.

— Что он сделал? — мягко спросил он.

Женщина выпрямилась.

— Я уже сказала: прочь отсюда. Возвращайся в твой плоский мир и не тревожь меня больше никогда.

Вдруг она нахмурила брови: — А может быть, ты — это и есть он? Он умеет менять свой облик, чтобы доставить мне еще больше горя, и способен на любое предательство.

— Я Дал Ортог. Ты меня не узнаешь?

— Дал Ортог?

— Мое имя ни о чем тебе не говорит? Сейчас твоя память — тихое озеро, а твои мысли-воспоминания — песок на дне. Я хочу быть тем камнем, который упадет и поднимет со дна облака воспоминаний. Я не хочу, чтобы они лежали на дне.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что раньше ты была Каллой, просто ты этого не знаешь. И забудь этого лжеца Гараля...

— Гараль Великий — лжец? Не тебе оскорблять его! Ты слишком далеко зашел в своем безумии.— Она направила на него оружие.— Ты сам искал свою гибель; иди и не думай сопротивляться.

Дал ничего не ответил. Раз он пришел сюда, то узнает все до конца. Он двинулся по направлению к постройкам. Этот Гараль, вероятно, тот самый посланец, о котором говорил Ткач.

* * *

Мысль Дала напряженно работала. Он был в другом мире, в мире, который на Земле называют потусторонним, и этот мир оказался планетой со своим собственным солнцем. Здесь он встретил кого-то, кто был похож на Золтана, затем женщину, похожую на Каллу... И он сам похож на кого-то другого, и этот другой — его соперник. Так получается, что страна смерти населена существами, странным образом связанными с людьми на Земле, живыми или мертвыми. Существуют ли различия между теми, кто похож на живых, и теми, кто похож на мертвых? Такая разница должна была существовать. Надо ждать дальнейшего развития событий. А пока он пленник той, кого хотел встретить по другую сторону могилы. Или пленник ее двойника в другом измерении... Ему казалось, что разочарование вытесняет чувство печали. Впрочем, нет. Все, что напоминает Каллу — это счастье.

Они подошли к строениям — это был широкий цилиндр, по обеим сторонам которого стояли две башни со спиральными крышами. Вблизи виднелись и другие строения, поменьше. Их встретил отряд посланцев в латах. По знаку Ифлизы Дала схватили, куда-то повели, и она исчезла из поля зрения. Отобрав щит и меч, его втолкнули в здание; он успел лишь заметить, что остальные солдаты скрылись в одной из башен.

По наклонным переходам его привели в большое помещение и подвели к ложу, которое занимало весь угол. Здесь его оставили одного, даже не закрыв круглое окно и дверь на вертикальных направляющих. Охраны тоже не было. Дал недоверчиво слушал удаляющиеся по коридорам шаги солдат. У него создалось впечатление, что он здесь скорее гость, чем пленник.

Но это впечатление сразу же рассеялось, стоило ему пойти взглянуть в открытое окно. Едва он сделал несколько шагов, как начал задыхаться. Он попытался подойти к двери, но чем дальше он удалялся от своего места в углу, тем сильнее становилось удушье. Шатаясь, с посиневшим лицом и едва не теряя сознание, он вернулся на свое место, где его оставили. Только здесь его легкие снова наполнились живительным воздухом.

Каким же образом посланцы сумели создать пространство, в котором можно было дышать, нечто вроде пузыря с воздухом среди непригодной для жизни атмосферы? Во всяком случае, этот метод был гораздо эффективнее, чем решетки на окнах, оковы и стража. Держать в тюрьме — в этом посланцы понимали толк...

Дал растянулся на ложе, которое могло быть роскошной постелью в большой спальне, но было лишь подстилкой в камере. Вдруг он почувствовал, что смертельно устал. Во время последних событий он тратил все свои силы без остатка. Дал заснул. Он спал, но не видел снов. Сновидения этого мира — не для него.

* * *

Когда его разбудили, он не знал, сколько времени проспал. Взглянул в окно — солнце стояло в небе на том же месте. Или оно двигалось очень медленно, или же он спал всего несколько минут.

Два посланца, разбудившие его, встали по бокам и жестом велели идти. Вспомнив об удушье, которое он испытал, Дал с сомнением последовал за ними, но вдруг почувствовал, что дышится легко. Если это так, то что ему стража? Отделаться от них, вернуть оружие, найти Каллу — нет, не Каллу — Ифлизу — и попытаться снова поговорить с ней. Дал рванулся в сторону... и тут же, раскрыв рот, схватился руками за горло. Он все понял и вернулся назад: шар, в котором он дышал, следовал за ним туда, куда укажут страж-

ники. Вокруг — удушье. Следовало покориться. Пока. Когда придет время, он даст понять, что за ним стоит армия освобожденных отверженных. В этом его сила, и он воспользуется ею против этого отвратительного унижения.

Они шли через висячие сады, по наклонным переходам, по коридорам, встречая на пути людей в просторных одеждах с широкими рукавами, которые насмешливо провожали их взглядами. Наконец они остановились перед широкой дверью. За дверью оказался просторный зал с прозрачным куполом, через который свободно лился свет. Дал вспомнил о пещерах большого свода в глубине лабиринта, где были пожизненно заключены отверженные. Здесь же был дворец, где жили властелины. Здесь имели право на солнечный свет. Чем больше Дал узнавал посланцев, тем больше они были ему неприятны. И надо же было случиться, что Ифлиза — одна из них. Эта мысль угнетала его.

В зале находились довольно много людей, которые расположились неподвижными группами. Никто не разговаривал. Посланцам достаточно было обмениваться взглядами, чтобы передать друг другу свои мысли. Когда Дал в сопровождении стражников вошел в зал, все повернулись к нему. Один человек отделился от своей группы и пошел навстречу. Другие тоже подошли поближе, облокотившись о низкие колонны, которые, наверное, могли служить также и столами, садились в мягкие кресла. Обстановка, освещение, неподвижные люди в белых одеждах,— все это создавало у Дала впечатление, что его изучают, рассматривают какие-то недоброжелательные статуи.

— Я — Повелитель Эллипсов,— передал свою мысль посланец, который приблизился первым.— Как тебе удалось разбить мою армию, тебе, явившемуся из призрачного мира?

Дал смотрел прямо в глаза посланца, одновременно видя затылок своего собеседника, но это его больше не смущало.

— Почему у тебя такое напыщенное и абсурдное имя? — дерзко спросил он.

Ропот недовольных мыслей зазвучал в голове у Дала, затем сквозь них прибился тихий голос повелителя.

— Эллипс — это фигура, олицетворяющая мудрость, поскольку она имеет две полуокружности, которые ее уравновешивают.

— А что ты делаешь со своей мудростью,— возразил Дал,— когда сажаешь в тюрьму и убиваешь свой народ?

— У меня достаточно терпения, и, кроме того, ты меня интересуешь,— ответил Повелитель.— Хорошо, я отвечу. Если ты имеешь в виду отверженных, знай, что они вынашивают разрушительные и пагубные теории и продолжают свои опасные исследования. Их карают в общественных интересах.

— Интересы общества всегда служили прикрытием для осу-

ществления личных амбиций. Это обычное поведение тирана, но не мудреца.

— Хорошо. Я уже устал давать снисходительность твоей дерзости, мое терпение кончается. Теперь ты ответишь на мои вопросы.

— Сначала ты ответишь на мои,— отрезал Дал.— Сейчас я владею ситуацией. Я освободил отверженных, и теперь они мои союзники. Мой спутник располагает тем же оружием, что и я; сейчас он во главе тех отверженных, у которых ты отнял память.

— Замолчи! Я легко могу уничтожить эту жалкую армию, и я сделаю это, если только им придет в голову безумная мысль меня атаковать. Зачем ты пришел сюда?

— Я уже сказал, что буду сам задавать тебе вопросы. Получив на них ответ, я смогу ответить на твои. Я принадлежу к народу, который смертен. Кое-кто у нас смог разработать способ путешествовать в стране наших мертвых, и вот я здесь. Но вместо того, чтобы встретить здесь наших мертвых, я встретил живых, которые на нас похожи. Что это означает? Какая связь существует между вашим и нашим мирами?

Тишина. Затем:

— Ты действительно похож на Гараля, или, как его зовут, Гараля Великого, который стал изменником, перебежчиком, лжецом. Сейчас он отправился в запретное путешествие, а по возвращении превратится в отверженного.

— Какое путешествие? В каком направлении?

— Ты не должен это знать.

Снова поднялся недовольный ропот. Кто-то произнес «аналогия», кто-то — «скандал». Разгоралась мысленная перепалка.

Дал старался пробиться мыслью через весь этот шум.

— А почему твоя дочь Ифлиза похожа на невесту, которую я потерял? Будешь ли ты и дальше утверждать, что между твоим и моим миром не существует никакой связи?

— Гараль и отверженные думают, что мы каким-то образом связаны со вселенной, отличной от нашей, но это не твой мир. Они предполагают, что из этой вселенной к нам приходят все катастрофы, тогда как я считаю, что они происходят по неизвестным нам законам. Они стали узниками потому, что их исследования могут уничтожить наш мир, несмотря на то, что их учение, конечно же, ошибочно.

— Ошибочно? А что ты знаешь об этом? Если ты признаешь мое существование, то тебе придется признать и существование моей вселенной. Так почему же не быть и другим? Ведь есть много способов узнать правду: исследования, полеты, путешествия. Как можно чего-то добиться, сидя на месте? Сидеть на месте можно только из страха перед неизвестным. Но разве в неизвестности не таится самая большая опасность?

— Ты рассуждаешь, как отверженные, как Гараль. Я не собираюсь вступать в дискуссию с жалким плоским существом, пришедшим из своего туманного мира, чтобы давать мне уроки мудрости. Мы продолжим этот допрос позже. Пусть его отведут в его камеру и разрешат ходить по всему дворцу, где он захочет, а то вдруг вообразит себе, что представляет для нас опасность.

Посланец повернулся к Далу спиной. Стражники подошли к своему пленнику.

* * *

После того, как Дала отвели в его камеру, он долго сидел на ложе, на котором спал. Казалось, он держит в руках клубок, все нити которого кто-то перепутал; за какой конец не потяни — все равно не распутать. «Я могу свободно ходить по дворцу»,— вспомнил он вдруг и с опаской поднялся. Воспоминание о мучительном удушье еще было свежо в его памяти. Двигаясь медленно и осторожно, он отошел от того места, где его оставили. Да, действительно, теперь он мог передвигаться свободно. И ему в голову пришла новая мысль: «Они потеряли осторожность. Самоуверенность ослепляет их». На самом деле он ничего не смог бы сделать, обезоруженный и одинокий. Впрочем, все же лучше иметь хоть какую-то свободу, чем быть пленником.

Все коридоры перед ним были открыты. Он двинулся в направлении, противоположном тому, откуда его привели, надеясь случайно обнаружить переходы или коридоры, связанные с башней, куда унесли его конфискованное оружие. Он не особенно уповал на удачу, но было приятно хоть как-то действовать. Дал испытывал смутное желание встретить Ифлизу, но понимал, что эта встреча только усилит его подавленность.

Он прошел через зал для игр, где две группы посланцев перебрасывались диском с острыми кромками; диск со свистом летал от одной группы к другой. Игроки ловили его маленькими круглыми щитами, от которых диск отскакивал и летел обратно. Руки и лица многих игроков были изуродованы глубокими шрамами. Он прошел мимо, но никто не обратил на него внимания. Затем на пути Далу попались люди, несущие подносы со странными кушаньями: дымящиеся разноцветные диски и спирали. Потом мимо прошли какие-то важные персоны с цилиндрами.

Изнутри дворец оказался больше, чем можно было подумать, глядя на него снаружи. Вскоре Дал попал в какое-то пустынное место, куда едва проникал свет. Ступать приходилось осторожно, чтобы не упасть в нижний пролет, так как здесь не было ни стен, ни перил, ни баллюстрады. Так Дал ходил какое-то время почти

на ощупь, пока не понял, что заблудился. Впрочем, Повелитель Эллипсов сможет быстро разыскать его, если захочет.

Он шел мимо комнат, погруженных в глубокую темноту, и, заглядывая туда, ничего не мог различить. Затем, когда глаза привыкли к темноте, он с трудом разглядел силуэты людей, лежащих на стоящих рядами кроватях. Все они были совершенно неподвижны. Сон? Обморок? Медитация? Это могли быть философы, или больные, или труженники на отдыхе. Он двинулся дальше наугад.

Стало немного светлее. Это был бледный свет, который проистекал с потолка под каким-то немыслимым углом. Появился круглый двор, похожий на дно колодца: очень высоко едва виднелось небо. Во дворе собрались люди. Подойдя ближе, Дал почувствовал, что его мозг наполнился музыкой с диссонирующими аккордами, которая, казалось, несла запахи, цветовые ощущения, смутные и противоречивые чувства. Чем ближе он подходил, тем яснее, четче становилась мелодия. Боль и радость, отчаяние, желание и надежда — все было в этой музыке и все подходило к тому состоянию, в котором находился Дал. Все чувства его обострились. Теперь это была одновременно и музыка, и живопись, и театр, единственным актером которого был он сам. В одно мгновение его личность, сердце и рассудок приняли совершенно новые формы.

Но полностью отдаться наслаждению не позволяло его теперешнее положение. Он был готов одновременно и к убийству, и к самоубийству. Еще один миг — и он бросится на эту созерцающую толпу, она заплатит за все его страдания, даже за те, которых не причиняла. Весь дрожа, он отступил назад и бросился дальше по коридорам.

В конце другого наклонного перехода оказался выход на залитую солнцем террасу. Солнце все еще стояло очень низко над горизонтом. Большая толпа людей сидела прямо на полу, внимая посланцу в белых одеждах. Гром передаваемых мыслей раскатился в голове у Дала: «Вы — посланцы Разума, всемогущего Разума, который дарит нам наше счастье и наше горе, который может оказаться ночью среди дня и вихрем в закрытой комнате. Он всемогущ, и вы должны узнавать знаки Его могущества, а не искать, подобно отверженным и другим предателям, причины внешнего характера во всех священных проявлениях. Тот, кто пойдет по пути богохульников, будет проклят, отвержен и сослан в лабиринт. Его покарает наша десница. Наш голос прогонит его прочь. Наш разум возмутится против него. Наше сердце будет его ненавидеть. Но вы, посланцы первичного Разума, вы будете чисты и получите высшее блаженство, если будете следовать Его законам. Вы проживете долгую жизнь, уповая на Его величие и силу, и спокойно уйдете в небытие смерти. Тот, кто ищет в своей смерти продолжение

жизни, лишь напрасно теряет время и не выполняет своего долга живущего в этом мире. Но тот, кто, напротив...»

Дал снова отступил назад. Бред проповедника еще больше усилил сумятицу в его мыслях об этой странной планете, где таким непонятным образом переплетались самые противоречивые явления. Он продолжил свой путь и углубился в недра дворца.

Переход, по которому он шел, вскоре привел его к круглой двери: за ней находился огромный пирамидальный зал. Дал вошел. Мягкий свет падал на стены, высвечивая бесконечное множество ячеек в виде кресел. Эти ячейки усеивали стены от пола до самой вершины, и от пола к вершине, мимо всех ячеек, шла наклонная дорожка; все вместе напоминало улей. Дал двинулся по этой дорожке. Уже в первой ячейке он понял, для чего они предназначены: он находился в библиотеке. Его мозг автоматически получал телепатическую информацию: история, наука, религия, литература, музыка, технология, медицина и так далее. Он остановился у ложи современной истории, надеясь пополнить теоретические познания и одновременно, обнаружить что-нибудь, касающееся Ифлизы. Это было вполне вероятно, ведь Ифлиза — дочь Повелителя Эллипсов. В какой-то мере официальное лицо, она должна была попасть в хронику.

Он поднялся уже на половину высоты здания. Около каждой ложи тихий и мягкий голос приглашал ознакомиться с бесконечным множеством различных изданий, приглашал сесть и сосредоточиться на конкретной теме; тотчас же начиналась мысленная трансляция. «Какое же это сокровище для отверженных!» — подумал Дал. Однако имя Ифлизы нигде не фигурировало, и Дал уже собирался перейти к более общим вопросам, чтобы хоть как-то разобраться в сложившейся ситуации, как вдруг голос предложил ему передачу из Института Эллипсов о «гениальном исследовании Гараля Великого» с последующими «гипотезами о предательстве Гараля и о причинах его мерзкого путешествия».

Дал тотчас же устроился в кресле, высеченном в стене, и сконцентрировал свои мысли на титрах передачи.

— Мы не будем останавливаться на хронике великих потрясений,— продолжал голос,— отметим только зловещее сияние, исходившее от ближайшего солнца, и события последующих дней. Умерло множество людей, река вышла из своего русла, подземные животные вытоптали плодоносные земли, а ядовитые растения распространились далеко за пределы своей обычной зоны. Настала эпоха скорби и уныния, и опустошение сдавило наш мир так, как мы раздавливаем созревший плод.

Дал невольно подумал о Голубой Войне, которая повлекла в его Вселенной катастрофы не столько космического, сколько общечеловеческого порядка.

— Итак,— продолжал тихий голос,— итак, однажды Гараль Великий увидел сон...

«Золтан тоже примчался ко мне после сновидений»,— подумал Дал, не пытаясь, впрочем, делать какие-либо выводы.

— ...сон, в котором он увидел себя раздвоившимся; при этом одно его изображение продолжало спать, а другое — бодрствовало. И Гараль Великий пробудился, говоря себе: «Необходимо, чтобы чередование дня и ночи вернулось в свой прежний ритм. А для этого необходимо, чтобы небесные силы пришли в равновесие».

Дала поразило это новое упоминание о раздвоении, самой отличительной черте этого мира.

— В это самое время Гараль Великий был призван на кафедру космических структур университета Эллипса. Удалить планету от солнца было сложной, слишком сложной задачей, чтобы осуществить ее имеющимися техническими средствами в необходимые сроки. Гаралю предстояло найти собственное решение проблемы.

Последовало нечто вроде тихого покашливания, пауза, дающая слушателям время осмыслить все сказанное раньше.

— Итак,— возобновилась телепатическая передача,— Гараль подошел к решению проблемы с помощью пространственно-временных отношений, а не просто имея в виду обычную гравитацию. Он сосредоточил все Зеркала Небытия и сделал необходимые расчеты, чтобы их соответствующим образом направить и привести в действие в нужный момент. Настал день этой операции. Цепь Зеркал была установлена вокруг планеты; контакт передавался по цепи. Черные лучи устремились во Вселенную, свертывая преференциальные участки пространства. Продолжительность дня моментально увеличилась, и следы катаклизма исчезли.

Новая пауза, во время которой Дал задался вопросом: не были ли все потрясения этого мира отголосками Голубой Войны, и что могло бы произойти на Земле, если бы народы в двухмерном измерении аннигилировали большие пространства?

— После обзора событий космического и научного характера переходим к их политическому и личностному аспекту. Найдя свое необыкновенное решение, Гараль Великий приобрел огромный авторитет, после чего счел для себя возможным выдвигать различные смущающие разум теории. Так, например, он утверждал, что откровение, пришедшее к нему во время сна, было ни чем иным, как проявлением внешнего разума, принадлежащего расе, отличной от нас. Он дошел до того, что в своих гипотезах опасно затронул бредовые идеи отверженных, касающиеся мифического существования невидимого народа, несущего ответственность за все чудотворные явления. Повелитель Эллипсов велел ему предстать перед своей особой и потребовал положить конец распространению этих

толков, которые могли в конце концов возмутить общественное мнение. Более того, он снизошел до разговора на равных, учитывая исключительные заслуги обвиняемого, и благосклонно высказал Гаралю все справедливые упреки, тем более, что тот пользовался расположением Ифлизы Мудрой, дочери Повелителя.

Дал подумал, что Гараль был не так уж далек от истины, хотя в некоторых моментах явно заблуждался. То, что проповедник говорил о циклонах в закрытой комнате и о внезапно наступающей ночи, не имело ничего общего с катаклизмами в космосе. Вспоминая свои беседы с Золтаном, Дал подумал о том, что Гараль вполне мог предвидеть существование какого-то мира в пяти измерениях, но ничего не знал о Вселенной в трех измерениях.

— Таким образом, Гараль, которого люди считали теперь спесивым и высокомерным, решил посвятить все свои усилия исследованию этого им придуманного мира, совсем как отверженные в недрах своего лабиринта. Несмотря на запреты Повелителя, несмотря на мольбы и упреки Ифлизы, Гараль не отказался от своего намерения и был объявлен отверженным. Расследование установило, что он неоднократно встречался с тайным представителем отверженных в глубинах лабиринта, и тогда солдаты окружили лаборатории космических структур.

Дал жадно внимал этому голосу. Чем больше он получал информации об этом мире, тем больше находил в нем сходства со своим, как в зеркале.

— Но Гараль окружил лаборатории энергетической стеной, непреодолимой для войска. И тогда кто-то предложил применить Зеркала Небытия, хотя Гараль должен был понести только одно наказание: лишение гражданских прав и забвение. Он не был приговорен к смерти. Кроме того, было неизвестно, смогут ли Зеркала разрушить энергетическую стену, созданную обвиняемым. Решили дождаться добровольной сдачи могущественного отверженного. Но, когда энергетический барьер был снят, выяснилось, что Гараль исчез. Его ассистенты на допросе заявили, что он исчез совершенно внезапно: закрылся в комнате и заделал наглухо единственный вход, а когда комнату снова открыли, она оказалась пустой. Комнату тщательно осмотрели, но ничего не нашли. Потом кто-то вспомнил, что здесь должен быть хорошо замаскированный люк. Люк нашли и открыли; под ним оказался колодец, на дне которого обнаружили тело Гараля. Тело носило все признаки смерти, но не разложилось.

«Такая же смерть, как моя,— подумал Дал.— Он отправился исследовать незнакомые страны, только без некронефа».

— У колодца, где спал вечным сном отверженный Гараль, установили постоянное наблюдение. Возможно, он был мертв, возможно, находился в своем возмутительном путешествии, но, тем

не менее, Институт Эллипсов объявил его мертвым, чтобы вместе с ним похоронить его пагубные идеи. Ты, слушающий меня, будь осторожен, ибо ложное учение приведет тебя к забвению.

Дал собрался покинуть ложу прослушивания. Аналогии накапливались, но в то же время были слишком разрозненными; многие факты были совершенно необъяснимы.

Но, когда он поднялся, снова раздался голос; сеанс еще не был окончен.

— Вот так Гараль покинул этот мир, покинул своих близких. Узнав об этом, Ифлиза Мудрейшая пришла поклониться погребальному колодцу, и здесь, рядом со своей оборвавшейся любовью она, казалось, потеряла и смысл жизни, и чувство ответственности. На замкнутой реке она села в лодку, чтобы отправиться к месту, где солнце находится в зените. Зная о вредоносном действии его перпендикулярных лучей, она уравняла скорость движения лодки и звезды, чтобы постоянно находиться под смертельным облучением во время полного периода обращения планеты. Однако эта попытка самоубийства ни к чему не привела, ибо опасными были лишь многочисленные проходы через зенит. Одна, пусть продолжительная, экспозиция не давала того же результата. Ифлиза вернулась во дворец своего отца, где ей снова по достоинству пожаловали ее титул. Отныне все могут и должны, мысленно обращаясь к ней, именовать ее «Ваша Мудрость».

Это было заключение. Подождав еще немного, Дал поднялся и покинул ложу прослушивания. В его мозгу будто колокол гудел, а сердце билось, как барабан.

Было очевидно, что попытка самоубийства Ифлизы имела как следствие смерть Каллы. Если даже эти два факта не были причиной и следствием, то все равно должна была существовать какая-то связь.

Дал медленно спускался по наклонной дорожке, вьющейся вокруг пирамидального здания, и вдруг увидел дверь... но куда вела эта дверь? В паноптикум? Он попытался определить, где находится, но тотчас же понял, что заблудился окончательно. Теперь ему снова предстояло долгое скитание по наклонным переходам, залам и террасам.

Но он не смог найти ни террасу с проповедником, ни аудиторию театра музыкальной живописи, ни зала странных и опасных игр. Внезапно он вышел в амфитеатр, в стене которого с большой высоты открывалась широкая панорама на равнину. Дал подошел к краю пустынного амфитеатра и стал вглядываться в далекие окрестности, над которыми медленно, как улитка, поднималось солнце. Он видел, как на горизонте заклубилось облако пыли; это облако быстро приближалось, и вскоре можно было различить детали: мириадами прибывали черные кирасы.

5

Неизвестно по какой причине, но посланцы не возвели никаких укреплений вокруг дворца Повелителя Эллипсов. А, собственно, зачем? Ведь не существовало никакой политической оппозиции, а отверженные, целые их поколения, были надежно заперты в своем гигантском лабиринте. Конечно, они могли вырваться на свободу, но презрительное отношение к ним со стороны посланцев никак не способствовало повышению бдительности.

Дал задавал себе вопрос: почему владыки мира сего пренебрегли самыми элементарными мерами предосторожности и что они будут делать, когда получат информацию о восстании? Они явно недооценивали силы противника. Зеркала Небытия? Да, конечно. Но Голубые Мечи пришельцев? Мужество отверженных? Их численность?

Между тем армия приближалась, и очень скоро Дал заметил, что, кроме обычного оружия, среди атакующих четко выделялись очертания множества Зеркал, которые, видимо, были захвачены у разбитого противника. Если они ударят первыми, то разнесут всю резиденцию еще до того, как посланцы успеют подготовить к бою свои Зеркала.

Дала охватила мелкая дрожь. Без своего щита он чувствовал себя как краб, с которого содрали панцирь. И если даже Ифлиза — не Калла, он все равно испытывал страх за нее, как будто возможная смерть Ифлизы стала бы для Каллы второй кончиной.

Между тем, к обороне готовились. Залы и переходы наполнились скрежетом кирас. Через широкий проем стены Ортог видел, как внизу выстраивались бесконечные линии воинов; через равные промежутки угрожающе блестели Зеркала. И это, без сомнения, был лишь первый оборонительный рубеж: его должны были усилить многочисленные и хорошо вооруженные солдаты.

Как бы в ответ черная армия начала растягиваться. Длинной извилистой линией колонны приступили к маневру охвата. Это должно было означать, что дальность действия Зеркал была сравнительно небольшой, и отверженные явно не собирались сразу вводить в бой свою лучевую артиллерию, слишком слабую для подобной дуэли. Они, видимо, решили, что окружение резиденции — тактика наиболее благоприятная и менее рискованная. Равнина постепенно исчезала под черными кирасами; на таком расстоянии люди казались насекомыми в вертикальном положении. Для того, чтобы прибыть сюда так быстро, повстанцы, очевидно, воспользовались тем же способом передвижения, что и Ортог. Рыцарь-навигатор представил себе замкнутую реку, сплошь покрытую черными латами, несущимися, подобно урагану, перед растерянными взглядами прибрежных жителей.

Дал довольно долго неподвижно стоял в проеме амфитеатра, куда все еще доносился шум суматохи, сопровождающей подготовку к обороне. Жгучее чувство досады от собственной беспомощности постепенно уступило место оцепенению. Он просто стоял и смотрел, безразлично, как посторонний наблюдатель.

Черная армия внизу полностью развернулась и замерла. Вдали были едва различимы другие Зеркала, прикрывающие арьергард. Совсем близко застыла двойная линия белых кирас. Все происходило, как во сне: осада, молчаливое и неподвижное противостояние двух армий. Это было как пророчество о том, что будет. Это было похоже на что угодно, только не на то, что происходило в действительности. И тем не менее, над рядами воинов дул ветер холодной ненависти, предвестник страшной битвы. И вдруг в помутившемся сознании Ортога раздался голос:

— Эй, рыцарь, вы все еще в этом мире или уже в ином? Зная присущее вам любопытство, я вполне допускаю, что вы способны пойти поискать смерть внутри самой смерти!

Золтан, как всегда, выражался причудливо, но, главное, умел передавать свои чувства на очень большое расстояние.

— Я жив,— тихо ответил Дал.— Точнее, я продолжаю жить в этой смерти, о которой вы говорите, Гендерсон.

Теперь по его лицу блуждала улыбка. Посторонний наблюдатель вполне мог бы принять его за сумасшедшего, пребывающего во власти своих химер.

— Отлично,— продолжал Золтан откуда-то из глубины равнины.— Я сейчас нахожусь среди отверженных, которые обложили какие-то здания, очень странные. Где сейчас вы?

— В этих зданиях. Пленник самым глупым образом. Что стало с некронефом?

— Он около лабиринта, под надежной охраной. Мы забрали его у посланцев, и я решил, что не стоит пользоваться им дальше, чтобы не рисковать. Одному дьяволу известно, во что он может превратиться под черными лучами, а ведь только на этом корабле мы сможем вернуться в Лассению.

— Вы поступили правильно. А все, что происходит здесь, еще более сгущает тайну этого мира и его связи с нашим. Мой двойник спит здесь так же, как я сплю в Храме. Так же, как и я, он исследует другую вселенную. Я встретил здесь другую Каллу, которая меня не знает и которую мой двойник довел до попытки самоубийства. Все это покрыто мраком. Деспот этой страны вовсе не горит желанием прояснить что-либо. Его называют Повелителем Эллипсов, это у них какой-то символ равновесия...

— Эллипс — это всего-навсего испорченный круг, мой дорогой. Мы докажем ему это, когда возьмем штурмом дворец. Я полагаю, что оружие у вас отобрали?

— Я позволил обезоружить себя этой второй Калле.

Его мозг опять затуманился. Вторая Калла! Наверное, все же его Калла действительно умерла, а Ифлиза — совершенно чужая девушка.

— Послушайте, возьмите себя в руки,— сказал Золтан полунасмешливо-полусерьезно.— Я уверен, что мы разрешим эту загадку и ваше путешествие не будет таким уж бесполезным.

Дал сделал над собой усилие.

— В этом мире произошли мощные космические катаклизмы. Кажется, они произошли уже после нашей Голубой Войны, но течение времени здесь, по-моему, отличается от нашего, и я уверен, что их время и наше связаны какими-нибудь математическими законами. Гараль, мой двойник, положил конец этим потрясениям своими методами, и его действия мало чем отличаются от того, что делал в свое время я, чтобы спасти нашу планету от смерти.

Он остановился. По равнине вдруг разлился ослепительный свет; ярко-зеленый вначале, он постепенно темнел. Черные кирасы разметало вихрем; рвались боевые порядки посланцев. Гигантский песчаный смерч, казавшийся черным, взметнулся между двумя армиями; небо потемнело. Все это сопровождалось резким свистом, невыносимым для слуха. Мысль Золтана начала блуждать, уходить. Дал принимал ее теперь, как плохую радиопередачу, искаженную атмосферными помехами:

— Что случилось?.. Конец света?.. Вы все еще...

Из основания смерча с воем вырвалась красная вспышка и, как меч, вонзилась в небо. Песок хлестал о прозрачное покрытие амфитеатра. Инстинктивно Дал отступил назад.

Но вдруг внутри амфитеатра поднялся ужасной силы ветер. Вихрь, взявшийся ниоткуда, сбил Дала с ног и швырнул на землю. Он с трудом поднялся, борясь с бешеной силой ветра. В голову пришли слова проповедника, сказанные на террасе: «Он появляется иногда внезапной ночью или циклоном в закрытой комнате...» Что же это — явление природы или проявление какой-то грозной силы?

Самое страшное, что было сейчас,— это наступившая тишина. Грохот стихал, свист, доносившийся снаружи, постепенно терял свою силу. Наконец он затих совсем, и наступила обманчивая тишина, пришедшая на смену умирающему урагану. Ужасный свет снаружи все еще заливал равнину. Внутреннее помещение амфитеатра казалось акварелью, в которой чувствовалась агония. С каплями пота на лбу Дал созерцал эту картину конца света. Казалось, теперь он может узнавать время по часам без стрелок, говорить, не зная алфавита, кричать с кляпом во рту. И в этот момент в его сознание снова проникла мысль Золтана; телепатическая связь становилась все четче и четче.

— Вы уже видели что-нибудь подобное на этой части планеты?

— Нет,— ответил Ортог,— но это, кажется, время от времени повторяется. Посланцы приписывают эти явления божественному началу, богу, который не обещает загробной жизни, тогда как отверженные видят в них материал для своих исследований.

— Это действительно так. Ткач говорил мне о подобных чудесах, которые иногда происходят у них в лабиринте. Независимо от причины, их порождающей, они одинаково наводят панику и на тех, и на других.

— Не могли бы вы собрать вокруг себя ударные силы отверженных, например, Ткача Памяти и его охрану?

— Они-то как раз и не нуждаются в поддержке. Если они и напуганы, то не подают вида.

— Этого не скажешь о воинах, которые окружают меня. Их ряды полностью разбиты и восстанавливаются очень медленно. Если бы ваша армия была поближе, можно было бы провести быструю атаку.

— В рядах отверженных все еще царит паника, а воины элиты очень немногочисленны. Но у меня появилась другая мысль; можно ее попробовать, пока посланцы еще уязвимы.

— Что же это?

— Вы можете свободно перемещаться и мысленно вызвать к себе кого-нибудь из посланцев?

— Перемещаться — думаю, что да, хотя я заблудился в резиденции, но кого-то вызвать — не знаю. Сейчас попробую. А в чем заключается ваш план?

— Постарайтесь встретить этого Повелителя, про которого вы мне рассказывали. Скажите ему, что все катаклизмы связаны, несомненно, с нашим миром и, в частности, с нашим присутствием здесь. Предложите ему следующее: мы немедленно возвращаемся, как только разрешим загадку двойников, и при условии, что с отверженных будет снята их кара — амнезия.

— А Калла?

— Она — часть проблемы.

— У меня тоже появилась идея. Я предложу ему войти в контакт с Гаралем, чтобы выяснить природу всех этих явлений.

— А каким образом вы собираетесь войти в контакт с вашим двойником?

— Можно опять использовать для этого наш корабль. Ведь это вы натолкнули меня на данную мысль, когда сказали: «Вы способны идти искать смерть внутри самой смерти».

— Повелитель ответит отказом, так как все исследования в этой области строжайше запрещены. С вашей стороны это будет богохульством.

— Под это можно подвести политическую базу. Повелитель,

возможно, и согласится, если не поднимать шума вокруг этой попытки. Тут есть другая сложность. Он откажется снять амнезию из страха, что тогда отверженные сметут посланцев с лица земли.

— Между двумя группами можно заключить соглашение; превосходство посланцев, владеющих зеркалами, будет служить гарантией его лояльного исполнения. Что вы об этом думаете?

Дал размышлял, вперив невидящий взгляд в равнину, где освещение постепенно приобретало свой нормальный цвет.

— Я попробую.

Повернувшись спиной к балюстраде, за которой осталась равнина, где две армии пытались восстановить свои ряды, Дал пересек амфитеатр и вновь отправился в путь по наклонным переходам в надежде встретить кого-нибудь из посланцев и установить с ним телепатическую связь.

* * *

Дворы, переходы, залы и коридоры были пустынны. После долгих поисков Дал случайно оказался около библиотеки, и как раз в тот момент, когда оттуда появилась какая-то фигура и стала быстро удаляться в глубину коридоров. Дал ускорил шаги, догнал посланца и встал перед ним, стараясь привлечь внимание и уловить его мысль. В отличие от Золтана, он не был телепатом, но по опыту знал, что контакт возможен, если посланец того желает.

Начался мысленный диалог.

— Ты тот самый пришелец из другого мира? — сказал посланец скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Я хочу разговаривать с Повелителем Эллипсов. Возможно, я смогу быть полезным для всех вас.

— Повелитель не дает аудиенцию, а тем более в теперешней ситуации.

— Именно сейчас аудиенция необходима. Время не ждет. У меня есть веские основания полагать, что возможны новые катастрофы, если мы с другом в самое короткое время не возвратимся назад, в свою Вселенную. Если ты имеешь какое-либо влияние в окружении Повелителя, сделай так, чтобы он меня выслушал.

— У меня не больше влияния, чем у других. Я всего лишь служащий в библиотеке.

— Хорошо. Тогда будь хотя бы моим проводником: я заблудился. Проводи меня в ту часть здания, где находится Повелитель, а уж я сумею сделать так, чтобы он меня выслушал.

— Ты очень самоуверен, плоское существо. Ну, хорошо. Следуй за мной.

Они двинулись в путь. Посланец легко ориентировался в

путанице коридоров, такой же сложной, как лабиринт отверженных, и очень скоро они оказались в широкой галерее, по обеим сторонам которой выстроились ряды солдат в белых латах.

— Здесь я вынужден тебя покинуть,— тихо сказал проводник.

С этими словами он исчез в конце галереи. Дал остался один среди неподвижных кирасиров. Никто не обращал на него внимания. Тогда он подошел вплотную к одному из солдат и стал пристально смотреть на его, превозмогая неприятное ощущение от того, что видел его одновременно со всех сторон. Посланец не реагировал. Наклонив голову, Дал бросился на него, обхватил руками, снова испытав отвратительное чувство от попытки захватить что-то неосязаемое. Как можно ухватить предмет, находящийся в четырех измерениях? Наверное, необходимо изменить конструкцию некронефа таким образом, чтобы его пассажиры получали бы нечто вроде дополнительного транзитного измерения, достаточного для установления реального контакта, но в то же время отличались бы по объему от обитателей этого мира.

Драка была короткой. Посланец выхватил оружие, и Ортог отлетел назад, отброшенный вспышкой. Он упал на пол, но это был только шок: мощность разряда была уменьшена. Когда сознание вернулось к нему, он увидел, что несколько посланцев поддерживают его около двери, соединяющей галерею с небольшим треугольным залом. В центре пустого зала одиноко возвышалась фигура посланца; доспехов на нем не было. Ортог поймал его мысль:

— Тебе оказалось мало той свободы, которую мы тебе предоставили. Теперь ты начинаешь бросаться на моих солдат.

— Я только хотел привлечь внимание. Мне необходимо говорить с Повелителем Эллипсов.

— Расскажи мне, о чем ты хочешь говорить с ним. Я занимаю высокий ранг.

— Нет. Проводи меня к нему. Это очень важно и срочно. Знай, что я и мой спутник — мы должны вернуться назад, тогда прекратятся все ваши катастрофы.

— Мы могли бы предать вас смерти. Но это решает только Повелитель.

Посланец приблизился и сделал Ортогу знак идти вперед. Дал, окруженный солдатами, с трудом двинулся в путь. Короткий переход привел их в зал, где он уже встречался с Повелителем. И сейчас Повелитель Эллипсов находился здесь, окруженный посланцами, с которыми он вел мысленную беседу. В сознании Дала раздались слова:

— Опять он! Что он хочет?

Рыцарь сформулировал свое предложение. Воцарилась тишина, никаких мыслей. Затем:

— Я разрешаю тебе встретиться с Гаралем, если ты на это способен, в чем я сильно сомневаюсь. Но твой спутник останется здесь заложником. Что же касается связи между твоим и моим народами — это заблуждение, не представляющее интереса. И, наконец, что касается амнезии отверженных — не может быть и речи, чтобы ее снять. Только за одну эту безумную просьбу тебя следовало бы приговорить к смерти. Я все сказал. Дайте ему возможность осуществить свой проект сразу после того, как здесь появится его спутник.

Повелитель дал понять, что аудиенция закончена.

Дала снова отвели в комнату, где он когда-то был пленником. У входа встал солдат, имея приказ вступать в мысленный контакт, когда Дал этого пожелает. Опять наполовину пленник, он подошел к окну, которое совсем недавно было недоступным для него; сквозь стекло были видны обе армии, которые к этому времени уже успели восстановить свои боевые порядки.

Дал пытался нащупать телепатическое послание Золтана, но барон, по-видимому, находился за пределами действия телепатии. Если он отправился к кораблю, то реализация их планов займет много времени: Золтану придется либо идти пешком, либо обогнуть планету по замкнутой реке. Несмотря на небольшие размеры планеты, путь все равно был неблизкий.

Внезапно в голове Дала прозвучал смех.

— Корабль уже в пути. Скоро он будет на месте.

Дал подскочил.

— Как вам удалось?

— Черт возьми! Я велел нашим распрекрасным отверженным отбуксировать его за тросы к реке. Корабль будет на месте еще до того, как солнце встанет в зените.

— Надеюсь. Это солнце, кажется, стоит на месте, так медленно оно движется. Кстати, известно ли вам, что Повелитель — меня уже тошнит от этого слова — хочет держать вас в качестве заложника все то время, пока я буду в контакте с Гаралем, моим спящим двойником?

— Кое-что слышал. Это меня нисколько не смущает.

— А вот мне это совсем не нравится. Однако я не вижу способа, как избежать этого условия Повелителя...

— Я говорил с Ткачом Памяти о возможном снятии амнезии с отверженных. Что там у вас слышно об этом?

— Повелитель Эллипсов угрожал смертью, когда я задал этот вопрос.

— Тем хуже. Мы будем вынуждены его заставить. Если вам удастся найти Гараля, он, несомненно, встанет на нашу сторону. Он может оказать нам серьезную поддержку.

— Меня смущает еще одно обстоятельство: когда вы появитесь

здесь с кораблем, Повелитель может легко забыть все свои обещания и прикажет уничтожить корабль.

— Я пока еще владею моим мечом и моим щитом. Кроме того, в гондоле я велел установить два Зеркала. Хуже не будет. Так или иначе, некронеф — это теперь военный корабль, правда, уязвимый, но обладающий страшной поражающей силой.

— Итак, я жду вас. Предупредите, когда прибудет корабль.

— Можете рассчитывать на меня.

Дал еще раз окинул взглядом равнину, затем подошел к стоящему на страже солдату. Согласно инструкции, тот мысленно спросил:

— Что ты хочешь?

— Проводи меня к Ифлизе. Мне необходимо поговорить с ней.

Какое-то мгновение посланец колебался, затем:

— Хорошо. Я провожу тебя.

* * *

У входа в апартаменты Ифлизы пришлось вступить в переговоры. Ифлиза не принимала никого, и прежде всего чужестранцев, которые освободили отверженных. Она не понимала своего отца — на его месте она сразу же отдала бы навигаторов под суд. Дал попросил передать, что он собирается найти Гараля. Это вызвало бурный взрыв гнева, затем, без промедления, ему предложили войти.

От ее поразительного сходства с Каллой у Ортога снова перехватило горло. Совершенно абсурдное сходство, как во сне, когда видишь два различных предмета, но они поражают чем-то общим, и эта иллюзия исчезает при пробуждении. Сохранится ли это при возвращении назад? Если только удастся вернуться...

Далу с трудом удавалось формулировать свои мысли. У него было одно желание: в отчаянии сжать в объятиях это чужое существо, чтобы обнаружить присутствие Каллы. Но смерть протягивала ему приманку, некое подобие Каллы, чужое тело, которое присвоило себе ее черты. Дал очнулся:

— Мне известны твои отношения с Гаралем. Я знаю также, какие события заставили вас разлучиться.

— Ты ведешь себя, как шпион. Твое сходство с ним только усиливает мое презрение.

Но несмотря не это оскорбление, в мыслях Ифлизы уже чувствовалась сдержанность, она стала более мягкой и слегка меланхоличной. Это уже не была та властная амазонка, которую он увидел в первый раз, теперь это была просто покинутая женщина.

— Горе и досада заполняют твои мысли. Я не сержусь, потому что понимаю тебя, ведь я ищу в тебе ту, которую потерял.

— Мне не нужна твоя жалость; прекрати свои безумные речи, иначе я велю выгнать тебя отсюда.

— Хорошо, больше ни слова об этом. Мне бы хотелось, чтобы ты объяснила воздействие вашего солнца на организм. В чем заключается его опасность?

Какое-то время Ифлиза молчала, ее мысли невозможно было прочитать.

— Солнце — это одновременно и жизнь, и смерть,— наконец заговорила она.— Жизнь — когда лучи падают наклонно, смерть — когда солнце в зените и его лучи падают вертикально.

— Но ведь оно бывает в зените каждый день!

— И каждый день в это время под роковым воздействием солнца мы делаем еще один шаг к собственному распаду.

— Что-то вроде старения?

— Возможно. В конце концов приходит день, когда мы становимся мудрее и богаче. Мы становимся взрослыми, и этот день празднуют все. Это зрелость.

Дал задумался. Ему показалось, что эти слова давали ключ к разгадке тайны. Но он не мог понять, какую дверь открывал этот ключ. Внезапно его осенила мысль:

— А ты взрослая?

— Совсем недавно.

Для Дала как будто забрезжил луч света в потемках.

— А Гараль?

— Еще нет.

Пелена разорвалась, и мысли Дала понеслись с головокружительной быстротой.

— Теперь я знаю все. В нашем мире в древних суевериях говорилось о том, что, когда мы умираем, наше сознание улетает в страну, где мы становимся тенью. А ведь все происходит наоборот. Мы являемся тенями во время жизни. Вашими тенями. Лучи вашего солнца отбрасывают эти тени в наш мир, который вам показался бы плоским, как кажемся мы. Наше солнце отбрасывает на землю наши тени. Но это — тени в двух измерениях, лишенные жизни.

— Что это за бред?

— Это правда. Под лучами вашего солнца вы постепенно становитесь прозрачными вследствие воздействия каких-то неизвестных частиц. Это — старение для нас, ваших теней. И вот настает день, когда вы уже не даете тени в нашем мире. Это наша смерть. Она соответствует вашему состоянию зрелости. Ваша зрелость — интеграция вашей тени в ваше тело. И тогда мы приходим в вашу страну.

— Значит, ты — тень Гараля?

— Разумеется, раз я на него похож. А Калла — твоя тень, и это ты убила ее, подвергая себя риску облучения. Теперь она в

тебе. Ты была Ифлиза, чужая мне. Теперь ты Ифлиза и Калла одновременно.— Глубокое отчаяние охватило его.— Если это так, то я потерял Каллу навсегда. Что сделано, того не вернешь.

* * *

Дал чувствовал, как от Ифлизы исходит горячее сочувствие. Может быть, ему удалось пробудить то, что в ней было от Каллы, или, может быть, призрак Каллы сумел поймать обрывки воспоминаний, которые унесла смерть? Нет, просто это была мимолетная растроганность совершенно чужого человека.

— Во мне что-то происходит,— сказал вдруг Ифлиза,— что-то борется против безразличного отношения к тебе.— Пошли помехи, затем: — Это подтверждает твои слова, и все же это — безумие; я не могу в это поверить.

Ортог погружался в мрачное уныние. Снова появилась мысль: если Калла недосягаема, ему остается только умереть. После смерти он растворится в личности Гараля. Если Гараль добьется любви Ифлизы, Дал снова обретет Каллу. Они соединятся через посредников... Слабое утешение: ведь он больше не будет самим собой, все воспоминания уйдут в небытие... Дал с трудом взял себя в руки. Не стоит поддаваться отчаянию, так как еще ничто не доказывает, что все эти теории соответствуют истине. Прежде всего надо разыскать Гараля.

— Мне разрешат отправиться к колодцу, где спит исследователь?

— Разрешение ты получишь вне всякого сомнения, но я не хочу больше слышать его имя.

— А если он вернется к тебе, ты его оттолкнешь?

— Он вне закона. Он не подчинился моему отцу. Он отверженный, он лишен всех прав.

— И этого достаточно для тебя, чтобы потерять к нему интерес?

Снова тишина, как барьер, затем:

— Какая разница?

— Если я связан с ним, а Калла — с тобой, то ваши проблемы касаются также и меня. Но прежде всего необходимо прекратить войну между посланцами и отверженными. Если моя теория верна, многие ваши воины, участвующие в ней, еще не достигли зрелости. Многие из них погибнут и повлекут за собой преждевременную смерть такого же количества людей в моем мире. Я единственный, кто может повлиять на этот фатальный механизм смерти.

— Как ты сможешь это сделать?

— Мне должен помочь Гараль. То, что Калла принадлежит

отныне этой стране, не должно помешать мне выполнить свою миссию и защитить нашу расу. Моя ответственность повышается еще из-за того, что столкновение произошло по моей вине. О своей судьбе я буду раздумывать потом.

— Такие мысли делают тебе честь, но отверженные должны вернуться в свою тюрьму, а их вожди должны понести такую же кару, как они.

— Я — один из их вождей. Гараль — второй. В чем же предосудительны поступки отверженных, если их идеи правильны, а исследования заслуживают всяческого уважения?

— Не мне об этом судить.

Дал больше не настаивал. Ифлиза не могла вот так сразу освободиться от фамильных и социальных условностей, от всех тех предрассудков, которые сделали ее достойной представительницей своей касты. Он только сказал:

— Я прощаюсь с тобой. Я очень признателен, что ты согласилась меня принять. У меня такое чувство, как будто я побыл немного рядом с той, ради которой пришел сюда; кроме того, ты сообщила мне много интересного. Мне кажется, что теперь я держу в руках конец нити, связывающей воедино наши миры. А теперь я иду к тому, кого ты хотела бы ненавидеть...

Ответом ему была непонятная гамма противоречивых чувств. Теперь он знал, что завоевал ее доверие, что она уже сомневается в правильности поступков, продиктованных самолюбием. Однако женщины гиперпространства умеют скрывать свои чувства.

* * *

Не препятствуя желанию Ортога, солдат провел его в самое удаленное от центра место резиденции, где высились здания лаборатории Гараля. Отсюда уже можно было видеть двойной кордон войска, вытянувшийся вдоль стены. Через головы Дал увидел вдали неподвижные ряды черных кирасиров. Зрелище было впечатляющее: отверженные покрывали равнину подобно океану застывшего гудрона.

Следуя за своим проводником, Дал вошел в квадратный двор. В центре его возвышался небольшой павильон, тоже квадратный формы. (Ортог решил для себя, что он квадратный, так как другого определения подобрать не смог бы.) По обеим сторонам двери стояли посланцы; каждый из них держал в руках инструмент спиральной формы, назначение которых навигатор понял сразу, как только в голове раздались каскады звуков с меняющимся ритмом, которые сопровождались цветовыми ощущениями, совсем как радуга проступает сквозь пелену дождя.

— Музыканты? — спросил Ортог.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать. Институт Эллипсов разрешил близким бунтовщика поставить у его захоронения двух священников. И днем и ночью они повествуют о жизни Гараля Великого до его падения.

Дал подумал о гробнице Каллы там, на Земле. Нахмурился. Потом открыл пошире глаза, чтобы быстрее высохли набежавшие слезы.

— Идем,— сказал он.

Колодец внутри здания был погружен во мрак. Солдат сделал знак рукой, и стены колодца осветились. Внизу, на глубине нескольких метров, лежало тело Гараля. Дал отступил назад. Он знал, что посланец похож на него, но раньше никогда его не видел. Черты их лиц поражали необычным сходством, в остальном же они были похожи не больше, чем человек и его манекен.

— Он мертв или отправился в запретный путь?

— Никто не знает этого.

Но Дал это знал. Чем больше он об этом думал, тем больше его теория теней казалась реальной. Гараль не мог быть мертв, ибо его кончина повлекла бы за собой смерть Ортога. Он сосредоточил свои мысли в направлении неподвижного тела. Ответа не было. Гараль находился дальше, чем могло допустить воображение. Но Дал и не ожидал большего от этой встречи, он только сожалел бы, если бы она не состоялась. Повелитель Эллипсов не сомневался в тщетности этой встречи и именно поэтому разрешил ее. Но ведь он не мог знать, что свидание с Гаралем дает Ортогу новые силы для проверки своих предположений.

— Хорошо. Теперь отведи меня в центральное здание, что находится за большой башней.

Он хорошо запомнил место, куда унесли его оружие, и старался держаться поближе, надеясь, что случай или какие-нибудь события помогут ему вновь завладеть мечом и щитом. Интересно, что сделали посланцы с его оружием? Только бы им не пришло в голову подвергнуть его анализу: неудачные попытки могли бы привести к гигантской катастрофе, которая могла мгновенно уничтожить здание и обе армии.

В тот момент, когда они подходили к подножию башни, Дал снова услышал телепатическую передачу Золтана:

— Мой рыцарь, я рад сообщить, что корабль на месте.

— Уже?

— Вы, наверное, хотели сказать: наконец! Я просил наших друзей поспешить, но все же прошло довольно много времени. Ну да ладно. Не могли бы вы предупредить этих негодяев о моем прибытии, а то как бы они меня не встретили одним из этих проклятых черных лучей!

— Я займусь этим. Будьте любезны возобновить контакт через

некоторое время.— Дал обратился к своему проводнику: — Мой компаньон уже здесь. Он идет. Что ты можешь сделать, чтобы обеспечить ему безопасность?

Солдат в белых латах спокойно ответил:

— Я уполномочен отдавать соответствующие приказы. Наберись терпения, но не пытайся проникнуть в эту башню: там ты расстанешься с жизнью.

Он удалился, а Дал остался на эспланаде один. В зданиях не было никаких признаков жизни. Казалось, их покинули навсегда, хотя на самом деле они были переполнены вооруженными воинами, готовыми отразить атаку, если падет первая двойная линия обороны. Сейчас Ортог видел, как между двумя зданиями эта линия раздвинулась, образуя коридор.

Появился проводник Ортога.

— Твой спутник может идти вперед, но без хитростей, иначе вы умрете оба.

Дал не ответил, ожидая связи с Золтаном. И та не замедлила появиться.

— Будет ли усыпан лепестками цветов путь, по которому я пройду? Будет ли звучать триумфальная музыка, встречая меня?

Дал улыбнулся:

— Не совсем так, но вас ждут. Только следите за вашими движениями: эти люди не чувствуют себя в безопасности и чуть что, готовы открыть огонь.

— Дьявол! Хорошо, я буду осторожен.

Наступила тишина. Дал направился к тому месту, где в линии обороны образовался проход. У входа в коридор, образованный белыми латниками, он остановился.

Отсюда было видно, как вдали раздвинулись ряды черных кирас. Из-за холма появился корпус корабля и двинулся по проходу. Уже можно было различить Зеркала, установленные в гондоле. Между ними стоял Золтан; на его груди перекрещивались ремни, несущие меч и щит. Черный корпус корабля поблескивал под лучами солнца, которое, наконец, начало восходить.

Корабль медленно двигался вперед на небольшой высоте, все время находясь под прицелом Зеркал посланцев.

Вот он осторожно пересек ничейную землю и вошел в коридор, живые стены которого раздвигались при его движении. Когда корабль прибыл на место, гондола опустилась до земли и из нее вышел Золтан. Солдаты мгновенно окружили его и забрали оружие.

Дал приблизился и обратился к латнику, который, похоже, был командиром.

— Я вполне допускаю,— сказал он,— что заложник не имеет право носить оружие, но я отправлюсь в далекий путь, и мне оно

необходимо. Я имею разрешение Повелителя. Вы можете вернуть мне мои меч и щит?

— Возьми эти. Твоим оружием занимаются техники Зеркал.

— Вот этого я и боялся. Малейшая оплошность с их стороны — и половина вашей планеты перестанет существовать.

— Им это известно. Они это поняли с самого начала. А теперь ты можешь отправляться.

Дал взял меч Золтана и надел на плечо ремень его щита. Он пожал руку барону и снова обратился к посланцу, выступавшему в роли офицера:

— Если мой спутник несет ответственность за меня, то вы все отвечаете за его голову. Если до моего возвращения он подвергнется хоть малейшему насилию, я дам отверженным сигнал к атаке, и мы уничтожим все вокруг.

Он не стал говорить, что присутствие Золтана и Ифлизы не дало бы ему возможности осуществить свою угрозу, но посланец, видимо, серьезно отнесся к его словам, потому что ответил:

— Заложник — это не осужденный. Впрочем, во время твоего отсутствия отверженные не должны нас атаковать. В противном случае, заложник умрет, едва атака начнется.

Дал пожал плечами:

— От вас только и слышишь: умрет, умрет...

Он обратился к Золтану:

— О чем вы договорились с Ткачом?

— Задержать нападение. Они будут стоять в осаде.

— А если к Повелителю Эллипсов подойдет подкрепление, и они ударят с тыла?

К ним подошел офицер.

— Я все понял,— передал он свою мысль.— Зачем вы оба теряете время и говорите вслух? Что же касается подкрепления, то у них есть приказ приблизиться, но не нападать.

— Все, что ни делается — все к лучшему,— сказал Золтан.— Желаю вам удачи. Возвращайтесь скорее.

Дал поднял руку:

— До скорой встречи, Гендерсон!

Он поднялся в гондолу и прижал ладонь к крайнему отпечатку. Если некронеф способен из трехмерного пространства переходить в гиперпространство, значит, он сможет перейти из этого мира туда, где существует страна пяти измерений.

На глазах удивленных посланцев корабль начал раздваиваться. Вторая форма стала расплываться и наконец исчезла совсем, а первая неподвижно стояла на месте.

В гондоле сидел Дал Ортог. Золтан с трудом уложил его: тело начало коченеть, как труп. А где-то в других мирах живой Ортог мчался к тому, чьей тенью он был.

* * *

Дал медленно плыл над сильно пересеченной местностью, покрытой желтой жирной глиной. Ему казалось, что это кладбище размером с целую планету. Кладбище без могил и гробниц, изрезанное холмами, уходящими за горизонт. Отвратительное зловоние исходило от гор лежащих на земле трупов; это было как массовая эксгумация, которая могла родиться только в воображении какого-нибудь пресыщенного любителя массовых убийств. Дал въезжал в страну кошмаров, страну трупов. Теперь он видел вторую смерть, которая ожидала обитателей гробов. Он извлекал квадратный корень смерти.

Неповторимый ужас понемногу растворялся в серых сумерках. Дал осторожно направил туда некронеф, и корабль как будто натолкнулся на какое-то вязкое препятствие.

Внезапно, безо всякого перехода, облака разорвались. Теперь корабль плыл в мертвенно-бледном тумане: то здесь, то там вспыхивал свет. По всем узлам корабля прошла вибрация, как после ударов молота по наковальне из кожи. А в фиолетовой дали дрожали призрачные огни, то появляясь, то исчезая. А что это за огромная стена? Рыцарь поправил на плече щит, как поправляют плащ во время грозы. Он опять увидел знак исполинов небытия, которые возвели эту нескончаемую стену, дабы изолировать миры друг от друга.

Стена была уже совсем близко. Дал поднял корабль, который почти касался ее. Где-то должен быть проход. Но его нет. Только какие-то ниши и углубления. Двигаясь вдоль стены, Ортог видел, как из-под нее вылетали с воплями стаи отвратительных существ. Может быть, какие-то живые формы укрывались здесь, между двумя мирами, а может быть, это были мертвые?

Он тщательно исследовал стену. Как хищник ходит в своей клетке взад-вперед в поисках выхода, так и он направлял корабль во всех направлениях. Прохода нигде не было. Кровь бросилась ему в голову, прогоняя страх перед этой гигантской стеной. Дал отодвинулся на нужную дистанцию и навел носовое Зеркало.

Черный луч ударил по стене. С воодушевлением и надеждой Дал увидел, как в месте удара образовалась трещина. Он ударил снова, и трещина превратилась в надлом. От третьего удара надлом увеличился, но черный луч превратился в серый, а затем стал бесцветным. Энергия иссякла. Дал обнажил свой меч, приблизился к стене и, установив корабль параллельно надлому, поднялся на борт гондолы. Ударил.

Среди чудовищной силы вспышки посыпались во все стороны искры керилита. Корабль закружился в центре голубого урагана, вокруг гремели взрывы. Дала встряхнуло вихрем, как перышко,

и он, едва не выронив свой меч, изо всех сил вцепился в тросы гондолы, закрыв глаза, чтобы не ослепнуть.

Постепенно все стихло. Через закрытые веки Дал больше не чувствовал ослепительного свечения взрыва. Схватка энергии и материи закончилась. Он открыл глаза. Голубое Оружие сделало свое дело. В брешь, которая образовалась, мог пройти целый флот. Глаза все еще резало, в ушах стоял шум. Дал отодвинул корабль назад, направил в сторону отверстия и, как стрела, промчался сквозь грозную преграду.

* * *

После преодоления этого препятствия Дала начали мучить сомнения: может быть, он допустил ошибку и движется в обратном направлении? Может, он вернулся на Землю? Ведь это могла быть та самая стена, уже знакомая, а он только подошел к ней с другой стороны...

Однако виденное им доказывало, что он находится на правильном пути. Он вложил в ножны слегка зазубренный меч, так как теперь управление кораблем требовало внимания.

Корабль продвигался в совершенно непонятном пространстве: он был одновременно как бы и внутри его, и снаружи; оно казалось и пустым и заполненным, можно было видеть огромные бесформенные предметы спереди и сзади. По сравнению с этим пространством кольцо Мебиуса казалось бы прямым сегментом, бутылка Клейна — треугольником, а посланцы и отверженные — персонажами театра теней. И Дал понял, что попал в новое временное измерение, которое открылось перед ним по чьей-то воле. Что-то вроде пропуска, который ему предоставили...

Он пришел в новый мир, такой же огромный, как и предыдущие. Куда теперь идти? Как найти путь, который приведет к Гаралю?

Лавируя в окружающем его огромном лабиринте, Дал размышлял о том, что планета посланцев и отверженных — это мир, находящийся в гиперпространстве. Он пришел туда, двигаясь по прямой. Силовые линии наверняка должны связывать все гомотетические существа, поэтому он не может не встретить того, с кем связан судьбой. И он решил двигаться в направлении, которое уже выбрал, если только это можно было назвать направлением движения в мире, где низ находится наверху, а то, что внутри — снаружи...

Он видел небо сквозь землю, и порой ему казалось, что он висит над землей, через которую видит другое небо, вниз головой.

Занятый этими бессмысленными наблюдениями, он не заметил, вернее, заметил уже в самый последний момент, что приблизился к какому-то странному предмету, напоминающему издалека фигуру

явно искусственного происхождения. Послышалось потрескивание, Дал внезапно ощутил тяжесть, а корабль и гондола оказались внутри большого многоцветного пузыря.

На этом атака закончилась. Если в предыдущем мире он казался плоским существом, то здесь должен был выглядеть одной линией. На каком-нибудь следующем уровне он, видимо, будет представлять собой точку, а значит, станет совершенно невидим. А пока что против него применили довольно могучее оружие, которое, к счастью, оказалось мало эффективным. Дал с удовлетворением отметил про себя, что в этом странном мире можно будет, по всей видимости, обойтись без военных действий.

Впрочем, очень скоро он изменил свое мнение: вторая атака была для него крайне неприятной, ибо появилось ощущение, словно его собираются раздавить. Что это — гравитационное оружие? Третья атака оказалась настолько болезненной, что Дал без дальнейшего промедления выхватил из ножен меч и описал им полукруг. Вспыхнул голубоватый свет; живая масса превратилась в неподвижное пятно, которое, уменьшаясь в размерах, превратилось в линию и затем исчезло совсем.

Но к нему тотчас устремились другие существа. Шары приближались один за другим, давящее чувство усилилось. Дал, шатаясь, пробрался к кормовому зеркалу и включил его. Черный луч заметался от одного шара к другому; шары взрывались, пропадая во мраке, распадались на тысячи элементов, которые потом проваливались сквозь землю. Нападающие отступили и исчезли. Теперь Дал понимал, что нельзя терять ни секунды. Не может быть, чтобы у таких развитых и сложных существ не было иного оружия, способного воздействовать на трехмерную биологию. Пусть он пока еще неуязвим, но корабль в конце концов может разрушиться, и тогда он останется пленником в этом хаосе. И Дал прибавил скорость.

Странная и непонятная страна проносилась мимо в бешеном темпе. Дал заметил, что нет необходимости управлять кораблем, чтобы обходить препятствия: он проходил сквозь них спокойно и безболезненно.

Внезапно появились правильные шарообразные и альвеолярные структуры, созданные, казалось, Разумом. Придется их уничтожить, чтобы остаться в живых...

Дал замедлил движение корабля, и вскоре гондола остановилась возле прозрачной стенки; по виду это было какое-то жилище. Придется действовать: сейчас не время искать возможность вступить в контакт, когда его держат на мушке...

Разглядывая странную конструкцию, Дал поразился: во все стороны от нее отходили непонятные отростки, которые, казалось, не несли никакой функциональной нагрузки. Трудно было

представить себе искусственную конструкцию, созданную более абсурдно.

Внезапно он почувствовал, как в его мозг проникла посторонняя мысль.

— Вы можете применять ко мне любые пытки,— передавала мысль,— но не вырвете у меня секрет моего странствия. Вы скрываетесь, бродите вокруг меня в надежде, в ожидании, что я допущу ошибку, потеряю бдительность, забудусь во сне... Но ведь я уже сказал, что мое средство передвижения — это особое состояние, а не применение какого-либо аппарата или математической формулы...

Конец контакта. Затем:

— Пусть вы снова будет вслепую воздействовать на мою планету, пусть вы снова будете создавать на ней явления, противоречащие природе, но на мое место придут другие, они уже идут. Нас будет много, и вы окажетесь в нашей власти.

Снова наступила тишина, потом последовала мысль, выраженная менее уверенно:

— Кто здесь? Я чувствую рядом форму жизни, не похожую на моих тюремщиков. Кто ты? Твоя мысль не приносит мне мучений, но и на мои мысли не похожа. В моем сознании появляются какие-то странные образы...

Дал, как только смог сконцентрироваться, направил свои мысли в сторону оболочки, отливающей всеми цветами радуги:

— Меня зовут Ортог. Я пришел из другого мира, который не похож ни на твой, ни на этот. Гараль — это ты?

— Откуда тебе это известно?

— Я жил среди тебе подобных. Я здесь для того, чтобы вернуть тебя к ним. Каким образом обитатели этого мира удерживают тебя здесь?

— Их структура обеспечивает мою изоляцию. Я здесь, как в клетке.

Дал вынул меч.

— Отойди в сторону. Я сейчас попробую отворить стены твоей тюрьмы.

— Это невозможно...— мысленная передача слабела.— У них на одно измерение больше, чем у нас.

— Выходит, на два больше, чем у меня,— сказал Дал, продолжая держать меч.

И он ударил.

Казалось, что голубой вспышкой взорвался весь горизонт; сплошная стена шаров превратилась в легкий экран, который слегка колебался волнообразными движениями. И через этот экран Дал увидел Гараля: свое собственное изображение, высеченное Всемогущим Скульптором.

* * *

Экран становился все более и более прозрачным, амплитуда его колебаний уменьшилась. Нижний и верхний края стали исчезать, пока не осталась лишь одна горизонтальная линия, похожая на дрожащую натянутую нить, но скоро исчезла и она.

Посланец подошел к Ортогу.

— Какой ты плоский,— прозвучала его мысль.— И, кажется, похож на меня.

— Возможно. Мы обсудим это немного позже. Сейчас может последовать атака.

Гараль жестом указал на корабль.

— Что это?

— Аппарат, который доставил меня сюда. Садись, не теряй времени.

— Как я могу сесть в такой плоский аппарат?

— Видишь эти зеркала?

— Да, я узнаю их.

— А ведь у них те же измерения, что и у твоего тела?

— Разумеется, раз они из моей страны.

— Ты можешь, подобно этим зеркалам, находиться в гондоле. Мне кажется, за время моего пребывания у вас корабль приобрел какую-то часть вашего дополнительного измерения. На моей планете это все время происходит с очень плоскими объектами, если у них не меньше трех измерений.

Он с любопытством посмотрел на Гараля, затем добавил:

— Впрочем, если ты предпочитаешь свой собственный метод перемещения — тогда до встречи у Повелителя Эллипсов...

Гараль, казалось, колебался.

— Твой аппарат мне непривычен. Думаю, смогу вернуться своим способом.

Он на мгновение замер, пошевелился и замер снова.

— Нет,— сказал он наконец.— Боюсь, что эта страна окажется для меня ловушкой, у которой есть вход, но нет выхода; я смог проникнуть сюда, но при возвращении ловушка может захлопнуться. Если это так, то им не было никакого смысла делать меня своим пленником. Я иду с тобой.

— Вот и отлично.

Дал выбросил через борт носовое зеркало, ставшее теперь ненужным, поскольку его энергия иссякла, и указал Гаралю на задний прожектор.

— Будь готов отразить нападение с тыла. Я буду пробивать дорогу вперед.

Он похлопал по рукояти меча. Гараль странно посмотрел на него.

— Ты владеешь очень мощным оружием.

Дал с гордостью улыбнулся.

— Оно способно уничтожать Зеркала Небытия.

— Я предпочитаю Зеркала,— покачал Гараль головой, видимой одновременно со всех сторон.

— Да, это тоже грозное оружие,— искренне ответил Дал.

С некоторыми трудностями Гараль все же поднялся в гондолу и устроился возле кормового зеркала. Ортог развернул корабль в обратную сторону и прижал ладонь к соответствующему отпечатку.

Все осталось на своих местах. Прямо перед ними множились радужные структуры, заполняя собой все обозримое пространство. Внутри этих структур двигались какие-то фигуры; тысячи контуров делали их совершенно непонятными. Не выходя из гондолы, Ортог взмахнул мечом. Почти вся преграда рассыпалась в сверкающую пыль. Корабль рванулся вперед.

По пути они снова попали под воздействие гравитационного оружия и уже почти теряли сознание, когда Гаралю все же удалось из последних сил наугад полоснуть черным лучом, который произвел страшное опустошение и уничтожил остатки радужного барьера. Лавируя в запутанном лабиринте, они увидели далеко позади огромное зарево: низ пламени был чернее ночи, а верх — ослепительно белым. Очень скоро пожар угас, и тяжелый раскаленный туман окутал эти непроходимые геометрические джунгли. Затем все исчезло, и корабль снова вошел в океан тяжелых грозовых туч.

* * *

Кое-где в туман врывались восходящие потоки, и тогда на его поверхности возникали черные смерчи. Земля была покрыта огромными грядами, бездонными оврагами, снежными вершинами гор, сквозь которые корабль проходил на немыслимой скорости. Тучи появлялись откуда-то из бесконечности, на миг давая место солнцу и тут же исчезая, чтобы уступить место другим. Среди этих движущихся, обманчивых воздушных гор навигаторы, летящие во власти тьмы, уже не знали, двигаются они или нет.

В какой-то момент они заметили с близкого расстояния расплывчатый силуэт, похожий на растворившийся в ночи кристалл. Это настолько напоминало потерпевший крушение корабль, что Дал, приложив козырьком руку к глазам, всматривался в него до тех пор, пока тот еще был виден. Откуда занесло сюда этот внеземной парусник без мачт, обдуваемый чужими ветрами? Гараль, который был чужд всех подобных механизмов, тоже пристально всматривался в него, и Дал вдруг почувствовал его мысль, полную удивле-

ния и беспокойства. Ортог уже понял, что посланцы, так же как и отверженные, были способны испытывать глубокие чувства, только умели их лучше скрывать, чем земляне. Он вспомнил Ифлизу, ее властный характер и умение не выдавать свою боль.

Теперь корабль летел сам по себе. Дал бросил рычаг управления и попытался вступить в мысленный контакт с посланцем. Получив ответ, он поведал ему о цели своего путешествия.

— Моя цель чисто научного свойства,— ответил Гараль, как будто не заметив того, что Ортог рассказал про Каллу.— Все небесные волнения, как я думаю, происходят от этих существ, которых мы только что покинули. Как-то давно я увидел сон, во время которого вдруг установилась таинственная телепатическая связь между моим сознанием и какой-то посторонней мыслью. Во сне я видел множество людей, погибших в результате страшной войны. Не знаю, что меня разбудило, но, проснувшись, я уже знал, что нужно делать, чтобы вернуть нашей планете ее утраченное равновесие. Тот, кто был со мной на связи, не мог быть никем иным, как одним из захвативших меня в плен.

Дал вздрогнул. Он вспомнил долгий период своего анабиоза, но не мог восстановить содержание своих искусственных сновидений. Слова Гараля словно приоткрыли завесу в его памяти: теперь он вспомнил все, теперь он знал, что тоже имел контакт с посторонним разумом — разумом Гараля. Но он решил пока что об этом не говорить.

— Во время этого путешествия, когда меня захватили в плен, и которое ты тоже совершил, только механическими средствами — так вот, во время этого путешествия я понял главное: мы — посланцы и отверженные — являемся только тенями тех существ, которых ты здесь встретил и с которыми нам пришлось драться.

Ортог больше не мог сдерживать свои мысли.

— Ты допустил одну ошибку и не понял главного. Тот, с кем твой разум вступил в контакт во время сна, был я. Если такое произошло, то получается, что я — твоя тень, а ты есть тень другой формы жизни, у которой на одно измерение больше. Когда я умру, то сольюсь с тобой, и тогда наступит твоя зрелость. Когда ты умрешь, то тоже перейдешь на более высокий уровень — уровень тех существ, которых мы здесь встретили. Ты предполагаешь, что был в контакте с одним из них, и точно так же приписываешь им те катастрофы, которые произошли на твоей планете. Так вот в этом виновата моя раса, и то великое потрясение, о котором ты говорил, произошло у нас. После этот мировой пожар передавался из одного мира в другой, проходя через все измерения.

Мысль Гараля стала неуловимой.

— Но вот чудеса,— продолжал Ортог,— которые происходят сейчас и которые я сам видел, имеют другую причину. Эти неестест-

венные на первый взгляд явления вызваны обитателями пятимерного пространства, где, в свою очередь, отражаются все изменения, происходящие в твоем мире.

— Возможно, ты прав.

Внезапно в сознании Дала мелькнула новая мысль.

— Ты знаешь предводителя отверженных, Ткача Памяти?

— Да. Наши встречи привели к тому, что я решился на это путешествие, чем и вызвал гнев Повелителя Эллипсов.

— Он уже получил степень зрелости?

— Еще нет. Но он родился раньше меня и должен был получить степень зрелости вскоре после моего отправления сюда.

Дал похолодел. Если только во всем этом балете теней есть хоть какой-то смысл, то Золтану угрожает смертельная опасность.

* * *

Кораль неслышно мчался дальше. Ортог размышлял: «Мой друг — тень Ткача. Надо спешить. Но зачем спешить, что он может сделать? Укрыть Ткача от солнечных лучей? А как его укроешь, для этого нужно увозить его с планеты, ведь солнечные излучения проникают даже в глубину лабиринта! Проблема Золтана — это проблема всех живых. Иногда это называют судьбой.

Но ведь существует,— думал Дал,— должна существовать связь между всеми мирами, где одно явление порождает другое. Ведь Голубая Война вызвала катастрофу в гиперпространстве, где в результате увеличилась скорость вращения планеты — она ведь отличается от скорости вращения других планет, на которых я был. Это особенно заметно по более частому прохождению солнца через зенит, отчего происходит преждевременное старение посланцев и отверженных, а соответственно, преждевременная смерть людей. Эктогенезис в моем мире — это отражение того, что сделал Гараль здесь, когда смог замедлить скорость вращения. Аналогичные процессы должны происходить и в пятом измерении, и кто знает, где еще...»

— Все может быть,— ответил Гараль.

Какое-то время Ортог не думал ни о чем, затем продолжил:

— Мы все находимся в сети, каждая ячейка которой огромна, как космос. И как бы микроскопичны мы ни были, мы никогда не выпадем из этой сети.

Дальше они летели в тишине, отключившись друг от друга, думая каждый о своем. Огни в тумане остались далеко позади, а перед нами появились новые, которые приближались к необыкновенной стене с брешью в виде шрама. Но эта огромная дыра была еще цела, и в нее устремились грозовые потоки облаков. Корабль втя-

нуло туда, и он закружился в вихре, словно торопился вынести навигаторов в ту страшную пустоту, которая разделяла два мира.

Но буря быстро улеглась, и вскоре в разрыве облаков засиял чистый горизонт. Корабль медленно опускался на равнину, сплошь покрытую черными кирасами, затем приблизился к группе зданий, окруженных воинами в белых доспехах. В центре двора ожидал двойник некронефа. Слияние корабля и его копии проходило медленно и бесшумно. Окоченевшее тело Ортога стало оживать, а Гараль исчез.

* * *

Дал поднялся. Скрестив руки на груди, около гондолы стоял Золтан и внимательно следил за ним.

— Вы появились вовремя,— произнес он.— Они уже на пределе.

Дал невольно взглянул на небо: солнце почти достигло зенита. И только сейчас он заметил отсутствие Гараля.

— Садитесь, полетим к колодцу.

Золтан вскочил в гондолу, и Дал тотчас же прикрыл его щитом. Застигнутые врасплох солдаты слишком поздно вскинули оружие: некронеф уже пронесся у них над головами. Дал, который запомнил дорогу, быстро повел корабль к квадратному павильону. Когда они были рядом, оттуда навстречу им неуверенной походкой вышел Гараль, вновь обретший свое тело. Ортог мысленно позвал его:

— Идем с нами. Я отвезу тебя к отверженным. Здесь ты в опасности.

После минутного колебания Гараль скользнул в гондолу; к этому времени корабль опустился достаточно низко. Из ближайшего здания появился Повелитель Эллипсов в окружении отряда вооруженных воинов. Впереди всех шла Ифлиза.

Дал сразу понял, что ситуация безвыходная. Он соскочил на землю, схватил Ифлизу на руки и поднял ее на борт. Сейчас им владели только чувства, такие же абсурдные, как и его поступки. Пока Гараль на борту успокаивал Ифлизу, корабль тяжело приподнялся, затем снова опустился вниз.

— Позвольте ваш меч,— сказал Далу Золтан.

— Что вы хотите делать?

— Сейчас увидите.

Он повернулся к Гаралю: — Где находится передатчик, вызывающий амнезию у отверженных?

Гараль все понял и быстро ответил:

— За этим зданием, между моей бывшей лабораторией и институтом. Он в малой башне; отсюда видна ее вершина.

— Гендерсон! — закричал Ортог.

Но Золтан уже спрыгнул вниз и теперь мчался прямо к солдатам, размахивая мечом. Половина посланцев сразу же превратились в светящиеся линии. Позади них рухнула спиральная колонна, разрубленная надвое.

Все свободное пространство тотчас же наводнили белые латники, но Золтан уже исчез за мавзолеем Гараля. Вокруг корабля метались вспышки. Ортог все время маневрировал, увертываясь от нападающих. Корабль поднялся, и он направил его к тому месту, где исчез Золтан, но вдруг в его сознании раздалась мысль:

— Нет. Сначала отведите Гараля под защиту Ткача, потом вернетесь.

Скрепя сердце, Дал повиновался. Над линией обороны посланцев корабль прошел очень высоко. Отверженные тем временем плотными рядами пошли в наступление. На ветру полоскались полотнища ткани памяти, их несли как знамена. Дал направил корабль к самому большому знамени; черные доспехи расступились. Корабль опустился. Гараль пристально смотрел на Ифлизу, и Дал понял их диалог.

— Останься со мной. Теперь я знаю, что отверженные правы; их преследуют незаконно.

— Нет. Ты предпочел свою науку мне. Дальше ты будешь поступать точно так же. Я прикажу этому плоскому человеку проводить меня назад. Прощай.

Гараль не стал ее убеждать. Вышел из гондолы и, перед тем, как отправиться к Ткачу Памяти, сказал:

— Предстоящий бой определит нашу судьбу. Не рискуй. Я хочу, чтобы ты осталась жива, и никогда не забуду тебя.

Корабль поднялся и взял курс в сторону резиденции Повелителя.

* * *

Приближаясь к линии обороны противника, Дал увидел среди зданий резиденции кроваво-красное пламя, поднимавшееся выше самой высокой постройки. Сияющий взрыв, сопровождаемый долгим свистом, ударил его по ушам, корабль раскачался под бешеными порывами ветра. Дал вцепился в рычаги управления, но тут раздалась успокаивающая мысль Золтана:

— Ну вот, живущие в забвении еще не могут понять своего счастья. Я только что вернул им все те мучения, которые пробуждает память. Вы можете меня подобрать у подножья развалин?

— Я уже здесь.

Но в этот момент Ифлиза бросилась к рычагам управления.

Далу понадобились все силы мира, чтобы оттащить ее в сторону, а потом не дать выброситься за борт. В конце концов ему удалось выправить корабль. Ифлиза в изнеможении сидела сзади.

Развалины — это было мягко сказано, ибо в земле зиял целый кратер. Неподалеку Золтан держал на расстоянии большую группу посланцев, угрожая им мечом. Корабль приблизился. Когда он стал снижаться, несколько солдат сумели занять позицию позади Золтана.

— Осторожно! — попытался предупредить его Ортог.

Но было уже поздно. Заполыхали вспышки, и пораженный в спину Золтан, выпустив из рук меч, упал на землю. К нему бросились другие посланцы и в бессильной злобе стали покрывать его тело разрядами. С болью смотрел Дал на коченеющее на глазах тело Золтана.

Солнце в зените заливало лучами место схватки. Ткач уже поднимал свое знамя...

6

Раздавленный горем Ортог бросил рычаги управления, и теперь корабль неподвижно висел над когортами. Но очень скоро посланцы начали вести по нему огонь, и Далу пришлось закрывать щитом Ифлизу, а также кое-как и самому прикрываться.

Нужно было уходить: их могли зацепить огнем в любой момент. Но Дал ничего не делал. Несмотря на шок, который получил и от которого до сих пор не мог оправиться, он думал еще о двух исключительно важных вещах: во-первых, меч, выпущенный из рук Золтаном, мог в самом ближайшем будущем разрушить поверхность, на которой он лежал, а если бы меч захватили посланцы, то не преминули бы им воспользоваться, и возможно, с губительной оплошностью; во-вторых, другой меч, который находился у них в руках, тоже представлял собой значительную угрозу для всей планеты. Корабль опустился, как хищная птица, прямо на солдат, которые тут же расступились.

Ортог выскочил на землю как раз в тот момент, когда один из посланцев уже направился за мечом. Он схватил меч, но тут же пришлось ловить убегающую Ифлизу. Прикрываясь щитом, они скользнули за борт, но солдаты, узнав дочь Повелителя Эллипсов, побоялись стрелять. Дал воспользовался этим и сразу же отвел корабль на безопасное расстояние. Он стискивал зубы при мысли, что вынужден был оставить тело Золтана своим врагам, но был бессилен что-либо сделать. Барон будет погребен достойно, но не на этой планете.

Теперь корабль плыл над зданиями. Дал направлял его к баш-

не, где находился второй меч. Недалеко от здания он взмахнул оружием, и башня рассыпалась, а из-под развалин тотчас стал разливаться голубоватый свет, который тут же становился ослепительным. В центре этого сияния цвета раскаленной стали стало появляться пятно, еще более ослепительное, чем солнце.

Дал закрыл глаза, как когда-то перед стеной. Воздух вокруг них раскалился, поднялся ураган. Корабль унесло, словно перышко.

Поддерживая Ифлизу и вцепившись в борта гондолы, он осторожно приоткрыл глаза и увидел, что теперь находится далеко от резиденции, которая полыхала огромным голубым костром. Внизу под ним расстилалась равнина, заполненная черными кирасами. Отверженные были атакованы с тыла подошедшим подкреплением, но явно владели ситуацией. Черные тучи зеркал метались по полю битвы, которое озарялось вспышками разрядов. То там, то здесь развевались полотнища ткани Памяти, но теперь это были просто знамена. Золтан отдал свою жизнь, чтобы ткань Памяти стала ненужной.

Никем не управляемый корабль удалялся от поверхности планеты с головокружительной скоростью. Ортог вовсе не ощущал нехватки воздуха, ибо ни в гиперпространстве, ни в этих краях без названия не существовало понятия вакуума. Вскоре планета посланцев и отверженных превратилась в маленький светящийся шарик, затерянный во мраке вселенной. Затем она превратилась в точку. Корабль, сверкая, несся туда, где разгорался свет.

* * *

Вдали вырастала новая планета, которая тоже вращалась вокруг своего неизвестного солнца. По мере приближения она увеличивалась в размерах, и скоро на поверхности уже можно было различить разноцветные пятна. Может быть, это были континенты и океаны, а может, горы и долины. Планета, без сомнения, должна быть обитаема. После Голубой Войны население планет Солнечной системы, откуда пришел Дал Ортог, сильно уменьшилось, но даже и в этом случае значительно превосходило численность посланцев и отверженных вместе взятых. Если считать, что каждый человек — это тень соответствующего существа в гиперпространстве, то выходит, что эти двойники находятся и на других планетах, а не только на той, где побывал Ортог. Земляне, живущие в Галактиках с трехмерным пространственным измерением, должны иметь двойников в соответствующих Галактиках гиперпространства в единой Вселенной, возможно, очень далеко от солнца, в лучах которого сейчас сверкал некронеф.

Ортог проходил слишком далеко от планеты, чтобы узнать о ней

что-нибудь, и только попытался воспользоваться силой ее притяжения, чтобы разблокировать органы управления кораблем. Безрезультатно. Он повернулся к Ифлизе, все еще находившейся в оцепенении и устремившей взгляд в бесконечность.

И в этот момент он вдруг заметил пластиковую ленту, свернувшуюся под пультом управления. Она выползла из небольшого отверстия и упала к его ногам как раз тогда, когда он хотел ее подхватить. На ленте было что-то написано.

— Справка микрокомпьютера,— прочитал Ортог.— Анализ полей радиации. Наличие излучения частиц возрастающей плотности. По своей природе не имеет ничего общего с элементарными трехмерными атомными частицами. Стимулирующее воздействие на все формы жизни, за исключением жизни в гиперпространстве. Прогрессивное поражающее действие на существующую местную форму жизни. Заключение: сильное поле Бионов, мутационное воздействие на человека. Ускорение процессов обмена и распада. Значительное повышение клеточной выживаемости.

Дал отложил пленку в сторону. В голове осталась лишь одна фраза: поражающее действие на существующую местную форму жизни. Значит, подвергая себя этой радиации, Ифлиза ищет смерть. Теперь ей удастся то, что не удалось раньше. Выходит, Ортог сейчас убивает Ифлизу, чтобы обрести Каллу. Он посмотрел на нее, попытался поймать ее мысль. Никакого результата. Она сидела все в том же положении, опираясь на борт гондолы. И Далу показалось, что теперь он видит ее менее отчетливо. Он замер на месте, не зная, что делать дальше. В тросах гудел ветер, до смешного слабый ветер при этой скорости. При такой скорости корабль должен был превратиться в пыль при трении о молекулы воздуха, но, видимо, энергетическое поле двигателей создавало экран. Этот легкий, подобно весеннему бризу, ветер, овевающий Ифлизу, сейчас контрастировал с той опасностью, которой подвергал ее Ортог. Но судьба Ифлизы волновала Дала лишь поверхностно: он видел в ней только оболочку Каллы. Он надеялся, что при возвращении она потеряет одно свое измерение, и тогда он снова обретет Каллу. А если Ифлиза умрет раньше? Он повернулся к пульту управления и в отчаянии попытался сделать поворот. Безуспешно. Видимо, взрыв все-таки повредил корабль. Он положил ладонь на резервный отпечаток для перехода из одной Вселенной в другую. Корабль продолжал свой путь к солнцу под дождем частиц Биона.

* * *

Ортог смотрел на звезду; она его не ослепляла. Он вспомнил свой жест отчаяния, когда похищал Ифлизу, словно это была Калла.

В памяти всплыли все события последних дней, и он мрачно подумал о том, что все его умозаключения были в корне неправильны, что-то было не так. Теперь он был уверен, что допустил роковую ошибку, хотя не знал, в чем она заключалась. В полной сумятице мыслей он смотрел на солнце, вырастающее перед ним; на это непонятное солнце, близость которого почему-то не была смертельной. Он думал об Ифлизе, о Калле, о гибели Золтана. Но вскоре уже больше не думал ни о чем. Как будто его разум был отдан во власть чужого сознания.

По мере приближения к звезде он чувствовал, как теряет свою личность. Сначала появилось ощущение, словно он глядит на себя со стороны — другой человек, но испытывающий те же мысли, воспоминания, надежду, боль, счастье. Затем наступила разительная перемена: остались лишь порыв, страсть — примитивное создание, готовое рвать зубами живую плоть. И вместе с тем — тяжесть в сознании, когда мысли не слушаются, а чувства подчинены потоку энергии под дождем радиации. Теперь это был полуживой навигатор, с трудом внимающий химическим процессам, происходящим вокруг него. Он превратился в молекулу, внутри которой бушевали атомы, в пучок протонов и поток нейтрино, которые пронзают Вселенную, не встречая препятствий.

Когда он пришел в себя, через смеженные веки пробивался яркий свет, однако скоро сила освещения ослабла. Он приоткрыл глаза и увидел на дне гондолы неподвижную Ифлизу. Он бросился к ней, неловко пытаясь привести ее в чувство, совсем как это делают земляне. Он даже не мог понять, жива ли она еще.

Вокруг него все изменилось. Он вошел в зону, откуда еще было видно бесконечное пространство и его миры. Впереди — постоянно меняющиеся картины, которые двоились, множились. С головокружительной скоростью поврежденный некронеф прошел сквозь поверхность солнца, которое оказалось ни чем иным, как простой звездой.

* * *

Космическое пространство исчезло из поля зрения Ортога. Корабль явно замедлял ход, но его пассажир не испытывал чувства инерции. Дал ощущал, как со всех сторон что-то надвигается на него; предчувствие беды усилилось. Корабль продолжал медленно двигаться в этом непонятном окружении и наконец мягко остановился в полумраке.

Теперь Дала охватило чувство смертельной опасности, хотя никаких видимых признаков опасности не было. Скорее, это была атмосфера жуткой угрозы, которая давила со всех сторон.

Положив руку на рукоять меча, Дал огляделся вокруг. Корабль стоял на чем-то, что могло быть землей, окутанной туманными завесами. Это было похоже на большой грот. Когда он подходил к борту гондолы, то заметил, что Ифлиза шевельнулась. Значит, она была еще жива. В его сердце снова забрезжила надежда. Значит, бионовые частицы излучались только поверхностью солнца, и организм Ифлизы сумел противостоять их смертоносному воздействию. А Дал, наоборот, чувствовал себя теперь более усталым, чем в тот момент, когда сила излучения была максимальной. Но сейчас было не время расслабляться, и постепенно Дал стал понимать характер опасности, которая его окружала. Привыкнув к телепатии сначала с Золтаном, а затем с посланцами и отверженными, теперь он твердо знал, что находится во власти постороннего сознания, которое уже убило и готовится сделать это еще раз.

Дал не стал размышлять о связи между туманным гротом и посторонним разумом. Напряжение нарастало, как на клеммах конденсатора. Жажда убийства усиливалась, сопровождаемая чувствами негодования и ненависти. И в то же время Дал стал улавливать проявление обратных чувств, наполненных жалостью, угрызениями совести и страхом. Два полюса — положительный и отрицательный. В каком направлении проскочит искра?

Дал спустился из гондолы на пружинящую землю. Прямо перед ним клубился кроваво-красный туман. Сзади с потолка лился ярко-желтый свет. От этого, как будто солнечного, света исходило спокойствие и расслабленность. Красный свет источал жестокость и ужас. Дал двинулся к красному свету, выставив вперед свой щит.

Пурпурный свет облил его обжигающим потоком. Не в силах сдержаться, Дал закричал от боли и отступил назад. Но сзади него оба цвета слились в единую оранжевую массу, в которой бились тысячи различных оттенков. Он снова двинулся вперед, и перед его щитом кровавый туман, казалось, начал отступать. Но боль была такой невыносимой, что он снова вернулся назад. Вокруг корабля, стоящего в середине грота, вились клубы тумана, то кроваво-красные, то золотистые.

Солнечный свет отступал, уступая место красному. Дал бросился к носовой части корабля, где бушевал красный свет, не обращая внимания на ожоги. Золотистое облако освежило его плечи, смягчило боль. Кровавые языки отступили к туманным стенам, но позади корабля все было охвачено красным заревом. Нужно было продолжать борьбу, нужно было защитить Ифлизу от этого ужаса. Раздираемый сомнениями, он выхватил меч, который всегда помогал ему одерживать верх над врагами. Поможет ли меч в этой нереальной обстановке, против нематериального противника, или, может быть, вызовет такую катастрофу, что Дал навеки останется здесь вместе с несчастной Ифлизой?

Высóко подняв оружие, он бросился вперед. Голубое мерцание меча смешалось с устрашающими отблесками. Сначала Дал даже не понял, что ситуация изменилась, потому что был закрыт щитом, но вскоре, поняв действие меча, сдвинул щит в сторону. Теперь красный туман поднимался по стене к тому месту, откуда исходили светлые потоки, а золотистый свет плыл над землей, исчезая в стене в том месте, откуда шел красный свет. Когда оба потока исчезли совсем, наступила тьма, и только меч мерцал в темноте, подобно луне в ночи.

Одновременно исчезло чувство ужаса. Теперь от клубящихся туманом стен грота исходил мрачный холод; стены начали медленно раздвигаться, свод поднялся на недосягаемую высоту. Атмосфера ужаса и насилия исчезла, и Дал понял, что только что он избежал большой опасности.

* * *

Он сел в гондолу и снова стал манипулировать у пульта, чтобы вернуться в свою Вселенную. И снова безрезультатно. Но корабль уже стал слушаться обычных органов управления. Стены грота ушли в бесконечность и, хотя пространство вокруг было занято хаотичными и непонятными призрачными картинами, Дал медленно тронулся вперед. Расплывчатые контуры Ифлизы стали принимать более четкие очертания; черты лица, с точки зрения трехмерного пространства, стали нормальными. Все больше и больше Ифлиза становилась похожа на Каллу. Дал снова стал надеяться на чудо, когда увидел, что она еще дышит. Какую же ошибку он допустил? Он чувствовал, что в чем-то заблуждался, но это была только интуиция. Он направил корабль к темному пятну, которое принял за отверстие в поверхности солнца; корабль двинулся легко, не встретив препятствия. Снова в гиперпространстве, вдали от этого колдовского места, он сумеет найти дорогу домой.

Дал приблизился к темному пятну, но это была не дыра в поверхности, а другой шар огромного диаметра. Когда он проник внутрь шара, то вынужден был схватиться за виски — настолько сильным был импульс, который он получил.

Это был голос, голос океана грозовой ночью, глубокий, как ураган, как шторм. Едва можно было различить обрывки слов, раскаты громовых речей, вопли и хрипы агонии, симфонии, сотканные из криков наслаждения; все это перемешивалось с голосами животных, скрипом пробивающихся сквозь землю растений и журчанием их соков.

И весь этот апокалипсис жизни перекрывал страшный голос, который теперь разрывал мозг рыцаря-навигатора. Голос говорил:

— Я — Создатель, и меня создало все живое. Я побеждаю все гигантские колонии, я сливаюсь с ними и перехожу в высшие порядки. Мои ячейки находятся в постоянной борьбе, но они не подозревают о моем существовании. Я не хочу быть ячейкой, я хочу сохранить свою личность...

Голос был настолько фантастичен, что Далу показалось, что он сходит с ума. С трудом двинул он ручки управления, и корабль наконец пересек мрачный шар, где все еще звучала эта какофония. И вот он снова в гиперпространстве.

Позади корабля медленно исчезало негостеприимное солнце с его двойственным бионным излучением. Насколько повысился жизненный тонус у Ортога, настолько его пассажирка впадала в беспамятство.

А Ифлиза тем временем все больше теряла свои, присущие только ей, черты.

Она превращалась в Каллу, это превращение приводило в ужас, и Дал бросил пульт управления, чтобы прикрыть ее щитом и спасти от смертоносного излучения. Может быть, поэтому она стала подавать признаки жизни, но еще не настолько, чтобы внимать настойчивым словам Ортога, отвечать на его безумные объятия. А он кричал, вне себя от отчаяния:

— Неужели я вырвал тебя из страны смерти, чтобы потерять снова? Как ты можешь отказаться от борьбы и оставить меня после того, как я последовал за тобой в саму Смерть?

Затем, повернувшись к удаляющемуся солнцу, он погрозил ему кулаком; из уст вырвались проклятья:

— Слушай, ты, Разум Галактики или один из них! Ты, которого Гендерсон де Нанси, мой ушедший навеки боевой товарищ, называл богом! Ты вовсе не Создатель, тебя создали те, кто вокруг тебя! Вместо гармонии ты знаешь только войны и эгоизм, вместо познания — невежество; ты даже не знаешь, что хоть одна твоя ячейка знает твою природу! Ты — не могущество, ты — ничтожество; ты существуешь благодаря своим ячейкам, без которых человек исчезнет, а вместе с ним и ты. Вот твоя милость: вторая смерть той, которую мне удалось оживить!

У Ортога перехватило дыхание, и он снова повернулся к Калле. Умирающая совершенно утратила черты Ифлизы, и вдруг новая мысль поразила его: если Калла снова стала землянкой, значит, лучи Биона убили Ифлизу и теперь способствуют восстановлению той, которую он любил! Но если это не так, то, подставив Каллу под радиоактивный дождь, он убьет ее. Быть или не быть — он не может тянуть такой жребий. И в этот момент Калла стала приходить в сознание. Она открыла глаза и посмотрела на него еще затуманенным взглядом. Губы ее раскрылись, и она прошептала его имя.

* * *

Не описать словами безумную радость, которая охватила Ортога. Он видел перед собой Каллу, такую же, какой она была до смерти. Теперь он чувствовал, что эта сумасшедшая погоня увенчалась успехом. Он должен спасти воскресшую Каллу от всех превратностей этого чуждого мира. Оторвавшись от любимой, он снова начал искать пути возвращения на Землю.

С бьющимся сердцем он положил ладонь на отпечаток, поверхность которого теперь могла привести либо к забвению в жизни, либо к жизни в забвении. Показалась планета, затем исчезла. В невообразимой дали дрожали созвездия. Некронеф внезапно вздрогнул, гондола качнулась на тросах — раздались страшные взрывы; появилась вспышка, огромная, как диаметр Солнечной системы. Теперь они плыли в бесконечном пространстве, где неслись бледные гигантские облака. Дал узнал это пространство вне пространства, это небо внутри неба. В этом дрожащем хаосе человек был молекулой, расщепленным атомом. В сравнении с ним гибельное бушующее море казалось бы тихой гаванью.

Дал вернулся к Калле. Она выглядела так же, как в тот день, когда он впервые ее встретил в Лассении. Тот же взгляд, вопросительный и соблазнительный одновременно, и глаза, как два окна, открытые на мир подростка. Но было в этих глазах и нечто другое: она ведь встала из могилы, и гондола стала ей второй колыбелью. Дал лег возле нее, положил ей под голову руку. Она прижалась к нему, смотрела на него, не говоря ни слова. Он видел, что она очень ослабла, но память не изменила ей, раз она его узнала. И теперь его охватило непреодолимое желание, подобное лаве в жерле вулкана, соединиться с ней, слиться воедино, стать одним существом, которое сильнее смерти. Он узнал аромат ее кожи, ему захотелось защитить ее, как увядший цветок, который оживает в вазе с водой.

Дал опасался, что она не примет крайние проявления его любви, но ее взгляд сказал все. Он принял ее немой зов, и они соединились посреди озаренного взрывами пространства.

* * *

Над их головами корабль скрывал часть бесконечного пространства, и гондола несла их, как хрупкая лодка. В эти чарующие мгновения Дал получал от жизни то лучшее, что она может дать; его наслаждение в сто раз усиливалось и горечью потери, и тоской ожидания, и страстными порывами Каллы. Это было божественным слиянием, сила которого заставила отступить несущие угрозу

облака. Разрывая тучи, среди бушующих разрядов, они пронеслись подобно стреле через вторую гигантскую стену. На их пути с шелестом заворачивались в свои крылья мрачные тени, скрывающиеся в трещинах бесконечной стены, эти обитатели границы жизни и смерти. Иногда, словно смерть, напуганная проявлениями жизни, они взлетали и, описав траекторию, исчезали за кораблем, оставляя позади огненные струи.

Дал оторвался от Каллы. Теперь корабль шел в обратном направлении через страну Семи Агоний, которая превратилась в узкий туннель. Ортог почти терял сознание, с ужасом чувствуя, что покидает тихую безмятежную страну, похожую на сон без сновидений, где все хорошо и спокойно. Впереди были экстракция, уничтожение и удушье.

Он должен был пройти через врата возвращения, и это было так долго и больно, что он потерял сознание.

* * *

В большом зале Храма неподвижно висел некронеф. Он лишь слегка качнулся, когда священник-убийца выстрелил в тело Золтана. Лицо барона стало серым после вспышки излучателя; разряд слегка задел борт гондолы.

Убийца замер, потом трясущимися руками стал направлять оружие на Ортога, но оружие возвращалось назад, словно его отводила какая-то внешняя сила. Медленно рука поднялась к лицу убийцы. Излучатель уставился в висок. Рука упала. Священник снова навел оружие на Ортога. Напрасно. Внешняя сила преобладала. Рука снова согнулась, излучатель снова прижался к виску. Бесшумная вспышка — и он упал на землю.

А в это время через стену материализовался двойник некронефа. Он медленно начал сливаться с кораблем, который его ждал. Все путешествие не заняло и трех минут по земному времени.

Тело Дала стало оживать. Он поднялся. В его глазах все еще сверкало мрачное пламя страны Смерти. Рядом с собой он увидел безжизненное тело Золтана, а в нескольких шагах — труп священника. Он быстро огляделся вокруг, ища Каллу, которая должна была быть рядом с ним. Но ее не было. Та, которую он вырвал из страны Смерти, не смогла преодолеть последний рубеж. Дал все понял, и, пока его сердце сжималось в груди, разум прояснялся.

Его опасения оправдались: когда Ифлиза находилась под излучением, Калла испытывала то же воздействие. Но Калла — тень Ифлизы и не может существовать без тела той, кто дает право на существование. Тень без экрана, она смогла быть собой лишь несколько мгновений, и это были мгновения их любви. Если бы дать

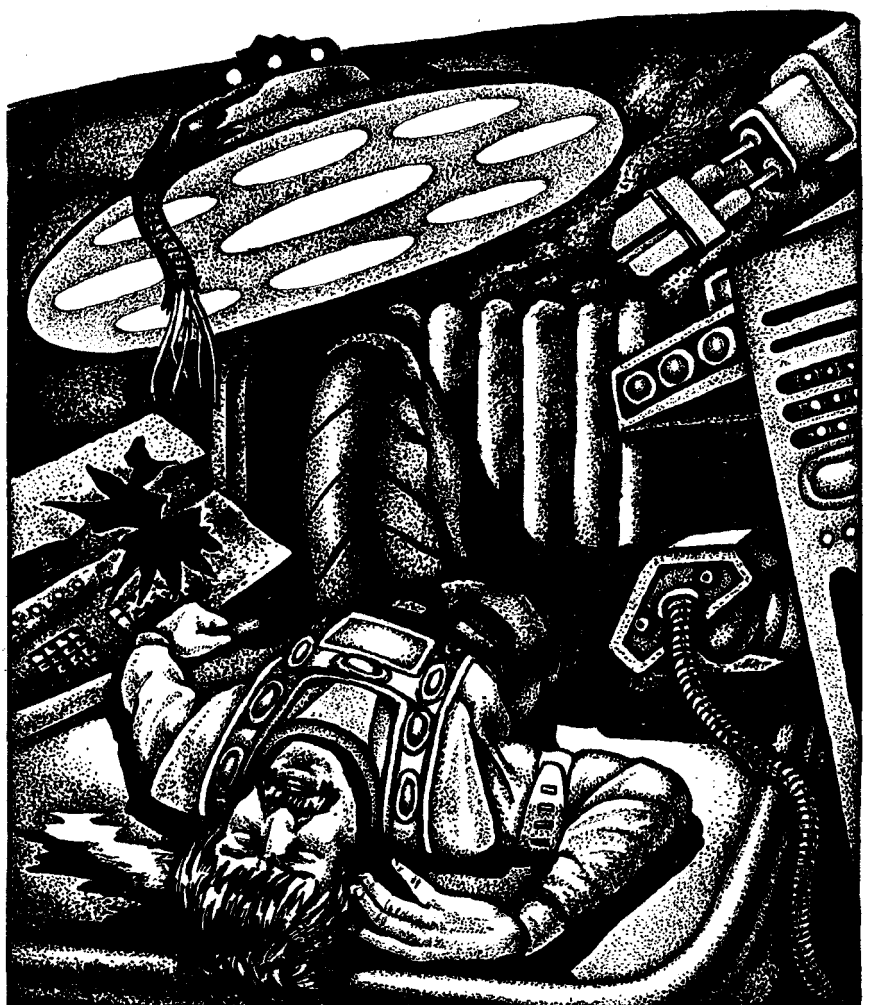
ей облучиться, возможно, она, отделившись от тела Ифлизы, полностью восстановилась бы. Но что было, того не вернешь. Он потерял Каллу навсегда. Чужая звезда гиперпространства, источник живительных излучений, священник, убивший Золтана в тот момент, когда его убивали посланцы, Ткач Памяти, получивший степень зрелости. Итак, последний бой Ортога произошел в сознании священника, и это вынудило его покончить жизнь самоубийством. Сам того не зная, Дал спас себе жизнь. И он потерял Каллу, едва обретя ее.

Эту потерю Дал не мог перенести. Он достал меч и провел им поперек груди. Но лезвие, которое побеждало иные миры, рассыпалось в его руках, и обломки упали к его ногам. Голубая вспышка разнесла зал Храма, некронеф исчез. Обломки рухнули на воющих некрозофов. В Великой Лассении подумали, что упала комета.

Подле руин одиноко стоял Дал Ортог Дал де Галанкар. Он потерял своего собрата по оружию и навсегда потерял свою единственную любовь. Теперь ему незачем жить, но отныне он никогда не дождется конца своих дней; после путешествия в страну Смерти он стал бессмертен. Вечной тенью, отделенной от тела, он будет одинок во веки веков. Он будет живой статуей; все людские заботы не для него. Сквозь руины Храма он пристально смотрел на солнце, которое исчезало за дальним лесом.

РИШАР БЕССЬЕР

ИМЯ МНЕ... ВСЕ



1

Умру ли я, или я действительно бессмертен?

Это первое, что приходит мне в голову, когда я возвращаюсь из забытья и открываю глаза. Я лежу на полу тесной противоударной каюты и неожиданно понимаю, что меня выбросило из кресла.

Да, удар, должно быть, был ужасным, и когда я пытаюсь одеться, то замечаю, что моей левой ноге довольно сильно досталось: кровь медленно вытекала из большой и глубокой раны. Поэтому, не теряя ни секунды, я ползу, извиваясь и корчась, как раздавленный червяк, к автоматической аптечке.

К счастью, рентгеноскопический экран не разбился, и вскоре я убеждаюсь в том, что все мои кости целы, но кожа — глубоко прорвана. Немедленно задействую тонкие стальные руки, которые очень осторожно, как это делает женщина, обрабатывают края раны, накладывают шов и разматывают длинные тонкие бинты. У меня создается впечатление, что эта нога теперь принадлежит не мне, а какой-то мумии — так она забинтована.

Я проглатываю какой-то странный наркотик, заставляющий меня забыть на мгновение о болезненной пульсации, штурмующей мое измученное и разбитое тело, и переворачиваюсь на спину, тяжело дыша и потея, как проклятый.

Бог мой, что за стук у меня в голове!

Но в конце-то концов, каким образом все это могло произойти? Что же случилось, черт возьми?

Мало-помалу мысли слегка проясняются в моем оцепенелом мозгу. Я снова переживаю отлет с Земли. Прошедшая неделя.

Утро вторника. Джон Кларк, полный энергии и решимости, как, впрочем, и во время каждого отлета.

Итак, я летел на Алогору, маленькую планетку земного типа, недавно открытую в созвездии Лиры, где уже обосновались первые колонисты.

Как всегда, когда дело касается снабжения колоний, отдаленных от матери-Земли, «Космик» находится в первых рядах, и старина Джо получил право на осуществление космических перевозок — монопольное право. Он снарядил десяток С-28, и мы стартовали утром во вторник, причем наши корабли были забиты товарами первой необходимости: часы стенные и настольные, портативные обогреватели, смена белья, оружие, медикаменты и куча анализаторов, и, конечно же, «многоцелевые» роботы модели «Пионер». Настоящий универсальный магазин!

Все шло хорошо, и моторы ровно гудели... Не понимаю. Должно быть, именно в главном двигательном отсеке все и произошло. Неожиданно перестали действовать трубки с бета-лучами. Я немедленно выключил подпространственную тягу, и в тот момент, когда я появился в континууме, это все и случилось. В машинном отделении что-то взорвалось с глухим шумом, моя ракета подпрыгнула в пустоте космического пространства, и я понял, что на нее действует огромная сила притяжения какого-то неизвестного мира.

Я помню, что успел перевести реакторы в режим торможения, но было уже слишком поздно. И еще я помню ужасную картину этого на глазах увеличивающегося мира... головокружительное пикирование на бледную поверхность... мои отчаянные, но безуспешные попытки и усилия, продолжавшиеся до последней секунды...

А потом... А потом удар... Ужасный удар! Неприятное ощущение — как будто меня раздробили и разделали на части прямо в середине кабины... Впечатление такое, будто я падаю в огненную реку... И это все!

2

Умру ли я, или я действительно бессмертен?

Да, все тот же самый вопрос, который преследует и мучает меня вот уже второй день.

Вот уже два дня я заперт в этой тесной кабине со своей проклятой ногой, заставляющей меня при малейшем движении испускать крик боли. Несколько раз я пытался подняться, чтобы попробовать разблокировать дверь, но увы! Это выше моих сил. С таким же успехом я мог бы предпринять восхождение на Эверест, прыгая на одной ноге!

Я проглатываю новую дозу болеутоляющего и оглядываю ка-

бину. Она стала мне отвратительна и невыносима. Отвратительна донельзя — восемь шагов в ширину, шесть в длину и десять в высоту. Настоящий гроб!

Гроб... Гроб... Н-да, когда закончится кислород... Утечка где-нибудь, без сомнения...

Во всяком случае, в ближайшие часы меня ожидает удушье, и я знаю, что этого не избежать.

Итак, я ругаюсь и проклинаю все на свете. Безусловно, это ничего не дает, но я ругаюсь, несмотря ни на что. Я проклинаю свою невезучесть, корабль, компанию, мою ногу, похожую на мумию, и юношеские мечты, которые я оплатил пятнадцатью годами усилий и жертв, пятнадцатью годами ада. И все время этот вопрос: умру ли я, или я действительно бессмертен?

Если бы я только сумел выбраться из кабины, чтобы узнать, цела ли «машина», или она разрушилась во время аварии...

— А!.. Моя нога! Эта проклятая нога!

Тем не менее, старина Джо был категоричен. Специальная модель, неуничтожимая и неразрушимая, запатентованная компанией, обеспечивающая защиту от ударов, жары и излучений. Конечно, эти корабли уже прошли проверку во время полетов в последние годы, и у меня самого есть приятель, который лично прошел через это во время полета на Говару. Через три месяца специалисты компании «Космик» приезжали для проведения восстановительных работ и полностью все отремонтировали. Дали кораблю вторую жизнь. Вторую жизнь!

Правда, на Говаре не было недостатка в кислороде. А как здесь?... Откуда я знаю?.. Что там, за двадцатью сантиметрами брони? Азот? Метан? Углеродистые соединения?

А! Если только... если только...

Моя нога онемела. Я ее больше не чувствую: наверное, действует наркотик. Я подтягиваюсь с грехом пополам. Это, конечно, далеко от совершенства, но...

А! Если только...

Я ползу к двери, снимаю запоры и налегаю на нее всем своим весом. Я толкаю... толкаю... с энергией и силой дикого зверя, попавшегося в ловушку.

Стон железа... скрежет металла... Я налегаю еще и еще. Дверь открывается наполовину, и я перестаю думать об этом кошмаре.

Теперь в голове моей бьется лишь одна мысль: «машина».

* * *

Все мое существо сосредоточилось на этой мысли. Я протискиваюсь в щель, затем в коридор среди всяких разных обломков,

усеявших внутренности корабля. Корпус вроде бы выдержал: не видно никаких дыр и разрывов. С бьющимся сердцем и горящим горлом я продвигаюсь вперед и чувствую, что содержание кислорода в воздухе все уменьшается и уменьшается, что первые признаки кислородного голодания уже налицо.

Я останавливаюсь, чтобы с трудом перевести дыхание. Пятнадцать лет усилий, чтобы оказаться здесь! Чтобы сдохнуть, как крыса, в этой дрянной ракете... и неизвестном мире.

Пятнадцать лет напрасных усилий, чтобы получать жалкое жалование, после работы смазчиком, чистильщиком и помощником кочегара.

Пятнадцать лет жертвовать всем и постоянно испытывать терпение Арабеллы.

Арабелла! Убежавшая, улетевшая, избавившаяся от всех Джонов Кларков во Вселенной и их глупых амбиций!

Я вспоминаю последний вечер, как будто это было лишь вчера...

Мы пообедали в маленьком ресторанчике в Нью-Джерси. Гамбургеры, большая порция мороженого с персиком и много взбитых сливок.

Арабелла рассказала мне о ревматизме своей матери и о школьных успехах своего младшего брата. Потом она взяла мои руки в свои и посмотрела мне прямо в глаза:

— Джон... Мы вдвоем, но это невозможно... Я никогда не смирюсь с такой жизнью, и нужно, чтобы ты это знал.

Конечно, я догадывался, что за всем этим кроется еще кое-что, но у меня не хватило мужества протестовать и уговорить ее еще на один раз. Я смотрел, как она уезжает, разглядывая облака пыли, поднятые ее машиной. Больше мы с ней не встречались. Никогда! И тем не менее!

Я пожертвовал пятнадцатью годами жизни именно ради нее, чтобы предложить ей все, что она захочет. Пятнадцать лет! Невероятно!

Резкое шипение кислорода в отверстии над моей головой возвращает меня к действительности. В этой полутьме я продвигаюсь ощупью в направлении главного отсека со скоростью черепахи. В самой середине коридора я перешагиваю через изломанное тело Роби. Его голова куда-то укатилась. Все ремни порваны. Его, должно быть, сильно ударило о панель связи, но сейчас меня это заботит менее всего и, оказавшись, наконец, перед главным отсеком, я исследую дверь.

Как я и ожидал, вход в отсек оказался заблокирован, но ценой нескольких тяжелых и изнурительных попыток я с этим справляюсь. У меня гудит в ушах. Я спешу к большому металлическому ящику, закрепленному на антимагнитных опорах. Он кажется целым и невредимым. «Неразрушимый!» — говорил Джо.

И он был прав. Никаких следов от удара. Ничего! Этот ящик тоже неразрушимый. Кибернетическая матрица всегда готова к действию. Точно в момент моей смерти она выпустит моего двойника, мою копию, находящуюся внутри, я вижу ее за маленьким окошком из феропластика. Он неподвижно лежит внутри, его череп и запястья соединены множеством гибких переплетающихся проводов со сложными механизмами. Это мое второе тело. Второй я.

Как только я завладею этим телом, все начнется заново, ведь именно для этого и предназначена «машина». Воссоздание. Бесконечное воссоздание после каждой моей смерти.

Клетки соединятся, и начнется новый процесс искусственного зарождения. Правый цилиндр освободит женскую клетку, полностью синтетическую, а другой, левый,— мужские, выделенные из активных сперматозоидов. Моих сперматозоидов.

Как в нормальном процессе развития, женская клетка оплодотворится и начнет делиться, чтобы произвести, после серии делений, миллиарды и миллиарды клеток, необходимых для создания нового индивида. Меня!

Еще один я. Одинаковые копии, как две отчеканенные одним штампом монеты.

Да, еще один я, но на этот раз не результат союза родителей; вся информация обо мне записана в моих хромосомах и генах. Еще один Джон Кларк, обладающий не только точно такой же психохимической структурой, но и одинаковой психикой, духовной сущностью и воспоминаниями; а самое удивительное заключается в том, что существует психическая постоянная связь между инкубатором и его отпрыском. Это сделано для того, чтобы воспроизведение двойника могло начаться немедленно, в момент внезапной смерти предыдущей копии. Я все еще слышу голос Джо, объясняющего мне устройство и принцип работы этого аппарата:

— В момент вашей смерти копия получит все воспоминания, все знания и особенности мышления модели, несмотря на то, что эта модель сама может быть копией с оригинала, полученной в результате точно такого же действия. И это процесс может продолжаться до бесконечности.— Затем он описал инкубатор.— Это изобретение было сделано недавно. Как вы знаете, в данный момент «машина» предназначена для сохранения некоторых выдающихся личностей нашей планеты. Вполне возможно, что однажды она поступит в массовое производство и всем будет разрешено ее иметь, хотя, как вы догадываетесь, это вызовет определенные демографические проблемы. Среди хорошо информированных кругов есть мнение, что нужно будет ограничить число разрешенных воскрешений до четырех для каждого члена общества и, конечно,

ввести строгий контроль для того, чтобы избежать всяких махинаций и противозаконных злоупотреблений. И еще должно быть достигнуто соглашение с частными компаниями, страхующими торговые операции с нашими отдаленными колониями, о защите и сохранении жизни наших пилотов. Ведь те значительные потери, что мы понесли в начале двадцать первого века, затормозили завоевание космоса. И смерть каждого пилота слишком дорого нам обходится!

Но Джо думал не о пилоте, а о ракете! Он никогда не обладал чувством такта — он был деловым человеком.

— Это устройство,— продолжал он,— будет отрегулировано по вашим психофизикохимическим особенностям. Разумеется, вы не имеете права использовать этот аппарат вне службы для своих личных целей. Во время вашего пребывания в космосе вы освобождаетесь от закона «ограничения» и можете умирать столько раз, сколько вам захочется. Если вы окажетесь в опасной и трудной ситуации, включите новую подпространственную систему тревоги, и мы восстановим вас независимо от того, где вы будете находиться. Вам придется лишь немного подождать, набравшись терпения.

Система тревоги!

При мысли об этом у меня на теле выступает холодный пот. Я выхожу из отсека и, спотыкаясь на каждом шагу, направляюсь в радиорубку. Окидываю взглядом все помещение, и у меня создается впечатление, что именно здесь разрушения причинили больше всего вреда. Мне удается проникнуть в это тесное помещение лишь после того, как я убрал обломки какой-то перегородки.

Я тотчас замираю, ошеломленный зрелищем, открывшимся мне. Все разбито, разломано, уничтожено.

Теперь система тревоги не более чем бесформенная масса, полностью раздробленная, не более чем путаница из отдельных деталей и кусков, валяющихся в беспорядке тут и там. Взрывом здесь разгромило и разнесло все. Полностью разбитый и совершенно уничтоженный, я падаю на груду обломков.

Бессмертный! И тем не менее, меня подстерегает удушье, которого я не сумею избежать.

Но избежать чего? Смерти или ужасной агонии, которая меня ожидает и которая, как я догадываюсь, может быть вечной?

Что будет случаться каждый раз, когда «машина» станет восстанавливать меня в мире, лишенном кислорода?

Господи! Боже мой!

Значит, я буду рождаться из смерти, чтобы снова и снова умирать, и снова рождаться, и опять умирать — всегда, до скончания веков?

О, боже мой! Господи!

3

Начиная с этого момента у меня была только одна мысль — нужно как можно дальше отложить эту вечную агонию, связанную с непрерывным страданием, от которого нельзя излечиться и которое, по-моему, соответствует наказанию в аду.

Единственное чувство, владеющее мной в этот самый час — ужас; поэтому я пытаюсь добраться до кормы моего космического суденышка, где сосредоточены запасы кислорода. Может быть, мне повезет, и я найду там несколько аварийных баллонов, чудом уцелевших во время взрыва.

Я ползу, подавляя колющую боль, которая возвращается по мере того, как перестает действовать лекарство. Мне приходится выдерживать жестокую битву в те последние минуты, что остались до того, как угаснет хриплый шум вентиляции. Наконец-то я проник в отсек, протиснувшись между обломками перегородки.

Несколько баллонов, действительно целых и невредимых, валялись среди разбитых по всему складу. Поднять один из них — минутное дело. Я открываю клапан и выпускаю драгоценный газ, заполняющий тесное помещение.

Я жадно дышу, пьянея от кислорода, потом бреду к иллюминатору, находящемуся на правом борту корабля.

Первый взгляд, брошенный на неизвестный мир, в который меня закинуло, не приносит успокоения — так как за бортом царит ночь. Непроглядная тьма. И даже то, что я различаю какие-то смутные, неясные очертания чего-то большого вокруг корабля, ни к чему. Весьма возможно, что это скалы, аммиак или застывший метан.

Как все это выяснить?

Все регистрирующие приборы, находящиеся в рубке корабля, разбиты. Но я придумываю выход.

Я отыскиваю скафандр и натягиваю его ценой тысячи усилий, время от времени замирая, так как боль становится невыносимой. Наконец я экипирован с ног до головы; прилаживаю баллон с кислородом на спину, закрепляю его и проверяю регулятор, не забыв и о наборе инструментов для проведения анализов, входящем в снаряжение.

Проделав все это, я направляюсь в рубку, хватаю автоматическую аптечку и позволяю себе еще одну дозу болеутоляющего.

Через несколько минут я покидаю рубку — моя левая нога совершенно онемела и стала бесчувственной, но как удобно не ощущать боли!

Итак, вперед! Время пришло!

Разблокирование шлюзовой камеры стоит мне новых мучительных усилий, но я справляюсь и с этим. С трудом протискиваюсь

в люк и оказываюсь в кромешной тьме, и только высоко над моей головой мерцают звезды. Я встаю на твердую каменистую почву и сразу бросаю взгляд на то, что осталось от С-28.

Носовая часть корабля полностью исчезла — она взорвалась и выпала на землю градом осколков. Странно! Неожиданно мне показалось, что эта темная масса, возвышающаяся передо мной, только что пошевелилась.

Но нет, мне не показалось. Верхушка массы вдруг полностью зашевелилась, медленно задвигалась туда-сюда... как... Нет, невозможно! Не могу в это поверить! С лихорадочной торопливостью решаюсь запросить анализаторы, закрепленные на запястье. И извергаю животный крик радости! Стрелки устанавливаются на красной светящейся черте!

Воздух! Воздух, пригодный для дыхания! Здесь есть воздух!

Я разражаюсь смехом, снимаю шлем и полной грудью вдыхаю свежий воздух, от которого у меня горит лицо. И я смотрю... И я понимаю.

Эта темная масса оказывается ни чем иным, как деревьями. Их верхушки легко колышутся под порывами ветра. Я продвигаюсь вперед на несколько шагов, вопя о своей глупости, радости и пятнадцати годах жертв во все горло. Я ступаю по хрупкому ковру зелени, и шум моих шагов заглушает мои рыдания и всхлипывания.

ВОЗДУХ!

4

Сегодня утром я рву все, что сумел написать в течение года. Ненужные, бесполезные страницы, наполненные мелкими, несущественными деталями, которые можно выразить в нескольких словах.

В общем, что я могу рассказать об этих двенадцати последних месяцах? Очень мало, так как жизнь, которую я здесь веду с момента прибытия, обыкновенна и безыскусна. Это жизнь нелюдима, отшельника, робинзона, затерянного на необитаемом острове. Моим островом является этот неизвестный мир, затерявшийся в безбрежном океане вечности.

И только одно доставляет мне сейчас неприятность. Это вращение планеты — полный оборот совершается за двенадцать земных часов, это означает, что смена дня и ночи происходит в два раза чаще, чем на Земле. Вначале я с трудом привыкал к этому, но все же сумел наладить свою жизнь в ритме Рока. Именно так я окрестил этот мир — Рока, потому что так звали мою мать. Это имя первым пришло мне на ум, поэтому я и выбрал его.

Да, теперь я живу в ритме Рока: ем один раз в день, работаю восемь часов и сплю оставшиеся четыре,— и должен признаться, что чувствую себя неплохо.

Чтобы упростить положение вещей, я пользуюсь земными часами, учитывая, что сутки на Рока истекают при одном полном обороте часовой стрелки. Но было бы глупо считать, что дни здесь проходят быстро! Когда я расскажу об этом старине Джо, уверен, что он начнет смеяться. А потом скажет мне:

— На что вы жалуетесь, Джон? За это время вы прожили в два раза больше, чем все мы!

Ему не хватает чувства такта, но чувством юмора он не обделен, наш старина Джо!

Нет, я не впадаю в отчаяние, потому что уверен, что для меня все закончится хорошо, рано или поздно. Им придется обшарить все углы и закоулки этой системы с того момента, как они узнают, что я бессмертен. Но, несмотря ни на что, меня беспокоит тот факт, что все это рискует слишком затянуться. Хотя, может, это и не заставит себя ждать — хотелось бы в это верить.

Я держался и крепился в течение целого года, но, должен признаться, одиночество меня удручает. Рока? Нет, я твердо уверен, что на этой планете нет ни одного разумного или почти разумного существа. Как только я почувствовал себя в состоянии без труда передвигаться, как сразу отважился на вылазку до гор, виднеющихся на горизонте, но нигде не видел ничего, что могло бы намекнуть на существование какой-либо цивилизации... Ничего...

Ничего, за исключением нескольких экземпляров причудливой фауны, чьи зоны популяции протянулись насколько хватает глаз.

Птицы с разноцветным оперением, гигантские насекомые с огромной грудью, покрытой тонкой мелкой чешуей, маленькие двухголовые четвероногие, у которых невозможно определить заднюю часть, так как они с одинаковой легкостью двигаются в обоих направлениях. И все это копошится в густом амазонском лесу, который начинается справа от лагеря, и огромные деревья качают своими длинными ветвями, напоминающими лисьи хвосты. Вся эта зелень ковром устилала землю, покрытую мхом и лишайниками, усеявшими даже огромные грибы. В этом лесу можно найти существа всех размеров и расцветок. Багряные, желтые и коричневые — одни маленькие, словно маргаритки, другие растения пышные, словно дубы. Самые высокие раскинули свои большие мясистые зонтики, полностью покрытые росой, которая беспрерывно скатывалась вниз и издавала недолгое дрожащее тремоло.

Все это живет и умирает, окруженное какофонией звуков, состоящей из криков, чириканья, щебетания, шороха крыльев и легкого шелеста листьев. И все эти животные и растения сохраняют право на смерть, которое нисколько не зависит от меня.

Вдруг мне в голову приходит одна довольно любопытная мысль, любопытная, но и довольно мрачная. Что, если поиски прекратятся? Что, если я обречен на вечную жизнь в этом неизученном мире? Как я смогу выдержать безмерную тяжесть бессмертия? Хватит ли у меня мужества жить до конца времен?

* * *

Нет, это абсурд. Это немыслимо, невообразимо. Они не могут оставить меня в этом одиночестве, это было бы слишком ужасно. Не надо об этом думать. Все, хватит! Рано или поздно, они прилетят. Джо говорил мне:

— Нужно будет запастись терпением.

Я спрашиваю себя, как могло случиться, что еще никто не открыл этот райский мир? Планета земного типа должна быть легко обнаружена ракетами, патрулирующими тот или иной край Галактики. В прошлом году мы открыли множество планет, так что их общее количество теперь достигло ста тысяч. Поэтому в течение века или двух можно будет разрешить все демографические проблемы; вот это время мне и придется подождать.

Разумеется, это маленькое умозаключение меня успокоило и уничтожило все мои страхи и тревоги, но, тем не менее, одиночество, тянущееся изо дня в день, стало мне ненавистно. Я попробовал было воззвать к многоцелевым роботам, которых взял со склада для строительства моей хижины, но потом отказался от этого. Тем более, что среди них остался всего лишь один действующий. Взрыв

или разрушил их полностью, или вывел из строя. Действительно, эти механизмы такие хрупкие!

Временами мне бывает невыносимо скучно и очень хочется иметь кого-либо рядом, с кем я мог бы поговорить. Кого-нибудь, кто мог бы мне помочь, поддержать меня, занять во время отдыха и дать совет на работе. Даже если речь идет об обыкновенной машине без души и внешности.

Впрочем, мы с Роби отлично понимали друг друга. Он был моим товарищем по путешествию в течение двух лет, и мы стали отличными «друзьями». Я произнес это слово и улыбнулся... Но, однако, есть же люди, считающие свою собаку лучшим другом! Почему нельзя тогда так же относиться и к роботу? Потеря Роби причинила мне много горя, это правда. Я его очень любил, привязался к этой «старой железяке», и, когда я увидел его голову, выкатившуюся на середину коридора, это произвело на меня странное впечатление. В его глазах застыла человеческая боль, отпечатались страх и отчаяние. Я рассматривал, исследовал, изучал его мельчайшие схемы, но нет — все было сломано, разбито, разрушено.

Эх, если бы только я сумел сделать одного робота, все детали которого мог бы с легкостью менять! Меня эта идея захватила, и сегодня я размышляю над этим дольше обычного.

Огромное оранжевое солнце встает над горизонтом, когда я решаюсь вернуться к обломкам корабля.

* * *

Я нашел! Гуманоид женского пола. Гуманоид Ф. Эта идея вертится у меня в голове, в то время как я проникаю в грузовой отсек и, роясь и копаясь в разбитых и развороченных ящиках, обнаруживаю один с пламенеющей на крышке надписью: «Гуманоид Ф. Обращаться нежно и осторожно».

У старины Джо есть чувство юмора. Это проявляется даже в его делах и поступках. Он и о записке позаботился, прикрепив ее к ящику восковой печатью: «Идеальный спутник для пионера, гуманоид Ф был задуман и разработан нашей компанией для удовлетворения всех нужд и потребностей супружеского характера. Обладает мягким характером, приветлива, предупредительна, красива. Может приспособиться ко всем человеческим типам — к наиболее взыскательным и эгоистичным. Хорошая хозяйка — отлично готовит, стирает, штопает ваши носки, печет пирожки, пирожные и печенье лучше любой женщины. Запрограммирована на то, чтобы никогда не упрекать вас за ваши непредвиденные выходки». И ниже большими красными буквами: «Справьтесь об этом у своих друзей».

Я начинаю смеяться. Только Джо мог придумать подобное. Меня не удивляет, что его голова может стоить целого состояния, зато поражает то, что он ухитряется терпеть самую сварливую (настоящую) женщину в мире — собственную жену. Возможно, в этом-то и кроется причина...

Наконец я вскрываю этот ящик и обнаруживаю самое человечное создание из всех, когда-либо виденных мной, со сложенными на груди руками. К несчастью, голова ее в нескольких местах треснула, а ноги раздроблены ниже колен. Но в соседних ящиках я нашел голову в отличном состоянии, а также и несколько конечностей, которые можно будет присоединить, не нанося вреда общему эстетическому впечатлению.

После переделки я легко получил то, что хотел. А хотел я, чтобы она была ростом в пять футов восемь дюймов, весом — сто тридцать шесть фунтов и имела бы приятную полноту. У нее будут довольно длинные светлые волосы, большие зеленые глаза, маленький прямой носик, чувственные губы и постоянная улыбка. Она будет очаровательна, прелестна и чувственна, взгляд ее будет задорным и вызывающим, вид — надменным и высокомерным, но в то же время нежным и томным, головка — восхитительной... Она будет...

Но мои руки уже спешат, торопятся, что-то добавляют и отбрасывают, привинчивают и отвинчивают...

Совершенно случайно портативный «кожесмеситель» уцелел во время взрыва. Я отмеряю составные части и ссыпаю их в приемное устройство. Машина месит, растирает, толчет; все кипит и дымится; синтетическая кожа окрашивается и размягчается. Мои пальцы бегают по лицу куклы, обрабатывая впадинки, формируя закругления и вылепливая морщинки, интимные и сокровенные. Я добавляю с одной стороны и убираю с другой... Здесь — уменьшаю... Там усиливаю... Я создаю и разрушаю... Я уничтожаю все и все начинаю заново...

Последний раз я проверяю соединение костей из молибдена, натяжение стальных проводов, примыкающих ко всем частям тела, эластичность и упругость вольфрамовых пружин, встроенных в мышцы, главный гироскоп и электронный мозг. Кажется, все работает нормально. Инстиллятор знаний на месте, все разветвления на месте, все в порядке.

Жму пальцем на кнопку. Щелк! Ну вот и свершилось! Я слышу, как закрутились колеса механизма. Процесс охватывает все его части, и машина оживает!

Синтетическая жизнь вливается в тело, начинающее остывать. Боже, как же ты прекрасна, мой ангел! Ты дрожишь, ленивая и сладострастная в своей невинности. Твои бедра трепещут, твоя грудь набухает и напрягается, твои губы двигаются, руки дрожат...

Я ласкаю твои щеки, глажу твои волосы. Твои глаза открываются, взгляд с удивлением останавливается на мне, твой рот что-то шепчет, и ты замираешь в нерешительности на пороге сна. Ты выпрямляешься, садишься и улыбаешься. Потом ты встаешь — великолепная, волнующая, романтичная. Ты выходишь из ящика, легкая, подвижная и по-кошачьи проворная. Ты смотришь на меня и улыбаешься. А я — я замираю на месте, как очарованный ребенок.

— АРАБЕЛЛА!

5

Я до сих пор не знаю, почему создал эту псевдо-Арабеллу. Сейчас я понимаю, что она была всего лишь куклой, автоматическим манекеном, обыкновенным созданием из металла и пластика с вечной синтетической улыбкой. Простой робот, хорошо смазанный и отрегулированный. Бесчувственный и равнодушный механизм. Просто машина!

Мне трудно называть ее Арабеллой. Для меня произнести это имя, обращаясь к гуманоиду, значит совершить кощунство, святотатство. Но это имя уже отпечаталось в ее микросхемах и мозговых цепях, и это единственное имя, на которое она отныне согласна. И все же, по возможности, я стараюсь не называть ее этим именем.

После того, как она познакомилась с остатками корабля и хижиной, выстроенной мной посредине поляны, я предоставил ей этот день, чтобы она могла заняться собой: привести себя в порядок.

Она скроила себе платье из дрянной материи, входящей в состав груза корабля. У нее получилось довольно неплохо, хотя Арабелла, без сомнения, сделала бы это гораздо лучше. На мой взгляд, платье должно было быть менее строгим, более веселым и более декольтированным. Оно должно было бы иметь кружева и легкие складки. Больше изящества и легкомыслия. Весь этот шик, которого — увы! — лишено платье гуманоида.

Готовила она неплохо, но могла бы и лучше; и этим утром, когда я открыл глаза, то увидел, что она готовит завтрак.

Много ошибок было и в ее жестах, но я надеюсь, что со временем эти мелкие недостатки можно будет исправить. Она поприветствовала меня своей ласковой улыбкой и поставила на стол чашку дымящегося кофе.

— Доброе утро, Джон. Как вы сегодня себя чувствуете? Хороший денек, не правда ли?

Я морщусь.

— Мне хотелось бы, чтобы вы перестали обращаться ко мне

по имени. «Господин Кларк» кажется мне вполне приличным обращением.

— Хорошо, господин Кларк.

Какая фамильярность! Я уверен, что Джо надо будет пересмотреть и перепроверить системы, отвечающие и регулирующие воспитание этих «многоцелевых» роботов.

— Присядьте-ка на минутку. Нам совершенно необходимо раз и навсегда определить отношения между человеком и андроидом или, более точно, между человеком и гуманоидом Ф, каковым вы и являетесь. Я хочу, чтобы наши отношения были четко определены.

— Я выполняю все ваши приказы. Пункт 1, меморандум 28.

— Я говорю об основных законах роботехники. Пункт второй и следующий: робот ни в коем случае не должен идти против своего хозяина. Он должен слепо выполнять его приказы, если только они не противоречат человеческим и социальным законам. Третий...

— Но здесь, господин Кларк, это не имеет смысла, так как мы одни.

Какая бесцеремонность! Я продолжаю со вздохом:

— Пункт третий предусматривает, что гуманоид Ф должен заботиться как о своей безопасности, так и о безопасности своего создателя. Четвертый предусматривает элементарные правила вежливости и приличия. Например, никогда не прерывать разумное существо, когда оно обращается к вам. Я понятно говорю?

Тишина.

— Я понятно говорю?

По-прежнему нет ответа.

— Ну, отвечайте, черт возьми!

Механизм улыбается во весь рот.

— Абзац 128, пункт 512-бис. Гуманоид не обязан отвечать «да», когда получает от своего хозяина заслуженное замечание. Его согласие выражается молчанием.

Я разражаюсь смехом. Ба, точно, это ведь совсем вылетело у меня из головы. Если бы я не работал долгое время с машинами, то мог бы принять эту реплику за остроумное высказывание, окрашенное типично женской иронией.

— Должен вам справедливо заметить, что еще немного, и вы начнете выражаться совсем как Арабелла.

— Но я и есть Арабелла.

— Я говорю не о вас.

— Еще один гуманоид?

— Нет, человек.

— О! Человек, носящий такое же имя, как и я?

— Точнее будет наоборот. Скажем, вы носите имя одной женщины.

— Вы ее знаете?

— Я ее знал.

— Какая она была?

— Очень милая... Очень красивая...

— Как я?

— Именно.

— Вы ее любили?

При этом вопросе мои брови хмурятся.

— Маленькая куколка, что вы можете знать о любви? Любовь — чувство человеческое.

— Простой обмен эмоциями электрохимического характера; суть любви может быть выражена геометрическими символами: любовь может быть вызвана простым физическим контактом. Свод правил «Отношения и связи между людьми», параграф 32.

— Я... я советую вам забыть этот параграф.

— Хорошо, господин Кларк.

Еще одна идея Джо! Черт возьми, теперь я понимаю, почему Джо продает эти механизмы, как булочки, в разные концы Галактики. Какой ужас! Я воспользовался тишиной, чтобы проглотить кофе, но машина возобновила разговор:

— Я хотела бы, чтобы вы поговорили со мной об Арабелле.

Неожиданно кровь бросилась мне в лицо и я рассердился; боже, как эта машина раздражает меня!

Я ушел, хлопнув дверью.

6

В это утро я снова принес в хижину свои охотничьи трофеи. Две птицы, подстреленные на болотах, и три мелких млекопитающих из тех, что живут на мясистых шляпках огромных грибов, растущих в лесу. Их мясо очень вкусно, при условии, если его подать под острым соусом; с чем псевдо-Арабелла довольно успешно справляется. Особенно важно для нас сейчас сделать запас провизии на зиму, и мы уже начали делать консервы.

Конечно, я всей душой не хочу их использовать, так как перспектива провести еще одну зиму на Рока меня совсем не радует, несмотря на присутствие преданного и прелестного спутника.

Она старалась изо всех сил, делала все, чтобы мне помочь; наши вечера становились все менее и менее вялыми, так как я научил ее играть в карты и другие разные игры, что нашел в обломках корабля, и все же этим вечерам было далеко до игривых, шаловливых и дурашливых вечеров Земли.

И постоянно эти вопросы!

Невероятно, что она может задавать такие вопросы! Мне нужно

быть осторожным, так как она записывает все, что я говорю, и никогда не забывает этого. Настоящая энциклопедическая память! Она знает уже все о моей семье, о возрасте, профессии и вкусах моих близких друзей; может по памяти рассказать содержание всех фильмов, о которых я вспомнил и пересказал ей в некоторые бессонные ночи. Она говорит со мной о Джо так, будто знает его всю жизнь!

Джо! Единственный, кто будет ужасно доволен, когда я вернусь с псевдо-Арабеллой, не отходящей от меня ни на шаг. Я представляю, как он подмигнет мне:

— Ну что, дружище, признайтесь, что у папы Джо была чертовски отличная идея создать эту супермодель! Кем бы вы стали и во что превратились бы без Арабеллы? Я вас об этом спрашиваю. Земные женщины? Вздор, дрянь по сравнению с этим...

Мы вместе посмеемся над шуткой, и все остальное будет лишь воспоминанием — не больше. Эх, если бы они могли прилететь сюда до Нового года! Но как я могу быть уверен в этом? Эта проблема — увы! — оставляет мою спутницу совершенно равнодушной и нисколько не трогает. Тем не менее, когда во время обеда я громко обсуждаю эту проблему, она в конце концов удивляется:

— Здесь, на Рока, вы несчастны?

— Человек не создан для жизни в одиночестве. Это противоречит законам природы.

— Но вы больше не одиноки, господин Кларк! Один плюс один равно двум!

Логика электронного мозга абсурд для мозга человека, однако я не решаюсь произнести это вслух. Как-никак, в известном смысле...

Я держу тарелку. Моя спутница, в свою очередь, накладывает себе новую порцию. Я смотрю на нее с изумлением. Интересно, что она находит в этих блюдах? Но с какой деликатностью и утонченностью хорошо образованной женщины она их оценивает! Еще одна штучка старины Джо. Вся проглоченная ею пища попадает во внутренний мешок, где расщепляется девяносто процентов общей массы. Оставшиеся десять процентов выводятся в другой мешочек, откуда затем удаляются. Должен признать, что это довольно разумно...

— Еще немного рагу, господин Кларк?

— Нет, спасибо.

— Надеюсь, вам понравилось?

— Все было очень вкусно.

— Фрукты?

— Нет, Арабелла.

Я прикусил язык, но было уже поздно. Наградив ее этим именем, теперь я корю себя за это. Мне не следовало этого делать. Просто

у меня это вырвалось. Моя подруга резко вскинула брови... и опять мне хочется назвать ее куклой, механизмом, машиной... О!.. Эти слова!

— Почему вы меня никогда не называете Арабеллой? Это имя мне очень нравится.

— Эх! Вам будет очень трудно это понять. Мне не хотелось бы когда-нибудь объяснять вам все это.

— Но это же смешно! Хозяин должен всегда доверять гуманоиду все свои тревоги и переживания по своему усмотрению. Груз секретов и тайн может быть слишком тяжел для одного человека.

— Я сам это выбрал, и я...

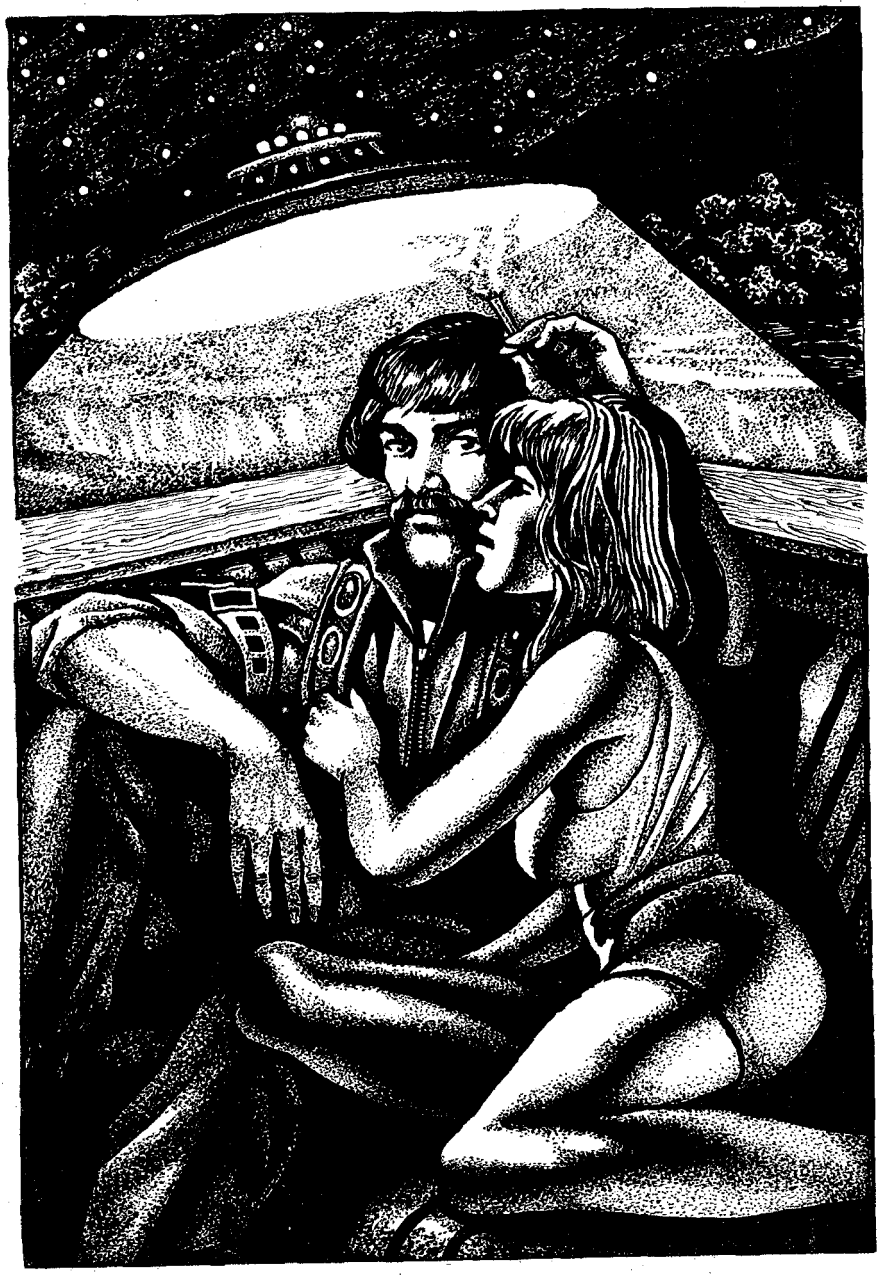
— Пункт 314, свод правил...

— Мне плевать на пункт 314! И больше не перебивай меня, этого достаточно...

— Для гуманоида невыносимо, когда отказываются использовать его по прямому назначению с привлечением всех его способностей...

— Во имя милосердия господнего, я прошу вас...

— Я повторяю, пункт 314...



— Вы...

— Расскажите мне об Арабелле.

Я посмотрел на нее остолбенело.

— Нет, что это вы себе позволяете? Какое право вы имеете так говорить со мной?

Она с достоинством и важностью встала, чтобы высказать:

— Это покушение на законы роботехники, господин Кларк.

— Хуже! Злоупотребление человеческим разумом!

— Нет. Это всего лишь эмоциональный взрыв и больше ничего.

— Если бы вы были Арабеллой...

— У нее никогда не нашлось бы мужества так с вами разговаривать.

— Нет, конечно же, нет.

— Этого я и боялась. Человеческим женщинам не хватает практичности и находчивости.

— У них, слава богу, есть иные качества, которые украшают их; они обладают массой достоинств.

— К несчастью, вы их любите за их недостатки.

— Безусловно, у Арабеллы есть свои недостатки,— но они — человеческие.

— Даже то, что она не знала о вашей любви?

— Может быть...

— Вы долго ее знали?

— О, да...

— Где вы с ней познакомились?

— На берегах Гудзона, воскресным утром.

— Весной? Летом?

— 28 мая. Она стояла на понтонном мосту. Ее длинные волосы развевались на ветру.

— Ее платье?

— Нет, на ней были шорты и блузка с глубоким вырезом. Я подошел к ней, предложил сигарету. В это время...

— Господин Кларк...— Она взглянула на меня так, будто очнулась от долгого сна.— Господин Кларк...

— Она мне улыбнулась ласково, и я ее спросил...

— Господин Кларк...

Я почувствовал, как рука моей спутницы вцепилась в мое плечо с такой силой, что я вскинул голову с тревогой и беспокойством:

— Что происходит?

— Слушайте!

Она указала куда-то в небо через большое открытое окно.

— Так вы ничего не слышите?

— Что там такое, в конце концов?

— Какой-то странный шум... Шум мотора... Да! Я в этом совершенно уверена.

Ее сообщение произвело на меня впечатление ведра вылитой прямо на голову воды. Одним прыжком я оказался на улице, не смея даже поверить... Но я все еще ничего не слышал. Она присоединилась ко мне и, предугадывая мой вопрос, поспешила сказать:

— Я вас уверяю, что отчетливо слышала шум.

Мы бросились на середину поляны, торопясь изо всех сил и сверля небо взглядами. Мной овладела надежда. Мой бог, если бы это оказалось правдой! Маленькие сверхчувствительные звукоуловители гуманоида действительно могли зарегистрировать шум мотора... В этом случае парни старины Джо уже были бы здесь, тщательно исследуя поверхность Рока с бортов своих маленьких вертолетов. Мы бегом пересекли лесок, чтобы взобраться на вершину скалистого холма, и оттуда внимательно, но тщетно вглядывались в небо, голубое, чистое и безмятежное небо, где в направлении севера начали расти большие кучевые облака. Я же так ничего и не слышу... Да и не вижу тоже. Ничего похожего на вертолет, ни одной черной точки на горизонте. В это мгновение небо вдалеке, словно удар кнута, располосовала молния. Услышав раскаты грома, я улыбнулся и повернулся к своей подруге. Итак, всего лишь ложная тревога. Действительно, нужно обладать очень тонким слухом, чтобы отличить раскаты грома от рева реактивного самолета на таком расстоянии.

— Я была совершенно уверена...— извинилась псевдо-Арабелла, удрученно взмахнув рукой.

— Неважно.

Спускаясь с этой верхотуры, я, с грехом пополам, помогаю сойти вниз Арабелле, но она вдруг подскальзывается и падает, растянувшись на камнях во весь рост. Большим прыжком я бросаюсь к ней. Черт возьми! Сломана правая лодыжка. Нога, перекрученная самым невероятным образом, свободно висит. Я неподвижно стою и ругаюсь, как последний солдафон:

— Это моя вина... Ваши лодыжки очень хрупкие... Мне следовало бы быть более осторожным и внимательным.

На ее лице появилась самая очаровательная улыбка.

— Ничего серьезного, уверяю вас.

— Да, конечно, я это легко починю.

— Но вам придется меня нести — я доставляю вам одни хлопоты и неприятности.

— Но здесь недалеко... и мы никуда не торопимся.

Я поднимаю ее, и она обхватывает мою шею обнаженными руками. Ее тело такое теплое, что я изумляюсь. А она смотрит на меня, забавляясь моими усилиями и молчанием, как маленькая капризная девочка, которая отказывается идти по лужам и просится на руки. Как и Арабелла, когда я помогал ей спрыгнуть с понтона!

Она точно так же сжалась в моих руках, такая маленькая, а я, я нес ее на руках по воде до самого катера. Именно так все оно и началось между нами в то воскресное утро 28 мая.

— А, старые воспоминания? — мурлычет моя ноша, не отрывая от меня своих больших зеленых глаз.

Всегда эти старые воспоминания... Я кладу ее на траву, чтобы немного перевести дух. Она подползает ко мне и касается моей руки:

— Так вы говорили, что это произошло на берегу Гудзона?— Она помолчала немного и продолжила: — Кстати, о чем вы ее спрашивали?

7

Итак, дело сделано — колодец выкопан. Теперь у нас сколько угодно воды. Закончены утомительные каждодневные хождения туда-обратно между хижиной и ручьем, протекающим по краю поляны. Я тяну за цепь и вытаскиваю первое ведро, до краев наполненное чистой и прозрачной водой. Я испускаю крик радости, кричу во весь голос и мчусь к хижине, чтобы объявить эту чудесную новость, но хижина оказывается пустой. «Ба! Что происходит? Где же Арабелла?» Я в беспокойстве выбегаю наружу и оглядываю окрестности. Я кричу во все горло: — Арабелла! Арабелла!

Я ничего не понимаю... Еще сегодня утром... И вдруг, совершенно неожиданно, я замечаю ее. Она выходит из ракеты, делая руками какие-то знаки. И пока она выбиралась из шлюзовой камеры на солнце, я стоял на месте, неподвижный и ошарашенный. Завороженный и очарованный. Я смотрел, как она, словно во сне, продвигается вперед с ленивой, но чувственной грацией. На ней маленькие шорты и белая блузка с глубоким вырезом. Ее длинные светлые волосы рассыпаны в беспорядке по плечам. Боже, как же ты красива, мой ангел!

— Привет, Джон, надеюсь, я не очень поздно?

Я качаю головой слева направо и справа налево. Сквозь лифчик из тонких кружев видна грудь. Где, черт возьми, она выкопала эту ткань?

— Колодец готов, Арабелла. Теперь у нас много воды.

Она начала хлопать в ладоши и скакать на одной ножке, как маленькая озорная девчушка.

— О, Джон! Это чудесно... Это чудесно...

Она бросается мне на шею, и я сжимаю ее в объятиях. Мы вместе смеемся и плачем.

— Арабелла, нам нужно это отметить. Что хорошего ты приготовила?

— Сюрприз... Ты увидишь.

Боже... гамбургеры, мороженое с персиком и много взбитых сливок для каждого. Моя любимая еда! Но, черт возьми, откуда она могла...

Она смеется.

— Я откопала кое-какие консервы. Мы сохраним их для особо торжественных случаев. Ну, садись же. Я умираю с голода.

Я присаживаюсь за стол и пробую все блюда.

— Ммм... Чертовски вкусно, ты знаешь.

Она продолжает звонко смеяться.

— Арррабелла... Арррабелла... Вкусно... вкусно... вкусно...

Я в изумлении смотрю на нее, но она показывает мне на окно. На подоконнике на длинных ногах стоит большая птица и наблюдает за нами маленькими глазками-бусинками, расположенными по краям огромного, как у тукана, клюва.

— Арррабелла... Вкусно... вкусно...

Нет, а откуда она взялась, эта птица с голосом попугая, скрипящим и скрежещущим, как ржавый блок? Я встаю, чтобы взять свой карабин, но Арабелла удерживает меня:

— Зачем? Это всего лишь маленькое безвредное существо.

— Но у него такой раздражающий голос!

— Он все равно не знает, что говорит. Смотри.

Птица улетела, и, когда мы вышли из хижины, Арабелла показала мне на каминную трубу. В гнезде, которое я с трудом замечаю, птица присоединяется к своей подруге, и они обе щелкают клювами, переговариваясь. Довольно любопытная компания, которую я здесь раньше не видел. Да, раньше их здесь не было.

— Они прилетели сегодня утром. Они как аисты, а аисты приносят счастье.

Я возвращаю ей улыбку, затем пожимаю плечами:

— Ты рассуждаешь, как твоя мать.

— Моя мать?.. А, ну да, действительно... Джон... ты прав... Ладно, не будем портить вечер подобными мелочами.

Я закончил есть свое мороженое и откинулся на спинку стула. Арабелла права, вечер действительно чудесный. Я окидываю взглядом ее тонкие стройные ноги, смотрю на ее грудь и плечи и погружаюсь в ее большие зеленые глаза. Потом я спрашиваю тихо и нежно:

— Арабелла, ты меня любишь?

Она придвигается ко мне и берет мою руку в свои, довольно теплые и мягкие.

— Ну, конечно, мой дорогой. Неужели ты в этом сомневаешься?

— Твоя правда, я — идиот.

— Нет, Джон, ты — человек.

— Это потому, что я думаю о Бернарде... о том, что с ним случилось...

— Бернард?.. О да, я припоминаю; но с ним все было по-другому. Мадж для него не была женщиной. И он ни о чем, кроме работы, не думал.

— А я копаю колодцы... Зачем...— Я разражаюсь смехом.— Арабелла... Почему, зачем я вырыл этот колодец? Скажи мне об этом...

— Послушай, Джон, а не сыграть ли нам в шахматы? Что ты думаешь?

— Отличная идея, дорогая!

* * *

Быстро темнеет. Я все еще перед окном, выпускаю клубы дыма последней сигареты и смотрю, как деревья медленно глотают заходящее пламенеющее солнце.

Но зачем я выкопал этот колодец?

В Гудзоне довольно много воды. И Гудзон не так уж и далеко...

И что значат обломки ракеты, нашедшей свою последнюю стоянку на краю поляны? Что здесь могло случиться? Ее не было там, когда мы, Арабелла и я, приехали сюда... Еще одно происшествие, способное испортить нам отдых! Бедная Арабелла! Наши планы... Одни, наконец-то одни, в маленьком тихом уголке, вдали от мира, от шума города и его отвратительных запахов. Одни!

Я оборачиваюсь. В полумраке, царящем в хижине, я замечаю Арабеллу или, вернее, угадываю ее, лежащую на своей кровати. В этот вечер она не стала, как обычно, задвигать разделяющую нас занавеску. Из-за жары, без сомнения... Она лежит на белой простыне совершенно неподвижно, совершенно... Смешно, но я хотел сказать «выключенная». Чушь. Откуда такие слова? Конечно же, я собирался сказать «спящая». Но спит ли она на самом деле?

Я подхожу к ней. Ее большие зеленые глаза блестят в темноте комнаты, как глаза кошки. Я присаживаюсь на кровати.

— Ты не спишь?

В комнате еще довольно света, чтобы разглядеть ее очаровательную улыбку.

— И я тоже. Не спится, ты знаешь... Я...

О! Почему она мне не отвечает? Было бы гораздо легче...

— Арабелла...

Ее руки поднимаются и притягивают меня к мягкому и теплому ложу.

— Арабелла, любовь моя...

Мои губы ищут ее губы, и я ощущаю ее горячее тело. Я теряю рассудок, и наш первый поцелуй — не более, чем жестокий укус,

который опрокидывает весь мир и погружает меня в бездонную пропасть...

Вдруг Арабелла приподнимается в постели:

— Джон... Джон... Послушай... Ты слышишь?..

— Арабелла...

— Этот шум, Джон... Этот шум...

Как оглушенный, я ошеломленно смотрю на нее бессмысленным взглядом, потом навостряю уши и, в свою очередь, слышу какое-то отдаленное рычание.

И вдруг я сразу все понимаю. Я покидаю свой сон неохотно, с болью и мукой, как пьяница, с отвращением просыпающийся на следующий после попойки день. Шум... Гудение реактивных двигателей... Парни Джо... Боже мой, как я мог забыть все это? Я бросаюсь к окну. Нет, в этот раз никакой ошибки. Этот шум — я узнаю его из тысячи.

— Джон... Ракеты... Быстрее.

Я бросаюсь к обломкам корабля, ныряю в шлюзовую камеру и лихорадочно роюсь в нише. Да, они здесь, я вижу эти сигнальные ракеты. В тот момент, когда я выбегаю из корабля, ко мне присоединяется Арабелла, но я не обращаю на нее никакого внимания. Я выпускаю в ночное небо ракету, которая рассыпается в вышине мириадами ярких разноцветных огней. Но увы — поздно: шум удалился и затих в тишине. Вторая ракета взлетает в небо, третья, четвертая...

Но они должны вернуться, должны заметить мои сигналы. Ведь ночью это так легко!

На скалистый холм. Быстро! С этой высоты посылаемые мной сигналы будут более заметны. Не следует пренебрегать даже мелочами, если они могут дать шанс. Я бегу изо всех сил, пересекаю поляну и тороплюсь к груде камней. Не обращая ни малейшего внимания на острые грани, я прыгаю, не чувствуя, что из разбитых рук и коленей струится кровь. Наконец я добираюсь до вершины и испускаю крик радости. Шум раздается прямо над моей головой и сопровождается каким-то резким высоким свистом, который становится невыносимым. Во время этой лихорадочной спешки я успел вставить ракету в патронник и теперь взбираюсь на осколок скалы.

Мои пальцы судорожно сжались... Но внезапно я кричу, в то время как камень, покачнувшись, падает и увлекает меня за собой в глубокий сумрак...

Я кричу, когда ударяюсь и отлетаю от острых уступов скалы... Я кричу в то время, как мои веки наливаются непомерной тяжестью, но крик уже беззвучен, потому что мои легкие лопнули, как мыльный пузырь...

И с мыслью о смерти я погружаюсь в небытие.

8

Мне снилось, что я шел по мягкой нежной траве.

Мне снилось, что я жил.

Мне снились моя юность и моя жизнь.

Мне снился отлет с Земли во вторник утром, авария на Роке, мое одиночество и Арабелла.

И мне снились моя смерть и мое воскрешение.

Но правда ли, что это был сон?

Мои глаза все еще не хотят открываться, и мое тело остается непомерно тяжелым. Да, сон все продолжается, и мало-помалу все проясняется. Воспоминания...

Я — второй Джон Кларк, второй я. Я получил второе тело из искусственного инкубатора, надежно защищенного от всех воздействий внешнего мира, где оно лежало в тишине и покое, благоприятных для размышлений...

Я восстал из смерти в бессмертие.

Мой мозг работал... трудился... я анализировал факты и постепенно связал воедино все события. Но какой сегодня день? Сколько времени провел я здесь в коме? Я еще раз попытался восстановить момент моей смерти с помощью видений, неотступно преследующих меня. Итак, я вспоминаю.

Шум... Свист реактивных двигателей... Я падаю в пустоту, глядя в небо, поглотившее все мои надежды. О, боже, неужели же мне придется нести это наказание, эту кару, как еще одному Мессии, всю историю человечества? И так до конца времен!

Мои глаза открываются, сердце начинает биться в нормальном ритме. Слабый щелчок заставляет меня вздрогнуть, и неожиданно я осознаю, что все кончилось. Я освобождаю свою голову и запястья от захватов и толкаю панель, прикрывающую мою вторую сущность.

На выходе из корабля меня ослепляет солнце, но мало-помалу я начинаю узнавать знакомый пейзаж. Поляна... Колодец... Когда я спускаюсь, замечаю двойника Арабеллы, чудовище, монстра, выдуманного инженерами «Космика», И меня охватывает отвращение. Как я мог, в конце концов?.. Я задыхаюсь от омерзения. И тем не менее, я знаю, что не сумею этого избежать во время моего вечного одиночества. Это выше воли и сознания.

Ммм, моя голова! Если бы еще не было этих старых воспоминаний! Если бы можно было от них избавиться! Но нет, они все здесь, со мной. Даже самые незначительные и отдаленные.

Гуманоид поворачивается ко мне спиной. Я приближаюсь к ней и вижу, как она кладет цветы на могилу, увенчанную грубым деревянным крестом. Букет большой и разноцветный. Она оборачивается на шум моих шагов и смотрит на меня со своей вечной улыбкой.

Ни малейшего удивления. Я задаю себе вопрос: говорил ли я ей когда-нибудь о своем бессмертии? Возможно.

— Джон!.. Джон, дорогой!..

Она бросается в мои объятия, но я отталкиваю ее, выскальзывая из ее рук. Мой взгляд прикован к могиле. Деревянный крест!

— Джон, ты видишь, я украсила цветами твою память и ухаживаю за могилой.

Да, конечно, это запрограммированные действия всех гуманоидов, но какой странный язык!

— Сколько дней я отсутствовал?

— С двумя кусочками сахара, как и каждое утро. Э... нет, я хочу сказать два дня.

— Что ты сделала со своими волосами?

Она раздвигает пряди волос и показывает большой разрыв эпидермы у основания черепа.

— Это ничего. Когда я искала тебя ночью, то поскользнулась и упала.

Черт побери! Довольно мерзкая рана. Одновременно я бросаю последний взгляд на могилу.

— Возвращаемся!

Две птицы по-прежнему сидят там же, где я увидел их впервые. Они приветствуют меня, щелкая клювами, а самец, в приступе рвения, выдает крик: «Привет! Джон, дорогой!», что совершенно выводит меня из себя. Я чувствую, что однажды заткну ему клюв, и лучше всего это сделать прямо сейчас.

В тишине меня кормят бог знает какой мерзкой кашей. Она отвратительна... несъедобна... Я упираюсь ногой в стол, который с грохотом переворачивается, и раздается шум бьющейся посуды.

— Джон... дорогой...

— О! Прекрати, а не то я...

— Передай мне сигареты.

Она встает, зачерпывает горстью немного крема.

— Вот, попробуй, это вкусно, ты знаешь...

Тарелка летит в воздухе, и крем облепляет лицо Арабеллы.

— Ммм, это вкусно... вкусно... ммм...

Я разражаюсь смехом, и мой смех смешивается со смехом пересмешника, сидящего на окне. Да от этого смеха подохнуть можно! Крем залепляет лицо Арабеллы, а она улыбается... улыбается... словно размалеванный клоун. Жалкий и ничтожный клоун!

— Я счастлива, Джон!

— Бедная идиотка! Ты смешна. Ты должна сказать: рассержена, разъярена, вне себя!

— Статья 312-бис, Джон...

— О нет! Ты, должно быть, просто ошибаешься.

— Нет, вспомни, это было на берегу Гудзона.

— Что ты тут мне рассказываешь?

— Любовь, конечно,.. если только это не покушение,.. но законы роботехники...

— Арабелла!

— Смотри, Джон... Это шносме... Разве собираемся не с персиком мороженое для двоих и со взбитыми сливками заказать нас?

Я в ужасе смотрю на нее.

— Дня сего только возвращение твое.

— О, Арабелла, замолчи, умоляю!

— Глуа жеон ат бют а кимма тон синк я ни оглу а ки ни те...

Изо рта Арабеллы вырывается только ужасное урчание и бульканье. О боже! Этот голос! ЭТОТ ГОЛОС!

— Ма ка ме та бум акпк си а та... си а ма... си а ма... си...

— Нет!

Стул обрушивается на голову Арабеллы, и она разлетается на кусочки. Переполненный яростью и гневом, я бью и бью по этому телу, из которого даже не идет кровь.

— Ты всего лишь грязный, мерзкий механизм... мерзкий робот... я тебя ненавижу... я тебя презираю.— И я бью... я бью...

Потом я смотрю в никуда... Тишина... Я вижу бесформенную массу, провода и катушки... Бескостная голова паяца подкатывается ко мне под ноги; лицо ее до сих пор перемазано кремом. И она все еще улыбается!

С окна доносится щелканье клюва... и скрипучий смех, бросающий меня в дрожь!

9

— Аррррабелла... Арррабелла... Привет, Джон... Хороший денек, а? Хороший денек, а?

Именно это слышу я каждое утро, и создается впечатление, что меня будит звук человеческого голоса. А днем все начинается заново. Другие слова... обрывки фраз, которые пробивают мою тишину.

Но вот все закончилось. Я больше никогда не услышу этот голос. Эту последнюю иллюзию человеческого голоса. Этим утром птицы с большими клювами улетели. С наступлением зимы они покинули свое гнездо и направились на юг. В горы. Я последовал за ними, но они остались глухи к моим призывам и моим мольбам.

В это утро я выбежал на поляну в тот момент, когда они вспорхнули.

— О нет, не улетайте!.. Я вас прошу, останьтесь... Не оставляйте меня... Не оставляйте меня одного...

Они исчезли, унося с собой имя Арабеллы, безучастные ко всему, даже к моему одиночеству.

1

В этот раз я опять пробуждаюсь от долгого глубокого сна. Бог знает, как я пережил это бегство от времени, секрет которого, как думал, я нашел. Эту идею мне подсказали маленькие лесные млекопитающие, маленькие двухголовки.

Это длится уже... Я не знаю. Я перестал вести календарь. Я потерял чувство времени.

Я заметил, что с наступлением зимы эти животные едят какую-то особую траву, растущую у подножия гигантских грибов. Затем они отыскивают пещеры и подземные гроты и, впадая в спячку, проводят долгие месяцы. Как медведи и черепахи на Земле.

Итак, ко мне пришла эта идея, и я пожевал этой сухой кисловатой травы, совершенно не беспокоясь, содержит ли она какие-нибудь отравляющие вещества. Зачем? Ведь смерть для меня не существует. Я закрылся в своей хижине и впервые впал в состояние полного беспамятства. Это было единственное средство забыть, не думать больше, отречься от жизни. Замена смерти, которая меня забыла.

Постепенно я увеличивал дозу, и время текло вокруг меня песочными часами. И во время моих снов Смерть приходила ко мне на кончике жала ядовитого насекомого, на клыках крысы или с нашествием неизвестных, но вредных вирусов. Откуда я знал все это? Эфемерная смерть, безусловно, так как инкубатор меня тут же воскрешал, и я все начинал сначала.

Но в этот раз я пережил все... Смерть, время... смерть!

Одевшись, я вижу, что стол, стулья и буфет покрыты толстым

слоем пыли. По хижине плавает какой-то странный запах — запах старости и вечности. Ну, живо! Нарвать еще травы, прежде чем воспоминания навалятся на меня, и спать... спать... забыть... забыть... Я встаю, вытираю пыль с зеркала, и в нем отражается какой-то старик.

Какой-то мрачный и угрюмый старик, несмотря на длинную белую бороду и клочковатые волосы, рассыпавшиеся непокорными прядями. Так, значит, я проспал все это время! Сколько же мне сейчас лет? Нет. Не думать... не думать... Трава! Быстрее! Я толкаю дверь, но одна из досок прогнила и падает теперь с глухим стуком. Ставни единственного окна в плачевном состоянии и, сорванные с одного края, болтаются на втором. Однажды на мою голову обрушится и крыша хижины, изъеденная термитами.

Я хочу бежать, но — увы! Это невозможно. Мои ноги слишком стары, они слабы, затекли и не гнутся. Я хватаю какую-то палку и, опираясь на нее, выхожу на поляну.

Кладбище тоже довольно сильно состарилось. Машинально я останавливаюсь и смотрю. Все они здесь, все Джоны Кларки. Целая группа Джонов Кларков, которых я собственноручно похоронил здесь, «на моем маленьком кладбище». Джон Кларк номер один... Джон Кларк номер два... Джон Кларк номер три... и так далее. Первый раз я рыл могилу заранее, чтобы, родившись, не терять времени. После каждого воскрешения я тащил свое старое тело и с отвращением зарывал на кладбище. Эта работа была мне противна.

Но сегодня это невозможно. Я слишком стар, у меня нет больше сил, чтобы выкопать достаточно глубокую могилу. Ба! Номер двенадцать позаботится об этом. Или номер тринадцать, или четырнадцать. Или любой другой! Однажды они заполнят всю планету. Сотни! Тысячи Джонов Кларков... Ведь это никогда не прекратится! И я буду своим могильщиком до конца времен! Спать и умножать могилы. Больше мне нечего делать.

Я отмахиваюсь от этого ужасного видения и направляюсь в лес. Ого! Но что здесь произошло? Впечатление такое, будто в деревья попала молния. Некоторые из них обуглены, некоторые вырваны с корнем, некоторые лишились листвы. Мне кажется, что какой-то ужасный ураган опустошил здесь все — другого объяснения я не нахожу.

Я ускоряю шаги, но это нелегко мне дается. Обеспокоенный, я вхожу в этот разрушенный и опустошенный лес и вижу всего лишь несколько жалких травинок тут и там. Все животные, обитавшие в лесу, покинули его. Я внимательно прислушиваюсь. Никаких криков, никакого стрекотания, треска насекомых, никакого щебетания птиц, никакого таинственного шороха и шелеста в кустах. Вокруг меня царит тяжелая, мрачная и глубокая тишина.

Я иду вперед, останавливаюсь, оглядываюсь направо и налево.

Но ничего, ничего нет. Чудесная трава — и она тоже! — исчезла под обожженным солнцем. В том месте, где она росла в изобилии, нет и травинки.

Я чувствую, как меня охватывает отчаяние, огромное и безысходное, и я не могу больше сдерживать слезы. Я бессильно падаю на пенек... Но нет, надо действовать! Может, где-нибудь дальше... в направлении гор... С трудом я возобновляю движение, борясь со старостью, скорбью потери и охватившей меня тревогой. Каждый шаг для меня утомителен, ужасен, изнурителен, слишком тяжел для моих бедных несчастных стариковских ног. Кроме того, меня начинает мучить голод. Поначалу это всего лишь смутное ощущение, но постепенно оно перерастает в мучительное чувство. Голод... Жажда... Я зацепился за шипы и колючки расщепленного дерева и осознал, что стреляюще-колющая боль начинает зарождаться в моей правой ноге. Моя лодыжка очень сильно распухла. Стальные ножи работают уже в обоих ногах и поднимаются на штурм моего тела.

Я обессиленно валюсь на сухую, выжженную землю. Бесполезно пытаться добраться до ракеты, чтобы обратиться к последнему запасу антибиотиков.

Бесполезно... Теперь уже поздно пытаться приостановить охватившую меня болезнь. О боже! Как больно! Даже эта ужасная агония не щадит меня. Моя голова пылает, огонь пожирает мое тело. Я закрываю глаза, а когда открываю их вновь, то вижу, как солнце цвета крови садится за горами. Итак, будет ночь! Ужасная ночь. О, моя голова!..

Из оцепенения меня выводит тошнотворно-мерзкий запах, и я вижу свои раны, которые кровоточат и темнеют. Загрязнение вызвало жар и лихорадку, но это уже не имеет никакого значения.

Охваченный ужасом, я сгоняю насекомых, копошащихся на моих ранах, но они возвращаются снова и снова смертельным роем. Побежденный, я смотрю в небо под порывами ветра. Я смотрю на ночь. Ночь, конца которой я уже не увижу!

2

Я похоронил свое стариковское тело, изъеденное насекомыми, на месте смерти. Еще один Джон Кларк. Одиннадцатый из серии.

Я, номер двенадцать, вернулся к своим старым делам и заботам, так как знал, что отныне не смогу освободиться от течения Времени. Я кое-как подлатал хижину, починил мебель и навел везде порядок. Я даже провел инвентаризацию остатков лекарств, находящихся в автоматической аптечке. Маловато.

Чтобы избежать ненужных страданий, я взял себе за правило никогда не выходить из дома без термического оружия. Один меткий

выстрел отныне сможет избавить меня от ненужных страданий и болезненной агонии. Но, к несчастью, есть то, с чем не может бороться никакое оружие. Это заболевание души. Мучительное воспоминание об Арабелле, которое я храню в своей бессмертной душе. И которое грызет меня, не переставая. О, как я жалею о своем поступке! Я мог бы попытаться починить ее электронный мозг. Немного терпения, и я, безусловно, добился бы успеха... А теперь!

И птиц больше нет, они так и не вернулись. Если бы они могли вернуться! Я бы все отдал за то, чтобы снова услышать человеческий голос! Даже если бы это было лишь иллюзией!

Я начал болтать во весь голос, говорить неизвестно что... всякие глупости... все, что приходит в голову... Но все это не то... Охотясь у подножия гор, я открыл один уголок, где царило эхо. Обладая воображением, можно было представить, что...

О, конечно, это может показаться смешным, но в условиях одиночества воображение оказывает неплохую услугу. Вчера, например, во время каждодневного моего обеда, я расставил на столе четыре тарелки, представив, что у меня в гостях Бернард и Марго. И, конечно, Арабелла. Я вообразил, как мы вчетвером весело болтали: обменивались взглядами, мнениями, идеями и открывали друг другу маленькие тайны. А потом, в конце обеда, неожиданно, как снег на голову, появился старина Джо. Глупо, что он мог заставить нас смеяться над его историями, которые мы, к несчастью, уже хорошо знали.

Но это уже не получается, не идет. Я плохо помню лица и характеры. Они ускользают из памяти. Бывают такие моменты, когда я совершенно все забываю и теряюсь, поэтому все рушится и гниет. И я сижу, как идиот, перед пустыми тарелками и молчащими стульями.

Затем я встаю и подхожу к зеркалу. Здесь я провожу часы, разглядывая свой силуэт и наблюдая за своими жестами. Я громко разговариваю сам с собой, стараясь говорить разумно и уверенно, вступаю в бесконечные беседы и задаю вопросы, отвечая на них сам себе, время от времени пытаюсь возражать голосом своего воображаемого собеседника.

Конечно, я всегда прекращаю это занятие, но оно приносит мне облегчение. Потом я смеюсь и пожимаю плечами.

Я кладу на траву свою ношу, состоящую из свежего мяса, и, присев на корточки, смотрюсь в чистую и прозрачную воду лужицы. Серебристая поверхность отражает меня. Я любуюсь собой, разглядываю себя подробно и во всех деталях, с восхищением и любовью.

— Добрый день, Джон...

— Добрый день, Джон...

— Хорошая погода сегодня...

— Очень хорошая, Джон...

— Жизнь прекрасна, Джон...

— Прекрасна, Джон...

С дерева слетает лист и падает на мое отражение. По нему пробегает рябь. Мой двойник дрожит, рассыпаясь, и я встаю, говоря себе, что есть очень много того, что я могу сделать в своей жизни. Бесконечное множество дел! Я был рожден не для какого-то периода времени... Я создатель, творец! Фантазер и мечтатель... Я — Джон Кларк!

Ах, если бы только здесь, на Рока, были бы первобытные люди! Я бы им показал, кто я такой! А, Джон? Я им покажу, да? Не так ли, я им покажу это?

Я хватаю добычу и бреду к хижине. Да, я им покажу, что может сделать Джон Кларк! А! Если бы здесь было бы какое-нибудь существо, которому я мог бы внушить свои идеи! Все мои идеи! Только бог знает, есть ли у меня эти идеи! Я построю дороги, мосты, памятники, наземные города! Я буду править в мире своих идей! Я есть я, и я всегда буду Джон Кларк! Великий Джон Кларк! Вечный и бессмертный Джон Кларк!

Д-Ж-О-Н К-Л-А-Р-К!

Я вижу свое имя, написанное огромными огненными буквами в необъятном небе...

Д-Ж-О-Н К-Л-А-Р-К!

Следует ли мне отождествить себя с другим Бессмертным, который мог быть пилотом, чья ракета на заре времен упала на Землю, и который впоследствии был назван «Бог и его Сын»?

Должен ли я взойти на Голгофу и пожертвовать собой за ошибки и грехи человечества?

Должен ли я снова завоевать этот потерянный, но все же существующий мир?

Должен ли я прославить свое имя, идеализировать или проклясть его?

Д-Ж-О-Н К-Л-А-Р-К!

* * *

Внутри хижины все ожило. Время помолодело, как в начале мира. Зеркало заискрило и брызнуло мне в лицо.

— О, ты, Джон Кларк, сойди с этого зеркала и направь мою душу!

Вон отсюда, Джо... Вон отсюда, Бернард... Вон отсюда, Марго... И ты, Арабелла, тоже. Вон из моей головы, моей жизни и моего прошлого. Да, это так... мало-помалу... в небытие, в забвение, горите вы все в золе воспоминаний. Исчезните все. Все!

Я сажусь на стул, подавленный или свободный. Я больше не знаю...

Ночь накрывает мое одиночество... мое молчание... Я слышу только свист и завывание ветра, который ласкает деревянные кресты и носится между могилами. Черт! Слышу какой-то шум вокруг хижины. Одним прыжком я на ногах и уже прислушиваюсь. Шум продолжается, становится все отчетливей и ясней.

Тишина!

Великий боже! Что происходит?

Я прижимаюсь спиной к стене и сижу на месте лицом к двери, неподвижный, мое сердце быстро стучит, дыхание прерывисто... Нет, это невозможно! Я, должно быть, сплю... Какое-то животное, вероятно... Шум возобновляется. Стучат по земле пятки, хрустит гравий. Меня прошибает пот. Там, за дверью, я угадываю присутствие незнакомца, который колеблется некоторое время.

А потом...

А потом кто-то стучит в дверь!

Три удара... еще три удара...

— Джон!

Вместо ответа из моей груди вырывается хрип.

— Джон!

Мои выпученные глаза прикованы к двери, которая медленно открывается... Я смотрю... Я вижу человека, пришедшего из ночи, силуэт которого обрисовывается в слабом свете керосиновой лампы.

Какой-то человек, кажущийся мне довольно странным. Второй я сам... еще одно создание из плоти и крови. Не кто иной, как Я.

Я смотрю изумленно на своего двойника, на свою копию.

Другой Джон Кларк!

3

В течение долгого момента мы разглядывали друг друга, не в состоянии вымолвить слово или сделать какой-нибудь жест, затем в один голос воскликнули, выражая наше совместное удивление:

— Как это возможно?

Мне показалось, что я сам произнес эти слова два раза с абсолютным сходством. Также мне показалось, что и жесты удивления мы собрались сделать совершенно одинаковые, в одно и то же время.

Я — это Он, он — это Я.

Он... Я... Слова, не имеющие больше смысла в их основном значении, так как я понимаю, что мои мысли точно совпадают с мыслями моего двойника. И наоборот.

К тому же, двойник угадывает мой вопрос прежде, чем он успевает сорваться с моих губ.

— Я не понимаю, как это все могло произойти,— признается он. У него моя неповоротливость, моя походка вразвалку, моя манера покачивать головой от изумления.

— Ну, в конце концов... Вы должны... Я хочу сказать, ты должен все же что-то помнить.

— Инкубатор... И буквально через несколько мгновений я оказался в моем запасном теле.

— Не в твоем теле, а в моем!

— Но оно и мое тоже, Джон!

Теперь я в свою очередь киваю.

— Да, это действительно так. Но что же случилось? Авария?

— В «машине»— несомненно, потому что я не помню, что стал жертвой какого-нибудь происшествия, повлекшего за собой мою смерть.

— Так, значит, ты обладаешь теми же воспоминаниями, что и я?

— Что за вопрос?

Мой двойник оседает на стул и задумчиво смотрит на меня.

— Я вернулся с охоты... Я положил добычу на стол, где она, кстати, и сейчас лежит... и повернулся к зеркалу. Поговорил сам с собой, как и каждый вечер, и как раз в этот момент...

Как будто я слушал свои собственные слова!

— Да, именно в этот момент я и проснулся в инкубаторе. Все равно, я ничего не понимаю... У меня было такое впечатление, будто я вынырнул из какого-то кошмара... как и всегда при пробуждении, но я так и не понял причин моего нового воскрешения. Итак, я вышел из аппарата и побежал к хижине. Мне казалось, что я бегу, как во сне, но здесь нашел тебя. И вот! Джон, мой дорогой Джон! Теперь нас двое! Два одинаковых и живых Джона Кларка! Ты понимаешь?

— Нужно ли об этом спрашивать?

Два Джона Кларка, лицом к лицу, слепленные из одной плоти, с одинаковыми чувствами, с одинаковыми воспоминаниями и одинаковой болью. Это невероятно!

Я протягиваю ему сигарету и зажигаю себе вторую. Мы курим, делая одинаковые жесты и движения. Мы вместе думаем об инкубаторе. Как же могла эта проклятая машина произвести на свет нового Джона Кларка, не зарегистрировав смерти старого? Что же могло произойти в недрах этой загадочной и хрупкой машины, чтобы вызвать такую ужасную ошибку? У нас обоих мелькает одна и та же идея: «Не сам ли я помог машине сделать эту ошибку, ударяя по ней стальным стержнем? Не я ли несу ответственность за это непредусмотренное воскрешение?»

Да, я вспоминаю — вчера. В приступе ярости и отчаяния меня

посетила безумная идея — уничтожить неразрушимое! Со всего размаха я бил по стальному чудовищу, но очень быстро понял бесполезность и тщетность своих усилий и своей ярости. Все равно я не смогу ее уничтожить, это все равно, что пытаться разбить скалу губкой!

* * *

Я вздыхаю и одновременно угадываю мысль, зародившуюся в голове моего двойника, потому что и в моем появляется точно такая же: «Ликвидация одного из нас ничего не даст. Машина тут же слепо воспроизведет его, и все начнется заново».

— Ну что ж, попробуем вести хозяйство вместе.

Я улыбаюсь в ответ на это, так как сам был готов сказать то же самое. Но мой двойник качает головой и продолжает:

— В самом деле, замечательная идея — различать нас, это даст нам видимость, что мы совершенно разные люди.

— Я думаю, что нам удастся этого добиться.

— Прежде всего нам нужно выбрать имена, которые мы будем носить.

— Я буду Джоном, а ты — Биллом.

Он смотрит на меня, нахмурив брови:

— И еще я отпущу длинные волосы, усы и бороду. Я прибавлю килограммов десять в весе, объедаясь. И потом добавлю шрам посреди лба.

— Я ничего не хочу знать. Оставь мне, по крайней мере, возможность удивиться.

— А почему это только я должен менять внешность, в самом деле? Почему я?

В этом приступе гнева я увидел один из своих обычных недостатков. Он говорил слишком быстро и отдавал себе в этом отчет.

— Успокойся! То, что я предлагаю, касается нас обоих в полной мере. Если я сохраню свою обычную внешность, то, с твоей стороны, обратное не имеет смысла, так как ты, когда будешь смотреть на меня, всегда будешь видеть свое настоящее лицо. Итак, решено — мы сохраним у обоих сознание Джона Кларка, но хотим находить в другом хотя бы видимость другого человека. Психологически такой эксперимент очень заманчив, при условии, что мы займемся и преуспеем в самовнушении. И ты знаешь, что это возможно. Итак, я попробую изменить свою внешность. Я попытаюсь.

Единственное, что, казалось, смущало и беспокоило его, был вопрос об имени. Отказаться от Джона, чтобы называться Биллом. Но лучшее взяло верх в моем «альтер эго», и он протянул мне руку:

— Хорошо, Джон.

— Договорились, Билл.

Мы вместе смотрим на кровать. Потом пожимаем плечами, и Билл напоминает мне о койке, которую я принес обратно с корабля по настоянию Арабеллы.

— Я лягу там. Завтра мы постараемся устроиться получше. Пойдем. На сегодня хватит разговоров.

Он начал было раздеваться, потом обернулся:

— Завтра? Да, в самом деле, я спрашиваю себя, что мы можем сказать друг другу? Что за разговор будет у нас? Ведь мы связаны общими воспоминаниями! Нет ни малейшей надежды на то, что мы будем противоречить друг другу, и еще меньше на то, что мы приобретем новый опыт. Да, ты прав. На некоторое время нам необходимо разделиться и вести жизнь отдельно друг от друга.

— Отлично, я думаю. На несколько недель или даже месяцев, не более. А потом у нас будет много что рассказать друг другу. Если мы здесь останемся вместе, то жизнь станет невыносимой.

Билл одобрительно кивает головой, бросается на свою кровать и задергивает разделяющую нас занавеску.

— О'кей. Я уйду завтра. Спокойной ночи, Джон!

— Спокойной ночи, Билл!

4

Я возобновил жизнь в одиночестве.

Сегодня уже пятнадцать дней, как Билл покинул хижину. Он ушел по направлению к горам, унося на спине свой скудный багаж и улыбку на губах. Он отправился навстречу своей судьбе, навстречу своим воспоминаниям, которые отныне будут принадлежать его новой личности. Только его воспоминания, о которых он мне расскажет позже.

А я расскажу ему о своих впечатлениях и переживаниях. Мы будем разговаривать, будем болтать, будем обмениваться мыслями и идеями при каждой встрече. Это будет потрясающе. Шикарно, так как теперь я знаю, что больше не одинок.

Я заново познаю все муки ожидания: раздражение и волнение, всякие навязчивые мысли. Я считаю дни и ночи. Я представляю себя за тысячи лье отсюда, в новом обличье, в новом одиночестве. И в новой Вселенной, той, что протянулась за горами, и которую я совсем не знаю. Что там, за этой стеной из скал? Какую жизнь он там ведет? Какие странные и таинственные воспоминания об этой жизни будет он хранить?

Именно такие вопросы я задавал себе длинными вечерами после того, как получил последнее сообщение от Билла. Это было на восьмой день. Билл унес с собой маленький радиопередатчик, так

что время от времени мы могли выходить на связь друг с другом. Мы подумали, что это помогло бы нам поддерживать хорошее настроение, не говоря уже о том, что просто хорошо было бы услышать иногда человеческий голос. Во время последнего сеанса связи Билл сообщил, что готовится перейти горы по ущелью, которое он недавно открыл. И с тех пор — тишина. Ни одного вызова. Ничего. Я старался связаться с ним по радио, но ничего не вышло. Вот это-то меня и волнует. Я никогда не был крепок в ногах, в альпинизме не силен, и желание пересечь горы — а тем более такие высокие вершины — со случайной экипировкой вызывало у меня самые худшие опасения.

Но нет, это смешно. Я себя знаю. Я не являюсь ни дерзко-смелым, ни безрассудно-отчаянным в таких делах; я человек осторожный и не бросаюсь в авантюры сломя голову. Конечно, я успокаиваю себя. Но ведь его молчание вызывает беспокойство... Странно... В конце концов, черт возьми, почему он не вызывает меня? Почему не отвечает? Почему?

* * *

Сегодня пошел шестнадцатый день. Смешно, но я возобновил свои банальные и скучные разговоры перед зеркалом. Но Билл в зеркале какой-то скучный и бесцветно-нудный. Он меня раздражает, и я презираю его. Еще немного, и я разобью это стекло — только чтобы не видеть его больше. А! Я хотел бы... Хватит! Но...

— Джон!

Я резко оборачиваюсь. Билл только что ворвался в дом, настежь распахнув дверь. Я с трудом узнаю его — с взъерошенной головой и всклокоченной бородой, скрывающей пол-лица. Казалось, что он, со своей стороны, удивился, увидев меня с головой, выбритой наголо, как коленка, без усов и глазами, спрятавшимися за темными очками.

— Билл! Черт возьми! Наконец-то!

Он казался изможденным, обессиленным и усталым — просто валился с ног.

— Билл! Что случилось? Почему ты не отвечал? Ну, говори же, рассказывай, как...

— Ничего серьезного. Поломка в радио. Просто передатчик...

Я облегченно вздыхаю, но он продолжает, сменив тон:

— Джон, мы не одни на Рока.

Я изумленно уставился на него:

— Что ты хочешь сказать?

— Парни из «Космика»... Парни, посланные стариной Джо... Да, Джон, они на Рока.

Я не нахожусь с ответом, но чувствую, что в глубине моего сознания рождается необъятное удивление и оцепенение. Мое горло внезапно пересыхает, и я не могу вымолвить ни слова. Я с трудом сглатываю и обретаю способность говорить.

— Ты видел их?

— Нет. Просто я перехватил некоторые из их передач, пытаясь установить контакт с тобой.

— Но...

— Конечно, я принимал все твои вызовы, но не мог на них ответить. Передатчик, я же говорил тебе. Что-то сломалось... Я напал на них случайно, они передают на волне тридцать пять метров. Никакой ошибки. Это точно они. Я в этом уверен. Но так как я не мог связаться с тобой, то повернул назад.

— Я не осмеливаюсь поверить в это. О, Билл, что ты говоришь?

— Но это точно, Джон, точно...

— Что они говорили?

— Я немного сумел уловить. Голоса показались мне отдаленными, почти неслышимыми. Я думаю, это из-за этого чертова аппарата! Тем не менее, я думаю, что уловил то, что они изучают погодные условия. Вчера утром я сумел подслушать один из разговоров.— Он засмеялся.— Они говорили о гамбургерах!

— О гамбургерах?

— Да... Это единственное, что я отчетливо услышал. Остальному помешали разряды и помехи.

— Ей-богу! Но я тоже слышал эту передачу! Да-да! И я еще подумал, что это ты!

— Восемь тридцать?

— Да, я это точно помню! Сильные помехи. Пришлось выключить .

— Итак, ты видишь, никакого сомнения. Это точно ребята из «Космика».

Одним прыжком я оказываюсь у своего приемника. Нас охватывает один и тот же пыл, и я вижу, что глаза Билла странно сияют, глядя на то, как я манипулирую ручками и кнопками, настраиваясь на нужную частоту.

Огромная радость охватила нас. Абсолютно необходимо было установить контакт, связаться с этой командой, которая только что высадилась на Рока.

Во власти безудержной надежды мы заплакали, услышав в динамике шум людских голосов.

К сожалению, голоса оказались слишком слабыми, чтобы мы могли с ними связаться и понять их разговор, да и помехи были слишком сильны. Над всеми звуками доминировало скрежетание, скрипение и пришепетывание. Я пробую послать вызов, но невоз-

можно уловить что-либо в ответ. Невозможно — несмотря на все наши усилия, наше терпение и упорство. В конце концов, разочаровавшись, мы вынуждены отступить.

— Нет, невозможно,— сказал Билл, снимая наушники.— Ничего не понятно.

— Нам остается только одно: попробовать определить их местонахождение и добраться до них любым способом.

Это и в самом деле единственное разумное решение. Благодаря нескольким приборам, чудом сохранившимся во время взрыва С-28, мы приступаем к работе. Нас охватывает странный пыл, и мы чудесно быстро движемся вперед. И наконец наши усилия увенчались успехом.

После многочисленных попыток мы сумели примерно определить источник загадочных посланий. Билл разглядывает свои записи, производит вычисления и объявляет:

— Направление — северо-запад. Около пятидесяти миль.

Мы не стали терять ни мгновения, и наш багаж, сведенный до минимума, был готов в несколько минут.

Мы выходим как раз в середине дня. Если все будет хорошо, мы прибудем на метеобазу поздно вечером на следующий день.

* * *

С рассвета мы шлепаем по какой-то болотистой местности, о существовании которой я и не подозревал. К несчастью, из-за этого нам приходится сбавить скорость продвижения, и каждый метр пути дается нам с трудом. В связи с этим нам приходится добавить еще один день для достижения своей цели. Время от времени мы пытаемся связаться с ними по радио, но это лишь напрасная трата времени. У меня появляется странное впечатление, что наши призывы становятся все тише и неразборчивее. Подумав, Билл говорит:

— Они наверняка используют какой-то передатчик.

Хотя мне и неприятно, я ему возражаю:

— А мне все больше кажется, что наш передатчик почти вышел из строя.

— Но это невозможно!

— Может быть, они тоже в каком-нибудь затруднении?

— Затруднение или нет, для нас главное — найти их до того, как они решат улететь.

Мы увеличиваем скорость, двигаясь в сплошной грязи и борясь с тучами насекомых, терзающих нас кто жалом, кто хоботком. С наступлением ночи мы разбиваем лагерь на небольшом пригорке, натягиваем на себя защитную одежду, укрываясь от укусов и влаги. Четыре часа спустя Билл дает сигнал к отправлению, и лишь к середине дня мы наконец покидаем эти зловонные болота, чтобы вступить в пустынную зону, что-то типа «ничейной земли», которая уходит вдаль, теряясь из виду, покрытая щебнем и островками чахлых колючих трав.

Мы располагаемся перекусить на верхушке небольшого холмика, как вдруг Билл, владеющий призматическим биноклем, испускает крик радости. И в самом деле, в бинокль видно какое-то сооружение, сделанное наполовину из металла и камня. Одно из тех, что мы строим обычно на неизведанных планетах, и которые служат базой для работ, проводимых вне космического корабля. Наша радость выливается в приступ смеха, и мы хлопаем друг друга по плечам. Мы полны энтузиазма. Как безумные, мы несемся вниз по склону, побросав все. Мы бежим во весь дух по кустам и пригоркам, крича во все горло. Мы в один голос кричим: «О! Э!», сопровождая громкие вопли жестами. Запыхавшись, мы останавливаем свой бег примерно в сотне ярдов от земной базы. Билл попытался было закричать во всю оставшуюся мощь, но никто не ответил. Нас охватывает смертельный страх, и мы, ничего не понимая,

смотрим друг на друга. Я, в свою очередь, пытаюсь закричать, но ветер из степи заглушает мой душераздирающий призыв. Этот же ветер воет над руинами засыпанной базы, стонет над разбросанными обломками. И он оказывается ветром страха, холодящим нашу кровь и наши сердца. Одним движением Билл и я врываемся на середину руин и проникаем в остатки металлического сооружения.

Зрелище, открывшееся нашим глазам, ошеломляет нас. В пыли у наших ног распростерлись в своей белой наготе два человеческих скелета, уставившись на нас большими пустыми глазницами. На металлической подставке шумит и глухо потрескивает радиопередатчик. В гробовой тишине нам, слабо светясь, без остановки подмигивает лампочка. И вдруг резкий скрипучий голос ударяет нам в уши из-за спин:

— Гамбургер... Гамбургер... ммм... вкусно... ммм... вкусно... да...

Мы в ужасе смотрим, обернувшись на больших птиц с длинными клювами, сидящих высоко в мягком гнезде.

— Хорошая погода... сегодня утром... хорошая погода, а?.. Арр-рабелла... ммм... вкусно...

5

Мы возвращаемся в хижину. Что-то умерло в наших душах, когда мы повернули назад. То, что мы только что увидели, нас полностью уничтожило. Мы похоронили то, что осталось от этих бедняг, и в порыве ярости снесли то, что осталось от базы.

Одного из них звали Бен Гаррис, другого — Уоллес Топпер; по крайней мере, эти имена были выгравированы на стальных бирках, которые мы нашли рядом с запястьями этих несчастных. Они предпочли пустить себе пулю в лоб до того, как впадут в безумие.

Этими выводами я обязан Биллу, так как именно он обнаружил пистолет, валявшийся в пыли, в то время как я пытался прогнать этих птиц, гоняясь за ними с палкой в руке. Ах, эти птицы! Они живут очень долго и обладают крепкой памятью. После стольких лет они не забыли ни одного слова из своего лексикона. И теперь нагоняют на меня страх и ужас своими отвратительными голосами попугаев, напоминающими скрипение несмазанных осей. Я могу их больше никогда не увидеть, так как убью всех. О да! Я их убью!..

— Джон, смотри!

Я приближаюсь к Биллу, и он показывает мне пистолет. Две пули, которых не хватает в обойме, обнаруживаются в черепах Гарриса и Топпера, но этого явно недостаточно для того, чтобы объяснить разыгравшуюся здесь драму. В тот момент, когда мы выходим из обломков убежища, чтобы исследовать окрестности, неожиданно резко рассветает. Вдруг мое внимание привлек какой-то металли-

ческий конус, едва выступавший из земли и сверкающий под лучами солнца. Я позвал Билла, и в то время, как я двигался вперед, он одним прыжком присоединился ко мне и схватил меня за руку:

— Эй, осторожнее! Смотри, куда ступаешь!

Я сразу же его понял. Вокруг сверкающего предмета раскинулся слой грязи, на поверхности которой плавали ветки колючих кустарников, листья, сорванные ветром, и щебень. Это меня и обмануло. Но этот круг, в центре которого находился конус, оказался ни чем иным, как зыбучим песком, и мои ноги уже погрузились в смертельную грязь, когда рука Билла выдернула меня назад.

— Ракета,— произнес он.

Да, никакой ошибки! Этот металлический конус был продолжением кокпита, окружающим штурманскую рубку корабля. Билл и я знали все старые модели, датируемые прошлым веком, и мы готовы были поспорить, что это один из W-14, которые на момент нашего отлета с Земли еще служили для связи с отдаленными колониями. Хорошие суденышки, однако, они не были оборудованы по последнему слову космической техники. И они даже не садились больше на Землю с прошлого века.

Само собой разумеется, что этот корабль не принадлежал «Космику», но мы так и не выяснили, почему и каким образом W-14 совершил посадку на Рока. Может быть, это один из тех кораблей, оглушительный шум двигателей которого слышали мы с Арабеллой. Может быть, именно ему я обязан своей первой смертью в ту памятную ночь, когда карабкался на отвесную скалу со своей ракетницей.

Так давно... Столетие... или больше. Я не знаю.

Трагедия предстала перед нами во всем ужасе. Исследовательская база была в спешном порядке возведена рядом с кораблем. Гаррис и Топпер были на дежурстве, когда земля неожиданно подалась под опорами корабля. Быстро, прежде чем остальные члены экипажа успели выбраться наружу, зыбучие пески поглотили стальную громаду корабля.

— Именно это здесь и произошло,— сказал мне Билл.— Гаррис и Топпер остались в одиночестве перед радиоприемником, храня надежду, что рано или поздно их сигналы «SOS» будут приняты. Вполне возможно, что они держались долгие годы, но однажды это случилось: на грани безумия они предпочли все закончить, и это, наверное, был лучший выход.

Он указал на радиопост, который я в этот момент разрушал:

— Единственное, за что я могу их упрекнуть, так это за то, что они не выключили передатчик.

И я подумал о таинственных посланиях, о почти не слышных разговорах, о скрипучих голосах птиц с длинным клювом. О да! Я их убью... я их убью...

— Джон!

На пригорке я подбираю свое снаряжение. Улыбка Билла стирает из моего сознания все злодейские мысли. Как хорошо иметь товарища и особенно хорошо знать, что можешь рассчитывать на вечную дружбу.

Во время обратной дороги, на привале, я задаю ему вопрос, который вертелся у меня на языке:

— Ты ведь больше не уйдешь, да?

Билл пожал плечами:

— В нашем распоряжении вечность, чтобы все обдумать. Я смертельно устал.

Я показал ему на поляну, виднеющуюся за деревьями:

— Ну, еще одно усилие! Мы не так уж и далеко, черт возьми!

Завидев нашу хижину, мы прибавляем шаг и из последних сил боремся с усталостью и изнеможением. Только последние метры кажутся нам бесконечными. Опередив Билла, я толкаю дверь и первым врываюсь внутрь.

— Привет, Джон! Привет, Билл! Как вы долго, черт побери!

Ошеломленные и окаменевшие, мы не можем набраться смелости переступить порог и во все глаза разглядываем фигуру человека, стоящего перед нами на середине хижины и приветствующего нас слабой улыбкой. Он указывает нам на три наполненных стакана на деревянном столе:

— За здоровье Джонов Кларков!

6

Трое. Теперь нас трое. Три Джона Кларка, или, по крайней мере, два Джона Кларка и один супер-Джон Кларк. Один супер-Джон Кларк, который является суммой двух других и которому принадлежит право писать эти строчки.

Эта идея крепко сформировалась в моем мозгу, когда я покинул инкубатор и проник в пустую хижину, где собирался подождать двух моих «альтер эго».

Конечно, Джон и Билл — это два отличных товарища и спутника, но нам предстояло обсудить еще один, довольно щекотливый вопрос.

Я ждал, пока они очнутся от оцепенения и обретут способность говорить.

— Здесь хватит места для троих, не правда ли?

— Эта дьявольская машина опять взялась за свое! — воскликнул Билл.

— Если так будет продолжаться, то потребуется отель, чтобы всех разместить, не так ли? — с гримасой добавил Джон.

Я теперь улыбнулся:

— Не торопитесь. Во всяком случае, если это и должно произойти, мы ничего не изменим. Но вполне возможно, что ошибка больше не повторится. Так или иначе, мы должны еще сегодня точно определить наши отношения.

Они читают мои мысли, это очевидно, но ни один из нас не осмеливается забежать вперед. Они смотрят на меня так, будто я чужак. Черт возьми! Я ведь тоже Джон Кларк, а?

— Слушайте. В сущности, у нас одни и те же воспоминания, это так. Так же, как и вы, я помню, что жил и трудился на Рока с того дня, как ракета врезалась в землю; но разница в том, что я обладаю суммой ваших воспоминаний. Воспоминаниями Билла о шестнадцати днях странствий у подножия гор, и твоими тоже, Джон,— я говорю о тех же шестнадцати днях, что ты провел в хижине, о днях, отмеченных ожиданием и нервозностью. Но с того момента, как вы разделились, я воспринимаю существование двух разных личностей. И не забывайте, что вы оба связаны с мнемопсихическими датчиками инкубатора. Именно в этом-то мы с вами и различаемся.

Они долго разглядывают меня, не произнося ни слова. Я поднимаю свой стакан, они повторяют мой жест. Мы медленно пьем, затем ставим стаканы на стол. Я подхожу к окну и в наступающих сумерках, разглядывая «маленькое семейное кладбище», указываю на него:

— Они больше не в счет. Нас интересуют живые Джоны Кларки, а также те, кто скоро придет. Итак, я предлагаю основать эру Джонов Кларков, и генеалогия — отнюдь не своевольно выбранная — пойдет на пользу всем будущим поколениям.

Усмешка со стороны Джона:

— Ну, вот. Нам остается лишь выбрать имя. Как ты хочешь именоваться? Питер или Джим?

— Отныне и навсегда — не будет больше ни Питеров, ни Джинов, ни Джонов, ни Биллов. Никого, кроме пронумерованных Джонов Кларков.

— Пронумерованных, да?

— Да. Джон Кларк номер один. Джон Кларк номер два. Джон Кларк номер три.

— Супер-Джон Кларк.

Я оценил юмор Билла и считаю, что он типичен для Кларков.

—Да, супер-Джон Кларк. По меньшей мере, до появления и прибытия сюда четвертого. Успокойтесь, я буду подчиняться законам иерархии.

Джон Кларк номер один выпил еще один стакан и откинулся на спинку стула.

— Есть еще кое-что, что беспокоит меня, Джон Кларк номер три.

Я вернул ему иронию, ответив: «Я тебя слушаю, номер первый» сухим язвительным тоном. Он принял этот удар с нашим легендарным достоинством, унаследованным от предков.

— Это насчет инкубатора. Требуется два земных месяца для производства «взрослого» Джона Кларка, Однако прошло всего лишь девятнадцать рокаенских дней, что равно девяти с половиной дням на Земле, между прибытием Билла и твоим. Ты когда-нибудь задумывался над этим, номер третий?

— В самом деле, довольно любопытно.

— И если процесс ускорится, то, боюсь, твое правление окажется коротким,— добавил номер два.

— Почему ускорится?

— Спроси еще, почему эта машина производит так много Джонов Кларков.

Номер один уже поднялся со стула. Для него решение проблемы очевидно, но я уже предугадал его идею, состоящую в том, чтобы выкопать глубокую яму, поместить туда инкубатор, похоронив его под толстым слоем земли и цемента. Но в этот момент я встаю, весь красный от ярости:

— Нет! Я запрещаю вам это! Это — преступление! И потом, подумайте, это равносильно тому, что мы убьем самих себя. Мы не имеем права. И...

Я показал на поляну и дальше, на горизонт Рока:

— Этот мир принадлежит нам, мы покорили его. Он — для нас. Мы его населим, обустроим и организуем, обусловим и оформим. Мы построим города, проложим дороги, бросим в землю зерна и соберем урожай, наведем мосты, принесем культуру в этот мир и будем диктовать свои законы. Именно потом и кровью Джонов Кларков нальется соками будущее человечество.

Вчера, когда я делился с ними своими планами, номер один и номер два молча разглядывали меня с какой-то жалостью. Они не могли меня понять. Между нами уже возникла преграда.

Они мне подчиняются, это ясно, но отказываются думать моими словами и идеями. Я решил, что буду жить в отдельном жилище с наибольшим комфортом. Когда-нибудь будет существовать роскошный дворец для супер из супер-Джонов Кларков...

А пока я всего лишь бедный царек.

* * *

Сегодня с утра начинается девятый день моего царствования. Один неприятный сюрприз ожидал моего пробуждения. На дверь моего бунгало номер один и номер два приклеили небольшой кусочек бумаги. Несколько торопливо нацарапанных строк дали мне по-

нять, что два моих компаньона покинули хижину. Они ушли, убежали — как когда-то две птицы с длинными клювами — и покинули меня в моем печальном царстве одиночки. Они ушли бог знает куда... Возможно, что я их больше никогда не увижу...

Все-таки это меня удручает. Хватило всего лишь нас троих, чтобы возникли разногласия. Эти идиоты ничего не поняли. Ничего. Но что бы они ни сделали, они не смогут остановить событий, не так ли, Джон? Я улыбаюсь своему отражению в зеркале.

— Ах, если бы ты мог мне ответить! Мы бы договорились с тобой.

— Без сомнения, но не сердись на них, номер третий, они боятся того же, что и ты. Те же страхи, в которых ты боишься признаться даже себе.

— Объяснись.

— Как можешь ты, номер третий, предсказывать будущее твоей расы, а?

— А как ты, отражение этого проклятого зеркала, осмеливаешься так говорить?

— С тобой говорит не зеркало, номер третий. Обернись и посмотри на меня.

Я в ярости оборачиваюсь. В той фигуре, что появилась на свету, я не мог признать, номер первый ли это или второй, да и какая разница? Я вздыхаю, и мое лицо расцветает новой улыбкой. Я скотина! Как я мог допустить, что мои товарищи могут меня так вероломно покинуть? Как я мог рассердиться из-за этого?

— О, вы вернулись, наконец! Но кто ты? Номер один или номер два? Нет, подожди. Я сам догадаюсь. Какого черта сердиться, если... Подойди. Нет, правда, я сдаюсь. Отвечай, прошу, кто ты?

Он громко расхохотался и поднял вверх правую руку с согнутым большим пальцем.

Четыре пальца разбивают все мое царство. С самодовольным видом он обводит взглядом помещение, открывая для себя царское жилище и оценивая его комфорт.

— Довольно хорошо,— произносит он.— Вот здесь я и буду находиться.

Потом, даже не соизволив обернуться, он добавляет:

— Уходя, не забудь закрыть дверь.

* * *

Выдержки из указов государства Кларков

Я, Джон Кларк сто двадцать восьмой, приказываю и утверждаю следующее:

«Вчера первый город планеты Рока получил свое имя — Кларк-Сити. Я запрещаю обращение «ты», как относящееся к фамильярному стилю, и ввожу обязательное употребление всеми местоимения второго лица множественного числа. С этого момента сто двадцать семь обитателей Кларк-Сити должны считаться свободными и независимыми друг от друга людьми. Единственно допустимым братством является человеческое; братство по крови должно быть забыто. Всякий, кто посмеет намекнуть на это, будет сурово наказан».

Подпись: Джон Кларк 128-й.

Я, Джон Кларк пятьсот четырнадцатый, приказываю и утверждаю следующее:

«Отныне пятьдесят рабочих будут постоянно находиться на угольной шахте в горах Кларка; сто рабочих направляются в общественные сады, располагающие с сегодняшнего дня тремя плугами, двумя машинами для прополки и четырьмя ручными молотилками. Для развития животноводства в Долине Кларка создан конный завод под управлением старшего животновода Джона Кларка четыреста восемнадцатого. Сегодня же на прядильной фабрике в местечке Кларк-Пуан начал работать ткацкий станок, созданный гениальным изобретателем Джоном Кларком четыреста девяносто четвертым. Потеря инструментов и ослабление темпов работы будут караться телесными наказаниями в течение трех-восьми дней по новейшим методам, введенным в действие шефом безопасности Джоном Кларком триста вторым».

Подпись: Джон Кларк 514-й.

Я, Джон Кларк четыре тысячи восемьсот семнадцатый, приказываю и утверждаю следующее:

«Рабочий день на Рока с сегодняшнего дня увеличивается с четырех до шести часов. Никто не должен быть освобожден от этого без официального разрешения, выданного санитарным управлением Джона Кларка три тысячи шестьсот девятнадцатого. На новых монетах, выпущенных с сегодняшнего дня в обращение, отчеканено символическое изображение всех Джонов Кларков. Те, кто попытаются подделать, а равно и те, кто попробует пустить в обращение фальшивые монеты, будут подвергнуты пожизненным телесным наказаниям согласно уголовному кодексу».

Подпись: Джон Кларк 4817-й.

Я, Джон Кларк двадцать четыре тысячи пятьсот одиннадцатый, приказываю и утверждаю следующее:

«Сегодня, в восьмой день шестой декады 78 года эры Джона Кларка, первый дилижанс проследовал, открыв сообщение, из го-

рода Кларк-Сити в город Нью-Кларк. Цена путешествия туда и обратно установлена в двадцать пять кларков. В течение сорока восьми часов нужно завербовать две тысячи рабочих для бурения первой в Земле Кларков нефтяной скважины».

Подпись: Джон Кларк 24511-й.

Я, Джон Кларк шестьдесят пять тысяч шестьсот двенадцатый, приказываю и утверждаю следующее:

«Всякое незаконное увеличение выпуска промышленной продукции будет сурово наказано. Все новые здания в государстве отныне должны строиться по урбаническим законам. Любой дом, построенный не по этим законам, будет снесен бульдозерами. Сегодня в Кларк-Сити — торжественное открытие Кларк-Опера, где будет дана всемирная премьера оперы Джона Кларка шестьдесят две тысячи пятьсот десятого «Легенда Джонов Кларков». Вход бесплатный в течение восемнадцатой декады».

Подпись: Джон Кларк 65612-й.

Я, Джон Кларк девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девятый, законодательной властью приказываю и утверждаю следующее:

«Сегодня, в сотом году эры Джонов Кларков, будут организованы празднества в честь появления стотысячного Джона Кларка, чье рождение ожидается в 6 часов 15 минут».

Подпись: Джон Кларк 99999-й.

7

Минута — и я отдаюсь легким, ласковым прикосновениям бритвы. Лезвие скользит по моей щеке с безграничной мягкостью и нежностью. Откинув голову назад, я задумываюсь. Я вспоминаю все встречи, случившиеся днем, и пытаюсь составить речь, которую мне, может быть, придется держать. Я размышляю о трех новых законах, которые будут успешно одобрены и утверждены, затем вздыхаю. Профессия «монарх» далека от синекуры. О! Это далеко не отдых!

И говорят, что миллионы завидуют мне, занимающему этот пост! Не говоря уж об этом брадобрее, которому понадобится всего лишь движение, чтобы перерезать мне горло остро отточенной бритвой. Наверное, ему не хватает мужества и храбрости. Но вот он подает мне зеркало жестом «фигаро» из знаменитой школы:

— Итак, надеюсь, что Ваше Величество довольны.

Я встаю и жестом отпускаю его как раз в тот момент, когда появляется главный камергер. Он кланяется с привычным достоинством и объявляет о визите первого министра.

— Пусть подождет в большом зале. Самое время одеваться.

Я одеваю халат и, войдя в широко распахнутые двери, не могу удержаться — с удовольствием, всей грудью вдыхаю весенние ароматы, наполняющие благоухающую атмосферу. Я закрываю глаза и отдаюсь этому редкому удовольствию. Потом осматриваюсь. Мой взгляд задерживается на только что подстриженном газоне, на клумбах рододендрона, азалий и только что распустившихся экзотических цветах. Целая команда садовников заботится о них.

Направо и налево стоит замок-дворец, расположенный меж башен и великолепных террас, погруженных в тишину и безмятежный покой. А дальше, вдали, необъятный Кларк-Сити со зданиями, расположенными ярусами, и широкими улицами-артериями, пересекающимися под прямым углом. С чувством гордости я созерцаю это зрелище, означающее мою мощь, власть и светское честолюбие. Я испытываю огромное удовлетворение, глубокую радость и безграничную гордость. Но пока следует от этого избавиться и приготовиться к выходу в гостиную, где меня ожидает мой министр. Он склоняется предо мной и произносит:

— Мое почтение, стотысячный.

— Такие же почести воздавались и вам, Джон Кларк 99999-й.

Он прокашливается.

— Э... Я знаю, мне тоже — в трудные дни начала моего правления. Но ведь и существующая традиция гласит, что последний правитель удостаивается чести дать разумные советы и наставления вновь избранному.

— Довольно символическая традиция, признайтесь. Ведь я наизусть знаю все мгновения вашего правления и должен признаться, что вы вели себя как образцовый правитель. Прошу вас, не спорьте! Вы сделали очень много для нашего человечества, и у меня есть только одно желание — действовать так же, как вы.

— Это большая честь, Ваше Величество.

— Кстати, должен вам сказать, что я уже приготовил несколько новых указов, которые могут, безусловно, ознаменовать начало второго века.

— Уже, Ваше Величество?

— Да. Я нахожу скучной и утомительной арифметическую нумерацию, различающую нас.

И так как он молча смотрит на меня, я объясняю:

— «Машина» продолжает производить Джонов Кларков. Это неоспоримый факт. Ей все равно — воспроизводить ли умерших или создавать новых людей. Согласно статистическим данным, можно предвидеть, что через сотню лет здесь, на Рока, нас будет несколько миллионов Джонов Кларков. Я думаю, что будет уместнее дать каждому члену общества регистрационный номер, простой и характерный.

Добавление букв к цифрам поможет различить социальные классы.

Само собой разумеется, что правитель имеет исключительное право на первую букву алфавита и будет А-1.

Отныне все свои указы я буду подписывать следующим титулом Джона Кларка: А-1. Что вы об этом думаете, Джон Кларк В-1?

— Эта идея гениальная, Ваше Величество!

— Можете называть меня А-1.

Он с почтением кланяется, но я тотчас же продолжаю:

— Проследите за тем, чтобы указ был как можно скорее введен в действие кабинетом по гражданским делам. Следующее. Я настаиваю на том, чтобы были ускорены работы по введению в строй W-14. Задействуйте, если возникнет необходимость, дополнительное количество людей и известите меня, когда работы будут закончены. Я хочу, чтобы все приборы, которые могут быть восстановлены, а также все предметы груза были бы запущены в серийное производство на спецзаводах. И все это — в кратчайшие сроки. Наши электроустановки находятся еще в зачаточном состоянии, и изучение энергосистемы корабля обязательно изменит лицо нашего мира. Помните, что говорил Ленин: «Россия — это коммунизм плюс электричество».

— Э... он выразился не совсем так...

— Неважно. Отныне наш девиз будет такой: «Рока — это Джон Кларк плюс энергия».

Молчание.

— Ну... говорите. Изложите свои мысли, В-1. Да, я догадываюсь, но мне хотелось бы, чтобы вы выразились откровенно.

— Меня пугает то, что нашему человечеству вновь придется покорить атом.

— Тем не менее, это записано в нашей эволюции. Нам не избежать этого.

— Вспомните «проклятые времена» земной эры.

— Да, риск есть, я знаю, В-1. Но если мы успешно пересечем эту черту, то успешно взойдем по пути эволюционного подъема.

Я делаю несколько шагов по направлению к окну, залитому солнцем, смотрю на пылающее небо, которое, кажется, давит на меня своей мощью, своим величием и своим светом, и начинаю бормотать:

— Те, кто приводит к эсхатологии... Те, кто приводит к Омеге... Те, кто ведет человека в надличностное состояние... Это дорога всех Джонов Кларков, и, хотим мы того или нет, она параллельна дороге Бога.

— Или Люцифера!

— Это одно и тоже. Все зависит от смысла, который мы в это вкладываем, от того значения, которое вы придаете восстанию Лю-

цифера, мой дорогой В-1.— Я поворачиваюсь к первому министру, который глядит на меня с беспокойством и тревогой.— Успокойтесь, у меня нет ни малейшего желания богохульствовать. Но с тех пор, как люди отведали Яблока, они не перестают отождествлять себя с Люцифером, вступив в открытую борьбу с Природой. И действительно ли мы, желая достичь сознательно и по своей воле конечной стадии эволюции, противоречим замыслам Бога? И не думаете ли вы, что это восстание человека было предусмотрено и рассчитано всемогущим Богом и что он хотел придать своему Творению настоящий смысл, спровоцировав нарушение Его приказов и распоряжений, что, в конечном итоге, и вызвало символическую драму в земном раю?

В-1 не отвечает, но какая мне разница! По крайней мере, я доставил себе удовольствие, высказав все по вопросу, который не давал мне покоя. Путь Бога — очень длинный путь, я знаю, но Джоны Кларки пройдут по нему до конца, даже если этот путь весь в ухабах и препятствиях разного типа.

— Итак, мой дорогой В-1, должен ли я вам разжевывать каждое слово, каждый слог? Каково, по-вашему, главное препятствие на пути нашей эволюции?

— Женщины, Ваше Величество.

— Женщины?

— Нам их не хватает,— и вы прекрасно это знаете.

— Для продления нашей расы нам теперь не нужна ни одна женщина. Этим занимается машина — и это самое плодовитое из всех женских существ, существующих во Вселенной. Женщина — это всего лишь символ, символ созидания. Для нас символ женщины — это «машина». Не она ли наша всеобщая мать?

Я пожимаю плечами.

— Наше общество само участвует в беспрерывном процессе рождения. Оно насмехается над женщинами из плоти и крови. Даже воспоминания о них давно угасли, поверьте мне!

— Я не столь в этом уверен, Ваше Величество. Ваше желание сделать Джонов Кларков существами бесполыми, как ангелы в христианской мифологии, мне кажется несбыточным, если не противоречащим законам природы.

— Ваши слова безумны! К счастью, здесь мы в безопасности, вдали от греха, от плотских и животных отношений, погубивших человечество.

В-1 не отвечает, и я продолжаю:

— Любовь и все эти чувства, для чего они, я вас спрашиваю? Только ли для того, чтобы указать человеку на разум и вечную душу?

В-1 медленно и осторожно произнес:

— Должен ли я разбудить ваши старые счастливые воспоминания? Должен ли я извлечь из глубин памяти миллионов Джонов

Кларков то единственное имя, которое мы отказываемся произнести, чтобы не проклясть его?

Я резко поворачиваюсь. Разве была нужда этому идиоту будить во мне имя Арабеллы? Будить прошлое, которое я давно уничтожил, растоптал ногами с отвращением и презрением, вдохновлявшим меня?

— Нет. Я не думаю, что именно этого не хватает Джонам Кларкам. Кое-что другого, но не этого. Да, В-1, существует то, чего не хватает нашему обществу, то, что бледнеет, тает и исчезает в наших воспоминаниях. Вера.

Я смотрю на своего все еще бесстрастного двойника.

— Да, нашему человечеству не хватает жертв и тех, кто их приносит. Ему нужен миф, чтобы оживить стертые воспоминания, нужен священный памятник вечной истины. Истина и миф, принадлежащие и относящиеся только к Джонам Кларкам!

Я протягиваю руку и указываю на самую высокую вершину среди холмов, окаймляющих горизонт:

— Вот... Я придумал! Голгофа Джонов Кларков! Та, куда избранный отнесет свой крест!

— Но... Ваше Величество, он воскреснет!

— Разумеется!

— До скончания времен!

— До скончания времен!

Он ломает пальцы, колеблется, затем решается с выражением замешательства и ужаса:

— Но КТО, Ваше Величество?

Повернув лицо к холму, я разглядываю увенчанную светом вершину:

— Неважно! Христос Джонов Кларков уже существует!

8

Не было никакой церемонии. Драма на Голгофе прошла без Иуды, без Вараввы, без криков ненависти и побивания камнями.

Был лишь один Джон Кларк, несущий свой крест по скалистой тропе, безразличный ко взглядам остальных Джонов Кларков.

В тишине, воцарившейся в мире, вечность саваном упала на символ человеческой веры и боли.

Неожиданно мне показалось, что я — единственный зритель этой драмы. И сам же переживал ее. Я ощущал булыжники, разбивающие в кровь мои босые ноги... Я познал боль своей плоти и боль своей души... Я любил ненавистное... Я прощал непрощаемое...

Я кричал: «Милосердия!» и молил своих братьев о спасении.

Но я был один! Мир вокруг меня исчез... Ничего больше не бы-

ло... Ни городов, ни дорог, ни дворцов... Ни Джонов Кларков, собравшихся на склонах холма. Я был один. Совсем один... Потея и вздыхая под своей ношей в тишине и молчании. Я закрыл глаза, успокаивая боль, и понял, что крест изготовили и поставили в страшной спешке... Меня несли... волокли... поднимали... и я чувствовал, как железо разрывало мое тело под яростный перестук молотков, заставивших тишину дрожать от их кощунственного шума и грохота. Я смотрел... мир снова возник из небытия...

Он снова жил у моих ног, Джонов Кларков, бесстрастных и восторженных, застывших в немом восхищении.

Да, я пережил и перечувствовал все это. Я был Им, Тем, кто, как я видел, умирал на кресте, с головой, увенчанной жалким терновым венцом, и умоляющим ртом, так и не дождавшимся воды.

Я был Им.

— Он умер, Ваше Величество!

Я отрываюсь от величественного зрелища, чтобы повернуться к С-9, одному из моих лучших и преданнейших министров.

Последующее продумано в мельчайших деталях. Миф... Священный памятник вечной истины... Храм Веры и маленькие распятия, прикрепленные в углу каждого жилища. Отныне наша вера оформилась, стала реальной, и наше будущее приобрело облик.

Есть лишь одно затруднение, о котором мне напоминает мой храбрый В-1. Он воскреснет, потому что «машина» оживит того, кого мы только что принесли в жертву. Должны ли мы будем снова пожертвовать им и продолжать этот ритуал до конца времен? Конечно, нет! И будут приняты специальные меры для того, чтобы избавиться от этого Джона Кларка навсегда, ведь отныне он принадлежит легенде. И все это будет вопреки «машине».

Он будет изолирован, тайно выслан в отдаленные земли... где мы будем о нем заботиться, когда «машина» воскресит его. И никто никогда его больше не увидит. Никогда!

Я показываю выбранное мной место на карте. То место, которое навсегда будет стерто с карты планеты и куда никто никогда не придет.

Только лишь при этом условии миф сохранит свой настоящий смысл. Все предусмотрено, и «машина» находится под неусыпным наблюдением преданных людей. Понятно, что день за днем я ожидаю прибытия вышеозначенного Джона Кларка. Каждый час ко мне поступают доклады из Центра оплодотворения, где расположен теперь наш драгоценный инкубатор. Но это любопытно. Это так тревожно, будто мы сумели опередить обычные сроки.

Джоны Кларки умирают и становятся жертвами несчастных случаев. Уже несколько человек. Но «машина» их все еще не воспроизвела. Она даже не создает их больше, одного за другим. С того знаменательного дня.

Никого!.. Ни один Джон Кларк не переступил больше порог инкубатора. Говорят, что на меня использовали последнюю модель. Но что происходит, в конце концов? Неужели «машина» неожиданно перестала функционировать?

Должен ли я остаться бессильным наблюдателем исчезновения себе подобных?

Должен ли я смотреть, как гибнет и рушится мир, который я сам построил, своими руками? Должен ли я услышать похоронный звон по Джонам Кларкам? О!.. Нет!.. Нет!.. Это невозможно... Невозможно...

— Да? Что? А, это вы, В-1, мой верный, мой дорогой В-1! Ну, скорее, что происходит?

— «Машина».

— Что «машина»?

— Создается новое существо. Мы заметили его формирование в иллюминатор.

— Боже мой!

— Приезжайте быстрее, Ваше Величество. Его появление на свет не за горами. У нас нет времени.

Мы бежим, мы несемся, мы мчимся в королевской машине, которая срывается с места, подняв тучу пыли.

* * *

Вокруг Центра Оплодотворения собрались тысячи людей, двигающихся с четырех сторон города. Королевская стража удерживает их на границе определенной черты, которую им нельзя переступать, и я испытываю удивление, смешанное с беспокойством, констатируя, что этими людьми правит какое-то лихорадочное оживление и возбуждение, заставляющее их беспорядочно двигаться.

Я прохожу вперед посреди людской толпы. Все с почтением расступаются передо мной. Я появляюсь перед машиной, пройдя через внушительную шеренгу наблюдателей.

Очень торжественное мгновение. Звенит звонок, когда я открываю камеру.

И я смотрю. Две длинные ноги, продолжающие тонкое и гибкое тело, две нежные руки, за которыми следует шаловливая головка. Ангельское личико с глубоким и текучим взглядом. Длинные волосы, каскадом спадающие на голые плечи... о, как прекрасно!

Большой рот, который раскрывается и манит, как запретный плод.

И я смотрю!

Ева, возникшая для Джонов Кларков по их подобию!

Женщина!

Я отвез ее в замок.

Я избавил ее от любопытных взглядов, созерцая ее в одиночестве. Я узнал свой образ в этой женственности. Но я отвергал это. Я обнаружил свою душу под этой оболочкой из белой и нежной плоти. Но я отрицал это. Я узнал свои жесты, свои движения и свою неуклюжесть. Но я говорил «нет»...

Я говорил «нет» нормальному, рациональному, доказанному, обязательному и неизбежному. Я говорил «нет», и я кричал это «нет» у основания машины. Я призывал небо в свидетели и умолял свои глаза, свои чувства, свою душу и свой разум. Я отказывался ждать, слушать и слышать ее голос.

Ее голос, повторяющий одно и то же без остановки:

— О! Вы... пожалейте... скажите мне, кто я...

Теперь я все понял. У нее не было никаких воспоминаний, никакой памяти, никакого прошлого. Она была лишь песчинкой, выброшенной в свет сложным механизмом неодушевленной машины. Несчастный случай, ошибка, просчет, грубый промах, порожденные хаосом, несовершенством, беспорядком. Вот то, что казалось мне наиболее приемлемым.

Да, вечная, ты будешь... в этом замке... в этом дворце... Верный и преданный товарищ супер-Джона Кларка. Да, я хочу, чтобы так и было!

Ты, потерявшаяся, растерянная, чужая, «без памяти», ты никогда не будешь исключением из правила. Если бы ты меня еще слушала, когда я говорю: «ты будешь...» Если бы ты только могла понять, как мало надо, чтобы изменить твою внешность... Например, эта прядь волос, которую ты могла бы зачесывать на лоб, дуги твоих бровей, которые ты могла бы подчеркнуть, миндалевидность твоих глаз, которую легко сделать выразительной и заметной...

Закрыв глаза, я уже вижу тебя, ленивую и чувственную, волнующую и романтичную, очищенную от самой себя и лишенную оболочки недоразумения. Точно! Не такая, как другие... нет, не такая. И моя, вечно моя!

И когда я повторяю еще и еще «Ты будешь... Ты будешь...», ты смеешься. Ты хохочешь, как эта кошмарная птица, прилетевшая стучать своим клювом по подоконнику:

— Аррррабелла... Аррррабелла... ммм... Хорошее утро, а?.. Хорошее утро, а?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

— Я, А-1 десятимиллионный, излагаю следующее коротко, ясно и по порядку. Раса Джонов Кларков не принадлежит к тому виду, который лениво сидит и смотрит, как гибнет и рушится мир. Наш мир никогда не перестает двигаться вперед, и для каждого поколения мы создаем подходящее будущее. Цифры? Именно этот вопрос мне много раз задавали люди, которые трудятся и работают, несмотря на то, что наши политики пытаются исказить нашу истинную цель, расценивая ее как ересь и вздор. Именно к ним я и обращаюсь. Цифры? Нет! Но результаты? Да, сегодня у нас есть движущая сила, о которой мы мечтали, металлы — наше основное вещество и материя; мы синтезируем очень многие продукты питания, товары народного потребления и текстильные изделия. Мы производим все, что необходимо для жизни, и у нас есть свободное время. Рабочий день длится четыре рокаенских часа и основная зарплата установлена синдикатами согласно нормам. И мы все знаем, что с увеличением населения жизнь станет лучше. Итак, кому же благоприятствуют все эти вредительские маневры, недостойные нашей расы, и которые не могут не привести к гибели нашу цивилизацию?

Тем, кто вызывает и провоцирует озлобление; тем, кто осмеливается обвинять правительство в том, что оно возглавляет шайку аферистов, не имеющих за душой ничего святого,— всем им я осмеливаюсь ответить: ложь и клевета!

Шквал аплодисментов заставляет вибрировать Большой зал Советов, до отказа заполненный многочисленной возбужденной тол-

пой. Я утираю лоб, и в это время В-1, мой премьер-министр, знаком дает мне понять, что моя речь была отличной.

В зале находились несколько смутьянов-подстрекателей, но роботы-охранники, расположенные в четырех углах зала, быстро восстановили порядок.

Правительство сохраняет уверенность в себе, расценивая как «шум толпы» встревоженные слухи, достигающие наших ушей со всех концов государства; мы и сами очень хорошо знаем, что положение сейчас критическое и достаточно искры, чтобы вызвать взрыв народного гнева.

И пока я возвращался домой в президентской машине, В-1 доверительно сообщил мне:

— Конечно, господин Президент, ваша речь была отличной, но я боюсь, что — увы! — этого не хватит, чтобы сохранить единство.

— Что вы хотите, чтобы мы еще сделали? Нам ничего не остается, как согласиться с этими коммунистами!

— Они хотят войны, это очевидно!

Я вздыхаю и устраиваюсь поудобнее на заднем сиденье.

— Война... Война... Как будто нет других решений... я спрашиваю себя об этом...

Мы больше не разговариваем, и я с удовольствием наблюдаю за плотной толпой, которая теснится при нашем проезде, сдерживаемая вооруженной до зубов полицией.

Это печальная, угрюмая, беспокойная толпа — я осознаю это по мере того, как президентская машина продвигается по широким авеню залитого солнцем Кларк-Сити.

Да, новости тревожные, и ни радио, ни пресса не делают из этого тайны; и те, кто умеет читать и слушать, знают это. В данный момент мы находимся на грани войны, на грани разрушения и уничтожения.

И на этот раз речь идет не о простой революции, а о войне, о настоящей войне.

Когда в конце прошлого века восьмисоттысячный Джон Кларк отменил королевскую власть и заменил ее демократической республикой, мы пережили по-настоящему трагические мгновения. В городе строились баррикады, начались пожары и резня, но все эти бедствия и ужасы длились всего лишь два дня. Затем сторонники и защитники старого режима быстро присоединились к новым требованиям нашей системы эволюции.

Ну, а теперь?..

Теперешняя трагедия происходит в мировом масштабе, сталкивая друг с другом не только две различные идеологии, но и два народа, ставших врагами в начале века.

И это самое худшее, что могло произойти с нашим тихим и спокойным человечеством!

* * *

Пронзительный гудок резко перебил мои мысли, и я инстинктивно повернул голову на шум. В это же мгновение железная хватка В-1 вернула меня на сидение.

— Осторожно! — прокричал он.

Его крик слился с резким треском, раздавшимся в нескольких метрах от нас. Я успел заметить большой черный лимузин, который занесло на дороге, голову шофера, разлетевшуюся под пулями убийц, и охваченную паникой толпу, разбегающуюся в разные стороны. Группа полицейских набросилась на человека, вооруженного автоматом, и избивала его дубинками. В нескольких сантиметрах возле меня очередь распорола кожаную обивку сиденья. Черт возьми! Он промахнулся совсем чуть-чуть!

Но уже двое моих телохранителей бросились к машине с револьверами в руках, и, пока один из них вытаскивал тело несчастного шофера, другой занял его место за баранкой.

— Полный газ, быстро! — крикнул В-1.

Мотоциклы сопровождения включают сирены, и мы сломя голову несемся по улице, где запрещено движение. Мы быстро вырываемся из города, и новый водитель — настоящий мастер экстра-класса — поворачивает на полной скорости. Следует безумная гонка по главной скоростной магистрали, и наконец мы въезжаем на частную дорогу, ведущую в президентский дворец. Чемпион вождения резко тормозит у главного входа во дворец в тот момент, когда оттуда появляются мои преданные и верные соратники, окруженные шестью роботами-секретарями. Я вылезаю из машины и успокаиваю их несколькими словами, произнесенными нарочито развязно:

— Ничего. Поступок психопата. Больше ничего.

И уже громким и категоричным тоном добавляю, обращаясь к В-1: — Следуйте за мной. Я хочу продолжить наш разговор.

Устремившись во дворец, мы торопливо поднялись в мои частные апартаменты, но на середине большого зала меня встретила Арабелла, на лице которой отражался весь спектр эмоций.

— О, Джон, дорогой! Я так боялась! — вскрикнула она, бросаясь ко мне. Ее милое личико было залито слезами.

— Ну-ну, все прошло, не надо об этом думать.

— О, Джон, это ужасно!

— Больше нет причин для беспокойства. Будь добра, успокойся и оставь нас одних, ладно?

Послушная и покорная, она уходит, с бледной улыбкой, исчезнув в соседней комнате.

— Стаканчик?

Я наливаю себе одному, так как В-1 отказывается и усаживается в большое кресло, задумчиво качая головой.

— Мы добрались до переломного момента в нашей истории. Вы были правы. Государство Кларков хочет войны, и этой войны мы не можем избежать.

— Мы не должны были допускать, чтобы это государство стало свободным и независимым. Южный континент должен был остаться под контролем государств — членов конфедерации. И вот в каком мы сейчас положении! Всего три поколения — и мы уже лицом к лицу со страной, организованной столь же мощно, как и наша, и мечтающей о мировом господстве.

Я вздыхаю.

— Большая часть вины ложится на официальную пропаганду. Именно так, мы должны были выступить и вмешаться, когда Кларковский Союз предпочел красную диктатуру, а мы выбрали демократию. Работа пропаганды как раз и заключается в поддержании различий. И мой непримиримый враг — Кларк Альфа Первый — надо признаться, очень хорошо умеет управлять толпой и задеть ее за живое демагогическими рассуждениями. Когда у крестьян урожай погублен засухой или рабочих увольняют по причине задержки роста производства, он всегда все мог так объяснить, что рабочие и крестьяне всегда находили того, на кого излить свой гнев.

Я прекращаю свое хождение взад и вперед и, остановившись на середине зала, поворачиваюсь к В-1:

— Прошу вас, скажите откровенно, что вы думаете?

Мгновение он размышляет, а затем единым духом выпаливает:

— Я считаю, что Кларк Альфа Первый не может пойти на попятный: слишком далеко зашел. Его угрозы должны обязательно принять определенное направление. То же самое по отношению к его людям — он должен держать свои обещания, чтобы сохранить популярность и власть. Война, я вам повторяю, иного выхода нет.

— Хорошо, в таком случае, рассчитывайте на меня — он получит то, чего хочет. Завтра утром соберите Совет и отдайте распоряжение о всеобщей мобилизации.

В-1 уходит, ничего не говоря. Я же распахиваю большие двери настежь и вижу силуэт Арабеллы. Силуэт тонкий, гибкий, хрупкий, который, кажется, плавает в полумраке, вселяя мир и спокойствие в мою душу.

2

Я разглядываю Арабеллу. Это сотая Арабелла, произведенная машиной с того памятного дня, когда понятие «женщина» облеклось в плоть. Я разглядываю ее, такую чувственную и сладострастную, растянувшуюся на канапе словно вавилонская нимфа, сошедшая с древнего барельефа.

У нее вечная красота Венеры и всепоглощающая страсть Психеи, мучающая душу и терзающая плоть. Она — верный и послушный товарищ супер-Джона Кларка, безразличная к числу его предшественников и отдающаяся каждый раз Избранному с прежним пылом и искренностью.

Капризная машина никогда не производила более чем одну Арабеллу, отказываясь дать во все увеличивающийся мир больше таких прекрасных копий. Машина «рожает» Джонов Кларков, ничего, кроме них, наводнивших мир, и только одну Арабеллу — когда умирает ее предшественница. Для этих Джонов Кларков, для миллионов простых граждан, мы создали разных гуманоидов Ф: брюнеток, блондинок, рыжих. Очень хороших, но не таких, как Арабелла. Живая и волнительная Арабелла принадлежит только супер-Джону Кларку.

Вот поэтому я считаю себя счастливым человеком. Я горд оттого, что эти привилегия дается только Избранным, и даже у этой спесивой собаки — Кларка Альфа Первого — единственная компания — это его ужасные и непомерные амбиции.

Именно еще и поэтому я его ненавижу, вдобавок к тому, что наши идеологические системы и так превратили нас в смертельных врагов. Хорошо, мы будем воевать; мы разрушим все, что нужно разрушить; мы убьем всех, кого нужно убить; мы уничтожим все, что нужно уничтожить,— но это все глупо! Да, глупо, так как ничто не остановит движения Джонов Кларков — ведь инкубатор создаст их всех заново! В битве мертвые воскреснут, и легионы мертвецов всегда будут противостоять легионам других мертвецов — и так до скончания времен.

Бессмертие не может быть побеждено!

— Джон, да перестань же ты думать об этой дурацкой войне! Завтра у тебя будет достаточно времени. Подойди, прошу тебя! Подойди!

Я присаживаюсь на край дивана и протягиваю ей сигарету.

— Дай еще чего-нибудь выпить, а?

Я подчиняюсь и подаю ей стакан.

— Не знаю, понимаешь ли ты, Арабелла, но положение очень серьезное и тяжелое.

— Оно ведь не изменится только потому, что ты этого хочешь. Ты защищаешься, но настоящая трагедия в тебе самом, Джон...

— Это война, понимаешь, война! Неужели ты не понимаешь?

— Я это знаю, и ты никуда от нее не денешься. Теперь ее уже не остановишь...

— И это тебя не трогает? Ты равнодушна?

Она продолжает пить маленькими глотками.

— Какая она, война?

— Это ад.

— Волнующая и упоительная, не правда ли?

— Ужасная.

— Жестокая, потому что нужна победа?

— Жестокая даже и без победы.

Она начинает улыбаться, растягивая рот до ушей:

— Возбуждающая, с запахом крови... да... пороха и праха. Потвоему, Джон, как она может начаться?

Я не успеваю ей ответить, так как происходящее в этот момент настолько жестоко и неожиданно, что я с трудом это осознаю. Ответ приходит к Арабелле в форме адского грохота, шума, возвещающего о конце света, гигантского взрыва одновременно с жутким ударом неслыханной силы, сотрясающим землю и нас.

Вскочив одним прыжком, мы бросаемся на террасу. Мрачно воют сирены, и в этом реве нам открывается невероятное зрелище — громадный пылающий город.

— Боже, Джон, что происходит?

Я поднимаю голову. Над нами, захваченные прожекторами звуколокаторов, ясно видны движущиеся в боевом порядке вражеские бомбардировщики. Немедленно в действие вступает противовоздушная оборона, выплевывая в небо струи металла, и мы наблюдаем настоящий фейерверк, раскрасивший ночь разноцветными молниями и вспышками. В шуме орудий и реве моторов мы видим, как на город рушатся снаряды и взрываются с адским грохотом.

Я мчусь ко дворцу, таща за собой Арабеллу, и сталкиваюсь с В-1, за которым следует группа военных с растерянными и искаженными лицами. Из их груди одновременно вырвался крик ужаса:

— Авиация Союза разрушает город!

* * *

Только два часа спустя мы сумели подвести итоги ужасной бомбардировки, которой подвергся город. Выяснилось, что их целью были наши оружейные заводы и склады боеприпасов, расположенные на окраинах столицы.

Первое сообщение из штаба гласило:

«Два завода полностью разрушены, сто человек убито и около четырехсот раненых извлечено из-под развалин. Потери врага: восемь самолетов сбито, четыре серьезно повреждено».

Но ультиматум, полученный с первыми лучами солнца, поверг нас в отчаяние и глубокое уныние. Он провозглашал:

«Пробил час освобождения человека! От имени угнетенных народов, твердо решивших бороться против тирании, я требую, чтобы

вы сдались в течение предоставленных вам сорока восьми часов. Отказ с вашей стороны будет равен полному разрушению вашей страны без предупреждения.

Подпись: *Я, Джон Кларк Альфа Первый,*
Президент Кларковского Союза
Социалистических Республик».

— Это невозможно! — обратился ко мне В-1.— Мы не можем принять такой ультиматум!

В большом зале раздался бурный шепот, но мое решение выразило волю каждого:

— Нет! Отныне будем действовать, а не болтать! Пусть будет война, поскольку нас к этому вынудили!

* * *

Этим утром, по окончании срока, мы дали ответ оружием. Эскадрильи поднялись в воздух, чтобы на южном континенте сеять смерть и разрушение.

Мы готовы. Готовы к борьбе, пожертвованию, геноциду, полному уничтожению — если он этого захочет. Своими супербомбами-Н мы можем распылить Рока и стереть его с астрономических карт.

Но мы еще совсем не готовы применить атомное оружие, так как у всех нас сохранились ужасные воспоминания о «Проклятых временах» на Земле, последовавших за отвратительной четвертой мировой войной. Мы надеемся также, что и с другой стороны не последует глупых действий, способных уничтожить всю нашу расу. Да, мы хотим этого, и все надеемся на это, если не желаем, чтобы машина вечно оживляла ужасных монстров, отвратительных обезображенных карликов-уродов, которые будут стыдом и позором всех наших усилий и жертв. О, нет!.. Нет!.. Только не это!..

Это лицо, которое я разглядываю в зеркале, мое, и оно также лицо всех Джонов Кларков, друзей и врагов, это — наше лицо. Ничто не должно испортить его, разрушить или осквернить. Это воля, правда, будущее. Это альфа и омега. Это...

Внезапно шум в городе перерастает в вопли и крики. Крики, заглушающие рев ветра, несущего запах тлена и облака дыма. Ночь, казалось, раскололась суматохой и беспорядком.

И я поворачиваюсь, чтобы увидеть ужас и отчаяние на лице В-1.

— Говорите! Ну, говорите же... Что же происходит?

— Южане, господин Президент... Они захватили инкубатор. «Машина» исчезла!

3

В течение десяти дней в Объединенном государстве Джоны Кларки умирали сотнями, тысячами. Кларковский Союз надеется уничтожить до последнего человека наших храбрых солдат, а затем, воспользовавшись нашей слабостью, оккупировать нашу страну. Это лишь вопрос времени. Отныне наши павшие воскресают на южном континенте, на вражеской территории, и притом они могут смешаться с жителями Союза — но это вряд ли случится: с тщательно разработанной системой идентификации они останутся за пределами боевых действий, попадая в лагеря пленных, растущих день ото дня. Листовки, полные капитулянтского толка, сообщали нам, что огромное число наших воскресших солдат поднимают оружие против нас, вставая на сторону врага. Я не могу в это поверить, настолько ужасным и немыслимым мне это кажется. Но голос В-1 поправляет меня:

— Разве мы не собирались сделать то же самое, когда инкубатор был в наших руках?

Очевидно, я с большой легкостью все забываю, так как, отвергая ультиматум противника Кларка Альфа Первого, мы собирались действовать именно так. К несчастью, мы не могли даже предвидеть его дерзкую и удачную выходку.

— Ходят разные слухи,— продолжает В-1.— Говорят, что ком-

мунисты ревностно охраняют новый центр оплодотворения. Они окружили его защитным изолирующим экраном. Ничто не может его пройти, даже атомная бомба.

— Что может сделать атомная бомба с неуничтожимым центром оплодотворения?

— Атомная бомба, конечно, ничего, но человек — может.

— Человек?

— Человек, который знает секрет поля, производимого этой силой. Мы могли бы попытаться...

Я одобрительно киваю головой:

— Гениально, черт побери! Откуда вы берете такие идеи? Если я правильно понимаю, речь о шпионе, которого мы зашлем в Союз?

— Война без шпионов — не война.

— И... этот человек...

— Я его нашел. Чистый искренний, идейный. Фанатик. Точно такой человек, какой нам нужен. Вот его досье.

Я бросаю быстрый взгляд на листы, упакованные в картон, и читаю документы.

— Где он? Немедленно приведите его ко мне!

На лице В-1 улыбка:

— Но... он в соседней комнате, господин Президент.

* * *

Я с интересом изучаю человека, который только что вошел в комнату и замер, прямой и неподвижный, на середине помещения. Сильный, энергичный, храбрый, волевой, гордый; это самый благородный и самый представительный из всех Джонов Кларков, которых я когда-либо знал. У него такой важный и в то же время циничный вид и манеры, которые парализуют мужчин и волнуют женщин. Он — мужчина, способный на жестокость и нежность, свирепость и доброжелательность. Он мужчина, каким я всегда мечтал быть. Это та часть меня, которая всегда подавлена правилами, нормами и социальными условностями.

Затем я перехожу к делу и излагаю факты. Джон Кларк KJ-09 слушает меня, не перебивая, потом кошачьим движением наклоняет голову.

— Ремесло шпиона — очень трудное ремесло. Я надеюсь быть достойным вашего доверия, господин Президент.

— Чтобы это слово вас не особенно шокировало, я вам скажу, что мы ни в коей мере не думаем о предательстве или бесчестье. На такой войне, как у нас, у шпионов есть своя работа и свои задания. Саботаж, снижение выпуска продукции, перевоспитание и промывка мозгов. Холодная война внутри горячей.

— Когда я должен отправиться?

— Минутку,— вклинился в разговор В-1.— Нужно, чтобы вы понимали всю опасность вашего задания. Место, где находится драгоценный инкубатор, окружено полем, созданным силой неизвестного происхождения, о которой мы можем дать вам сведения только общего характера. Все твердые тела, попадающие в это поле, внезапно останавливаются, а затем вся энергия движения молекул переходит в тепловую. Остается сказать, что все метательные снаряды, которые мы можем использовать для разрушения инкубатора, будут просто расплавлены и испарены. Важно найти средство и способ преодоления этого энергетического занавеса. Мы могли бы электрически подключить наше обычное оружие к генераторами поля. Будет достаточно нескольких долей секунды, чтобы наши снаряды могли залететь за заневес и уничтожить вражеские укрепления. Но есть кое-что получше. Это полное уничтожение генераторов поля. Вот это и есть ваша задача. Наши детекторы направлены на этот энергетический заслон. Как только вы его уничтожите, мы получим автоматический сигнал и немедленно пустим в ход авиацию, которая снесет последние укрепления врага и сломит его сопротивление. Понятно?

— Понятно.

— Вы знаете страну?

— Я провел там много лет. Работал на АЭС.

— Почему вернулись?

— Не ужился с политикой ведущей партии.

Я улыбаюсь.

— Отличный повод для предательства. Но не волнуйтесь, мы все уладим. В течение сорока восьми часов вы совершаете самоубийство. С этого дня вас подозревают в ведении подрывной деятельности против нашего правительства, и ваше самоубийство докажет, что вы ускользнули от нашего правосудия и убежали к врагу. А когда вы воскреснете, вам и карты в руки.

— Вы не боитесь, что мнемопсихические датчики инкубатора откроют мою уловку и выдадут истинные намерения?

В-1 протягивает ему на ладони круглую пилюлю:

— Нет, если вы примете меры предосторожности, проглотив вот это немедленно. Это химическая смесь, которая уничтожает все воспоминания с того момента, как вы ее примете. Она ничего не оставит от нашего разговора.

KJ-09 берет пилюлю, и я подхожу ближе:

— Еще вопросы есть?

— Э... нет, господин Президент.

Еще раз я завидую его представительному и гордому виду и восхищаюсь им. Чего бы я только не отдал, чтобы пережить это приключение, которое будет его! Я хлопаю его по плечу.

— Джон Кларк KJ-09, вы входите сейчас в историю. Какие чудесные страницы вы можете добавить в священную книгу Кларков! Если... если... Вы получите на это право, и я лично даю вам его. Идите, мой друг, и да защитит вас Господь!

4

Я, Джон Кларк KJ-09, прогуливаюсь по длинной шумной улице, залитой неоновым светом. Вывески мигают, огоньки бегут в стеклянных трубках словно многоцветная жидкость вверх, вниз, зигзагом, крест-накрест, образуя странные сокращения или просто ломаные молнии, обозначающие ночной клуб или полуподпольное игорное заведение. Кларк-Вегас полон звуков джаза, лязгания машин и нервного смеха гуманоидов Ф, таких же кричащих, как и реклама «Кока-Колы». Многочисленная толпа заполняет улицу. Я останавливаюсь с моряками и солдатами в увольнении, ведущими под руку вульгарных и тараторящих гуманоидов. Гражданские тоже пришли сюда, чтобы забыть все ужасы войны, и все эти люди теперь ходят туда и обратно, спорят, разговаривают, жестикулируют на ярко освещенных улицах этого скандально известного города, олицетворяющего зло и коррупцию. Неожиданно одна «солдатка» загораживает мне дорогу и пытается завлечь меня в какой-то бар, игриво глядя на меня. Но я отталкиваю ее, потому что собрался опустить монетку в прорезь автомата, прикрепленного к стене. Я уже совсем было собрался дернуть за рукоятку, как вдруг на мои плечи падают тяжелые руки.

— Эй, вы! Минутку! Ваши документы!

Я оборачиваюсь и оказываюсь нос к носу с двумя верзилами, вышедшими из большого черного «крайслера», замершего у тротуара с опущенными стеклами. Два сотрудника безопасности. Несомненно. Я подчиняюсь и предъявляю свою карточку, потом жду, пока маленькие глазки сверяют фото с оригиналом.

— Все в порядке, можете идти.

Я прячу обратно свое удостоверение личности под инквизиторскими взглядами двух колоссов, которые, не произнося больше ни слова, садятся в «крайслер», и машина быстро исчезает вдали.

Я не могу сдержать улыбку. Наблюдение со слежкой начаты, и я догадываюсь, что весь город будет теперь наводнен полицейскими, рыскающими по моим следам. Сейчас они меня нашли и больше уже не отпустят. Маленькая комедия, задуманная Президентом, разворачивается, как ей и положено. У меня в запасе есть еще сорок восемь часов.

Потом... О! Все будет просто. Просто нажать на спусковой крючок — и это будет началом большой авантюры.

* * *

— Привет, приятель! Небольшой визит внутрь изменит ход ваших мыслей. Это самый потрясающий уголок во всем городе, я гарантирую это. Здесь постоянное представление всего за сто пятьдесят кларков.

Я поднимаю голову, и меня ослепляет яркая реклама «Кларк-Клуба», затем перевожу взгляд на портье в красной куртке с блестящими медными пуговицами.

— Кто знает, где вы будете завтра, старина? Если вы хлопнетесь в обморок, то можете проснуться на другой стороне... без всякой надежды вернуться сюда. Итак, почему бы не воспользоваться?

Он на лету хватает брошенную мной монету, взмахивает своей фуражкой, и я, пройдя внутрь, попадаю в зал, покрытый малиновым ковром. Один полуголый гуманоид Ф манит меня в игорный дом, но я оставляю игорные залы в стороне и пробираюсь к бару, который заметил на другом конце танцплощадки. На подиуме оркестр играет Нью-Орлеанский «свинг» в аранжировке знаменитого «Джон Кларк-Блюза», мою любимую мелодию.

— Шампанское? Скотч?

Я направляюсь в бармену, пробивая себе дорогу локтями, как вдруг ко мне подходит метрдотель в смокинге и делает знак.

— Месье, вас хочет видеть один человек.

— Кто этот человек?

— Вы — Кларк KJ-09?

— Да, но...

— Следуйте за мной.

В этой толкотне я не отстаю от него ни на шаг, и так мы пересекли зал и подошли к украшенной завитушками двери, расположенной за драпировкой. Я прохожу в отдельный салон. Вид создания, красующегося на софе в полумраке, вызывает во мне ярость по отношению к нарядно одетому слуге.

— Нет, а что вы задумали? Мне нечего делать с этой старой железякой... Ты заслуживаешь хорошей оплеухи!

Он выскакивает в коридор и быстро ретируется, а я пинком закрываю дверь и в ярости поворачиваюсь к механизму. Но она уже сидит, включив полное освещение, и едва сдерживает веселый смех.

— KJ-09, я вас не прощу,— произносит она, и ее пухлые губы растягиваются в очаровательной улыбке.

Только сейчас я осознаю свою ошибку.

— Арабелла! Вы здесь!

— Вас это удивляет, да?

— Арабелла, это невозможно!

— В сущности да, и это вас не удивляет... Несомненно, вы этого ожидали.

— Что вы хотите от меня?

— Вы сами желали этой минуты. Вот видите, все и случилось.

Она идет ко мне сладострастной походкой. На ней облегающее темно-синее платье. Обворожительная, волнующая, потрясающе чувственная. Совершенно неожиданно я нахожу настоящую Арабеллу, Арабеллу из далекого прошлого, Арабеллу из моих самых лучших и счастливых воспоминаний, извращенную и неисправимую Арабеллу. Вновь возникнув из времени и пространства, лишенная своей символической непорочности, она вновь стала тем, кем и была: ангел и демон одновременно!

— Арабелла, почему вы пришли?

— Разве мы оба не разделяем это желание?

— Миллионы Джонов Кларков разделяют его со мной.

— Нас мало интересуют другие, вы это отлично знаете. Гуманоиды Ф были специально созданы для того, чтобы они могли забыть об Арабелле. Но вы, вы, Джон Кларк KJ-09, совсем другое дело.

— Чем же я от них отличаюсь?

— Вы исключительный Джон Кларк, на которого возлагают надежды наши соотечественники. Я хочу, чтобы вы знали, вы — супермен среди всех мужчин. Разве это преступление?

— Спутать своего супруга с кем-то другим... это абсурд.

Мгновение ее длинные теплые и нервные пальцы бегут по моим плечам и скользят по груди. Голос становится нежнее, слаще, сладострастнее:

— Ты не только благородный и храбрый, ты еще очень красивый и сильный.

Я отталкиваю ее с некоторой жестокостью, что, однако, нисколько не разочаровывает ее, и она продолжает смотреть на меня большими русалочьими глазами, в которых таится вызов.

— Жестокий и опасный, ты не даешь мне закончить.

— В общем, не такой, в чем ты меня упрекаешь.

— Скажем просто, что ты такой внутри, но никогда не обнаруживал этого. Вся твоя жизнь бродячего вояки была лишь результатом притеснений и придирок к тебе.

— Я запрещаю тебе так говорить...

— Но ты остался тем, кем был, Джон... со своими комплексами превосходства и неполноценности, самонаказания и разрушения. Как и все остальные люди, ты находишься в постоянной борьбе между Добром и Злом.

— А сегодня кто я, по-твоему?

— Твое собственное орудие. Орудие уничтожения. В общем, худшая сторона тебя самого.

Ледяная улыбка играет на моих губах. Это не совсем тот ответ, что я ожидал от Арабеллы, но и он укрепляет меня в моем

решении и той роли, что я сыграю через несколько часов. Тем временем я удивленно смотрю на нее:

— Как ты можешь так со мной разговаривать?

Она звонко смеется и бросается на диван, положив голову на парчовую подушку.

— Обними меня, Джон! Ну...

Теперь моя очередь смеяться, и я, находясь на некотором расстоянии от дивана, наслаждаюсь своей новой победой над Арабеллой.

— Обними меня,— мурлыкает она со сдержанной иронией. Этого тоже требует плохая сторона Арабеллы.

* * *

Постскриптум:

Почему я написал, что Арабелла была затянута в темно-синее платье, тогда как в момент расставания на ней было зеленое?

Почему я упомянул оркестр, играющий Нью-Орлеанский «свинг» «Джон Кларк-Блюз», тогда как, пересекая зал, я слышал «Рапсодию Джона Кларка номер восемь» в исполнении цыган?

И почему портье в красной куртке и эта реклама «Кларк-Клуба»? Куртка была желтая, а неон высветил надпись «Джон-Клуб».

Однако эти два воспоминания очень живы.

И почему все огни города неожиданно погасли? Почему я очутился один в тишине и мраке?

Почему, упав на мокрую землю, покрытую сухими листьями, нанесенными ветром, я выкрикивал имя «Арабелла»?

Да, почему?

Итак, я вытащил свое оружие и выстрелил.

5

Мои веки поднимаются. Новая кровь бежит, стуча по артериям. Моя душа пробуждается, и вечные воспоминания атакуют меня с новой силой. Как и всегда, доминирует мгновение моей смерти, но сегодня я вспоминаю это в каком-то тумане, как-то неясно и неопределенно. Я колеблюсь между темно-синим и зеленым, между красным и желтым, между завыванием трубы и всхлипыванием скрипки. Между Кларком и Джоном!

Что же могло со мной случиться такого, что я так торопливо совершил самоубийство? Хрустальный звон гонит прочь мои мысли, и я вспоминаю о том деликатном и важнейшем задании, которое я получил.

Я с трудом выбираюсь из инкубатора, и два типа, одетые в темную униформу, выводят меня на середину необъятного зала с толстыми металлическими плитами на стенах. Я нахожусь в каком-то месте, где трое других военных суетятся вокруг различных аппаратов и приборов самой невероятной и сложной формы. Меня усаживают в кресло и прилаживают на череп электроды. Я чувствую, как острия проникают в мою плоть, и вижу, как мерцают и переливаются шкалы приборов. Наконец анализатор извергает какую-то карточку, которую с вниманием изучают два техника.

— Джон Кларк KJ-09, не правда ли? — спрашивает один из них.

Я утвердительно киваю головой.

— Причина смерти?

Очевидно, это неясно. Пилюля сделала свое, и мнемопсихические анализаторы ничего не сумели записать. И мне самому приходится вспоминать самое худшее.

— Самоубийство,— ответил я.

Затем меня переводят в другую комнату, где дают кое-какую одежду, простота которой равна низкому качеству изготовления. Я провожу еще час в комнате с металлическими стенами, прежде чем два охранника забирают меня и сажают в небольшой ракетоплан, который тут же начинает скользить по рельсам внутри освещенного редкими огнями туннеля. Мы достигаем широкого выхода и вырываемся в воздух с головокружительной скоростью. Через иллюминатор, расположенный сзади, я вижу, как исчезает, закрываясь утренним туманом, новый центр оплодотворения, так ревниво охраняемый новыми хозяевами. И еще кое-что я успел заметить: подземные туннели служат для входа и выхода из центра, и каждая машина — въезжающая или выезжающая — оборудована специальным устройством, позволяющим преодолевать энергетическую стену, колпаком накрывающую центр.

Но единственное, что меня сейчас беспокоит, это молчание моих охранников и то, что здесь со мной собираются делать. Куда они меня везут? Абсолютно невозможно выбрать какой-либо ориентир, и мне ничего не остается, как довериться своей звезде. Но вот мы резко тормозим и теряем высоту, пролетая над высоким городом, который я сразу узнаю — это Кларк-Юнион. Мы снижаемся по спирали, пролетая над окраинами города, пока ракетоплан выбирает площадку, на которую садится в реве и свисте своих реактивных двигателей. Машина приземляется на большой крыше, и мне знаком предлагают выйти. Я выхожу и занимаю место в лифте, который камнем падает вниз и замирает где-то этажей двадцать спустя. В коридорах я замечаю вооруженных до зубов охранников в боевой форме. В конце моего приключения я оказываюсь в комнате, где меня ждут два человека, одетых как оловянные солдатики и держащихся напряженно. В одном

из них — горделивом и величавом — я сразу же узнаю вождя Союза, Президента Кларка Альфа Первого. Беспокойство и недоумение охватывают меня, но неожиданно в комнате, стены которой увешаны гобеленами с изображением перекрещивающихся серпа и молота, звучит голос президента:

— Добро пожаловать к нам, товарищ KJ-09. Сообщение, которое мы только что получили, действительно подтверждает ваше самоубийство. Мы также знаем и все мотивы вашего поступка, который позволил вам ускользнуть от капиталистической тирании и попасть в нашу страну, о которой, мы в этом твердо убеждены, вы храните лучшие и благородные воспоминания.

— Спасибо, господин Президент. Есть определенные вещи, которые свободный, искренний и лояльный человек не может принять.

— Эти чувства делают вам честь, товарищ, и будьте уверены, что среди нас вы займете достойное место.

Он поворачивается к своему верному B-1, делает жест, и товарищ секретарь партии вынимает из маленькой бархатной коробочки сверкающую медаль на длинной ленте из красного шелка, вешает ее мне на шею и, обнимая, произносит:

— Герой Труда и пролетарской дисциплины.

На мгновение воцаряется тишина, и сразу же — голос Альфа Первого:

— Идите, товарищ KJ-09, и не забывайте, что наша победа будет победой разума, справедливости и человеческой свободы.

* * *

Эти слова все еще звучат в моих ушах, в то время как я покидаю кабинет Президента в сопровождении первого секретаря партии. По возвращении на огромную крышу, что нависает над столицей Союза, он говорит мне с фамильярной улыбкой:

— Список ваших достижений превосходен. Мне кажется, что вы захотите продолжать свою работу в одном из наших технических центров. Замечательно! Вы инженер-электронщик, а мы очень нуждаемся в техниках вашего уровня. И все же наша страна значительно продвинулась вперед, не правда ли? Еще чуть-чуть, и у нас будет такая новая армия, против которой армия Запада окажется детской игрушкой.— И, указывая на небо, он добавляет: — Нет границ нашему могуществу. Однажды мы устремимся к звездам и покорим Вселенную. Раса Джонов Кларков будет доминировать в мире до его границ, потому что так предопределено и потому что нам это по силам! По правде, они ведь тоже должны интересоваться космической властью, а?

— Они об этом тоже думают, товарищ, но война парализует все их средства и возможности.

Он громко хохочет и увлекает меня в машину.

— Садитесь, я вам все покажу.

* * *

Должен признаться, то, что мне было позволено увидеть в последующие часы, заставило меня серьезно задуматься над могуществом и мощью врага.

Мы пролетали над укрепленными базами, установленными на подступах к узкому перешейку, объединяющему два континента, на котором армии будут вести самые ожесточенные и кровопролитные сражения. Я видел секретные базы, ощетинившиеся ракетами, готовыми к старту; длинные дороги, переполненные полугусеничными машинами, танками и бронемашинами; сеющие смерть эскадрильи, оккупировавшие небо — и я познал страх, ужас и беспокойство.

Но, увы, это было далеко не все. Помимо военной мощи было еще кое-что, что мне открылось. Это случилось, когда мы вернулись в Центр оплодотворения, и я понял, что, если не произойдет чуда, мы погибли!

Мы прошли в главный зал, приветствуемые множеством военных, входящих и выходящих из огромного святилища, потом направились в большой двор, где моим глазам представилось самое чудовищное зрелище из всех, где мог участвовать человек. Вереница Джонов Кларков под присмотром вооруженных охранников направлялась к каменной стене высотой в несколько метров. В этот момент солдаты наставили на них тяжелые пулеметы, которые заплевали огнем и дымом, кося несчастных бедняг. И это продолжалось... И началось снова. Убрали трупы, и новые несчастные пришли, чтобы, в свою очередь, упасть под смертоносными пулями. Кругом была кровь, даже на мундирах палачей, которые разряжали и заряжали свое оружие без остановки. Без остановки!

Я преодолел свое смятение и негодование и спросил первого секретаря партии:

— Что здесь происходит, в конце концов?

Довольная улыбка проскользнула по холодным губам.

— Здесь те, кого мы считаем неподдающимися. Это враги народа, те, кого уничтожили наши бомбы и оживили наши машины, и кто отказался принять наши взгляды и идеологию. У них есть право выбирать по своему усмотрению: либо временное заключение в лагере для военнопленных, либо полное и преданное сотрудничество с нами. Но для этих у нас нет даже жалости.

— Но... но они же снова оживут!

— А мы их опять убьем.

— Но ведь это абсурд! Их численность увеличивается с каждым днем. Скоро их будет много миллионов...

— Да, сотни миллионов. Но это неважно, мы всегда найдем способ уничтожить их, так как раса Джонов Кларков, предназначенная для завоевания космоса, должна быть здоровой и чистой. Именно для этого работают все машины, которые мы имеем.

— Почему вы говорите «все машины»?

Он ведет меня в святая святых и гордым, величавым жестом указывает на большой круглый зал, где ходит взад и вперед множество Джонов Кларков. И долго я стоял, ошеломленный и уничтоженный, и слова B-1 доносились откуда-то издалека, как во сне:

— Открыли... секрет... оплодотворения искусст... построили... машины... Много машин... производят... производят... производят...

Я разглядывал все эти инкубаторы, созданные по одной модели, и всех этих Джонов Кларков... всех этих Джонов Кларков, которых безостановочно тошнит. Безостановочно!

6

Вот уже восьмой день я работаю на секретной базе, расположенной в окрестностях Центра оплодотворения. Мы проводим эксперименты с новым электронным оружием, призванным ускорить победу союзного клана. С помощью лазера созданы лучи смерти, бьющие на тысячи километров и могущие уничтожить целый город гораздо «лучше», чем атомная или водородная бомбы. Это ужасное оружие обладает такой мощью, что Союз может без малейших усилий стать хозяином всей планеты. И мечта Альфа Первого осуществится. Новая раса Джонов Кларков распространится по Вселенной благодаря массированной работе многочисленных инкубаторов, и ничто ее не остановит. Именно поэтому — любой ценой — я должен вмешаться, так как я всего лишь винтик в этом человечестве; так как я должен выполнить доверенное мне задание; так как мне нужно уничтожить то, что должно быть уничтожено; так как это желание у меня в сердце, в голове, в крови.

А? Что? Кто говорит? Чей это голос? Здравого смысла? Угрызений совести? А! Нет... Слабый голос из глубины души, заставляющий меня смеяться... KJ-09 игнорирует здравый смысл... KJ-09 не знает угрызений совести... KJ-09 — это не более чем рука, которую вооружили и которая наносит удар. А рука не имеет ничего общего со здравым смыслом. Нет, нет... Я ничего не хочу знать... Ничего. Я должен действовать, и я буду действовать. Нужно, чтобы все произошло, как это должно произойти.

Кажется, я все предусмотрел. Я слушал и наблюдал. Я знаю, что турбовертолеты и ракетопланы, оборудованные специальным дешифратором, каждый день пролетают через энергетический занавес, чтобы доставить смену на базу и Центр оплодотворения. Я знаю также, что экипажи маленьких машин строго ограничены. Один пилот и один помощник пилота.

В этот вечер MV-20 и RD-15 должны подняться в воздух, чтобы доставить в Центр рутинный груз. Именно по этой причине я сегодня покинул столовую раньше обычного часа и теперь прохаживаюсь с сигаретой в зубах по пустынной и темной площади. Я наблюдаю за большим ангаром, в котором содержатся средства коммуникации. Внезапно исполинская металлическая дверь начинает двигаться на своих роликах, и прожекторы освещают взлетную полосу. Я продолжаю двигаться вперед, наблюдая в полутьме за механиками, выталкивающими турбовертолет на площадку, и замечаю двух пилотов, которые направляются к раздевалке. Но RD-15 вступает в разговор с механиками, в то время как его товарищ проходит в здание. Теперь самое трудное — это суметь занять его место, остальное пустяк, детская забава. Не колеблясь больше, я проскальзываю позади длинного здания, открываю форточку, протискиваюсь в нее и падаю на пол большой комнаты. Приоткрытая дверь позволяет мне следить за MV-20, который уже заканчивает одеваться, когда появляется его напарник. Несколько слов, и я улыбаюсь, так как вижу, что MV-20 покидает раздевалку, оставляя PD-15 одного перед его шкафчиком. Наступает время действовать, и меня охватывает сильное возбуждение. Я медленно вытаскиваю нож из ножен и крепко обхватываю его ладонью правой руки. Пилот поворачивается ко мне спиной. Я делаю несколько мягких и тихих шагов и, в тот самый момент, когда он собирался повернуться, прыгаю на него. Острый нож с кошмарной быстротой описывает полукруг и бьет под левую лопатку, потом еще один удар не встречает никакого сопротивления. Все кончено. RD-15 не издал ни звука. Он оседает на пол подобно резиновой игрушке, из которой выпустили воздух, но я нежно его подхватываю и запихиваю в глубь шкафчика. Он садится, откинув голову и вперив в меня пустой взгляд. Самое ужасное — это то, что этот человек похож на меня как две капли воды. Мой возраст, моя прическа, мои короткие черные усы. О, боже! Как будто я только что убил самого себя!

Постскриптум:

Что-то со мной не то. Почему мне казалось, что я бросил тело в колодец? Почему я хотел спастись бегством, сидя за рулем большого «понтиака»? Почему я отступал перед множеством Джонов

Кларков с пустым и потухшим взором, одетых как выходцы из кошмара, уставивших на меня палец, и с проклятием на губах?

Это длилось какую-то долю секунды. Нет никаких колодцев, «понтиаков», Джонов Кларков, угрожающих загородить мне выход из раздевалки.

И как только я мог подумать об этих вещах?

Я должен был сделать огромное усилие, чтобы найти дверцу шкафчика, которую закрыл с резким стуком. Я прогнал глупые и странные мысли, но целый мир вокруг как будто опрокинулся, как будто окружающая среда неожиданно деформировалась.

Я сопротивляюсь, я подавляю лихорадку и слабость и прогоняю светлячков, танцующих перед моими глазами.

7

Свежий ночной воздух овевает мое лицо. Я сознаю, что одел снаряжение PD-15 и что двигаюсь к турбовертолету. MV-20 уже на своем месте. Без всякой спешки я прохожу мимо группы механиков и карабкаюсь по металлическим перекладинам лестницы, прислоненной к крутому боку фюзеляжа. Я проникаю в кабину, опускаю на лицо кислородную маску и устраиваюсь на своем месте, пока MV-20 закрывает кабину. Затем турбовертолет начинает поворачиваться на месте, так как мой напарник включает реакторы. По его приказу я увеличиваю количество оборотов до двух тысяч, и сильный резкий толчок дает мне понять, что нас просто швырнуло в небо с ошеломляющей скоростью. Проходит десять минут, и я вижу, как работает пилот на клавиатуре дешифратора. Мы уже близко. Через несколько мгновений мы будем пересекать энергетический занавес, защищающий Центр оплодотворения. Я мысленно отмечаю положение клавиш, отвечающих за работу определенных реле и цепей. Все это должно быть выгравировано в моей памяти, если я хочу получить шанс покинуть Центр после выполнения задания. Хочется верить, что мне хватит горючего, чтобы добраться до Конфедерации. Если, по крайней мере... у меня есть этот шанс. На дешифраторе зажигается красный огонек в тот момент, когда появляется тусклый занавес, покрывающий Центр и образующий огромный купол с размытыми контурами. Мы пересекаем энергетический барьер, и секунду спустя под нами уже сверкают огни укрепленной базы.

— Нет, товарищ, не на площадку... Платформа номер пять, левое крыло центрального здания.

MV-20 поворачивает голову и с изумленным видом разглядывает ствол оружия, наставленного на него.

— Что ты задумал?

— Делай, что я тебе говорю.
— Ты сошел с ума...
— Выполняй или стреляю.
— Ты настоящий...

Он колеблется, но приставленное к затылку дуло взывает к осторожности. Он выполняет маневр с ругательством, готовым сорваться с губ, и мы садимся на платформу номер пять, отмеченную мной на подробном плане Центра, множество экземпляров которого находилось в бюро секретной базы. Я наизусть выучил путь к генераторам, но, чтобы воспользоваться им, нужно избавиться от MV-20. Это длится не более двух секунд, по секунде на пулю в сердце — и с ним покончено. Я тащу его тело до ограждения и бросаю на склон крыши, по которому он катится до водосточного желоба. До зари его не найдут, а мне для выполнения операции как раз и нужно время. Сделав это, я пересекаю пустынную платформу, направляясь к другому краю необъятной крыши, и останавливаюсь перед решеткой под проницательным взором бдительного охранника, вооруженного автоматом. Я называю ему пароль: «Победа». Он опускает свое оружие и улыбается.

— Да это дружище PD-15! Что ты здесь делаешь?

— Приказ командно-диспетчерского пункта, товарищ. Сверхсекретный материал.

— В таком случае, конечно... А где твой приятель?

— Я один. Специальное задание. Больше ничего не могу сказать.

Он отодвигается, чтобы дать мне войти, и отдает дружеский салют в тот момент, когда я исчезаю в лифте. Итак, все идет, как задумано. Теперь мне нужно добраться до зала с генераторами, расположенного на четвертом подземном этаже. Лифт медленно отсчитывает этажи и наконец останавливается у цели. Я выхожу. Никого не видно. Коридор пуст. И вдруг — шум шагов. Я прячусь за каким-то выступом в стене, пропуская двух военных, исчезнувших на металлической лестнице. Снова тишина. На цыпочках я продвигаюсь вперед по коридору, который вдруг резко поворачивает направо. Я бросаю туда быстрый взгляд и обнаруживаю еще одного часового, стоящего перед тяжелыми массивными дверями, ведущими к генераторам. Я быстро обдумываю ситуацию, решаюсь и стремительно выхожу к часовому, который поднимает автомат.

— Привет, товарищ. Ничего необычного не заметили?

— Нет, все в порядке. Но кто вы такой?

— С каких это пор ты задаешь вопросы начальству?

Мой тон подействовал на него. Уверен — он чувствует, что допустил большой промах. Его глаза обшаривают мои рукава и погоны моего кителя в поисках несуществующих нашивок. Я подхожу к нему ближе, улыбаясь.

— Служба военного надзора. Присматриваем здесь за вами. Вы новенький, не так ли?

— Э... да... я...

— Отлично. На этот раз достаточно, не будем заходить далеко. Но зарубите себе на носу правило 318 кодекса SM, не то оно вам дорого обойдется. Ладно, возьмите сигарету, это вам поможет.

Идиот! Дурак! Он не чувствует ловушки, расставленной мной. Он протягивает руку за сигаретой, но нож уже в моей руке, и я протыкаю его раньше, чем он успевает отойти. Я ударяю его еще раз в сердце перешагиваю через тело и начинаю изучать панель связи. Я обнаруживаю там большой замок с секретом и нетерпеливо вращаю диски налево и направо... Наконец замок издает последний щелчок, и тяжелая дверь, массивная, как у сейфа, резко раскрывается.

* * *

Теперь я проник в святая святых, туда, где, выстроившись рядами вдоль толстых стен, расположились сложные механизмы, управляющие генераторами поля. Я располагаю лишь несколькими минутами, чтобы совершить диверсию, которая на много дней лишит защиты Центр оплодотворения.

От мысли, что я готов приступить к работе, меня охватывает возбуждение и я направляюсь к металлическим ящикам, в которых глухо гудят схемы невероятной сложности. Я начинаю изучать и разглядывать решетки, схватив при этом некоторые инструменты, которые могут подойти для разрушения. Пугающая радость охватывает меня в тот момент, когда я начинаю рвать провода; и я бью, дроблю, крушу, ломаю.

— KJ-09, послушайте меня!

Я резко поворачиваюсь на голос, догадываясь о том, что могло произойти. Они нашли тело пилота в раздевалке, обнаружили турбовертолет на крыше и допросили охранника. Черт возьми! Я попался!

Голос идет из видеоэкрана, вмонтированного в стену, и на нем крупным планом багровое лицо первого секретаря партии. Мне нечего сказать. Это могло случиться, я это предусмотрел. Как говорила Арабелла: «Джон, все случается...» Но теперь какая разница? Я подвигаюсь к B-1:

— Сожалею, приятель, но я доведу дело до конца, я так решил.

— Остановитесь, у вас нет на это права.

— Локаторы работают день и ночь, они нацелены на Центр. Наша авиация начнет действовать сразу же по отключении генераторов. Вы проиграли.

— Вы идиот. Над нами сейчас не самолеты Конфедерации, а ракеты, не принадлежащие нашей планете.

Я хмурю брови.

— Что вы мне тут плетете?

— Их целая армада. Они заполнили всю планету. Нас атаковали из космоса. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Из космоса?

— С Земли!

— Я вам не верю.

— Это земляне! — прокричал первый секретарь партии.— Мы засекли их ракеты. Они хотят нас ограбить, лишить всего и уничтожить. Решается вопрос о жизни нашей расы. Я прошу вас, остановитесь, пока не поздно!

Но я продолжаю кидаться на механизмы, охваченный безумием разрушения и уничтожения.

— Я не верю вам... Я не верю вам... Я не ве...

Я бурно дышу... я задыхаюсь... я перевожу дух...

Маленькие шары, светившиеся на стенах, сорвались на пол, затопив зал едким густым дымом, от которого горит мое горло. Я мечусь... я задыхаюсь... и мир исчезает... разлетается... как мертвые листья, сорванные ветром осени... Всегда эти мертвые листья... эта тишина... этот простор... и этот осенний ветер! Большая черная птица надо мной щелкает клювом.

8

Языки пламени лижут мои внутренности, стальные иглы впиваются в мою грудь. Пламя смерти, иглы агонии.

Стены плывут в тумане, отказываясь объединиться в белую квадратную комнату с кое-какой мебелью такого же цвета. Те силуэты, что я вижу — также лишены прочности и кружат вокруг моей кровати, словно смутные тени. Наконец все проясняется, обретает форму, и человек, склонившийся ко мне, дружелюбно улыбается:

— Итак, KJ-09, как вы себя чувствуете?

Он отлично знает, что я умру... Но какая разница? Теперь это уже неважно.

— Вы находитесь в военном госпитале,— продолжает он,— лучшем в Союзе.

Госпиталь! Конечно! Квадратная комната... белые стены. Его пилотка и халат тоже белые. Чего-то в обстановке не хватает... А! Да, конечно, медсестры, которая должна дежурить у моего изголовья. Да, все отлично! Все в порядке. Как жжет... как жжет...

Но вот человек в белом халате исчезает и появляется некто,

кого я сразу же узнаю: это правая рука моего президента, В-1 из Конфедерации.

— Удивлены, увидев меня здесь? — спрашивает он.

— Где я?

— В конце вашего задания, старина. Газ был смертельным, а вы вроде бы выдержали, но не стройте иллюзий.

Я пожимаю плечами.

— Знаю. Но расскажите мне, что же произошло.

— О! Много чего случилось. Мы были захвачены ракетами, запущенными с Земли. Нет, нет, нет, прошу вас, не волнуйтесь. Я знаю все, что вы думаете. После стольких лет! Не существует больше никаких связей с Землей-матерью. Мы — рокаенцы. Мы все — Кларки, и все Джоны Кларки с Рока поднялись против захватчиков.

— Все Джоны Кларки?

— С Востока и Запада, сытые и голодные, богатые и пролетарии, верующие и атеисты. Все! Да, это был всеобщий подъем, уничтоживший ненависть и сплотивший нас перед общим врагом. Нет больше границ и братоубийственной войны, а есть свободные люди, осознавшие свои ошибки и вышедшие из хаоса тупости и глупости. Рано или поздно мы должны были бы смело встретить гнев небес. Этот самый гнев мог принять форму безжалостных захватчиков вместо дракона, ракет Апокалипсиса, несущих смерть и разрушение.

Он подходит к открытому окну и вглядывается в пространство до горизонта.

— Да, это была тяжелая битва,— бормочет он.— Тяжелая.

И я вижу в его глазах побежденные армады, изрешеченные ракеты, усеявшие землю Рока, гаснущие пожары и плывущий над полями сражений дым. Я вижу свободных людей, больше не заботящихся о мундирах и протягивающих друг другу руки. По моим губам скользит улыбка, как будто я оплатил долг. Долг Разрушению!

В-1 поворачивается и наклоняет голову:

— KJ-09, вы можете умереть.

И я умираю!

9

Я... А-1 пятисотмиллионный, счастливый человек.

После каждого моего пробуждения я наслаждаюсь словами приветствия, адресованными мне, я упиваюсь лестью и почестями, оказанными мне, я люблю уважение и почет, с которым ко мне относятся. И когда В-1, мой верный и преданный В-1, приходит приветствовать меня в большом зале Бессмертия, мы обмениваемся

одними и теми же вечными репликами в утреннем блаженстве:

— Мир твоей душе, о Справедливейший, о Грандиознейший. Благодаря тебе мы живем в шелках и золоте.

— Как народ?

— Счастлив, осыпанный твоими милостями, о Верховный.

— Как мир?

— Благоденствует и процветает.

— Вселенная?

— Охвачена восторгом и счастьем.

— И так будет всегда, до скончания Времен!

И в утренней тишине раздаются крики, и священные колокола звонят во всю мочь.

Да, я — А-1 пятисотмиллионный — счастливый человек!

Но этой ночью во мне что-то сломалось, это был какой-то кошмар. Мне снилось, что огонь пожирает мои внутренности и стальные иглы впиваются в мою плоть.

Я тяжело дышал, я задыхался под бушующим ледяным ветром. Я умолял тени и беседовал с небытием. Мне приказали умереть, и я закрыл глаза.

Проснулся я с чувством, что это был очень долгий сон и огляделся вокруг. Мир был там, на месте, как и после каждого пробуждения, только я неожиданно ощутил себя очень старым, разбитым и разрушенным долгой, очень долгой борьбой, происхождение которой,— увы! — затерялось во тьме веков. Но разве это важно? Наша раса выбралась из хаоса, из мирового жертвоприношения, из грандиозного очистительного кровопускания. И мы достигли Золотого Века. Мы упразднили границы, отменили политические страсти, запретили братоубийственные войны. Мы сказали «нет» всему гнусному, грязному и отвратительному. Наконец-то мы достигли нирваны для Джона Кларка!

* * *

Сейчас я разглядываю Арабеллу, лежащую на своем ложе, лишенную недостатков вульгарности, улыбающуюся и страстную, как на заре нашей любви, счастливую и довольную своей вечной красотой. Арабелла... Моя нежная Арабелла! Черт, это забавно! Ее длинные светлые волосы превратились вдруг в короткие черные. Клянусь, что еще вчера... И дверь моей комнаты... Почему она на другом месте? Она же была слева... а сегодня утром справа. И колокола? Почему они не звонят? Мне кажется, что здесь так же тихо, как и в моем сне. Тот же самый ледяной ветер дует в комнате... те же самые мертвые листья кружатся в вихре на ковре. Черт побери! Остатки кошмара преследуют меня и по ту сторону сна.

Я встряхиваюсь и вхожу в большой зал Бессмертия, где меня приветствует мрачный и неподвижный В-1.

— Мир твоей душе,— просто говорит он.

— Как народ?

— Как и ты, Джон.

— Как... э... как мир?

— Вертится. С тобой или без тебя.

В этих словах — холод ветра и запах сухих листьев.

— Мой верный, мой преданный, мой единственный друг, я тебя умоляю, ответь мне. Разве мы не достигли конца пути? Разве мы не у цели, не у идеала?

— Да, Джон, это ты в конце дороги, размеченной тобой самим с самого начала, но теперь продолжение невозможно.

— Значит, это так для всех Джонов Кларков.

— Нет, Джон. Просто конец человечеству, которое ты знал и которое было вписано в твою душу и плоть. Тому, что появилось в истории со своим злом, ошибками и промахами, стремлениями и чаяниями. Конец противоположностям, контрасту и манихейству. Всему, что было в тебе, что разорвалось и столкнулось. Всем этим был Ты сам!

Я отступаю назад, мертвенно-бледный, дрожащий на краю огромной страшной пропасти, неуправляемый. Мне кажется, что он плавает посреди комнаты над краем моих ужасов и страхов.

— Кто ты?.. Чудовище... Чудовище... кто ты?

— Да ты, Джон! Просто ты! Мой голос исходит из глубины твоей души. Открой глаза, Джон... Открой глаза!

В приступе ярости я поворачиваюсь к нему спиной. Нечестивец, безбожник, осмеливающийся грубить мне, унижать и оскорблять меня!

— Я не верю тебе... я не верю тебе... я не верю тебе...

Одинокий слабый голос хихикает в глубине меня самого.

Когда же я поворачиваюсь, то не вижу В-1 — он исчез. Задыхаясь, я тороплюсь в соседнюю комнату, выкрикивая имя Арабеллы. Но она тоже пропала. Ложе пусто. Как сумасшедший я бросаюсь на главную лестницу, призывая своих слуг, но мой зов остается без ответа. В большом пустынном доме царит самая мертвая тишина.

О, Боже! Что происходит!

Я бросаюсь к окнам, но огромный город исчез. Я вижу только поля, деревья и скалы в отдалении. А город? Город? Но это все невозможно!

— Эй! Эй! Где вы? Ответьте мне! Не оставляйте меня одного, прошу вас!

Я возвращаюсь в большой зал, но на пороге несуществующей больше двери замираю в оцепенении — здесь больше нет мебели.

На стенах картины и гобелены сливаются с каменной кладкой, которая начинает распадаться... Я скатываюсь по лестнице, лишенной ковра, бросаюсь в пустой двор и поднимаю голову. Огромный дворец рассыпается на моих глазах, как карточный домик — тает крыша, исчезают стены, рассыпается пол. Он разлетается под порывами ветра и превращается в пыль.

А я... О! Я, жалкий отшельник, падаю, раздавленный тяжестью своего горя. Я царапаю землю с ртом, полным сухих мертвых листьев, и тупо разглядываю ржавый остов старого космолета, обветшалый колодец и жалкую старую развалюху, возникшие из небытия. Сорванные ставни стучат под порывами осеннего ветра. И над всей этой ужасающей реальностью властвует скрежещущий голос. Голос, принадлежащий высоко сидящей большой птице с длинным клювом; голос, который болтает и смеется:

— Аррррабелла... Аррррабелла... ммм... хороший денек, а?.. Хороший денек, а?..

10

Я снова нашел свою хижину, свое отчаяние и одиночество. Я пережил свое падение, словно Голиаф в шкуре Давида. Я всплыл на поверхность одного безумия, чтобы вновь погрузиться в другое. Чистое и еще более ужасное, так как оно подстерегает меня всегда. Вечно.

Да, все это было всего лишь иллюзией, сном и обманом, так как машина никогда не производила более одного меня за один раз. Следующий Джон Кларк — только после смерти предыдущего.

Странная и жестокая машина, воображаемая утроба миллионов и миллионов Джонов Кларков, рожающая химерических Арабелл, существующих только лишь в моем воображении.

Но действительно ли я сам все это вообразил? Не было ли в каком-нибудь тайнике машины странного устройства, реализующего сны? Не мог ли старина Джо создать такого пути уединения, по которому мог бы убежать такой несчастный, как я, отрезанный вечностью навсегда в неизвестном мире?

Я задаю себе этот вопрос, но ничего не знаю. Тем не менее, я боюсь, боюсь этого вечного одиночества, которое будет моим. Боже мой, что я вам сделал? Почему вы отказываете мне в Смерти, о которой я умоляю? Должен ли я постоянно рыть себе могилы, жить и умирать в одиночестве, как пария из парий, как проклятый из проклятых? Должен ли я день и ночь проклинать себе подобных, моих земных братьев, которые покинули и забыли меня в моей беде? В своих снах я их уничтожил, поскольку знаю, что они никогда не прилетят.

Впервые по возвращении в реальность я осмеливаюсь поглядеть на себя в зеркало.

— А, Джон! Скажи мне, почему? О, нет, это невыносимо...

Я не могу удержаться от улыбки.

— Вспомни, как все это началось. Джон Кларк номер два прибыл и постучал в окно, и мир стал прекрасен. Ты знаешь, если честно, это было отлично... Да, прекрасно было не быть одному. И потом была Арабелла. Ты помнишь, Джон? Много раз что-то не ладилось. Особенно последнее время. Я много думал... да, я слишком много думал... и все лопнуло.

Я быстро отрываюсь от зеркала, навострив уши. Странно, но мне показалось... Нет, невозможно... Тем временем шум усиливается... Кажется... О, боги! Рев и грохот реактивных двигателей!

Я бросаюсь в глубь хижины, опасаясь за свой рассудок. Но шум затихает после продолжительного свиста.

Очень медленно я возвращаюсь к зеркалу.

— На чем мы остановились, Джон? Ах да, я говорил, что было прекрасно больше не испытывать одиночества. Что было достаточно Джона Кларка номер два...

А? Что? Боже! Что там еще?

Прижавшись к стене, лицом к двери, я замираю с бьющимся сердцем и пересохшим горлом...

По земле стучат каблуки, заставляя камни скрипеть...

Там, за дверью, я угадываю присутствие незнакомца, который колеблется в томительном молчании...

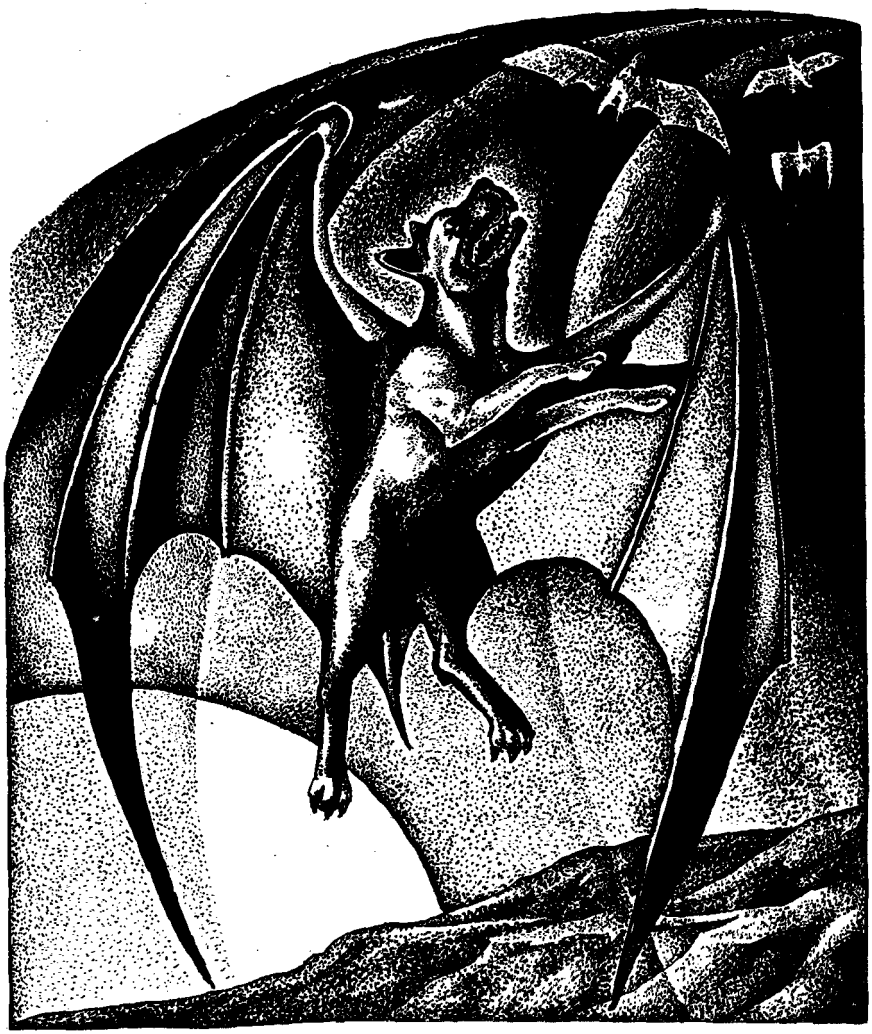
А потом... О нет! Это неправда...

Вот кто-то стучит в дверь...

Три удара... еще три!!!

МОРИС ЛИМА

SOS НИОТКУДА



1

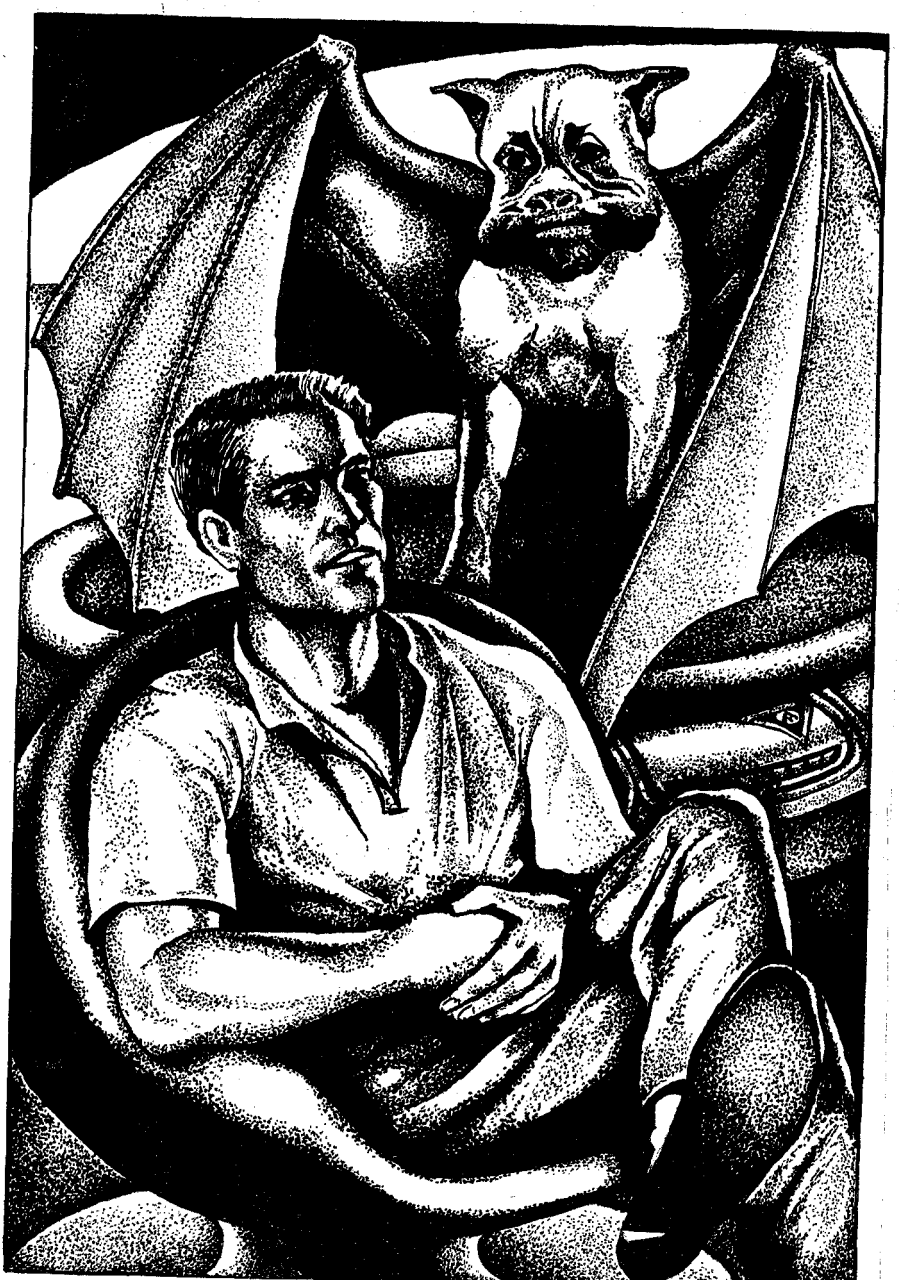
Эта девушка не была уж очень красива. Не из тех, на кого заглядываются мужчины на всех планетах, во всех галактиках.

И все же, встретив ее взгляд, нельзя было не поразиться: глаза так и лучились искренностью и надеждой, освещавшими довольно банальные черты. За ними угадывалась пламенная душа.

Обычно она держалась незаметно и робко. И, видимо, только какие-то исключительные обстоятельства заставили ее набраться мужества и явиться в дом к знаменитости такого ранга, как кавалер Бруно Кокдор. Офицер-психолог отдыхал в горном Провансе после интересного, но утомительного полета в один из отдаленных миров. Контакты с внеземными цивилизациями, которые он устанавливал, были столь многочисленны и требовали таких нечеловеческих усилий, что даже его вымотали вконец, и он почувствовал необходимость в уединении.

Вот уже несколько недель Бруно жил в одиночестве на роскошной вилле, окруженной великолепными горными пейзажами. Впрочем, у него был компаньон — чудище Ракс. Ракс, бульдог-летучая мышь, был его неразлучным спутником во всех полетах с планеты на планету. Тихий, спокойный и верный друг, умевший, однако, постоять за хозяина, он здорово скрашивал ему жизнь.

Комфортабельный дом был вполне приспособлен к затворнической жизни. Вилла принадлежала близким друзьям Бруно — комиссару Мюска и его жене Коринне. Увидев, что Кокдор хочет побыть один, они вручили ему ключи, а сами отправились в круиз по Средиземному морю.



Обласканный теплом солнечного дня, ароматами лаванды, розмарина и вербены, Кокдор смотрел астровизор. Ракс свернулся клубком у его ног, закутавшись в большие перепончатые крылья.

Хотя Бруно сам сбежал на некоторое время от суеты утомлявшего его мира, интересоваться космическими новостями он не перестал. Узнал он и о катастрофе звездолета, случившейся на подлете к огнедышащей Венере, и о мятеже роботов, быстро, впрочем, подавленном, но кое-что разрушившем на спутниках Сатурна, и о политических разногласиях, осложнивших отношения Солнечной системы с обитателями Альфы Центавра, и о проблеме Технократов из системы Лебедя: захотели создать высшую расу путем генетического отбора, а получили орду человекоподобных демонов, громадных и слабоумных! Теперь их собирались уничтожить, но не позволяли моральные соображения.

Все эти темы были расхожими для подобного рода передач. Кокдор, сытый по горло развлекательными программами, размышлял о происшествиях, инцидентах, мелочных ссорах, свойственных людям. Они занимали его гораздо больше, чем песенки, которыми угощал его цветной стереоэкран.

Вдруг Ракс оттопырил крылья и испустил особый свист, по которому Кокдор понял, что кто-то стоит у магнитной калитки.

Непрошенные гости раздражали его. Он поднялся, натянул на всякий случай халат, потому что из-за страшной жары не мог

носить ничего, кроме плавок. Хорошо еще, что в саду был бассейн, куда он время от времени погружался.

По дороге к калитке Бруно задержался на террасе и скользнул взглядом по окрестностям, которые были похожи на прелестную театральную декорацию.

День клонился к вечеру. Солнце щедро изливало червонное золото на голубые Альпы. Впечатляющий контраст! Прямо перед Бруно лежал океан холмов, поросших невысокими деревьями, между ними там и сям поблескивали озера, напоминающие самоцветы, оправленные в камень гор, поседевших от зноя.

Громкая песнь цикад, как языческий гимн, поднималась к небесам, где плыли редкие, окрашенные пурпуром облака.

Кокдор подумал, что среди других планет именно Земля оказалась избранницей властелина мироздания и что легенда об Эдеме, бесспорно, имела реальную основу.

Ракс продолжал беспокоиться. Между тем от низкой зарешеченной калитки уже доносился звонок.

У ворот сада Кокдор увидел электромобиль, а рядом незнакомую женщину, судя по всему, молодую. Бруно пригнулся к интерфону:

— Что вам нужно, мадемуазель?

— Могу ли я поговорить с кавалером Кокдором?

В интерфоне слышался звонкий, юный, почти детский голос. Чуткий Бруно уловил легкие тревожные нотки.

— А по какому поводу?

Он понимал всю никчемность подобного вопроса, но ему так не хотелось ни с кем разговаривать! А эта девушка даже не была хорошенькой...

И все же минуту спустя он уже приглашал ее сесть. Девушка приехала из Парижа-на-Земле, ее звали Жоленой Варай.

— Так вы хотели со мной поговорить? Что, это так срочно?

Пусть не очень привлекательная, но она — женщина, и Бруно вежливо угостил ее лимонным коктейлем с капелькой виски.

Девушка поблагодарила, но скованность ее не проходила.

— Не такой уж я страшный,— сказал он, посмеиваясь.

Девушка смотрела на Ракса, и Бруно утихомирил его шлепком.

— Ракса боитесь? Ну, не надо! Псторы этого вида опасны только для людей с отрицательной аурой... а вы, мадемуазель Жолена, насколько я могу судить, к ним не относитесь.

Она взглянула на Бруно чуточку свободнее. Мысленно он дал ей девятнадцать-двадцать лет, не больше. Приятные, пожалуй, крупноватые черты лица смягчались большими голубыми глазами.

— Ну, так в чем дело?

Кокдор заранее мог предугадать, как пойдет беседа. После расслабляющего лимонного коктейля, под плавные мелодии, пере-

даваемые станцией «Спейс Ройял», вся во власти обаяния, исходившего от этого известнейшего человека, который оказался таким простым, она набралась храбрости.

— Кавалер... Мой жених в смертельной опасности.

Она, видимо, сказала самое главное. Самое главное. И тут же разрыдалась. Ракс поднялся, участливо посвистел и подошел к Жолене, балансируя полураскрытыми крыльями.

Отчаянно смутившись, девушка уткнулась в носовой платок.

— Успокойтесь и рассказывайте.

Она вдруг увидела перед собой дружеское лицо человека, зеленые глаза которого отражали бесконечную доброту, и странноватую морду зверя с золотыми глазами, жутковато-таинственными и в то же время ласковыми.

В этом была какая-то мистика. Жолена внезапно ощутила восторг, словно внутренняя сила кавалера и его зверя переливалась в нее живительными струями.

— Вот что... Давайте, я буду задавать вам вопросы, так будет лучше. Согласны, Жолена?

Она кивнула, улыбаясь сквозь слезы.

— Где сейчас этот милый юноша?

— На Меркурии, кавалер.

— Дьявол галактик! Это вам не в соседнюю дверь постучать! Ну, а в обычное время чем он занимается? Военный?

— Да. Он пошел добровольцем в службу межзвездных коммуникаций, эта работа всегда привлекала его. Там он и служит. Но у меня нет никаких вестей от него.

Кокдор задумался, мысль работала быстро.

Меркурий, ближайший сосед Солнца, огненная и одновременно ледяная планета; мир, составленный из двух таких несхожих полушарий: одно постоянно смотрит на звезду, пламенеющую меньше чем в семидесяти миллионах километров, другое уныло отвернулось в безрадостную и безжизненную черную пустоту. Странные обитатели планеты — смуглокожие люди с рубиновыми глазами. Гуманоиды, зачастую очень красивые и здоровые, но дикие... Довольно варварская цивилизация.

За последние пятьдесят лет, впрочем, они стали более открытыми, заключали договоры со своими космическими братьями, воспринимали другой образ жизни. Но земляне, жители других планет выживали на Меркурии с трудом. И межзвездные коммуникации были осложнены близостью светила, чья радиация, совместно со специфическими теллуритовыми излучениями Меркурия, создавала массу возмущений.

В конце концов был найден выход, позволивший хоть как-то обойти эти трудности. На орбиту Меркурия были выведены искусственные спутники. Некоторые из них были настолько велики,

что вмещали и тех, кто осваивал меркурианские окрестности, и меркурианцев, проявлявших интерес к культуре трех главных планет Солнечной системы.

В пространстве возник настоящий городок. Орбиты космических станций были тщательно рассчитаны и постоянно корректировались, чтобы ни один спутник не соскользнул в сжигающую зону над раскаленным полушарием, постоянно подставленным Солнцу.

— Давно у вас нет от него вестей?

— Больше земного месяца.

— А у властей вы пытались навести справки?

— Да, кавалер. Поэтому я и пришла к вам. В дирекции пространственно-монтажных работ меня, конечно, приняли. Вежливо так. И сказали, что сержант Клиффорд в командировке и скоро объявится.

Она глубоко вздохнула, и на ее лице на миг появилось выражение озадаченности, показавшееся Кокдору почти смешным. Но он и виду не подал.

— Я сразу поняла, что́ им пришло в голову,— сказала Жолена.— Это было ясно из их слов. Они там решили, что это самая банальная история: солдат, вдали от своей невесты, нашел другую... или просто-напросто разлюбил и хочет от нее отделаться.

Кокдор просканировал мозг девушки и обнаружил, что она говорит с глубокой искренностью. Неясно, был ли таким же бесхитростным сержант Клиффорд?

— А что еще вы мне расскажете, деточка?

В глубине души он находил эту историю весьма банальной, лишенной интереса.

Жолена, подняв голову, посмотрела ему прямо в глаза.

— Да, я знаю еще кое-что. Три дня назад в военный госпиталь в Фонтенбло попал солдат с меркурианского почтового корабля. Я узнала об этом, потому что внимательно слежу за всеми новостями с Меркурия с тех пор, как Дон... Дон Клиффорд улетел туда. Я видела этого парня, разговаривала с ним. Сиделок обвела вокруг пальца. Он-то и рассказал мне, что́ там происходит у Дона...

— Ну-ну, продолжайте.

Кокдор вдруг почувствовал интерес к этой истории, которая превращалась из сентиментально-любовной в драматическую.

— Говорите, Жолена, что вам рассказал этот солдат?

— Кавалер... есть такие вещи... сверхсекретные... Дон во время своего дежурства засек какие-то сигналы, какие-то послания. Что именно — неизвестно, либо известно только в высших сферах. Не надо было... лучше б ему вообще ничего не знать...

Теперь в глазах Жолены Бруно прочитал панический ужас.

— Послания? Какого рода послания? — спросил он.

— Я уже говорила вам, что слежу за всеми новостями с Мер-

курия. Недавно об этом говорили по астровизору, по галактическому радио. Незнакомые голоса... таинственные призывы... непонятный SOS. Эти послания засекали уже несколько раз. Говорили, что их невозможно расшифровать. А потом вдруг об этом замолчали — и все.

Кокдор был поражен. Он никогда не оставался равнодушным ни к одному космическому событию, вот и на этот раз был заинтригован.

Тайна SOS, пришедшего из неведомой дали. Люди в беде? Но где, в каком мире? Неизвестно. Да еще неожиданное молчание со стороны властей. Кокдору часто приходило в голову, что такая таинственность — ненормальное явление, что истину от простодушных обитателей Солнечной системы попросту скрывали. Ведь так было и в двадцатом веке, во время первых попыток контактов между землянами и пришельцами! Тогда тоже глупейший гриф «Совершенно секретно» тридцать лет нависал над всем очевидной реальностью — существованием инопланетян!

— Так вы видели этого парня, Жолена? Что он еще сказал?

— Он был очень слаб, но говорить мог. Он входил в состав отделения сержанта Клиффорда, а командиром у них капитан Фарт. Так звали начальника Дона. Они слышали и... им запретили что-либо рассказывать.

— Что с ними сейчас?

— Исчезли. Серж Нивель, этот бедняга с Меркурия, думает, что с ним этого не произошло из-за сильной болезни. А те — и Дон, и капитан Фарт... арестованы и куда-то упрятаны. Нивель подозревает, что их отправили на спутник-тюрьму, тот, что подальше от Солнца, в ночной зоне, над холодным полушарием.

Зеленые глаза Кокдора сурово блеснули. Он терпеть не мог таких штучек. Ненавидел завесу тумана, которую сильные мира сего напускают на реальные, но необъяснимые события для того, чтобы обмануть людей и укрепиться на своей высоте, хотя бы и ценой лжи.

— У вас электромобиль, Жолена, а у меня гелиоскутер. Давайте сейчас же поедем, но на моей машине. Подождите, я сейчас переоденусь.

— А куда поедем, кавалер?

Безумная надежда засияла на простеньком личике Жолены. Она поняла, что кавалера Земли взяла за живое ее история, что он решил действовать, что он спасет Дона и вернет его ей.

— Едем в Фонтенбло, черт подери! Я сам хочу поспрошать этого Сержа Нивеля. Будьте спокойны. У меня есть постоянный пропуск, мы попадем к нему без всяких осложнений.

К его удивлению, на глаза невесты пропавшего солдата вновь навернулись слезы.

— Бесполезно,— сказала она, и голос ее на мгновение перехватило едва сдерживаемым рыданием.— Слишком поздно. Я слышала по радио... Он умер... умер сегодня утром.

Стало тихо, только Ракс слегка возился. Кокдор, застыв, смотрел через просвет в горах на солнце, опускавшееся куда-то в Средиземное море.

Там был Меркурий, поглощенный сиянием светила, а также и те, кто услышал нечто, о чем нельзя ни знать, ни говорить другим.

Как умер Серж Нивель — естественной смертью или...?

Жолена подняла свои влажные глаза и посмотрела на Кокдора. Горе ее было безгранично. Но рядом с кавалером Земли в ней оживала надежда.

2

— До чего же все-таки любопытно! — сказал Кокдор.

Межзвездные перелеты обычно скучны своим однообразием, особенно таким людям, как кавалер Земли, который избороздил всю Галактику и даже выбирался за ее пределы.

И хотя Кокдору все это еще не надоело, хотя чувство бесконечности пространства все еще пьянило его, от развлечений он не отказывался. Он любил изучать людей и прикипал сердцем к тем, кто вместе с ним уносился в бездонную пустоту. Истинная человеческая сущность как бы высвечивалась во время межзвездных приключений, и он открывал в ней все новые и новые грани.

Сейчас внимание Бруно привлекло диковинное растение с игривым названием — женским именем.

— Это мой механэлек, Эрнест Тавье, окрестил ее Доротеей. И знаете, кавалер, Доротея нас уже не раз здорово выручала. Вообще-то ее хозяин — Эрнест, но так уж мы договорились — кто летит, берет ее с собой при условии, что будет за ней ухаживать подобающим образом.

Доротеей звали прелестную орхидею, или нечто похожее на нее — цветок, стоявший в каюте Люка Дельта, бывшего астронавта-испытателя. Люк вместе с Бруно был назначен в очередную меркурианскую экспедицию. «Меркувырканскую»,— как шутили космоматросы.

Кокдора задели за живое секреты Жолены Варай. Он допускал, что девушка могла и нафантазировать бог знает что, и облечь в трагические тона самые обыденные события, но все же разговор с ней поверг Бруно в долгие раздумья.

Через день он решился и, вызвав по видеофону своих друзей — чету Мюска, сообщил им, что подал заявку на участие в меркурианской экспедиции.

Ракс, конечно, полетел с ним. Добиться, чтобы его допустили, было не слишком трудно. Кокдор, лейтенант Межпланетной Милиции, космический эксперт, специалист по межпланетным общественным связям, был включен сверх списка в штат офицеров-руководителей. Как обычно, он держался немного особняком. Эту его черту все знали и особенно не докучали, давая возможность уединиться и поразмыслить. Это не мешало ему время от времени по-приятельски общаться либо с членами экипажа, либо с пассажирами, которые были, впрочем, немногочисленны. Туристов на Меркурий еще не пускали, а те, кто летел туда, имели служебные задания по освоению или разведке этого нового мира.

Вот так однажды Бруно и разговорился с Люком Дельта. Люк много лет был испытателем космических кораблей разных типов, немало повидал за это время, а совсем недавно женился, но получил назначение на Меркурий. Разлука должна была продолжаться земной год. На Меркурии ему поручалось следить за движением искусственных спутников. Работа была очень тонкой, потому что их орбиты приходилось постоянно корректировать, чтобы избежать гибельного воздействия пылающей зоны.

Люк и Бруно дружески болтали в каюте Люка, рассматривая Доротею — любопытнейший цветок-медиум, найденный в одном из отдаленных миров.

Доротея обладала удивительной способностью регистрировать и запоминать звуковые волны, а потом при определенных условиях вновь их испускать, давая, таким образом, ценнейшую информацию о том, что произошло вблизи нее.

— Не пойти ли нам что-нибудь выпить? — предложил Кокдор просто из чистой любезности, так как почти не употреблял крепких напитков, предпочитая им фруктовые соки.

Люк, как истинный космоматрос, имел такие же привычки. Оставив Доротею в одиночестве, они направились в бар астролета «Спортиф», который был оборудован за бассейном. Бар, бассейн... Это напоминало прогулочную палубу морского лайнера.

«Спортиф», как и все другие космолеты, предназначенные для полетов на Меркурий, был сконструирован по совершенно особому замыслу. Ведь было необходимо учесть огромную разницу между климатическими зонами ближайшего соседа Солнца. «Спортиф» и подобные ему корабли могли выдерживать и очень высокие температуры, и адский холод.

В бассейне плескались любители поплавать — в основном земляне и меркурианцы. Среди них почти не было женщин. Можно было заметить выходцев с других планет, но меркурианцы выделялись очень смуглой кожей и красными отблесками глаз.

Кокдор и Дельта заказали по коктейлю «Пам-Пам» и уселись на высокие табуреты. Ракс устроился на полу между ними.

— Мадемуазель, нет ли у вас каких-нибудь фруктов? — спросил Бруно у барменши, так как они были любимым лакомством Ракса.

Девушка кивнула и позвала другую официантку.

— Дина... Там оставались фрукты, посмотри.

Кокдор продолжал разговор с Люком, рассеянно поглядывая на стройное гибкое тело молодой меркурианки, плескавшейся в бассейне.

На Меркурии было мало воды, и его жители, оказываясь на Земле, Марсе или на другой планете, быстро привыкали извлекать истинное наслаждение из водных забав.

— Вот сливы, кавалер.

Услышав этот голос, Бруно вздрогнул, а пстор поднял голову и по-особому засвистел. Кокдор знал мельчайшие нюансы его свиста: так Ракс реагировал на знакомых людей.

Бруно слегка повернулся, чтобы поблагодарить и рассмотреть вторую девушку, которая протягивала ему блюдце со сливами. Она явно ждала его реакции и сильно побледнела. Ему же понадобилось немалое присутствие духа, чтобы не выдать волнения.

...Ее назвали Диной. Но это была Жолена!

Он ограничился тем, что поблагодарил, и принялся вкладывать сливу за сливой в пасть крылатого монстра, который облизывался от удовольствия после каждого плода.

Не отрываясь от своего занятия и сделав знак Люку не проявлять удивления, кавалер негромко обратился к Жолене:

— Вы — здесь? Это же безумие!

— Сил не было сидеть сложа руки, очень хотелось полететь к нему.

— Документы, разумеется, фальшивые?

— Ну да, как же иначе!

— А тест на идентификацию личности?

— Дина — моя подруга. Мы сумели поменяться с ней в самый последний момент. Из экипажа ее никто не знает. И вот я здесь вместо нее, работаю, как могу.

Кокдор протянул Раксу еще одну сливу.

— Во время полета могут устроить проверку, Жолена. Почти каждый раз устраивают. Вы знаете, чем это вам грозит?

— Ну и что! Знаю. Пусть арестовывают!

— Да вы представляете, бедная девочка моя, что будет с вами потом?

— На Землю меня, во всяком случае, не вернут. Окажусь где-нибудь на тюремном спутнике Меркурия. Хотя бы буду рядом с ним.

Ошарашенный кавалер потерял дар речи. До чего лихо! Но как наивно! Первую ставку она, конечно, сорвала, оказалась на борту корабля. Но при первой же проверке она попадает под дейст-

вие общегалактического закона: ее обвинят в шпионаже, саботаже, контрабанде. Все это может далеко зайти. Пойдя на риск ради того, за чью жизнь опасалась, она наивно полагала, что в зависшей над Меркурием тюрьме окажется рядом с Доном Клиффордом. В действительности она могла бы пробыть там около него целую вечность, до конца дней своих, и ни разу не увидеть возлюбленного даже одним глазком!

Кокдор искал слова, чтобы высказать все это девушке, не приведя ее в отчаяние. И в этот момент раздался шум.

Сначала негромкий, видимо, какая-то стычка, отголоски которой доносились, судя по всему, из соседнего коридора. Все посетители бара насторожились. Даже Ракс навострил уши и понюхал воздух, словно пытаясь понять, что там за возня.

Шум нарастал. Становилось ясно, что идет настоящая драка. Влекомые любопытством, пловцы выбрались из бассейна. Посетители бара начинали покидать удобные, обнимавшие тело сидения.

Из коридора выбежал какой-то человек, пробежал вдоль бассейна, обогнул его и скрылся на другой стороне корабля. Его преследовали трое или четверо охранников из службы порядка межпланетных объединенных сил. Они были вооружены и явно не собирались упускать добычу.

Все это произошло в считанные секунды. И беглец, и преследователи исчезли из вида.

С правой стороны корабля, куда скрылся спасавшийся от преследователей человек (похоже, молодой меркурианец), донесся характерный свист пистолета-дезинтегратора. Кокдор и Люк Дельта поежились. Ракс глухо заворчал. Несмотря на свое вполне мирное поведение, он был боевым зверем и сопровождал кавалера во всех рискованных заварушках, в которые тот попадал, поэтому звук оружия был ему более чем знаком.

Жолена (или Дина!) и другая девушка были в смятении.

В просторном зале вовсю комментировалось происшествие.

— Какой-нибудь злоумышленник.

— Скажите лучше — шпион!

— Шпион? Откуда?

— Почем знать! Межпланетные дела всегда интересны своими секретами. И потом, говорят, есть еще миры, о которых мы ничего не знаем...

— Эти парни, видимо, хотят подорвать корабль...

— И ведь своей жизни не жалеют. Говорят, до сих пор встречаются камикадзе. А этот, похоже, с Меркурия!

Кокдор допил коктейль.

— Пойдемте, Люк, попробуем разузнать, в чем дело.

На звездолетах такие происшествия не любили. Совсем не любили. Все знали, что один такой парень мог запросто уничтожить

огромный крейсер или многопалубный корабль. Несмотря на свою мощь и великолепные летные качества, «Спортиф» мог сильно пострадать в результате умелой диверсии. Тут и одного негодяя хватит.

Бруно улыбнулся Жолене на прощание. В его улыбке промелькнула тень беспокойства. Вместе с Люком они отправились через весь огромный корабль к своим каютам.

— Внимание! Срочное сообщение для экипажа и пассажиров! На борту астролета скрывается гражданин Меркурия Модек Тван, уличенный в попытке диверсии и оказавший сопротивление органам охраны порядка. Командир приказывает всем оказать содействие, в том числе и с применением оружия, в обнаружении и задержании преступника по имени Модек Тван... Его только что видели в районе бассейна...

Последовали лишенные интереса подробности. Кавалер Кокдор и Люк Дельта переглянулись поверх спины шедшего с ними Ракса.

— Что это все значит?

— Говорят, такие случаи участились на подходах к Меркурию. Там происходит что-то тревожное, часто задерживают местных жителей.

— Слишком часто,— нахмурившись, произнес Бруно.— Если уж на то пошло, Меркурий — их родной дом!

— Их древняя раса, кавалер, все так же враждебна к остальным — будь то земляне или жители любых других планет. Они продолжают считать нас захватчиками.

— Знаю. Как все народы, считающие себя угнетенными, они ужасные расисты. Но такие методы мне тоже не нравятся.

Беседуя, они подошли к своим каютам, которые были почти рядом, на одной палубе.

Люк Дельта уже собирался войти к себе, договорившись с Кокдором идти вместе ужинать через час, но тут Ракс забеспокоился, бросился к двери, угрожающе растопырил крылья, не давая Люку прикоснуться к магнитному замку.

— Минуточку, Дельта.

Кокдор жестом остановил молодого пилота и прошел вперед.

— Разрешите, я сам.

Дельта увидел, как Бруно застыл перед дверью, закрыл глаза и лицо его напряглось в характерной маске.

Ракс утих, хорошо зная, что хозяин пытается осуществить психологическое зондирование «того, что находится за дверью».

Капелька пота, как жемчужина, скатилась по виску Кокдора.

— Ничего страшного. Пойдемте.

Он потрогал замок, но Люк Дельта схватил его за руку.

— Но он же там... Это враг, он может быть опасен. Я знаю, что вдвоем мы...

— Втроем,— перебил его Кокдор, с улыбкой показав на Ракса.— Но не волнуйтесь, тот, кто за дверью, совершенно нам не враждебен.

Они вошли.

Молодой меркурианец был в каюте. Он держался очень прямо, на его темном, довольно красивом лице была написана глубокая тревога.

Когда меркурианец увидел обоих землян и пстора, он, казалось, заволновался еще больше, но не сдвинулся с места. Ни защищался, ни нападал, хотя, конечно, если бы такая попытка произошла, Ракс мгновенно растерзал бы его.

Меркурианец смотрел на кавалера, и его красные глаза лучились подлинной надеждой.

К большому удивлению Бруно и Люка, он подошел к Кокдору и почтительно склонил колено перед кавалером Земли.

— Кавалер Кокдор,— произнес он,— я умоляю вас о защите. Я должен передать вам послание от Давехат. Выслушайте меня, потому что мне осталось недолго жить. Я не боюсь за себя — речь идет о судьбе Меркурия, а может быть, и всего живого во Вселенной.

3

Давехат...

Это имя было известно обоим землянам и вообще всем, кто по службе бывал на Меркурии.

До того, как жители Солнечной системы обнаружили здесь полуцивилизованных обитателей, на Меркурии всем заправляла теократия. Первую скрипку играли женщины — то ли жрицы, то ли колдуньи... От матери к дочери передавались тайны мистических ритуалов.

Давехат, единственная наследница династии верховных жриц, была известна тем, что, подобно многим молодым меркурианкам, решительно порвала с затхлыми устоями прошлого. Она побывала на Земле, на других планетах дальних звездных систем, училась в знаменитых университетах, знала много языков, имела диплом доктора медицинской психологии, с блеском защитив диссертацию по эволюции недавно открытых рас на молодых планетах.

Модек Тван был ее посланцем. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, для чего ей понадобился Кокдор — речь шла, конечно, не о научных интересах Давехат, а о темных меркурианских обычаях.

Не теряя времени даром, кавалер спросил:

— Так в чем дело, Модек Тван?

Смуглокожий меркурианец тяжело дышал. После погони его красноватые глаза приняли такое же выражение, какое бывает у затравленного в собственной берлоге зверя.

— Кавалер, у нас на Меркурии радио перехватывает какие-то неясные послания. На всякую информацию о них наложена жесточайшая цензура.

— А откуда идут эти послания? Разгадан ли их смысл?

Модек Тван скривился в усмешке.

— Благодарение богам — власти в этом ничего не поняли, кроме того, что эти сведения — потрясающей важности, которые они и утаивают. К своей выгоде, разумеется. Давехат могла бы, наверное... Я сам немногое знаю... Мне просто было поручено войти в контакт с вами, но меня предали, выследили, и теперь я обречен.

— Да в чем вы, собственно говоря, виноваты?

— В том, что я *знаю*. Знаю немного, совсем немного, но этого достаточно, чтобы меня нейтрализовали — проще говоря, уничтожили, как многих других друзей Давехат.

— Что вы имеете в виду?

— Их убили или запрятали в тюрьму на спутнике.

— Вы в этом абсолютно уверены?

Кокдор был потрясен. Смуглый меркурианец неожиданно подтвердил то, о чем он сам уже догадывался. И Жолена неспроста приходила в его уединенное обиталище в горах Прованса.

— Но почему, клянусь всеми богами Вселенной, почему? Что же такого ужасного в этих посланиях?

Кокдор вспомнил друга Дона Клиффорда из военного госпиталя, которому, видимо, помогли умереть. Вспомнил самого Дона и капитана Фарта, узников, томящихся в космической тюрьме фантастической планеты.

Вдруг Модек Тван вздрогнул. Люк Дельта жестом показал, что по коридору, по направлению к каюте, кто-то идет.

Ракс тоже напрягся. Ошибки быть не могло: это приближались охранники, разыскивая свою жертву. Биоволновые датчики засекали всех меркурианцев, находившихся в зоне их действия. Охранники допрашивали одного за другим.

— Сейчас они будут здесь,— медленно произнес Модек Тван.

Его тон поразил Кокдора и Люка в самое сердце, хотя меркурианец казался смирившимся и спокойным.

Подумать только, что его ждало...

Теперь он заговорил быстро:

— Я понимал, что не сумею и не успею вам все объяснить, да и знаю я немногое, но я все рассказал Доротее.— Он указал на орхидею-медиум.

Люк Дельта подскочил от удивления:

— Так вы знали о существовании цветка?

— Давехат многое известно. У меня были точные инструкции. Но я могу вам все же сказать, что тот, кто расшифрует послания и сможет сохранить их тайну, станет могущественнее, чем хозяин мира. Ни один диктатор, император, властитель даже во сне не видел такого могущества. О, такой человек станет равным богам, а может быть, и выше их.

«Уж не бредит ли Модек Тван?» — подумал Бруно.

Однако события подтверждали правоту меркурианца — ведь межпланетные власти явно намеревались набросить на этот уникальный SOS завесу, сотканную из тьмы, а если понадобится, и из крови.

В спешке Кокдор проговорил:

— Вам надо обязательно спастись, Модек Тван, чтобы дать объяснения...

Меркурианец жестом остановил его.

— Нет, кавалер. Я сказал вам все, что знал. Я выполнил свою задачу и прошу вас только об одном: скажите об этом Давехат, когда увидите ее, чтобы она осталась мной довольна.

— А как я ее увижу?

В дверь постучали. Ракс ощерился, засвистел. Собеседники переглянулись.

— Существует право убежища,— сказал Люк Дельта.— Здесь мой дом.

Он открыл дверь, а Кокдор придержал Ракса, готового кинуться на вошедшего офицера и шестерых охранников.

— Есть ли среди вас житель Меркурия Модек Тван?

— Да, он здесь. И он мой гость,— жестко отчеканил Люк Дельта.

— Сожалею, господин лейтенант, но у меня строгий приказ.

Офицер охраны протянул Люку люминесцентную пластинку. Люк прикоснулся к ней. Послышался голос:

«Строгий приказ космического командования. Гражданин Меркурия, именуемый Модек Тван, находящийся на астролете «Спортиф», обвиняется по статье 84 Космического Кодекса. Как изменник...»

Люку и Бруно не надо было более ничего объяснять. Космический кодекс — Космодекс, высочайший интергалактический закон, был утвержден собранием старейшин десяти основных планет и действовал во всем доступном пространстве. Никому не было позволено обойти его.

Статья 84. Не надо было специально изучать международное право, чтобы знать: аресты обвиняемых по этой статье могли производиться в любое время и в любом месте. Неотвратимая кара в пространстве-времени.

Пришлось уступить. Модек Тван не оказал ни малейшего сопротивления. Проходя мимо землян, он грустно улыбнулся им на прощание.

Офицер охраны отдал честь Кокдору и Люку и приказал увести арестованного. Модек пошел по коридору в сопровождении охранников, взявших его в кольцо.

Что же произошло потом?

Действительно ли Модек Тван попытался бежать или выхватить дезинтегратор у ближайшего солдата — как потом было записано в протоколе расследования?

Во всяком случае, все произошло настолько быстро, что Буно и Люк ничего не успели сообразить.

В группе, удалявшейся вдоль коридора, вдруг произошло какое-то замешательство. Крик, стычка, возня и — мерзкий безжалостный свист дезинтеграторов. Силуэт Модека качнулся, вспыхнул, на кратчайшее мгновение осветился белым светом, невыносимым для глаз.

И не стало Модека Твана. Дезинтегрирован. Полностью.

Кокдор почувствовал, что бледнеет. Люк Дельта сжал кулаки. Но что они могли поделать? Их самих наверняка будут допрашивать, допытываться, о чем они говорили с Модеком Тваном. Лишь высокое звание Кокдора позволит им, по-видимому, быстро выпутаться из этой истории.

Бруно взял Люка за руку.

— Ладно! Больше мы ничем не можем ему помочь. Я поговорю с командиром корабля. Надо выяснить, что все-таки происходит.

Он говорил нарочито громко, чтобы слышала охрана, которая только что проделала свою грязную работу. Кокдор догадывался, что в высоких сферах вздохнут с облегчением, узнав о гибели Модека Твана.

Он утянул Люка в каюту.

— Нам надо встряхнуться!

Как только дверь за ними закрылась, он добавил:

— ...и послушать Доротею. Этот бедняга раскрыл ей что-то из того, что знал.

Люк Дельта умел разговаривать с растением-медиумом. Пригнувшись вместе с Кокдором к цветку, он тронул стебель, и Доротея начала излучать свои последние аудио- и видеоощущения. Люди впитывали откровения Доротеи в молчании, затаив дыхание.

Интерфон взорвался тревожным звонком.

— Каждый должен оставаться на том месте, где его застанет это сообщение. Будет проводиться тест на подтверждение личности — вначале его пройдут члены экипажа, затем пассажиры.

Кокдор закусил губу.

— Жолена погибла! — выдохнул он.

4

Закон есть закон. Составитель Космодекса, человек Земли, дал всегалактическому кодексу греко-римское название, чтобы все помнили, что закон существует с тех пор, как появились цивилизованные общества.

Поэтому Кокдор принял как неизбежную необходимость тест на подтверждение личности, хотя саму процедуру снятия электромонограммы он терпеть не мог.

Офицеры проходили тест первыми, поэтому Бруно не пришлось долго ждать, как и Люку, который имел звание лейтенанта межпланетной службы охраны. Правда, ранг кавалера был выше, но офицеров в таком звании было очень мало.

Во время теста испытуемый находился в тесной кабине, где вокруг него все сверкало, искрилось, его пронизывали потоки щекочущего излучения. Результатом процедуры был полный биопортрет.

Находящийся в кабине человек тщательно изучался до самых глубин своей плоти. Проверялось не только строение внутренних органов, но и наличие инородных тел: ведь шпионы и террористы умудрялись вшивать в тело миниатюрные снаряды, передатчики, микробомбы, лазеры и другие опасные штучки, управлявшиеся внутренними биохимическими процессами.

После посещения такой кабины подменить одного человека другим было совершенно невозможно. Обязательно проверялись зубы, так как их подделка, хотя и была невероятно трудоемким делом, удавалась лучше всего.

Чтобы попасть на астролет, требовалось предъявить личную люминесцентно-звуковую пластинку с подробными сведениями о ее обладателе. Пластинка хранилась в специальной картотеке, и при необходимости ее данные сличались с показаниями тестовой кабины. При малейшем несовпадении ставилась в известность служба безопасности.

Вслед за офицерами тест прошли космоматросы, затем настал черед обслуживающего персонала и немногочисленных пассажиров. У Кокдора сжалось сердце при виде Жолены. Бледная, как полотно, она прошла мимо него в сопровождении двух охранников. Несчастная девушка недолго носила чужое имя, тяжкие испытания ожидали ее.

Модек Тван оказался единственным пассажиром «Спортифа», который интересовал властей; больше никого не побеспокоили.

Часом позже командир корабля вызвал к себе Кокдора. Разговор предстоял важный, поэтому дверь каюты плотно прикрыли.

— Кавалер, у меня к вам было поручение, но я собирался поговорить об этом много позже нашего отлета с Земли. Вы добро-

вольно попросились в экспедицию, это оказалось на руку командованию. Вы знаете, что на Меркурии обнаружены некоторые странные явления.

— Как вам сказать, капитан. Пресса сообщала об этом деле глухо, а потом и вовсе умолкла. О чем все-таки идет речь?

— Хм... Я и сам не знаю. Меркурианцы, судя по всему, продолжают плохо воспринимать присутствие любых других инопланетян, несмотря на то, что пользуются нашими техническими достижениями, живут в наших орбитальных городках, да и вообще пользуются всем, что есть в содружестве наших цивилизаций. Так вот, эти пресловутые послания, которые так до сих пор и не расшифрованы, доказывают, что какие-то меркурианские круги, скорее всего из верхушки их варварской церкви, получают секретные сведения, инструкции от... кто знает, от кого! Во всяком случае, твердо установлено, что ни одна планета Солнечной системы тут ни при чем.

Кокдор рассмеялся.

— Вы что, господин капитан, намекаете на то, что сигналы на Меркурий идут от самого Солнца? Ведь оно — главный бог тамошних жителей, и особенно жительниц — наследственных колдуний. Ничего удивительного, впрочем. Земляне тоже в свое время поклонялись Солнцу.

— Гипотез рассмотрено много. Но предположить, что передатчик установлен на Солнце — это уже слишком. Да ни один порядочный писатель-фантаст такого бы не выдумал. Есть, правда, несколько непризнанных заумников — сами сочиняют несусветную чушь, а других обвиняют в нелогичности — у них и не такое вычитаешь!

— Но, все-таки, капитан? Ни Солнце, ни его планеты, ни их спутники... Я думаю, везде поискали?

— Поискали, действительно, везде. А знаете вы, что, возможно, есть еще и одиннадцатая планета, которая может находиться между Меркурием и Солнцем?

Кокдор с сомнением покачал головой.

— Эту гипотезу никто не проверял и вряд ли сможет проверить.

— Для этого нужен кавалер Кокдор,— смеясь, сказал командир.

— Спасибо за доверие, но вы же знаете, что дальше горячего полушария нельзя подобраться к Солнцу. Там — настоящее пекло, вихрь огня. Как уж там назвали эту планету... Вулкан, верно? Так вот, если бы эта планета существовала, она была бы похожа на обугленный булыжник, непригодный к любой жизни. Вы согласны?

— А у вас есть свои предположения, кавалер?

— Если эти послания — реальность, а есть все основания так

полагать,— то они, скорее всего, идут из другой галактики. Такое уже бывало в истории нашей Вселенной.

— Бесспорно. Поэтому в ожидании очередного послания была буквально прочесана вся Система. На всех планетах установлена целая сеть антенн, лазерных радаров. И что же? Эти знаменитые сигналы ловятся только на Меркурии либо на спутниках, летающих вблизи умеренной зоны.

— Любопытно,— задумчиво произнес Кокдор.

Капитан продолжал:

— Вы что-нибудь знаете о Модеке Тване?

— Ничего,— ответил кавалер, впервые солгав.— Я ни разу не видел его до той свары в баре. Он спрятался в каюте моего приятеля Люка, а Люк — ярый приверженец наших старинных понятий о морали, вот он и вспомнил о праве гостя на убежище. Но офицер охраны предъявил люминесцентную карточку со строжайшим приказом арестовать меркурианина.

Оба замолчали. Командир «Спортифа» был в нерешительности.

Кокдор вновь заговорил:

— Почему арестовали официантку?

— Личность не подтвердилась. Я приказал выяснить. Она утверждает, что проникла на корабль, чтобы попасть на тюремный спутник близ Меркурия. Похоже, что это правда. У нее там жених. Представьте, и он был среди тех, кто принимал эти пресловутые послания. Пока его держат в изоляции вместе с некоторыми другими.

Кавалер ничего не ответил. Подтверждались его худшие опасения.

А Жолена — умница девочка! — не проболталась, что Кокдор оказался на корабле после разговора с ней.

— Вы ведь здесь случайно, кавалер? Кажется, вы собирались изучать Меркурий и его этнос, о котором до сих пор мало что известно?

— Точно,— подтвердил Кокдор, поскольку именно под этим предлогом он проник на корабль.

— У меня есть к вам поручение, кавалер. Я получил инструкции еще до отлета с Земли. Вы будете изучать психологию меркурианцев и немеркурианцев, мужчин и женщин. Словом, всякого, кто так или иначе будет заподозрен в подстрекательстве к государственному перевороту, в попытках устроить бунт на Меркурии либо попытается установить контакты с авторами этих непонятно откуда идущих посланий.

Кокдор пришел в восторг от этих слов, но сумел сдержаться и только улыбнулся.

Поручение было как нельзя кстати, так как облегчало ему доступ к самым секретным документам и обеспечивало контакты

именно с теми, кто мог что-то знать о таинственных передачах. Были ли эти сигналы инструкциями, приказами или призывом о помощи? Кокдор попытался выяснить у командира корабля, но тот не смог ничего добавить к уже сказанному. Он ведь был простым космоматросом, как сам себя называл. Он умел подчиняться приказам, исполнять свой долг и не задавать лишних вопросов.

Для вида Бруно попросил показать ему материалы, связанные с пребыванием на «Спортифе» Модека Твана и арестованной официантки, прекрасно зная, что ничего особенного он там не найдет. Что и подтвердилось в результате его знакомства с их делами.

Раскланявшись с командиром, Кокдор неспешно пошел к прогулочной палубе.

Надо было хорошенько все обдумать. Ему никто не мешал, за Раксом взялся присматривать Люк Дельта еще до встречи с капитаном «Спортифа».

Итак, дело закручивалось. И не зря ему поручали сложные дела: он умел видеть дальше обычных фактов. Кроме того, было еще кое-что, о чем он не сказал командиру — откровения Доротеи, которые они узнали вместе с Люком.

Через узкое окно он смотрел в зияющую пустоту. Чтобы не вынуждать пассажиров постоянно носить специальные очки и одновременно защитить их глаза от ослепляющего сияния, усиливавшегося по мере приближения к Солнцу, иллюминаторы были застеклены предварительно затемненным деполексом — материалом, который эффективно отфильтровывал жесткие ультрафиолетовые лучи. Без этой предосторожности можно было ослепнуть при одном лишь взгляде на величественное светило. Теперь же Бруно спокойно любовался гигантским диском. Дымчатый деполекс превращал это зрелище в непередаваемую феерию. Солнце и вправду наводило на мысли о языческом боге, об ужасающей Валгалле, Олимпе богов и титанов — средоточии религиозных устремлений, когда божество мыслится вне человека.

Меркурий нависал огромным пятном и, заслоняя часть Солнца, казался черным. Корабль быстро приближался к непокорной планете. Оставалось несколько часов до входа в зону гравитации, тогда станут видны искусственные спутники, состыкованные в космические городки, чьи орбиты постоянно корректировались; самое ничтожное отклонение от расчетных данных, банальная ошибка, нелепый механический сбой могли увлечь станцию к экваториальной орбите, за переходную зону между двумя полушариями — ледяным и огненным,— а это вызвало бы немедленную гибель людей и техники.

Доротея, восприняв лихорадочный рассказ Модека Твана, который понимал, что минуты его сочтены, вернула землянам

не фразы, а изображения. Голограммы, которые Кокдор воскрешал в памяти одну за другой, помогали ему разобраться в событиях.

В этот момент появился Люк Дельта в сопровождении Ракса. При виде хозяина верный зверь кинулся к нему вприпрыжку, радостно повизгивая; подбежав к Бруно, он встал на задние когтистые лапы, захлопал крыльями и принялся, по обыкновению, облизывать своего обожаемого владельца.

— Ну да... ну да... ты красавец, Ракс. Успокойся. Есть новости, Дельта?

— Да. Я только что получил новое назначение. Вы ведь в курсе, что я прошел переподготовку по проверке космодвигателей. Так вот, я буду работать на двух спутниках — там, где торговый центр, и там, где тюрьма...

Кокдор был ошеломлен.

— Тюрьма? И скоро вы туда перебираетесь?

— Сразу, как прилетим. Там, вроде, надо поправить кое-какие мелочи. Меня назначили вместо другого парня, который разболелся. За гравитационными двигателями надо постоянно следить, а я как раз специалист по ним. Поэтому они меня и ждут с нетерпением.

— Так...— прошептал кавалер.— Я, конечно, полечу с вами на этот исправительный спутник. Мне нечего скрывать от вас, дорогой Люк. Пойдемте-ка со мной, нам нужно поговорить. У меня тоже есть кое-какое поручение.

В двух словах Бруно рассказал Люку о разговоре с капитаном корабля, пока они вместе шли к отделению межзвездной связи.

Официальное назначение Кокдора в состав сверхсекретной комиссии по расследованию истории с таинственными сигналами, означало, что он может преспокойно пройти в любой отсек корабля.

Впрочем, Кокдора хорошо знали и очень уважали. Всем были известны его исключительные экстрасенсорные способности, которые многократно увеличивали мощь его психологического воздействия. Межпланетное радио часто рассказывало о его приключениях, так что вокруг Бруно образовался ореол славы.

Космоматросы встретили его с энтузиазмом. Кокдор попросил установить двухстороннюю связь с меркурианской тюрьмой на спутнике.

Люк Дельта устроился рядом. Его присутствие выглядело вполне естественно — он как бы ассистировал Бруно при выполнении ответственной миссии.

Ждать ответа на вызов долго не пришлось — контрольная башня спутника сразу ожила:

— Вас вызывает кавалер Кокдор с борта астролета «Спортиф».

— Приветствую вас, кавалер! Какие будут приказания?

— Я хотел бы поговорить с двумя заключенными из отделения для военных.

— Передаю, кавалер.

Через мгновение тот же короткий диалог прошел между связистом и дежурным из тюрьмы, но унтер-офицер уточнил:

— Необходимо разрешение командора, господин кавалер. С кем именно вы желаете беседовать?

— С капитаном Фартом и сержантом Клиффордом.

— Я сразу могу сказать вам, что они содержатся в изоляторе с электрическим квадратом.

Легкая дрожь пробежала по телу Бруно. Изолятор с электрическим квадратом!

Так назывались камеры, сами по себе очень комфортабельные, с отличными кондиционерами, но в них заключенные были окружены стеной мощного, постоянно искрившегося от высокого напряжения электрического поля.

Для уменьшения раздражающего воздействия на нервную систему искрение сделали бесшумным. Однако узник постоянно видел вокруг себя сияющую завесу. Стены и потолок были усеяны мириадами блестящих точек. Под ногами сквозь прозрачный пол также был виден огненный ковер. Прикосновение к стенам электрического куба означало бы немедленную смерть, как при ударе молнии. Но всякая попытка самоубийства была обречена на неудачу, потому что куб был снабжен внутренней безопасной стенкой из прозрачного деполекса. И все же заключенный понимал, что любая попытка к бегству не имеет шансов на успех.

Видимо, тайна, к которой нечаянно прикоснулись Фарт и Клиффорд, была таких невероятных масштабов, что даже обычные служаки содержались в том же режиме, что и крупные преступники, предатели.

Кокдор увидел на экране лицо командора.

— Сожалею, кавалер, но я не могу удовлетворить вашу просьбу о предоставлении возможности поговорить с названными заключенными.

— Меня это удивляет, господин командор. Я имею полномочия на допрос любого, кто имеет отношение к делу о перехваченных сигналах.

— Мне это известно, кавалер, и я хотел бы пойти вам навстречу. Да и Космодекс это разрешает. Только вот сами Фарт и Клиффорд не могут.

— Почему же?— спросил Кокдор, предчувствуя какое-то очередное несчастье.

— Они... как бы это сказать... не в состоянии.

— Вы что, хотите сказать — они погибли?

— Нет. Но произошло нечто непонятное: двое суток назад они вдруг без видимых причин погрузились в глубокое летаргическое состояние. Наши усилия вывести их из него ни к чему не при-

вели. Врачи провели серию анализов и склоняются к тому, что это — клиническая смерть. Удивительно, но никаких признаков разложения не обнаружено. В конце концов было принято решение о дезинтеграции обоих заключенных, раз нет надежды вернуть их к жизни. Примите мои сожаления, кавалер Кокдор.

5

Бруно и Люк не теряли времени даром. Сразу же после посадки в Огненном Городе, иронически названном так первыми поселенцами из-за того, что база была расположена в холодной зоне, оба космонавта не стали задерживаться ни в районе размещения военных, ни в меркурианском городке, который изобиловал кабачками, кабаре, кафе и прочими схожими заведениями: жестокий и вдвойне враждебный человеку климат заставлял поселенцев постоянно искать развлечений.

Но у Кокдора и его друга были другие заботы, и поэтому они сразу же пересели в небольшой гравилет, чтобы поскорее попасть туда, где должно было развернуться первое действие драмы — в космическую тюрьму.

Конструкторы искусственных планеток придали им самую рациональную форму — сферическую, наиболее подходящую для небесного тела. На ее поиски ушли десятилетия. Перепробовали и колесо, и икосаэдр, и другие устойчивые многогранники, пока не пришли к выводу, к которому гораздо раньше пришла природа.

Поэтому «арестантский дом» в меркурианском варианте представлял собой огромный ощетинившийся антеннами шар. Он перемещался на высоте около пятидесяти миль, и его колеблющаяся орбита требовала постоянного внимания. Из-за плавной дуги горизонта выглядывал гигантский растрепанный край светила. Его размеры казались поистине фантастическими. Поднявшись повыше, можно было разглядеть экваториальную зону Меркурия, залитую морем ровного мягкого света. Пригодное для жизни полушарие было погружено во тьму, лишь слегка поблескивали ледяные утесы. На обширное скалистое пространство обрушивались снежные бури. Озера и водные потоки были почти полностью покрыты льдом.

Тем не менее, эта унылая местность дала жизнь меркурианской цивилизации, возникшей в условиях, близких к условиям жизни земных эскимосов. От пышущего жаром полушария ее отделяла экваториальная полоса, полная очарования. В тех краях среди буйной растительности развелось множество всякого зверья. Но и эта благодатная зона была подвержена сильным потрясениям с катастрофическими последствиями. Эти потрясения оставались внезапными вплоть до того момента, когда люди научились пред-

сказывать и рассчитывать колебания почвы планеты, в которых была повинна мощная сила притяжения светила. Время от времени какая-нибудь поросшая лесом, цветущая, плодородная местность вдруг вспыхивала, как солома, из-за того, что Меркурий слегка колебался на своей орбите, и огнедышащие лучи обрушивались на зеленые холмы.

И наоборот, по той же причине, но с противоположным эффектом, стужа и льды могли явиться без предупреждения, с неумолимой быстротой сковать все формы жизни — вечная ночь заснеженного полушария брала свое...

Земляне могли предвидеть такие явления, а местные жители с давних пор даже умели извлекать из них выгоду.

Люк Дельта и Бруно Кокдор были, конечно, наслышаны обо всех чудесах, которые их ожидали, но и они поразились суровой красоте, диковинным и впечатляющим пейзажам Меркурия, так не похожем на другие планеты.

Им, как и всем, кто не родился на Меркурии, пришлось сразу же надеть специальные солнцезащитные очки: изменения в освещенности меркурианского рельефа и вспышки на Солнце были невыносимы для глаз.

Кокдор всматривался в парящую тюрьму.

Она была слишком просторной для одних только меркурианских заключенных и поэтому принимала преступников и с других планет Солнечной системы. От холодного черного Плутона пришлось отказаться, так как тюремные служащие погибали там так же быстро, как и заключенные, но и на меркурианской тюрьме можно было написать девиз «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Никто не надеялся покинуть это место живым — в меркурианской тюрьме умирали с той же неизбежностью, как и на Плутоне, только разве что медленнее.

Там и содержались Фарт и Клиффорд — видимо, только за то, что услышали загадочные послания. Их, возможно, уже нет в живых... «И сюда же,— с ужасом подумал кавалер,— отправили и Жолену, в уверенности, что она заодно со своим несчастным женихом. Конечно, будет устроен скорый суд, но его исход предрешен».

Гравилет, представлявший собой легко управляемую космическую платформу, отправился в путь, увозя с собой обоих землян и еще нескольких военных и техников.

Над Меркурием виднелись другие космические станции, явно более гостеприимные, чем тот спутник, куда они направлялись, хотя вид у них был примерно одинаков: торговый центр, место второго назначения Люка, спортивно-оздоровительный центр, административные службы.

Вокруг Меркурия вращались метеоспутники, военные космови-

зоры, обсерватории для контроля за перемещением Меркурия и его влияния на спутники — это было необходимо для предотвращения их случайного попадания в огнедышащую зону. Челноками сновали отдельные небольшие аппараты, мини-звездолеты, которые обеспечивали связь между планетой и шарообразными конструкциями, из которых состоял космический городок.

— Как все это хрупко,— прошептал Бруно Кокдор, поглаживая притулившегося у его ног Ракса, который повизгивал от удовольствия.— Вот перед нами целый мир, созданный людьми, и держится он за счет законов гравитации. Но достаточно малейшего отклонения, малейшей ошибки — и эти величественные сферы рухнут в пылающую бездну и в ней погибнут. Катастрофа может произойти и из-за небольшого землетрясения, и из-за непрошенного метеорита, который может пролететь рядом и нарушить хрупкое равновесие.

— Ничего,— сказал Люк Дельта,— до этого пока дело не дошло. Я буду следить за каждым миллиметром.

Он нервно рассмеялся, понимая, что Бруно прав. Его роль как раз и заключалась в наладке гравитонных моторов, от которых зависела устойчивость искусственных спутников Меркурия. Чтобы не расставаться с Бруно, он полетел сначала на спутник-тюрьму, что также входило в его профессиональные обязанности.

Они избегали разговоров об арестах, тайне нерасшифрованных призывов, смерти Модека Твана и откровениях цветка-медиума. Доротея следовала за ними повсюду: Люк перевозил ее в небольшом сосуде, в котором поддерживались необходимые ей температура и давление.

В штабе тюрьмы гостей с Земли встретили вежливо, но без жарких объятий. В подобных заведениях и на Меркурии, и на других планетах сердечность не принята.

В течение ближайших витков — двух рабочих и двух для отдыха, что соответствовало двум земным суткам,— Люк Дельта возился в отсеке с турбинами и гравитаторами, а Бруно изучал досье подозреваемых. Документы прояснили ему немногое. По сути, даже от него, Кокдора, скрывали правду. Он смутно догадывался, что там, наверху, имели представление о происхождении непонятных сигналов. Похоже, что SOS предназначался меркурианцам, а точнее, последним жрицам ушедшей в прошлое религии; и, судя по всему, это представляло собой страшную, еще не распознанную опасность.

Он поговорил с двумя заключенными, которых упрятали в тюрьму за то, что они поймали по радио эти пресловутые передачи. Кокдор специально не стал запрашивать дело Фарта и особенно дело Дона Клиффорда, все еще погруженных в летаргию. Впрочем, он убедился, что те, кого к нему привели, практически ничего не зна-

ли. Как могли, они описали услышанные сигналы. Да, сигналы больше всего напоминали SOS, но, видимо, были зашифрованы. Во всяком случае, Кокдор узнал, что существуют записи, часть которых находилась на Меркурии, скорее всего, в административном центре, и кавалер Земли решил продолжить поиски там и добраться до них. Если, конечно, получится.

Оба космических радиста попросили Кокдора похлопотать за них. Они считали себя невиновными и, бесспорно, *были* невиновны. Но интересы государства в межпланетном масштабе, если не в галактическом, неумолимо смели их и раздавили.

Кокдор пообещал, что сделает для них все, что сможет, понимая, что надежда невелика, и вновь погрузился в изучение досье.

Дезинтеграцию Фарта и Клиффорда на некоторое время отложили, продолжив наблюдение за их безжизненными телами. Однако истекал последний срок, и вскоре должно было произойти неминуемое. Кокдор узнал, что Жолену поставили об этом в известность. Удрученная горем девушка попросилась присутствовать при печальной церемонии. Не видя причин для отказа, командор дал ей разрешение. Так или иначе, Жолена также была обречена закончить свои дни на страшном спутнике.

Кавалеру бросилось в глаза, что тюремный персонал состоял из землян и жителей Солнечной системы, иногда попадались и представители других миров, но меркурианцев почти не было. По отношению к ним продолжалась политика недоверия. И сами они относились к «поработителям» с неприязнью.

После рабочего витка Кокдор, Люк Дельта и несколько офицеров собрались вместе. Вновь прибывших засыпали вопросами, чтобы узнать последние новости с Земли. Конечно, ради и телевидение работали постоянно, но общение с новыми людьми имело особую прелесть.

Перед сном Кокдор и Люк улучили момент, чтобы перекинуться парой слов. Люк пообещал как-нибудь исхитриться и оказаться при дизентеграции обреченных, спящих летаргическим сном. Это подобие похорон должно было произойти на третьем рабочем витке.

Тюремный священник приготовился прочитать краткую молитву в присутствии офицеров и техников-операторов, приставленных к исполнению мрачного обряда. Две надзирательницы привели Жолену. По инструкции требовались два свидетеля, и, поскольку Люк и Бруно хотели взглянуть на Фарта и Клиффорда, их и назначили. По дороге к похоронному отсеку Кокдор размышлял о голограммах, воспроизведенных Доротеей.

Космическая тьма... Люди в белом... Лицо очень красивой девушки, темнокожей, с красноватыми глазами... Давехат? Незнакомые аппараты... Камни, отбрасывающие странные блики... Хаоти-

ческие меркурианские пейзажи. И, наконец, беспорядочные видения, полные загадок, манящие, непостижимые, оставляющие глубокий эмоциональный след, впечатление, сравнимое с бесконечным экстазом.

Что все это значило?

Проходя мимо окон и иллюминаторов, Бруно рассеянно поглядывал на виднеющиеся Меркурий и звездный городок. Видел он и краешек Солнца, фазы которого менялись в зависимости от расположения планеты, закрывавшей светило своей огромной массой.

Хорошо, что есть Меркурий, иначе невозможно было бы выжить при мощнейшем излучении и страшном жаре, идущим от Солнца.

«Нет,— думал Кокдор,— планета за Меркурием, предполагаемый Вулкан — это все басня. Даже если бы какой-то булыжник и вертелся в тех краях, какая форма жизни могла бы зародиться рядом со звездой?»

Кокдор приостановился, так как его внимание привлек какой-то аппарат, летевший в пустоте. Формой он напоминал тарелку с обрубленными краями. Такой модели он не встречал, хотя избороздил весь космос вдоль и поперек. Незнакомый звездолет показался ему любопытным. Наверное, недавно построен меркурианскими инженерами — безостановочные космические работы велись повсюду.

И все-таки он улавливал что-то знакомое. Где он мог это видеть? Нет, никогда еще эта модель не появлялась в тех просторах, в которых он бывал, хотя ощущалось смутное сходство с чем-то.

Вдруг его осенило. Неужели...

На голограммах, которые воспроизводила Доротея, какими бы мимолетными они ни были, угадывались и очертания межпланетных кораблей. Но Бруно не мог с полной уверенностью утверждать, будто то, что он видел сейчас, и то, что помнила Доротея,— одно и то же.

Кокдор продолжил свой путь к отсеку дезинтеграции.

Войдя, он вздрогнул.

Священник, дежурный офицер, техники, бедная Жолена, стоявшая между двумя надзирательницами, и два распростертых тела — все были в белоснежных одеждах. На этом спутнике вернулись к древней традиции, согласно которой белое считалось символом траура.

Только Люк, подошедший с другой стороны, и сам кавалер не соблюли обычай. Но, поскольку они выполняли функции свидетелей, на ход церемонии это не повлияло. Оба сдержанно кивнули присутствующим, и священник приступил к обряду.

Офицер явно спешил все закончить побыстрее. Техники ожидали свой черед с добродушно-туповатым видом.

Кокдор думал о своем.

Слышались рыдания Жолены. Вдвойне несчастная — из-за собственной неудачи и из-за печального конца Дона Клиффорда, она плакала, стоя между двух охранниц, сохранявших бесстрастное, замкнутое выражение лица.

Жолена продолжала делать вид, будто незнакома с кавалером. Никто не должен был знать об их первоначальном разговоре и об истинных причинах, которые привели Бруно на Меркурий.

Просторные дезинтеграционные печи были уже готовы. Они представляли собой два контейнера из серебристого металла, в которых мощные лучи из элементарных частиц должны были рассеять тела на атомы.

Кокдор закрыл глаза. Если бы окружающие хорошо знали его, они бы поняли, что в это мгновение дух его отделялся от тела и перемещался в мозг других людей.

И вдруг, не дав произнести роковой приказ, кавалер широко открыл глаза и выпрямился во весь рост.

— Прекратите, капитан! — произнес он.— Остановите дезинтеграцию! Эти двое не мертвы, они спят, я заявляю это со всей ответственностью. Если вы отправите их в дезинтеграционную печь, то совершите преступление. ОНИ ЖИВЫ!

6

Капитан, казалось, был сильно раздосадован. Он относился к породе идеальных исполнителей, которые умеют прекрасно следовать точным инструкциям, старательно избегать проявления всякой инициативы — другими словами, уходить от личной ответственности. Ему и было поручено провести дезинтеграцию двух умерших заключенных. Врачи, хоть и слишком поспешно, уже констатировали смерть, и ему этого было вполне достаточно.

Протест, исходивший от такого заслуженного человека, каким был Кокдор, вносил сумятицу в его ясные жизненные устои.

— Кавалер,— ответил он сухо,— у меня есть приказ. Эти два трупа должны быть немедленно дезинтегрированы и...

— Да говорю же я вам, что они живы! Я только что просканировал мозг каждого из них! Конечно, они в глубоком коматозном состоянии, в летаргии. Не могу понять почему. Я знаю только, что они живы! И об этом надо немедленно доложить командору.

То ли дежурный офицер посчитал пустым хвастовством утверждения Кокдора о сканировании мозга этих трупов, то ли он получил строжайшие инструкции, запрещавшие кому бы то ни было вмешиваться в процедуру дезинтеграции, но так или иначе на лице его отразилось сильнейшее упрямство и он, поколебавшись всего лишь краткий миг, заявил:

— Сожалею. Вы можете, если так уж хотите, принести протест командору или в более высокие инстанции, но у меня нет никаких полномочий отходить от полученного приказа.

Жолена упала в обморок. Обе надзирательницы, храня то же бесстрастное и холодное выражение лиц, пытались по очереди привести ее в чувство, действуя методично и четко, но жесты их были лишены женственности и человечности.

Кокдор побелел. Он вполне владел собой, но перед ним была самая непреодолимая стена — стена человеческой глупости.

Кроме того, за этим служакой угадывалась мощная поддержка. Некто очень сильный явно решил ликвидировать одного за другим всех, кто имел хоть малейшее представление о таинственных посланиях. Люк Дельта тоже чувствовал нарастающее раздражение, но не хотел вмешиваться, пока не выскажется Кокдор.

— Капитан, прошу вас об отсрочке в несколько минут. Этим вы себе не повредите, зато...

— Соблаговолите не настаивать, кавалер.

И, повернувшись к своим подчиненным, он скомандовал:

— Космоматрос Ванн, откройте печь номер один. Космоматрос Ле Год, приготовьте тело капитана Фарта к процедуре.

В то же мгновение очнулась Жолена. Открыв глаза, она некоторое время потерянно смотрела вокруг, как это всегда происходит с теми, кто только очнулся от глубокого обморока. Потом она приподнялась, и взгляд ее остановился на зияющем чреве дезинтеграционной печи. Оно было таким же гладким и блестящим, того же серебристого цвета, что и поверхность. Жестокая техника, олицетворявшая неизбежный конец.

Девушка, наконец, осознала происходящее. Туда отправят живых людей! Сначала — капитана Фарта, а потом — человека, которого она любит, за кем без оглядки бросилась на Меркурий и ради кого оказалась брошенной в камеру космической тюрьмы. Вырвавшись из рук двух мегер, Жолена устремилась к Кокдору и схватила его за руки:

— Кавалер! Умоляю вас! Остановите этот ужас! Только вы можете их спасти!

Капитан пробурчал:

— Уведите эту женщину. А вы, Ванн и Ле Год...

Разозленный Кокдор одним прыжком оказался у печи, а Люк, который только этого и ждал, присоединился к нему.

— Прекратите эту мерзость! — буквально прорычал кавалер Земли.

Тюремный священник тоже выглядел удрученным. Надзирательницы пытались усмирить отбивавшуюся от них Жолену, но она продолжала призывать Кокдора на помощь беззащитным беднягам, обреченным на гибель.

Капитан собрался отдать своим людям приказ применить силу. По отношению к офицерам такое не допускалось, но тюремщик явно имел прикрытие сверху.

За эти минуты Кокдор пережил многое. Впервые за свою длительную карьеру он, слывший безупречным образцом для всех космонавтов, нарушал устав о субординации. Обстоятельства, правда, были исключительными. Несмотря на почти врожденную дисциплинированность и умение подчиняться авторитету, он ясно понимал, что дисциплина сейчас граничит с трусостью.

Но что из этого всего могло получиться, так никто и не узнал, потому что ситуация резко изменилась.

В интерфоне раздался громкий сигнал общей тревоги. Через двадцать секунд стало известно, что их спутник атакован неизвестным космическим кораблем. Поступил приказ немедленно прекратить работу и занять боевые посты для принятия обороны.

Не рассуждая, все бросились к иллюминаторам, где взору открылось странное зрелище: не один, а несколько космолетов осаждали тюрьму.

Кокдор сразу узнал аппараты, так заинтриговавшие его по дороге к похоронному отсеку и которые, возможно, присутствовали в изображениях, переданных Доротеей. Да, именно так! Да и группу людей в белом он видел в воспроизведенных цветком-медиумом картинах. Но тогда он и не подозревал, что наблюдал церемонию дезинтеграции.

Капитан выхватил свой пистолет-дезинтегратор и что-то приказал космоматросам. Надзирательницы пытались увести Жолену, но девушка отчаянно сопротивлялась.

Бруно подал знак Люку, и они вместе бросились к распростертым телам обреченных на смерть узников, заняв место между ними и печами, одна из которых, с открытой дверцей, была похожа на чудовище, разинувшее свою холодную страшную пасть в ожидании жертвы.

Капитан чертыхнулся и метнулся к космонавтам, прорычав своим подчиненным приказ схватить непокорных.

В этот самый момент раздался грохот, прокатившийся по всем отсекам спутника. Отовсюду доносились взрывы, что ясно говорило об успехе предпринятой на тюрьму атаки. Нападавшие смогли застать гарнизон тюрьмы врасплох и, похоже, не без помощи изнутри.

Этот неожиданный поворот приостановил назревавший перед печами кулачный бой. Священник попытался было вмешаться, чтобы предотвратить схватку между офицерами, но не успел, потому что ситуация вновь резко изменилась: целый отряд боевиков ворвался в отсек. Только меркурианцы. Некоторые были одеты в робы каторжников, что многое проясняло. Одежда остальных была

довольно пестрой, но все нападавшие были вооружены до зубов самым современным оружием: портативными атомными снарядами, дезинтеграторами, инфракрасными тубами и тому подобными штуками, не считая классических кинжалов, существовавших от сотворения мира, со времен первых конфликтов.

Через мгновение присутствующие были окружены. Капитан предпринял отчаянную попытку оттолкнуть Кокдора и впихнуть в зияющую печь тело капитана Фарта, но кавалер и Люк Дельта снова помешали ему. Обезумев от ярости, капитан выхватил свой дезинтегратор и прицелился в Кокдора, но в ту же секунду гигант-меркурианец бросился на него и ударил с такой силой, что огненная струя отклонилась и задела край второй печи. Сам капитан пошатнулся, потерял равновесие и упал навзничь прямо в пасть дезинтеграционной печи.

У присутствующих вырвался крик ужаса. Скользя по гладкому металлу аппарата, капитан оказался в его полости, и дверь автоматически захлопнулась.

Космоматросы в замешательстве стали складывать оружие к ногам меркурианцев. Жолена рванулась к телу Дона Клиффорда и, ничего не замечая вокруг, принялась покрывать поцелуями его лицо. Священник пытался что-то сказать, но его миротворческих речей никто не слушал. Бруно и Люк озадаченно переглядывались: меркурианцы окружили их и явно охраняли, причем без признаков враждебности. Скорее, как почетных пленников.

Шум боя продолжался. Яростная схватка шла во всех уголках спутника. По всей вероятности, выпускали узников. Большей частью это были меркурианцы, а также жители других планет, приговоренные к пожизненному заключению.

Кокдор сделал знак, что хочет подойти к дезинтегратору. Никто не воспротивился. Не без внутреннего содрогания Бруно повернул замок.

Печь была пуста. Ее гладкое чрево, как и прежде, отсвечивало серебристым металлом. Капитан был распылен мгновенно и без боли, став жертвой собственной глупости и бесполезного упрямства.

Кокдор устало и обреченно покачал головой. Один из меркурианцев обратился к нему на искусственном языке Спалакс, служившем для межпланетного общения. У него был характерный для его расы дрожащий акцент.

— Кавалер Кокдор, с этого момента позвольте считать вас и вашего друга лейтенанта Дельта почетными гостями божественной Давехат.

Космонавты переглянулись в полном недоумении. Что на это ответить? Как поступить?

Обстоятельства, в которых они оказались, не оставляли им выбора.

Меркурианцы, ворвавшиеся в помещение, были хозяевами положения. Несчастный капитан заплатил жизнью за нелепое упрямство. Космоматросы лишились оружия. Тюремный священник пребывал в состоянии покорного смирения. Обе надзирательницы, более озабоченные собственным спасением, чем охраной Жолены, не знали, куда деться. Жолена впала в полную прострацию.

Бруно и Люк были в полной власти вооруженных до зубов смуглолицых людей с красными глазами. Меркурианцы не дали бы им даже пикнуть. Впрочем, тот меркурианец, который заговорил с Кокдором, улыбнулся, заметив их нерешительность.

— Я еще раз прошу вас, господа, ничего не опасайтесь и не воспринимайте как оскорбление то, что сейчас происходит. Во всех концах галактики знают, что кавалер Кокдор всегда на стороне справедливости. Мы действуем ради благой цели, и вас скоро введут в курс дела. А пока я объясню вам все в общих чертах.

Люк Дельта не знал, что и думать. Кокдор с непроницаемым видом ждал момента, когда можно будет говорить и действовать самому. А пока он подчинился жесту меркурианца, который пригласил их к широкому окну в соседнем с залом коридорчике.

Бруно и Люк, в сопровождении улыбающихся и внешне приветливых меркурианцев, не выпускавших, однако, оружия из рук, подошли к окну и взглянули в бездонное пространство.

Увиденное повергло их в изумление. По всей видимости, захват спутника готовился давно. В течение нескольких минут после первой атаки в космосе происходило нечто совершенно неслыханное. Вначале Кокдор и Люк Дельта, не вполне понимая, что они видят, различили вереницы одетых в легкие скафандры вооруженных людей. Скафандры были так же хорошо приспособлены для ведения боя, как и одежды меркурианцев. Но главное было в другом: эти воины перемещались в пустоте по четко вырисовывавшимся полупрозрачным линиям. Продолжив мысленно эти линии, можно было обнаружить, что они упирались в те самые странного вида космические аппараты, которые так заинтересовали Кокдора. Вскоре Бруно и Люк Дельта убедились, что это действительно так.

Со своего места они увидели, как один из членов группы, достигнув спутника-тюрьмы, принялся орудовать инфракрасным автогеном, чтобы прорезать в стенке отверстие и проникнуть внутрь, минуя хорошо охраняемые люки и иллюминаторы. Возможно, он просто хотел попортить гигантский звездный дом.

Многие меркурианцы, двигаясь по прямым линиям, исходившим от нападавших космолетов, врывались внутрь орбитальной тюрьмы, пополняя таким образом десантные отряды; другие, видимо, выполнив задание или получив ранение, возвращались на свои корабли.

Своеобразное и восхитительное зрелище.

Кокдор попытался представить себе, как выглядит искусствен-

ный спутник со стороны (эту картину, впрочем, могли наблюдать из других частей космического городка). Он должен быть похож на огромного морского ежа, иглами в котором были вереницы висящих в пустоте людей.

Даже без непременных жестких скафандров! Только что-то вроде маскарадных масок прикрывало огромные глаза и спасало их от колючего солнечного излучения.

Командир меркурианцев пояснил:

— Принцип этого явления, который мы открыли, держится в секрете. С его помощью можно создать туннели в пустоте, используя мощные волновые импульсы. Генераторы особой конструкции создают нечто вроде гравитационно-плазменных цилиндров, которые буквально ввинчиваются в пространство. В этих цилиндрах можно свободно перемещаться. Каждый наш корабль направляет свой туннель на тот объект, куда мы хотим попасть и... смотрите, каков результат!

Кокдор и Люк Дельта смотрели... и восхищались. Длинные цепочки людей шли и шли к спутнику, шагая по ничему. Шагали без малейшего напряжения по невидимому полу, состоявшему из сети мощных импульсов, незримых, но вполне реальных.

Перед так называемыми силами закона, в состав которых входили как меркурианцы, так и инопланетяне, стояла весьма сложная задача, тем более, что обитатели Меркурия, в них входящие, сражались против своих без особого пыла. А кое-кто из них был в явном сговоре с нападавшими и участвовал в подготовке вторжения.

Наблюдая за ходом ожесточенной схватки, Кокдор и Люк Дельта отметили, что отпор все же не заставил долго себя ждать.

Передовые корабли регулярных частей космофлота, не считая двух огромных боевых космокрейсеров, уже приближались к месту битвы, нацеливаясь на небольшие меркурианские корабли. Если внутри тюрьмы продолжался страшный грохот, то в космосе, естественно, царила тишина, несмотря на огромный накал сражения.

Кокдору казалось, что он наблюдает за жизнью огромного аквариума, в котором дрались гигантские рыбы невиданных форм и с неограниченными возможностями.

В бесконечной пустоте вспыхивали молниями выстрелы атомных орудий, проносились похожие на стрелы разряды инфракрасных туб, разлетались звездными фейерверками космические гранаты. Неподалеку располагались другие спутники, входившие в космический городок. Сражение представляло для них непосредственную опасность, поскольку осколки могли достигнуть мирных спутников и причинить им серьезные разрушения.

Меркурианцы упивались радостью успеха.

Восстание готовилось очень многими непокорившимися жителями Меркурия. В засекреченных цехах были изготовлены косми-

ческие летательные аппараты. Восхищение вызывала и сама слаженность этой сложнейшей космической операции.

— А теперь не угодно ли вам пройти со мной?— почтительно произнес командир десантного отряда.

Кавалер наконец заговорил:

— Так и быть. По-моему, у меня нет другого выхода, кроме как сказать «да». Но позвольте один вопрос.

— Слушаю вас.

— Куда вы нас ведете?

Пожав плечами, как будто ответ и так был ясен, меркурианец ответил:

— Ну как же... К той, что ждет вас. К благородной Давехат.

Кокдор не стал более расспрашивать и повернулся к Люку Дельта. Оба подали знак согласия, хотя, учитывая обстоятельства, можно было бы подобрать и другой термин. Меркурианцы подняли и понесли тела Дона Клиффорда и капитана Фарта. Жолена, вся в слезах, цеплялась за одежду своего жениха. Командир меркурианцев подошел к ней и ласково проговорил:

— Не плачьте, барышня. Вы пойдете с нами. Нам поручено освободить вас. И я подтверждаю вам то, что говорил кавалер Кокдор — эти люди живы. Скоро вы снова обретете Дона Клиффорда.

Слабая улыбка была ему ответом.

Кавалер дал знак Жолене идти с меркурианцами, и она, зная, что может отказаться от участия в этой авантюре, сказала, что готова идти, но просит не разлучать ее с Доном. Разрешение было получено без промедления.

Кавалер уточнил:

— Я полагаю, мы покинем этот спутник?

— Конечно, через волновой туннель.

— Хорошо. Но без своего зверя я не уйду.

— Давехат и это предусмотрела, кавалер. За пстором Раксом уже пошли (Кокдор в очередной раз поразился точности сведений, которыми располагали эти люди). Сейчас его приведут.

«Если он вас послушается»,— подумал Кокдор, но вслух ничего не сказал.

Путь лежал через весь спутник. Везде виднелись следы схватки. Были даже убитые, кое-где лежали раненые. Санитарный отсек наверняка был переполнен. Разного рода оружие попортило конструкцию.

Шум битвы стихал. Должно быть, меркурианцы уже стали хозяевами спутника.

Командир отряда сказал кому-то несколько слов через переговорное устройство, и вскоре после этого к ним присоединился еще один меркурианец. Он жестом позвал всех за собой, и группа двинулась к огромной бреши в двойной обшивке спутника.

За ней зияла пустота. Но так только казалось. Кондиционированный воздух, как этого следовало бы ждать, наружу не вырывался. Кокдор догадывался, что отверстие напрямую сообщалось с пространственным туннелем.

Один из меркурианцев принес маски с выпуклыми глазницами и раздал их присутствующим. Кокдор вопросительно посмотрел на Фарта и Клиффорда.

— Им эти маски не нужны,— ответили ему.— Они откроют глаза позже, когда этого захочет Давехат.

Кавалер не стал настаивать, тем более, что как раз подвели Ракса. Пстор, как ему объяснили, не упрямился и сразу же пошел за меркурианцами, которые дали зверю понюхать носовой платок кавалера.

Ракс запрыгал вокруг Кокдора, который по совету меркурианцев не без труда натянул и на него защитную маску.

И группа начала свой переход по пространственному туннелю. В полной пустоте.

7

Они продвигались вперед. Сразу же за пробоиной в обшивке корабля начиналась пугающая пустота, в которой, тем не менее, ноги упирались в твердый, хотя и невидимый, пол. Этот пол, или то, что его заменяло, был плотным, так как частота и мощность волн были рассчитаны с предельно возможной точностью.

Меркурианцы вели себя так, словно их дело было уже сделано. Кокдор задавался вопросом, не была ли эта молниеносная атака предпринята ради одной-единственной цели — вызволить пленников спутника, а заодно прихватить Фарта, Клиффорда, Люка, Жолену и, наконец, самого Кокдора? Все это не походило на крупный бунт.

По мере продвижения в невидимом пространственном туннеле, Бруно заметил, что ситуация меняется не в пользу нападающих. Конечно, внезапность атаки сыграла им на руку. Помогли им и соотечественники — служащие тюремного гарнизона. Теперь же инициативу перехватили межпланетные власти. Регулярный космический флот при поддержке двух крейсеров начинал наносить чувствительные удары по меркурианским силам, хотя гражданские спутники затрудняли ведение огня.

Два небольших звездолета после прямого попадания полыхали вовсю. Люди пытались спастись. Некоторые катапультировались в пространство, облачившись в жесткие скафандры, другие старались проложить пространственный туннель к другому звездолету, еще не задетому выстрелами.

Продолжая шагать по туннелю, Бруно поддерживал Жолену, у которой кружилась голова от пустоты. Ход битвы свидетельствовал о том, что вскоре регулярный флот одержит верх.

Что станет с Бруно и его спутниками? Пока они полностью зависели от этого волнового устройства. Оно, конечно, было впечатляющим и технически великолепным, но одновременно и пугающе хрупким. Однако выбора не было, и они шли вперед. Меркурианцы несли два неподвижных тела и заставляли своих пленников спешить. Священника и надзирательниц они оставили на спутнике: те их, видимо, не интересовали. Но в том же туннеле и в двух других, протянутых к маленьким звездолетам, вышагивали многочисленные фигуры в серых робах заключенных. Этим странным путем они шли к свободе.

«До следующего приказа, который может все изменить»,— подумал Кокдор.

Но исход битвы был вовсе не предрешен. Один из крейсеров выдвинулся вперед, как бы в подтверждение мыслей кавалера, совершил дерзкий маневр и открыл огонь с очень близкого расстояния, буквально обратив в пыль две группы из отряда бунтовщиков.

Шедший впереди Люк Дельта оглянулся и обменялся с Кокдором красноречивым взглядом. Туннель прекрасно удерживал воздух, можно было разговаривать, но земляне предпочитали помалкивать.

Главной заботой кавалера была Жолена: девушку била дрожь, и ему пришлось почти перенести ее в туннель из спутника и заставить ступить в пространство — до того сильным было впечатление, что под ногами ничего нет.

Головокружение не проходило, но время от времени девушка пыталась отвлечься от своих страхов и судорожно спрашивала у Кокдора, что происходит с Доном Клиффордом, а он, как мог, успокаивал ее. Клиффорда несли впереди, и скоро меркурианцы должны были доставить его на звездолет.

Бой тем временем продолжался. Можно было легко заметить, что регулярный флот продолжает уничтожать силы восставших. Меркурианцы нервничали. Они отдавали себе отчет в шаткости своего положения и спешили укрыться в корабле. Достаточно ли надежно это убежище? И что произойдет, если корабль повредят и из-за этого пострадает излучатель силовых волн, образующих пространственный туннель?

Кокдор знал ответ. Он был трагичен в своей простоте: туннель исчезнет без следа, испарится, а его обитатели погибнут в кошмаре абсолютного вакуума. Это было понятно и остальным, поэтому они спешили к звездолету. Однако цель приближалась медленно, потому что туннель был длиной в добрую милю.

Группа прошла более половины пути, когда разыгралась драма. Один из сторожевых кораблей, несшийся с неслыханной скоростью, выпустил залп ультрафиолетового огня. Пространство засияло феерическим светом. Но это великолепие несло в себе смерть. Краем луча был задет маленький корабль, поджидавший беглецов из космической тюрьмы.

Кокдор осознал опасность, и у него похолодело внутри. На какое-то мгновение он было решил, что все кончено, но ничего страшного не произошло. Хотя и основательно пострадавший, звездолет, тем не менее, сохранял целостность. И все-таки людям, шагавшим по туннелю, вдруг показалось, что пол под ногами слегка заколебался. Еще секунда... и Бруно понял, что они были на волосок от гибели. Всем, кроме, может быть, Жолены, продолжавшей пошатываться от головокружения и не осознававшей происходящее, было ясно, что их беды не кончились. Действительно, легкое колебание повторилось. И неудивительно, ибо звездолет явно накренился.

С этого момента удача окончательно отвернулась от восставших. Крейсеры и сторожевые корабли наносили сокрушительные удары почти по всем звездолетам. Некоторые туннели исчезли, рассыпались так же внезапно, как и появились. С ужасом Кокдор и его спутники различили в пространстве маленькие, беспорядочно вертящиеся фигурки, крошечные следы в бесконечности — все, что осталось от тех несчастных, которые находились в волновых

туннелях в момент повреждения или уничтожения генераторов, вырабатывающих защитную сеть вокруг вереницы людей.

Эти парящие тела, будущие космические призраки, были приговорены к вечному странствию во Вселенной. Они будут еще долго наводить ужас на космонавтов будущего.

Туннель, в котором находились Кокдор, его друзья и меркурианцы, продолжал принимать наклонное положение по мере того, как все явственнее проступали признаки серьезной аварии корабля, который соскальзывал с орбиты, постепенно оказываясь в зоне притяжения планеты. К счастью, его излучатели были в рабочем состоянии, но путники не знали, надолго ли, поэтому спешили как можно быстрее добраться до звездолета. Несмотря на то, что его могла ожидать та же участь, которая настигла большинство из его собратьев, космические путники все равно предпочитали оказаться внутри корабля, пусть даже и сильно поврежденного, чем оказаться выброшенными и задохнуться в ужасной холодной пустоте.

Корабль продолжал опускаться, за ним опускался и туннель. Вскоре идущие по туннелю почувствовали, что их неудержимо влечет вниз, так как ухватиться было не за что: туннель мало-помалу превратился в подобие трассы для бобслея. Путники пытались удержаться, цепляясь друг за друга, упереться в стены, но все было напрасно, и они заскользили, соединившись в гроздья.

В пустоте были видны три охваченных пламенем звездолета. Притяжение Меркурия, несмотря на удаленность, давало о себе знать, и космические корабли неотвратимо падали на планету. Сбившиеся в кучу люди скользили все быстрее и, как и следовало ожидать, ударились о крышку шлюза, откуда шли силовые лучи, образовывавшие пространственный коридор. Послышались крики боли и стоны. Слипшаяся людская масса прибыла на борт корабля. Группа меркурианцев поднимала путешественников одного за другим. Несколько человек, среди них Люк Дельта, были ранены. И хотя рана Люка оказалась неопасной, однако вывихнутое плечо заставляло пилота-испытателя морщиться от боли. Бруно оказался последним, вместе с Жоленой. Благодаря Раксу они почти не пострадали. Пстор ни на шаг не отходил от хозяина, послушный его психокомандам. Во время путешествия по туннелю крылатое чудище растопыривало крылья и таким образом смогло удержать равновесие. Верный зверь помог хозяину, ухватив зубами край его одежды, а Бруно, в свою очередь, крепко сжимал Жолену.

Меркурианцы засуетились вокруг прибывших. Один из хозяев сказал Кокдору, что туннель больше не существует, так как излучатель отключен.

Кавалер посмотрел через иллюминатор на спутник-тюрьму. Казалось, он удаляется. Так оно и было. Звездолет, несмотря на серьезные поломки, на большой скорости покидал место сраже-

ния. Поступил приказ выйти из боя, тем более, что, как пояснил услужливый меркурианец, задача была выполнена, хотя и не без потерь.

Кокдора проводили в хорошо обставленную уютную каюту-салон. Ракс, естественно, был с ним. Жолена также пошла вместе с Бруно, после того как ее заверили, что Дон Клиффорд и капитан Фарт вне опасности.

Они оба находились в глубочайшей летаргии. Но не была ли она вызвана самими меркурианцами? Фарта и Клиффорда повезли в медицинский отсек. Туда же отправили Люка и других пострадавших во время скоростного спуска по туннелю.

Через иллюминатор можно было видеть происходящее снаружи.

Молодая официантка принесла освежающие и бодрящие напитки. Взяв стакан, кавалер задумчиво смотрел в бесконечную черноту ночи.

Космические корабли обеих сторон, подбитые в сражении, потеряв скорость, падали, увлекаемые силой притяжения планеты. Регулярный флот перестраивал свои боевые порядки, а армада бунтовщиков уже скрылась. Один из крупных крейсеров совместно с двумя сторожевиками продолжал преследовать корабль, принявший на борт беглецов из космической тюрьмы. Впрочем, обстрел прекратился. Кокдор подумал, что дальнейшие боевые действия в районе космического поселения были бы слишком опасны.

Время шло. Появился Люк Дельта. Рука его была на перевязи.

— Мне сделали укол. Не знаю какой, но боль утихла тут же. Местный врач заверяет, что через два витка я буду совсем здоров. Шикарные у них лекарства, ничего не скажешь!

Подойдя к окну, Люк поинтересовался, как разворачивались события. Кокдор рассказал то, что сумел понять из своих наблюдений.

— Нас, судя по всему, преследуют.

— Да, старина. Но взгляните на небо.

— Оно все больше светлеет. Какая странная заря на Меркурии!

— Но вы же знаете, что здесь нет смены дня и ночи из-за отсутствия вращения. Полагаю, что мы просто движемся к солнечной стороне.

— Да вы что! Мы же изжаримся!

— Они сумеют вовремя остановиться. Может быть, где-нибудь в переходной зоне. Говорят, там сказочное изобилие.

— Там-то нас и могут схватить вот эти, если раньше не распылят.

— Не волнуйтесь, лейтенант Дельта,— произнес женский голос.— Все предусмотрено. Я могу вас успокоить: уже сейчас мы практически вне опасности.

Оба землянина обернулись. Жолена приподнялась на диване, где отдыхала. Ракс мягко и мелодично засвистел.

Молодая меркурианка дивной красоты, загорелая, гибкая и стройная, как лиана, стояла в дверях. Она завораживала взор правильностью черт лица и выражением несказанного благородства. Рубиновые миндалевидные глаза довершали ее очарование.

Люк и Бруно поняли, кто перед ними, и поклонились.

Давехат.

8

Итак, это была она. Наследница династии жриц Меркурия и вдохновительница восстания, обагрившего кровью стратосферу родной планеты. Впрочем, она не была похожа на жестокую воительницу. Грациозным жестом она пригласила гостей опуститься на мягкие сиденья, позвала молоденькую официантку с новой порцией напитков и протянула всем сигареты из фаоза, высоко ценимого табака с марсианских равнин.

— Я восхищен,— сказал кавалер, решив, что надо немного полюбезничать.— Вы принимаете нас так, словно за нами не гонятся военные корабли.

Меркурианка едва заметно улыбнулась.

— Нашими судьбами правят боги, кавалер. Зачем поддаваться страху? Все указывает на то, что мы не погибнем раньше нашего часа, записанного на великом и вечном календаре.

Она встала и протянула темную красиво очерченную руку, став похожей на прекрасную старинную статую из слоновой кости.

— Посмотрите! Да, нас преследуют, однако впереди свет, а свет — это всегда спасение...

— Но,— возразил Люк, — наши... наши преследователи могут обогнать нас или открыть огонь...

— Они не сделают этого, разве только в крайнем случае. Нам известно, что у них есть приказ заставить нас приземлиться и взять живыми. И меня взять живой.

Она вдруг рассмеялась гортанным смехом, который совсем не вязался с ее обликом таинственного божества, но делал по-земному женственной.

— Взять меня живой? Уж только не теперь. Посмотрите! Мы поднимаемся все выше.

— И что это значит?

— Это значит, что мы движемся к противоположному полушарию Меркурия, но на большой высоте. Скоро мы войдем в зону облаков, которые постоянно висят над переходной зоной. Здесь заканчивается ледяной покров, и в атмосфере постоянно конденси-

руются мельчайшие льдинки, которые поднимаются вверх и образуют никогда не рассеивающиеся облака.

И вскоре земляне убедились в этом воочию. Их маленький космический корабль дерзко взмывал все выше и выше, неотступно преследуемый отрядом кораблей регулярного флота. Тяжелая пелена облаков висела на необычно большой высоте. Эта масса создавала своеобразный экран, закрывающий Солнце, гигантский диск которого иначе был бы виден. Преломляя мощные лучи, облака окрашивались чарующими красками. Небо, казалось, было залито каскадами гигантских пурпурных огней и усыпано червонными самородками всех оттенков. Все это наводило на мысль о небесных горах и океанах, населенных неведомыми богами. Зрелище было настолько впечатляющим, что трое землян, онемев, не могли оторвать глаз от окна, забыв о драматической ситуации, в которую они попали, о яростной погоне и о сохранявшейся опасности, несмотря на то, что Давехат заверяла их в обратном.

Меркурианка вновь пригласила их сесть. Они закурили, сохраняя внешнее спокойствие.

— Я должна объяснить вам, кавалер, и вам, лейтенант,— сказала Давехат,— почему вы очутились на этом корабле.

— Мы слушаем вас,— вежливо ответил Кокдор.

— Я вас попросту похитила,— продолжала Давехат.— Мне необходимо было ваше присутствие, но я много наслышана о вас и понимала, что офицеры с такой безупречной репутацией никогда не согласились бы уступить моим прихотям. Перейти добровольно на мою сторону в конфликте, который я же и вызвала, для вас означало бы бесчестье, а я знаю, что понятие чести свято для вас, как и для некоторых других землян. Поэтому мне пришлось увести вас силой, чтобы избавить от малейших угрызений совести,— добавила она, по обыкновению загадочно улыбаясь.— Вас привели сюда против воли, и... я могу спокойно объяснить вам, чего хочу от вас.

Воцарилось молчание.

— Прекрасно,— сказал Кокдор, улыбаясь, в свою очередь.— Вы выполнили если не всю программу, то, по крайней мере, ее первую часть. А почему вы уверены, что мы будем сотрудничать с вами, как вам того хочется?

— О, поверьте, кавалер, что я не собираюсь оскорбить вас каким-либо бесчестным предложением.

— Я и лейтенант Дельта не сомневаемся в этом.

— Так слушайте же. Меня считают врагом этого мира, но мой род очень древний, мы появились вместе с планетой. Вы скажете, что это сказки? В нашей семье от женщины к женщине передается дар ясновидения, пусть это не удивляет вас, кавалер. И еще мы знаем некоторые секреты, о которых пока нет надобности рассказывать. Хотите верьте, хотите — нет, но наша женская династия царила ве-

ками и тысячелетиями на этой планете с бесспорно высокой цивилизацией. Мы царили вплоть до появления звездолетов с Марса, Венеры, Земли.

Она вздохнула, подумала.

— Я, как и моя мать, пыталась вначале сопротивляться. Потом мне показалось, что было бы умнее воспользоваться несомненно ценными знаниями, которые пришельцы принесли с собой. Я стала учиться, не отрекаясь от своего сана, хотя моя власть стала почти подпольной. Межпланетная администрация решила, что мы перешли в ее подчинение. Но, как знаем мы, в космосе должен главенствовать Меркурий, после того как произойдут некоторые давно предсказанные события.

— Ничего нового в том, что вы говорите, нет,— ответил Кокдор.— Когда-то на Земле, моей родине, тоже были такие расы, такие народы, которые громко провозглашали свое избранничество, превосходство, навязывали свою силу и главенство другим народам.

— Если я правильно вас понимаю, вы не одобряете такое положение вещей, кавалер?

— Из-за этого пролилось столько крови, возникло столько конфликтов, катастроф, ненависти! Надо ли говорить, что никогда, никогда ни одна раса не взяла верх над другими и что, мало-помалу, высшая мудрость привела землян к взаимопониманию, к слиянию и, в конечном счете, к любви... Мы все разного происхождения, и инопланетяне у нас поселялись, но мы все больше становились единой всепланетной расой.

На лице Давехат он уловил презрительное выражение.

— Простите, кавалер, но я имею слабость верить в исключительность моей планеты. Впрочем, когда вы узнаете...

Зазвонил интерфон. Давехат заговорила на местном диалекте, незнакомом Кокдору, Люку и Жолене, поэтому они ничего не поняли из нескольких коротких реплик меркурианки.

— Ну что же,— сказала она,— мне сообщили, что корабль входит в зону облаков. Нас теперь трудно будет найти.

Через окно, действительно, было видно, что они полностью погрузились в пелену, казавшуюся охваченной пламенем. Давехат посоветовала всем надеть защитные очки, которые они сняли, попав на звездолет. Свет и в самом деле слепил.

Ракс поупрямился, он не любил, чтобы на него что-то надевали, но Кокдор сумел успокоить его усилием воли.

На недолгое мгновение среди хаоса фантастических облаков, похожих на горы расплавленного металла, засияли яркие проблески. Они словно стрелой пронзали вершины этих гор. Вся картина наводила на мысль о взлетах и падениях в головокружительную пропасть.

Давехат вновь рассмеялась.

— Они стреляют. Ага, сообразили, что мы сейчас легко ускользнем от них. Это ярость бессилия. Наше приключение подходит к концу, они заблудятся в этих тучах. Впрочем, дальше они не полетят. Жара сейчас станет невыносимой.

— Да, мне тоже кажется, что мы ближе и ближе к опасной зоне высоких температур.

— Совершенно верно, но причин для беспокойства нет, мы скоро совершим посадку на Меркурий.

Сквозь темные очки рубиновый блеск глаз Давехат был не виден, но кожа казалась такой гладкой, нежной, а сама она необыкновенно привлекательной. Кокдор и Люк были прежде всего мужчинами и испытывали невольное восхищение, глядя на гибкий стройный стан, нежную линию груди, длинные грациозные ноги. Даже слишком просторный комбинезон выглядел на ней элегантно.

Жара нарастала. Корабль все дальше и дальше проникал в зону владений Солнца и, если бы не плотная масса облаков, находиться в этой зоне было бы немыслимо.

Вскоре выстрелы преследователей прекратились и вновь раздался сигнал интерфона. Выслушав сообщение, Давехат торжествующе засмеялась:

— Мы их, как это вы говорите на Земле... «посеяли»! Так, кажется? — Это выражение ее явно забавляло.— Сейчас будем приземляться. Очки будут не нужны, и мы сможем разговаривать с открытыми лицами.

Она потрепала по шее Ракса, сидевшего между ней и хозяином.

— Великолепный зверь,— тихо произнесла она.— Мне просто завидно, что у вас такое животное, кавалер.

— У меня есть главное — его верность, мадемуазель Давехат, а это ценнее всего.

Она поразмыслила некоторое время.

— Кавалер, лейтенант, вы не одобряете мои действия? Да, я устроила этот бунт. Пролилась кровь. Теперь между нами, свободолюбивыми меркурианцами и пришельцами — война.

— Боюсь, что это так,— согласился Люк.

— Но могла ли я отдать на заклание ваших землян? Капитана Фарта и сержанта Клиффорда?

Жолена вдруг выпрямилась, глаза ее заблестели.

— Вы спасли меня, Давехат, и говорите, что Дон...

— Не теряйте мужества, дорогая, за ним хорошо ухаживают, и как раз сейчас он потихонечку приходит в себя в нашем медицинском отсеке.

— А почему вдруг они впали в летаргию?— осторожно осведомился Кокдор.

— Вы должны бы уже догадаться, кавалер. Она была вызвана искусственно. Это вполне в наших силах.

— Так я и думал,— произнес Кокдор.

— И что же, вы вновь осуждаете меня?

— Я за свободу, но против насильственных мер ее обретения.

Давехат поднялась.

— Эту дискуссию можно вести до бесконечности. Кто прав, кто заблуждается? Бесплодные рассуждения, по-моему. Я думаю о предназначении моей расы. Не забывайте, кавалер, что все началось с тех самых первых посланий, которые были адресованы нам. Пусть мы не все еще поняли, но все пошло именно с того момента. Многие люди были бы брошены в тюрьму, уничтожены за прикосновение к этой тайне.

— Да,— подтвердила Жолена.— Как тот товарищ Дона, которого убили в госпитале на Земле.

— Не сомневайтесь, его умертвили только потому, что он слышал послания.

— Но ведь то были отчаянные мольбы о помощи, что-то вроде SOS, как я понял. По крайней мере, так сообщили официально до того, как это все замяли,— вновь заговорил Люк Дельта.

— Да,— ответила Давехат.— Но этот призыв исходил... боже, ну как вам сказать? Не стоит попусту тратить слова, лучше я вам дам послушать кое-что.

Все уже были без очков. Свет ослабевал, жара тоже. Хотя на звездолете имелся кондиционер, внешние колебания температуры давали о себе знать.

Через иллюминатор уже можно было различить рельеф планеты, к которой направлялся корабль.

Горы, увенчанные ледяными вершинами, вырисовывались на фоне унылого, почти черного неба. Виднелись пустынные долины, скалистые возвышенности, покрытые ледниками. Гигантская горная цепь, уходившая за горизонт, была покрыта тучами, похожими на гигантские холмы, подножия которых мрачно чернели, тем самым оттеняя вершины, пламенеющие под вечными лучами Солнца.

Шел снег. Он шел здесь, видимо, беспрерывно.

Давехат позвала молодую меркурианку, выполнявшую обязанности экономки.

— Луам, принеси магнитофон,— сказала она на языке Спалакс, понятном землянам, потом обратилась к ним: — Сейчас вы услышите эти послания так, как они записаны. Да, у меня есть эти записи. Их раздобыли мои друзья. Но если их просто послушать, это ничего не даст. Никто не сможет понять их. Их надо расшифровывать.— Она гордо подняла голову.— Только жрица Меркурия имеет возможность сделать это. Но пока я могу расшифровать эти послания лишь частично,— добавила она, пристально вгляды-

ваясь в лицо Кокдора,— если вы согласны помочь мне, кавалер, я пойму это откровение целиком, каким бы пугающим и ослепляющим оно ни оказалось. Тогда моя власть станет безграничной, и я познаю все тайны жизни и смерти.

9

Фраза прозвучала весомо. Некоторое время они хранили молчание. Давехат, похоже, осознавала, насколько немыслимы были ее высказывания, а земляне даже засомневались в ее психическом здоровье.

Эти подозрения родились у Жолены и Люка. Кокдор же полагал, что Давехат могла иметь веские основания говорить так. Этой тайне, яблоку раздора, вызвавшему фантастических размеров противостояние разных сил Солнечной системы, без колебаний были принесены в жертву человеческие жизни, свобода; ради нее совершались и скрывались преступления. Все делалось, чтобы помешать правде пробиться на свет.

Информация, видимо, стоила того.

Давехат представляла вещи по-своему. Конечно, в выгодном для себя свете. Однако Кокдор чувствовал, что реальность действительно была фантастичной.

Подошла скромная и услужливая Лаум. Она принесла небольшой усовершенствованный магнитофон, поставила его на столик подле Давехат, а рядом с ним положила несколько кассет. Жрица улыбнулась ей в знак благодарности и отпустила жестом.

Звездолет продолжал опускаться. Яркий свет померк, и сквозь иллюминаторы можно было различить серое, почти черное небо, в котором мелькали мириады снежных хлопьев. Порывы ветра закручивали их в вихри. Без всякого сомнения, звездолет садился в сумеречном полушарии Меркурия, обреченном никогда не знать знойного Солнца, которое иссушало противоположную сторону этой необычной планеты.

Давехат нажала на кнопку, и в разных углах салона вспыхнули светильники, залившие комнату мягким светом. Стало очень уютно. Кокдор еще раз осознал двусмысленность ситуации. На борту корабля находилась мятежная жрица во главе пиратского экипажа, заключенные, освобожденные из космической тюрьмы, офицеры — Люк Дельта и Бруно Кокдор, хотя и захваченные силой, но невольно оказавшиеся в стане врагов законной власти. Вся эта разношерстная компания собралась на серьезно поврежденном корабле, который только что ускользнул от погони и обстрела и сейчас направлялся в абсолютно не известное место на планете, так не похожей на другие.

И в такой ситуации они наслаждались вкусными напитками, покуривали марсианские сигареты, развалившись на мягких подушках, при искусно приглушенном свете. Впрочем, в своей жизни Бруно повидал немало чудес, странствуя среди планет и звезд...

Он устроился поудобнее, придвинув к себе Ракса, которому только это и было нужно. Пстор тут же довольно зафыркал.

Давехат посмотрела на кавалера и его зверя взором, значение которого было трудно разгадать. Кокдор решил при первом удобном случае проскандировать мозг этой столь недоступной пониманию девушки.

Тем временем меркурианка взяла кассету и вставила ее в магнитофон.

— Попрошу вас прослушать эту запись в полной тишине. Запись была сделана через антенну приемника В-93 в переходной зоне Меркурия с борта радиоспутника.

Люк Дельта сказал с нарочитым сарказмом:

— Я вижу, мадемуазель, что ваша служба неплохо работает, раз вам удалось завладеть этими кассетами. Они, конечно, хранились в строжайшей тайне.

Рубиновые глаза Давехат метнули молнии, и она ответила довольно нелюбезно:

— Мне многое удается, лейтенант Дельта.

Молодой человек не отвел глаз, чем позабавил Кокдора. Люк не всегда бывал покладистым. Вряд ли Давехат оценила такое поведение со стороны мужчины, ведь она оставалась женщиной, несмотря на свой сан жрицы.

Кавалер знал, что покорить Люка женскими уловками не удастся. На Земле его ждала Тамара, молодая жена, к которой он был очень привязан.

Меркурианка сочла за лучшее не обращать внимания на мимолетную стычку. Включился магнитофон.

Жолена и двое мужчин внимательно прислушались.

Вначале они услышали космический шум, обычный для любой космозаписи, голос звезд, пульсаров и далеких квазаров, эту таинственную гармоничную дисгармонию, которую постоянно излучает пространство.

Долгое время люди считали океан миром безмолвия, но это заблуждение рассеивалось по мере того, как совершенствовалась подводная техника. Применяя ее, люди учились слушать и громкий голос космоса, издаваемый мощным оркестром его излучений, этот гимн вечной жизни. Перед ее непостижимостью мелкие каждодневные потери казались мизерными, тем более, что они несли в себе возрождение в других жизнях.

Мало-помалу в этой какофонии стали различимы другие звуки — невнятные голоса, неведомое пение. И вдруг тягостная волна вы-

плеснулась на слушателей. Это был сигнал SOS, громкий призыв из неведомого, прорвавший космическое многоголосие.

Кокдор, Жолена и Люк старались разобрать хоть слово, прильнув к магнитофону.

Даже Ракс был, казалось, потрясен этими новыми звуками, лившимися из магнитофона. Он поднял свою красивую собачью голову; его желтые глаза светились необычным золотистым огнем.

Давехат задумчиво курила, глядя куда-то вдаль. Волнение землян и крылатого чудища было именно тем, на что она рассчитывала.

Наваждение продлилось несколько минут, затем Давехат остановила магнитофон.

— Ну что? Как впечатление?— спросила она.

— Потрясающе,— ответила Жолена.— Я уверена, что разобрала звуки голосов, которые пытались пробиться сюда сквозь помехи, и мне они показались тревожными, даже испуганными.

— Да, это так. Но на разных языках,— добавил Люк.— Какие-то наречия я знаю, другие мне неизвестны...

— Во всяком случае все, начиная с определенного момента, старались найти понимание,— сказал Кокдор.— Мне показалось, что с нами хотят вступить в контакт или установить этот контакт через пространство с другими гуманоидами, но авторы этих посланий испытывают неслыханные трудности, и передать эти послания им необыкновенно сложно, если не невозможно.

Давехат кивнула:

— Очень хорошо! Примерно о том же и говорилось в первых сверхсекретных отчетах о первой полученной записи. Давайте послушаем вторую.

Они прослушали вторую, третью, четвертую записи.

Давехат и ее слуги действительно завладели самыми интересными из них. Трое землян слышали то таинственный зов, то космический гимн, к которому явно примешивались человеческие голоса. Голоса эти вдруг проникались счастливой интонацией, выдававшей несказанную радость. Но это длилось недолго, и вновь мольба о спасении перекрывала остальные звуки. Другие, невеселые голоса вновь искали общения через гибельные пропасти времени и пространства.

Несмотря на все усилия, сознание слушавших не могло найти опору в мощном сплошном потоке звуковых сигналов, досада брала из-за того, что невозможно было вычленить что-то членораздельное в льющейся из динамиков мешанине, хотя интуиция подсказывала, что информация была чрезвычайно ценной, хотя и тонула в собственной значительности.

Меркурианка продолжала наблюдать за своими гостями.

Жолена сидела потрясенная, Люк Дельта, вслушивающийся

в звуковой поток с напряженным лицом, был явно разочарован тем, что ничего не мог в нем понять.

Кокдор прошептал:

— Они разговаривают с нами... Они рассказывают нам... У меня странное ощущение... Оно смутное, неясное — словно что-то рождается в душе в ответ на эти послания. То прилив необыкновенной, всеобъемлющей радости, то, наоборот, тоска, страдание и зов потерянных душ, разрываемых горем. Эти души призывают своих братьев по Вселенной на помощь. Но где они? Кто они?

Давехат встала, бросила сигарету.

— Вы попали в самую точку, кавалер.

— А вы что-то знаете? Так скажите нам! Видимо, вы знаете, что это означает.

— По сути, я знаю немногое. И межпланетным властям известно не больше. Но и им, и мне уже понятно, откуда идут сигналы SOS. Они были предсказаны давними пророчествами, о которых я упоминала. Это и вызвало бесчеловечную жестокость со стороны властей, которые предпочитают управлять слепой толпой. Но ни Давехат, ни ее народ не желают погружаться в болото невежества.

— Вы говорите загадками,— разозлился Кокдор.— Объяснитесь!

— Кавалер, кавалер... Неужели вы не догадываетесь, *что* это за голоса и откуда они идут?

Она смотрела ему прямо в лицо, ее рубиновые очи бросали вызов зеленым глазам кавалера Земли.

Наступила тишина. Люк Дельта и Жолена видели, что Бруно делает страшное усилие, чтобы сдержать свое необыкновенное волнение.

Дрожь прошла по его телу, и он почти крикнул:

— Не может быть! Вы намекаете, что... Нет, это невозможно!

— Возможно! — воскликнула Давехат.— Возможно — и вы сами все поняли!

Кокдор закрыл лицо руками и, спустя несколько мгновений, простонал:

— Этого не может быть... этого не может быть...

— Я вам клянусь,— продолжала меркурианка.— Вы думаете, было бы столько жертв, если бы на карту было поставлено нечто меньшее? А я, со своей стороны, разве рискнула бы ввергнуть мой народ в настоящую войну против моего же народа?

— Так что же,— произнес сильно побледневший Кокдор,— если... если это правда, а я начинаю склоняться к тому, что это так, хотя это просто невероятно, что за интерес в этих посланиях — ведь их невозможно расшифровать?

— Действительно, это очень трудно, но не невозможно. Спецслужбы уже пытались сделать это, но сломали зубы. Ничего у них

не выйдет. Сначала надо классифицировать эти послания, развернуть по подходящим частотам.

— А где взять такой детектор, такой фильтр, чтобы...

— Он существует,— ответила жрица.— Это особая призма, которая находится на Меркурии. Она может сыграть роль фильтра, который нам и нужен. Это нам известно из тех же самых пророчеств.

— Фильтр?

— Его надо найти. А мои предки оставили мне в наследство его частичку.

Она протянула свою прекрасную руку цвета темной слоновой кости, и присутствующие с восхищением увидели кольцо неизвестного металла, вероятно, какого-то сплава. В нем блестел крохотный камень какого-то неуловимого оттенка... Таким же неуловимым бывало иногда выражение лица Давехат.

Камень был едва заметен, но, повернутый под определенным углом, излучал целый сноп огней.

— Вот он, фильтр. Вернее, его маленький кусочек. Он не может дать полную расшифровку посланий, но общую картину определить способен.

— Клянусь всеми демонами галактики, я ничего не могу понять из ваших объяснений! Хочется ясности!

— И мне тоже,— сказала Жолена.

Давехат подошла к магнитофону.

— Сейчас мы снова прослушаем запись, но пропустим ее через фильтр и увидим то, что он сможет выделить из спутанного волнового потока. Вот тогда вы наверняка поймете.

10

Лихорадочное оживление овладело прелестной Давехат.

Кокдор, Жолена и Люк предчувствовали, что наступил самый важный момент и скоро они узнают что-то исключительно важное. Впрочем, Кокдор уже догадался, но даже он, зеленоглазый завоеватель дальних миров, знаменитый медиум, казалось, был растерян перед лицом открытия, которое предстояло сделать его соотечественникам.

Даже Ракс дрожал от возбуждения, даже в его таинственной звериной душе, непроницаемой для человеческого понимания, трепетал вопрос, которого он страшился.

— Должна пояснить,— уточнила Давехат, которой, несмотря ни на что, необходимо было сдерживать эмоции и уступать место технике,— что с первого раза у нас может ничего не получиться. Придется идти наощупь, прослушивать несколько раз.

— Мы будем терпеливы,— пообещал Кокдор.

Его голос стал вдруг бесцветным, лишенным того своеобразного тембра, который придавал ему колдовское звучание.

Прежде чем начать прослушивание, Давехат сочла необходимым сделать еще несколько пояснений:

— Призма фильтрует волны в момент их получения, но работает она так же, как транзисторная антенна, которую надо настроить, чтобы поймать чистую передачу. Из-за дифракции волны редко сохраняют постоянство частоты, поэтому настройка займет у нас некоторое время.

Жолена дрожала, испытывая непонятный страх перед неведомым и в то же время страстно желая постичь тайну. Люк Дельта сгорал от нетерпения, но делал все, чтобы казаться таким же невозмутимым, как его друг.

Давехат встала в центре салона, вытянув руку. Эта поза делала ее похожей на живую статую дивной красоты. Драгоценный камень на ее пальце сиял, несмотря на крошечный размер.

— Кавалер, включите, пожалуйста, магнитофон. Да, да, нужно всего лишь нажать на этот маленький рычажок.

...И вновь странные звуки наполнили каюту звездолета, сливаясь в фантастическую гармонию.

Трое землян сдерживали дыхание. А Давехат не стояла на месте. Она то делала шаг вперед, то поворачивалась, отступала, возвращаясь на то же место, наклонялась или, наоборот, поднимала руку, стараясь поймать главный пучок излучений. При каждой удаче земляне вскакивали со своих мест, думая, что все это им снится, но Ракс своей реакцией подтверждал реальность происходящего.

Можно ли было оставаться бесстрастным, когда мимолетные видения, а точнее, обрывки видений, возникали в салоне? Они были

настолько ослепительными и краткими, что трудно было осознать то, что мелькало перед глазами. Это походило на быстро прокручиваемый фильм об иных мирах.

Сияющий луч пронзил реальность, приоткрыв завесу над неведомым.

Видения были очерчены лучами, расходившимися узким веером по мере удаления от источника — крошечного камня, украшавшего палец меркурианки и служившего волновым фильтром.

С каждым проблеском света присутствующие слышали (казалось, слышали) и видели (казалось, видели) живых людей в натуральную величину, но появлялись они лишь тогда, когда попадали в поле острого светящегося луча.

Была полная иллюзия того, что эти люди присутствовали на корабле, были реальными, живыми, осязаемыми, видимыми через отверстие в форме расширяющегося конуса, которое позволяло наблюдать за происходящим как бы из соседней комнаты.

Давехат изощрялась, как могла, но ей никак не удавалось стабилизировать пучок волн. Отчаявшись, она упала на диван и разрыдалась.

Земляне переглянулись. Мужчины были в растерянности. Ракс, который умел сочувствовать человеческим страданиям, печально засвистел. Жолена же, увидев горюющую сестру-женщину, тихо подошла к ней, обняла за плечи и принялась утешать обычными наивно-детскими, лишенными особого смысла словами, приносящими облегчение не своим значением, а особой интонацией.

Давехат подняла голову и легким жестом смахнула блестевшие на глазах слезы. Слегка улыбнувшись Жолене в знак благодарности, она встала, явно досадуя на то, что проявила слабость.

— Простите меня, друзья,— сказала она.— Я веду себя недостойно.

— Ну что вы,— тихо ответил кавалер.— Я думаю, вы просто очень хорошо понимаете, какие последствия может иметь расшифровка этих посланий. Кроме того, мне кажется, что у вас были колоссальные психические затраты.

Она подняла на Кокдора свой огненный взор: такое понимание удивляло и трогало ее.

А для кавалера многое прояснилось. Мгновенная слабость и чисто женская реакция на неудачу раскрыли ее душу лучше, чем бесконечные и бесплодные сеансы психоанализа.

Давехат уже взяла себя в руки и вновь принялась настраивать фильтр на необходимую частоту. Тем временем запись закончилась, и попытка Давехат не удалась. Однако результат все же был. Впечатления оказались разными, но в высшей степени причудливыми.

— К ним почти можно было прикоснуться,— утверждала Жолена.

— В этот раз мы не просто слышали голоса и звуки,— подхватил Люк Дельта,— мы этих людей видели, да и звуки их голосов были вполне членораздельны. Слышали мы и шумы, которые сопровождали их действия.

Давехат выспрашивала у присутствующих детали того, что они могли различить. Хотя картина была неполной, но довольно четкой. Бесспорно, все это было реальностью.

Кокдор слушал, не вмешиваясь. Он был бледен, сам не понимая, какое чувство им овладело, и машинально теребил усы Ракса. Зверю это совершенно не нравилось, но протестующий свист был негромким. В его золотых глазах явно читался вопрос о происходивших вокруг него странных и непостижимых вещах.

Чтобы успокоить нервы себе и землянам, Давехат угостила всех марсианскими сигаретами. Только верный своим привычкам Кокдор отказался закурить.

Поставили следующую запись и повторили попытку ее расшифровать. Давехат вновь превратилась в живую антенну.

Таинственные звуки вернулись к ним, синтезируя человеческий мир. Иногда улавливались отдельные слова, целые фразы на незнакомых языках, даже на языке Спалакс. Самые разные звуки рассказывали о людских занятиях, по конкретным шумам можно было догадаться о самых разных профессиях.

Давехат продолжала свои движения. Она вполне уже овладела собой, пообещав себе больше не поддаваться женским слабостям.

Впрочем, результат действительно был! Земные гости могли подтвердить, что дверца в таинственный мир приоткрылась, хотя увидеть они смогли немногое.

Внезапно возник светящийся луч.

Это длилось недолго, секунд двадцать, но изображение стало более ясное, чем в первый раз, можно было различить несколько человеческих фигур. Некоторые были видны только выше пояса, другие, в широкой части луча, почти в полный рост.

Это видение пригвоздило всех к полу. Затем изображение исчезло. Мганитофон продолжал воспроизводить слившиеся воедино звуки и еле ощутимое дрожание тысячи гармоний, но изображение больше не появлялось. И стало невозможно понять что-либо дальше, потому что на краткий миг они вдруг увидели и прекрасно услышали то, о чем говорили те люди.

Земляне, как и Давехат, дрожали под впечатлением неслыханного откровения.

— Я... я хорошо расслышал?— заикаясь, спросил Люк Дельта.

— Он сказал: я так хочу помочь вам, полюбить вас,— произнесла Жолена и тут же добавила: — Он говорил на земном французском языке, на нашем родном.

— Полагаю, что вы, как и я, различили в этой группе людей

того, кто говорил,— сказал Кокдор.— Это был мужчина в летах с густыми седыми волосами, с худым улыбающимся лицом. Такую одежду, как у него, носили три-четыре века назад. Но эти белые волосы, как мне кажется...

— Это был парик! — вскричала Жолена.

— Да. Может, это актер,— предположил Люк.

— А возможно, это был,— с полной серьезностью ответил Бруно,— не переодетый актер, а человек в одежде своего века.

— «Я так хочу помочь вам... полюбить вас»,— прошептала Жолена.— Как прекрасны эти слова!

— Поэт, философ,— произнес Кокдор.— Может быть, из так называемой эпохи Просвещения, из XVIII века. Вы знаете, тогда после великих надежд и полета мысли все очень плохо кончилось, по крайней мере, на Земле. В век Просвещения люди испытывали огромную любовь к человечеству. Слова, услышанные нами — далекий отзвук той любви.

— Куда вы клоните, кавалер?— спросила Жолена.

— Я вас специально заинтриговал. Вы ведь думаете, что мы воспринимаем послания из прошлого, так?

— Да, я так думаю,— ответил Люк.— Этот... как сказать... способ, непонятно как, позволяет уловить фрагменты пространства-времени и перенести нас в прошлое или, кто знает, в будущее?

Жолена и Люк Дельта с колотящимися сердцами ждали ответа.

Но Кокдор отрицательно помотал головой.

— Друзья мои, я думаю, это не так! Вы согласны со мной, прелестная Давехат? Люк и Жолена предчувствуют правду, но не осмеливаются или не могут дойти до конца.

— Сто тысяч комет, Кокдор, объяснитесь, наконец!

Кавалер посмотрел на жрицу, которая не отводила от него рубиновых глаз и нетерпеливо ждала, что же он скажет.

— Вы действительно видели людей из давно прошедшего века, внешне похожих на самих себя, но перевоплотившихся и могущих показаться только в той телесной оболочке, которая была им присуща при жизни.

— Привидения?— вскричала Жолена, вскакивая, и схватилась за сердце.

— Это какое-то безумие! — завопил Люк Дельта, который уже терял контроль над собой.

Кокдор жестом успокоил их обоих.

— Нет, мы не в мире привидений, вампиров и других демонов. Мы в реальной жизни, но только в другой, которая продолжается после физической смерти, вот и все.

— Бруно, вы хотите сказать, что эти люди... этот поэт, философ, как вы его назвали...

— Они существуют! Да! Они живут, хотя мы обычно слишком

легко начинаем считать их умершими. Их послания уже вызвали столько драм и угрожают миру страшными потрясениями, если их секрет станет известен. Да, эти послания идут из мира исчезнувших отсюда, но по-прежнему живущих душ. И обрывки услышанных нами фраз выражают отношение к нам человека, который уже находится в запредельном мире, но продолжает любить своих братьев, которые еще не покинули свою телесную оболочку. Он знает нечто важное и, наверное, хочет сообщить нам об этом, чтобы помочь в этой жизни. Он хочет избавить нас от бессмысленных столкновений, вызываемых самыми низкими и подлыми страстями, которые сотрясают жизнь всего сущего во Вселенной.

Он продолжал говорить, а Люк Дельта, оглушенный и онемевший, не двигался. Бывший пилот-испытатель не находил слов, чтобы выразить свое потрясение тем предположением, которое высказал Бруно.

Жолена могла только простонать:

— Умершие... с нами говорят умершие!

Она побледнела, попыталась встать, но рухнула без сил.

Оба землянина подбежали, чтобы ее поднять. Магнитофонная запись заканчивалась.

Давехат тоже собиралась помочь Жолене, Ракс лизал ее в лицо. В этот момент в комнату вошла Луам и что-то тихо сказала главной жрице. Та одобрительно кивнула, и молодая меркурианка ввела двоих мужчин в тюремной одежде. Они шли не очень твердо, но на их лицах сияла надежда. Это были Дон Клиффорд и капитан Фарт, восставшие от искусственного сна, в который их погрузили Давехат и ее слуги.

Дон Клиффорд увидел Жолену и с криком радости бросился к ней.

И когда девушка открыла глаза, очнувшись от обморока, она увидела лицо того, за кем отправилась в неизвестность. От волнения Жолена чуть было вновь не потеряла сознание.

Кокдор обратился к Давехат.

— Вы уже получали такое четкое изображение?

— Еще ни разу, признаюсь, но все это не очень стоящие вещи. Представьте, что произойдет, если мы сможем расшифровать послания ПОЛНОСТЬЮ, понять потусторонний SOS, который настолько же заступничество за ушедших, насколько предупреждение живущим об ответственности за поведение человечества.

— А призма, фильтр, о котором вы говорили?

— В моем кольце лишь ничтожная его часть, и все же вы видите результат. Большая призма позволит установить контакт, вступить, может быть, в переговоры. Так или иначе, мы сможем выслушать великих ушедших — ученых, мыслителей, которые создавали этот мир. Эта честь выпала моему народу,— так говорят мер-

куриáнские пророчества. Но мне нужна призма. А чтобы разыскать ее — к чему скрывать,— мне нужна помощь такого человека, как вы, кавалер Кокдор.

Звездолет шел на посадку в ледяной долине под абсолютно черным небом. Первая часть путешествия заканчивалась.

11

Меркурианцы заканчивали последние приготовления к экспедиции в горячую зону планеты.

Это происходило в темном районе, в холоде, сравнимом с заполярным на Земле. Островерхие горы, покрытые вечными ледниками, тянулись к черному беззвездному небу, с которого дождем сыпались ледяные иголочки; поверхность планеты была полностью упрятана под снежным покровом. То и дело происходили обвалы.

Подземные воды позволили развиться какой-то жизни: редкие растения, еще более редкие животные — млекопитающие или птицы. Меркурианцы раньше жили здесь, в центральном поясе, где климат иногда испытывал катаклизмы. Из-за возмущений орбиты планеты температура на поверхности то резко падала, то так же резко подскакивала. Это сильно осложняло существование обитателей зоны, все же достигших высокого уровня развития. Эта чистая, благородная раса легко усваивала достижения других цивилизаций.

Но теперь большая часть меркурианского населения была призвана под знамена Давехат, оставив до лучших времен заботы о техническом совершенствовании. Все они фанатично верили в то, что пророчества осуществятся.

В затерянной среди гор труднодоступной долине находились останки старинного меркурианского города. Дома, дворцы, храмы были частично погребены под толщей снега и льда. Именно в этом месте Давехат и устроила свой штаб — в надежде, что древний Мкоор забыт властями.

В гигантском заброшенном храме был построен ангар для звездолетов, среди которых находился и тот, который привез Давехат, Кокдора и его друзей со спутника-тюрьмы. В том же ангаре в глубокой тайне были построены еще два космолета.

Среди руин, упрятанных под белым покровом льда и снега, жило небольшое племя, жило только ради Давехат и безумной идеи об избранничестве Меркурия во Вселенной.

Постепенно сюда была переведена и надежно укрыта техника, необходимая для оборудования цехов. Работали радио, телевидение, пост межзвездных коммуникаций. Условия жизни были неважными, но люди работали и надеялись.

История с таинственными сигналами SOS, быстро облетевшая

весь Меркурий благодаря необыкновенному единству всех его обитателей, влила в них новые силы. Они увидели в этих сигналах подтверждение передаваемых от поколения к поколению пророчеств.

Несмотря на секретность, город был обнаружен разведкой — не без помощи шпионов. Всех их безжалостно уничтожили,— так что режим секретности пока удавалось соблюдать, но, учитывая ход событий — не вполне удачный штурм космической тюрьмы и не очень успешную битву в пространстве,— Давехат решила, что надо поторопиться. Планету, конечно, прочешут вдоль и поперек — по крайней мере, холодную и переходную зоны: ведь существование в горячей зоне было немыслимым.

Но именно в горячую зону, в ее более-менее доступный район и намеревалась перебраться Давехат, захватив Кокдора и всю экспедицию, и именно там она рассчитывала найти фильтр, который мог расшифровать послания, пришедшие — в этом уже никто не сомневался — из потустороннего мира.

Обо всем этом она беседовала с кавалером. Они находились в огромном цехе, где меркурианцы изготовляли свои инструменты и аппараты. Среди них было немало инженеров, ученых вроде Давехат, специалистов во всех областях атомной отрасли. Постепенно был организован мощный, великолепно оснащенный отряд, обслуживаемый внушительным количеством техников и получавший средства к существованию от населения Меркурия, преданного Давехат.

Конечно, только что прошедшее космическое сражение обезглавило флот, но меркурианцы не унывали. Они заканчивали строительство металлического вездехода, похожего на гигантских размеров танк, который, благодаря мощным внутренним кондиционерам, позволял передвигаться как в заснеженной, так и в огненной зонах, в районах на подходе к совсем уж невыносимому жару, царству чудовищного горячего Солнца.

Вездеход был способен также держаться на плаву, что было необходимо, так как ближе к экватору реки становились полноводнее из-за постоянной подпитки тающими ледниками холодной зоны. Иногда таяние принимало бурный характер, если происходило одно из внезапных возмущений планеты, которые приводили в отчаяние астрономов. Их невозможно было предсказать и классифицировать, хотя колебания орбит других небесных тел, главным образом, капризной Луны, ученые умели предсказывать с большой точностью. Считалось, что сейсмические потрясения вызывались близостью Солнца, что и создавало нестабильность климата на планете и чудовищные перепады температур в зоне терминатора.

Бруно Кокдор продолжал делать вид, что смирился с ситуацией. Будучи пленником, он мог не ставить себе в вину пребывание среди восставших. Это же относилось и к Люку, и к Жолене,

к капитану Фарту и Дону Клиффорду, которых меркурианцы фактически увезли силой.

Кокдор чувствовал себя с Давехат свободнее. Она становилась мягче и призналась, чего именно хотела от него. Главное — заполучить призму, чтобы расшифровать записи.

Правда, Бруно допускал, что есть возможность ошибки и слишком вольной интерпретации посланий. Тем не менее, потрясение не проходило. В глубине души кавалер Земли думал, что будет найдено подтверждение внегалактического происхождения SOS, и в этом случае он чувствовал решимость идти до конца не только для того, чтобы оказать помощь Давехат и меркурианцам (это было бы сомнительно с моральной точки зрения), но чтобы воспользоваться тем, *что* этот фантастический контакт мог принести человечеству.

Только вот не лукавила ли Давехат? И где была призма?

Давехат и сама этого не знала.

До сих пор — и это длилось тысячелетиями — меркурианцы жили, поклоняясь своим жрицам больше, чем воображаемым богам. Истинная наука колдуний опиралась на их опыт и догадки, откровения священных книг неясного происхождения. Но жрицы непременно ссылались на предсказания, по которым народ Меркурия должен был вступить в контакт с душами умерших и получить от них великие знания.

Межпланетные связи с более материалистическими мирами поколебали эти древние верования, но горстка фанатиков поддерживала факел, зажженный предками.

А потом раздались эти странные призывы по радио.

...Призма? Бесспорно, миниатюрный камешек, вправленный в кольцо жрицы, обладал исключительной способностью расшифровывать свето-звуковые волны — в этом Кокдор и его друзья имели возможность убедиться. Но слишком недостаточна мощь камешка, а большой монолит, необходимый для окончательных экспериментов, был скрыт, как утверждали древние книги, где-то на границе между переходной и огненной зонами. Неизвестно, был ли он обработан, или сохранял природную форму?

Давехат, как и ее предшественницы, старательно изучила древние книги и предполагала, что таинственный камень должен находиться где-то в горном районе, называемом Зкафай, за экватором. Там было, конечно, очень жарко, но лишь на поверхности, а в трещинах, оврагах, обрывах головокружительной глубины можно было, как уверяли, укрыться от безжалостных лучей Солнца.

— Вы поможете мне, кавалер! Не только вашим мужеством, отвагой, но и своим даром ясновидения. Я тоже умею устремляться духом за пределы тела, но одна я ничего не смогу сделать. Думаю, что вы и я, соединив наши психические усилия, сумеем обнаружить чудесный камень. Когда мы им завладеем, с помощью записей, ко-

торые я раздобыла и огромную ценность которых вы не будете отрицать,— какая слава падет на нас, какую власть мы получим! Вся мудрость великих перейдет к нам, и мы будем вечно царить над миром...

Наблюдая за тщательной работой сварщиков, заканчивавших ремонт звездолета, подбитого во время сражения и доставившего их на Меркурий, Кокдор мирно сказал:

— Я думаю, Давехат, что такое могущество к лицу лишь властителю Вселенной, единому Богу, которому поклоняются на многих планетах, называя его по-разному. Он выше всех политических фантазий.

— Да, конечно. А вы, земляне, не верите в перевоплощение бога?

— Верим. Его дух воспарил над вечностью, но только он и есть сущее, обретающее себя в универсальных формах. Об этом, кстати, пишут у нас, Франко-Землян, Жюль Верн и Андре Жид — сильно отличающиеся друг от друга, но великие писатели. Тем не менее, ничто не позволяет нам думать, что мы, существа из плоти...

— Но мы будем владеть всеобщим знанием!

— Человеческим знанием, Давехат, всего лишь знанием людей. Любопытно, что повсюду верят, будто после физической смерти жившие рядом с нами обретают необыкновенную мудрость. Все это метафизика, свойственная старинным гадальным книгам. Резона в них никакого. Хотя возможно, что после пребывания на планете, в каком бы мире они ни жили, у душ действительно появляется то, что можно назвать высшей мудростью. Но это не высшее знание.

— А вы все-таки это допускаете? Объясните мне почему?

— Да просто потому, что я в это верю. Когда наша душа отделяется, а лучше сказать, освобождается от бренной оболочки и от всех ее рабских привычек, которые ломают прямоту наших суждений, нашей мысли, когда наш дух больше не пленник досадных случайностей, он приобретает возможность с бесконечной точностью, четкостью и чистотой оценить мирские проблемы. Избавленные от естественного эгоизма человека, поглощенного собственными интересами, души заботятся единственно о том, чтобы постараться передать этот здоровый взгляд на мир, что было бы так полезно живущим, чтобы их существование и развитие шло более или менее ровной дорогой. Я думаю, прекрасная Давехат, что великое отчаяние, которое исходит от посланий, объясняется как раз тем, что переселившиеся души хотят с нами говорить, хотят научить нас, но осознают наше безразличие, нашу глухоту к их призывам.

Жрица с рубиновыми глазами посмотрела на Кокдора долгим взглядом.

Вокруг них, казалось, шумел улей: сотни меркурианцев труди-

лись во славу своей расы, уверовав в избранность своего народа для общения с потусторонним миром.

Ракс, который по обыкновению сопровождал хозяина, был слегка обескуражен шумом и не без опаски смотрел на пучки искр, вылетавших из сварочных аппаратов. Тем не менее, оказавшись на Меркурии, пстор предпочитал находиться внутри мастерских, потому что климатическая зона без тепла и света была явно ему не по вкусу.

Кокдор и Давехат продолжали не спеша обходить аппарат, который должен был отвезти их в Зкафай. Там они должны были вновь увидеться с Люком Дельта и капитаном Фартом. И тот, и другой приняли решение во всем следовать за Кокдором. Люк трудился над наладкой двигателей этого странного подобия танка, предназначенного для экспедиции. Занимался он и моторами звездолетов, особенно того, который был подбит во время бегства.

Фарт же оказался прекрасным специалистом в области волновой связи, и ему нашлось дело в радиорубке.

Жолену и Дона оставили в покое. Они вновь обрели друг друга и были счастливы. Да и какой другой мужчина не оказался бы наверху блаженства после испытанных потрясений, узнав, что женщина презрела опасности, чтобы найти его и спасти, что она примчалась с другой планеты, не побоявшись бросить вызов всевозможным трудностям?

Кавалер обратил внимание Давехат на то, что, хотя он и его спутники были в прямом смысле слова похищены у законных властей, однако, помогая восставшим меркурианцам, они ставили себя в щекотливое положение.

Этот факт был постоянным источником стычек между ними. Очень часто Давехат и Кокдор обменивались колкостями, но диковинные упрямые очи темно-рубинового цвета не могли смутить изумрудные глаза землянина, несмотря на то, что меркурианка привыкла к беспрекословному послушанию со стороны своих собратьев. Тем не менее, на замечание Бруно она отреагировала сразу:

— Да, они работают на меня. Но не я ли их освободила? Без меня, признайте, Кокдор, Жолена еще томилась бы в тюрьме. А что до Фарта и Клиффорда, их судьба была ясна: не погрузи я их в летаргию, они могли бы быть отправлены на Землю, как и несчастный Серж Нивель, о котором вы говорили, и там умерли бы от неизвестной болезни. Согласитесь, что они обязаны мне спасением.

— Но однажды как они, так и я должны будем вернуться на Землю к своим!

Рубиновые глаза молча смотрели на кавалера, потом Давехат произнесла:

— Вернуться? Покинуть меня? Зачем? Призма даст нам безраздельную власть. Мы будем нужны друг другу, Бруно.

Она впервые назвала его по имени.

Но он, улыбаясь ласковым словам, в свою очередь, изобразил загадочного сфинкса и не ответил. Давехат, даже если это и оскорбило ее, не подала вида.

Обойдя цеха, как это делалось ежедневно, внимательно осмотрев все работы и особенно доводку вездехода, они вернулись в старинный дворец, приспособленный под жилище Давехат и ее слуг. Там же теперь жили и земляне.

К ним подбежал какой-то меркурианин и, запыхавшись, произнес:

— Божественная Давехат!

— Что, Паскко?

— Наши радары засекли эскадру аэротанков над горами. Через две-три минуты они будут на Мкоором.

— Ну и что? Город скрыт снегом и льдом.

— Жрица, прости меня! Лазерный радар показывает также, что они оснащены локаторами, лучевые зонды которых прощупывают не только поверхность почвы, но и более глубокие слои. Они обязательно обнаружат жизнь в долине...

Давехат нахмурилась.

Мкоор хорошо укрывал их, но власти применили всевозможные средства, чтобы разыскать и верховную жрицу, и беглецов, и базы, на которых упрямцы могли скрываться.

Маленький городок был забыт, его считали мертвым на протяжении многих веков, потому что окружающая местность была безжизненной, совершенно непригодной для обитания людей.

Однако эскадра, снабженная лазерными радарами, могла бы обнаружить невидимые на поверхности следы жизнедеятельности группы людей, и не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, какие именно люди здесь скрываются.

— Спасибо, Паскко. Кавалер, пройдемте в радиорубку.

В рубке уже были меркурианские специалисты и с ними — капитан Фарт. Он показал Кокдору и Жолене на экран, который фиксировал движение эскадры аэротанков. Эти летательные аппараты были довольно тяжелы и неповоротливы, служили чаще не как боевые машины, а как грузовые и разведывательные корабли.

На экране было четко видно, как от точек, обозначавших танки, расходятся веером лучи, прощупывающие почву и проникающие глубоко в недра Меркурия.

Эти суперрадары, аналогичные тем, которыми пользовались люди Давехат, должны были вскоре засечь местонахождение мятежного отряда. Одинокий человек, возможно, мог бы от них скрыться.

На всякий случай была объявлена тревога. Весь Мкоор был в боевой готовности, но эскадра пролетела мимо.

— Они не нападают,— сказала Давехат.— У них другая задача. Заметили ли они нас? Возможно. Надо уходить отсюда. Очень быстро.

В мастерских попросили подождать двадцать четыре земных часа, или, как принято было считать по меркурианской системе измерения времени, два витка — ведь на этой планете не было смены дня и ночи.

В назначенное время огромный танк двинулся в путь.

12

Жолена ни за что не хотела расстаться с Доном Клиффордом. Как и капитан Фарт, Дон был полон решимости ехать вместе с Кокдором и Люком Дельта. Давехат уступила их желанию и включила их в состав экипажа из двадцати человек.

Кокдор предполагал, что Давехат видит в них опасность для своего дела, опасаясь какого-либо сопротивления, бунта. Но ее хорошо охраняли слуги-фанатики. И, вероятно, она рассчитывала на свои способности к внушению.

Вездеход медленно продвигался в зоне вечного оледенения, под беззвездным небом, навевавшим глубокую грусть.

Система кондиционирования воздуха, как и на любой меркурианской машине, была безупречной. Путешествие должно было длиться несколько витков, и такая система была жизненно необходимой. Окна, застекленные деполексом, позволяли любоваться пейзажами, что и собирались делать земляне, исключая моменты, в которые Фарту придется работать в радиорубке, а Люк Дельта займется проверкой двигателей.

Мкоор был расположен недалеко от умеренной зоны, этого цветущего зеленого кольца, так часто подверженного стихиям — то наводнениям, то адской жаре — в зависимости от возмущений орбиты Меркурия.

В общей сложности предстояло проехать всего несколько сот миль. Вездеход мог пройти от шестидесяти до восьмидесяти миль за двойной виток по любой поверхности. Сложная система гусениц полностью покрывала поверхность машины, поэтому сбоку были устроены окна, а спереди и сзади, там, где находились слепые стенки, был встроен радиорадар, воспроизводивший на панорамном экране все, что находилось на пути движения танка. Специальные детекторные экраны позволяли также увидеть то, что находилось под землей.

Снаружи сооружение представляло собой металлическую громадину около тридцати метров длиной и походило на фантастическое насекомое, которое могло перемещаться благодаря движе-

нию широкой гусеничной ленты, охватывавшей его тело по всей ширине.

Металл был легким, колесный механизм очень чувствительным, поэтому машина была удобна в управлении. Эта модель уже использовалась в боях, но механики, преданные Давехат, еще более усовершенствовали ее по чертежам инженера из звездной системы Кентавра.

По пути иногда встречались пушистые зверьки, птицы, потерявшие яркость оперения в суровом климате и казавшиеся почти прозрачными, что было, конечно, оптической иллюзией.

...Путешественники говорили об особенностях жизни на Меркурии. Люка Дельта чрезвычайно удивляла сильная пигментация кожи местных жителей, но Давехат, признавая, что раса, живущая в умеренной зоне, должна быть более светлой, считала, что ее предки были родом из огненной зоны.

— Это все легенды,— говорил бывший пилот-испытатель.— Жизнь в тех областях невозможна. Чем дальше от экватора, тем страшнее жара, иногда доходящая до сотни градусов.

— Легенды, говорите? Но эти легенды наделили моих предков силой, которую я унаследовала. И именно из легенды мы узнали об общении с умершими. А власти приняли все это всерьез. Доказательства? Ваши друзья, брошенные в тюрьму и только случайно избежавшие гибели.

Давехат также рассказала о животном мире переходной зоны — более разнообразном, чем в холодной. Люди там были довольны своей жизнью, несмотря на перепады климата, то заливавшие эти места водой, то подставлявшие их жаре. Животный мир также довольно удачно переживал последствия стихийных бедствий.

— А что вы скажете,— продолжала меркурианка,— когда за экватором, ближе к Зкафай, куда мы направляемся, вы встретите фантастических зверей, которых заботливая природа приспособила к жизни в огне?

— Я что-то слышал о летучих саламандрах.

— Да, они существуют. Это огромные птицы, покрытые чешуей, которая выдерживает самые ужасные температуры. На глазах у них словно иллюминаторы — так у них выглядит роговица, а когти и клюв похожи на металлические. Только этот вид птиц и еще один вид насекомых — биологически они почти родственники — могут существовать там благодаря своему защитному покрову. Натуралисты до сих пор ломают головы над этой загадкой.

Так разговоры заполняли долгие часы путешествия. Развлечения сводились к знакомству с меркурианским ледяным и каменистым миром, простиравшимся перед глазами путешественников. И только вода, живительная вода скрадывала унылый, почти лунный ландшафт.

Своенравные потоки бежали в ледяной пустыне, беря начало в горячих ключах-гейзерах, которые пронизывали слои заледеневшего снега и порождали ручьи и реки, чей веселый шум так контрастировал с суровым молчанием гигантских гор, постоянно укутанных саваном вечных ледников.

К исходу третьего витка была объявлена тревога. Кокдор оценил быстроту, с которой меркурианцы заняли свои боевые посты. Было условлено, что земляне в любом случае сохраняют нейтралитет. В принципе они были пленниками Давехат и ни в коем случае не согласились бы выступать против законных властей, несмотря на то, что Фарту, Клиффорду и Жолене это уже не грозило бы какими-либо потерями.

Лазерный радар засек огромный наземный аппарат, двигавшийся им навстречу. Давехат с горящими от ярости глазами стояла рядом с Окффом, командиром вездехода. Люк Дельта держался среди других землян, а Кокдор вместе с Раксом стоял у пульта управления, и Давехат принимала это как должное. Своим поведением она как бы молчаливо отделяла его от других, что вызывало у меркурианцев благоговение перед кавалером Земли.

Окфф следил за маневрами незнакомой машины, которые воспроизводил экран радара.

— Это боевой танк,— объявил он.— Придется принять бой.

У Давехат слегка дрогнули ресницы, и она кивнула в знак согласия. Выбора не было, она полагалась на капитана и своих солдат.

Вражеский танк продолжал двигаться вперед. Его силуэт возник на панорамном экране. Вырвавшись из горных теснин, он шел прямо на них, испуская специальные сигналы по способу, изобретенному венерианскими учеными. Возбужденные фотоны давали ярчайшие световые пучки, с помощью которых оказалось возможным зашифровать код Спалакс в видимые сигналы. Это очень облегчило общение.

Увидев мигающие фары, Давехат громко рассмеялась.

— Нам приказывают остановиться и сдаться. Бесспорно, они знают, кто мы.

— Прикажешь стрелять, Божественная? — спросил Окфф.

— Выполняй свой долг,— просто сказала она.

Окфф подал знак, и из передней части танка вырвался сноп огня, взрывая ледяную массу.

Беглецы не могли не принять бой.

На приказы танка, принадлежащего к регулярным силам, они ответили нападением, что на любой планете является лучшим способом защиты.

Куски льда, некоторые из которых весили несколько тонн, обрушились на землю, но танк, казалось, не пострадал.

Окфф собирался отдать приказ повторить атаку, но тут неприя-

тельский танк содрогнулся и рванул к ним навстречу на такой скорости, на которую их собственный вездеход не был способен.

— Они совершенствуют технику,— прошептала Давехат.— Какая легкость хода! Просто несутся на нас. Что будешь делать, Окфф?

Меркурианский капитан сжал губы, его красноватые глаза сверкнули, как молнии.

— Они хотят столкновения, потому что у них выше скорость, но наша обшивка прочнее.

Он бросил короткий приказ. Вездеход вдруг дернулся, помчался по заледеневшей почве на максимальной скорости, посылая сквозь завесу гусениц инфракрасные лучи. Оружие подействовало — танк противника оказался задет лучом, однако это не замедлило его скорости, и Окфф прорычал всем приказ подготовиться к защите от лобового столкновения.

Из передней части танка показался громадный крюк, настоящая клешня с множеством лопастей, которые могли искорежить гусеницы и проткнуть обшивку вездехода.

И все это неумолимо надвигалось на восставших. Кокдор, Давехат и Окфф поняли, что они на краю гибели.

Капитан вел вездеход сам. Он продолжал стрелять, хотя и безуспешно, по противнику, который летел на них, как снаряд гигантской катапульты. Окфф не мог избежать столкновения, которое окажется роковым для его машины, однако еще секундой ранее он задумал обходной маневр, который сам же и осуществил, твердо направляя танк.

Обе машины сошлись, как два бешеных бизона. Окфф и не подумал затормозить. Но в последний момент, с необыкновенной ловкостью, восхитившей кавалера, мятежный капитан повернул свой вездеход так, что он встал по касательной к противнику — это позволило ему избежать смертельного тарана клешней. Одновременно капитан прокричал очередной приказ, и стрелки принялись вести огонь почти в упор, целясь в гигантский крюк.

Удар, несмотря на ловкость Окффа, потряс вездеход до основания. Пассажиры потеряли равновесие, Ракс сердито засвистел и забил крыльями. Давехат пошатнулась. Инстинктивно, стараясь удержаться на ногах, Кокдор обнял ее, чтобы не дать упасть, но их вместе отшвырнуло в угол командного отсека. Окфф, скользя и спотыкаясь, цеплялся за ручки.

Впервые Давехат оказалась в объятиях Кокдора. Их тела оказались плотно прижатыми друг к другу силой удара. Лица были рядом, губы соприкасались, и зеленоглазый землянин, до сих пор сдерживавшийся в общении с меркурианской жрицей, не смог на сей раз побороть свое мужское естество.

И она, вместо того, чтобы оттолкнуть его, на неуловимое

мгновение стала обычной женщиной, задержавшись в сильных руках и прильнув к широкой, мощной груди.

Объятие продлилось всего лишь несколько мгновений. Они отодвинулись друг от друга, но еще на долю секунды протянулась незримая нить между рубиновыми очами и зелеными глазами. Ракс уже подлетел к хозяину, тонко повизгивая.

Окффу все же удалось задуманное: огонь в упор буквально рассыпал в прах клешню вражеского танка.

Но обе машины, хотя и были серьезно повреждены, не собирались прекращать бой. Они отступали, чтобы взять разбег.

Когда оба командира решили, что расстояние достаточно, бой возобновился. Металлические чудовища во второй раз сошлись в схватке посреди гибельной долины, где снег продолжал все так же уныло падать, закручиваясь в белые колонны.

13

Кокдор, которому довелось участвовать во многих межпланетных сражениях, прекрасно разбирался в стратегии пространственного боя и неплохо — наземного.

Он сумел оценить мастерство Окффа, который, понимая, что уступает противнику в силе и маневренности, сумел найти правильную тактику, чтобы избежать немедленной гибели.

Похоже, он собирался принять новый удар.

Давехат внимательно наблюдала за ходом схватки, но не вмешивалась, давая свободу действий меркурианцу, на которого полностью полагалась.

Кокдор говорил себе, что его участие во всем этом должно ограничиться ролью зрителя, свидетеля.

Хотя вездеход пострадал в начале схватки, Окфф, тем не менее, выиграл первый раунд, лишив противника смертоносной клешни.

Несмотря на первую победу, Кокдор отдавал себе отчет в том, что вездеход недолго выдержит нападения более массивного танка, который проводит атаки с ужасающей быстротой, словно снаряд, выпущенный гигантской катапультой.

И еще раз меркурианец смог ловко увернуться. Он оставался у руля, предпочитая самому управлять машиной, а не отдавать команды подчиненным.

Сохраняя обычное внешнее хладнокровие, Кокдор с внутренней дрожью наблюдал на экране надвигающееся чудовище. В этот момент командир вездехода резко свернул и избежал удара.

Все произошло так быстро, что в последний момент два гигантских зверя только царапнули друг друга и разлетелись в противо-

положные стороны. Они оказались очень далеко друг от друга: ведь на заледеневшей, припорошенной снегом почве тяжелые металлические машины по инерции продолжали разъезжаться, скользили, а тормоза не срабатывали, так велика была их масса и сила толчка.

В конце скольжения вездеход развернулся, и пассажиры снова потеряли равновесие. Кокдор, естественно, вновь поддержал Давехат и почувствовал, что она дрожит. Но на сей раз она постаралась побыстрее освободиться от крепких объятий кавалера, не затягивая их.

Ракс сердито засвистел, забил крыльями, чтобы сохранить равновесие. Окфф сильно ударился, его висок кровоточил, но командир вездехода не обращал на это внимания.

События разворачивались так быстро, что никто не успел опомниться. На экране вновь появилось изображение вражеского танка, юзом дошедшего до подножия горы и остановившегося под своеобразным навесом из гигантских сосулек.

Окфф не терял времени и не раздумывал. Он немедленно открыл огонь, буквально срезая ледниковую массу, повторив маневр, который не очень удачно провел в самом начале боя.

На этот раз, похоже, все удалось. Танк не успел покинуть опасную зону и исчез под искусственным обвалом из глыб льда, раскрошенного инфракрасными лучами. Окфф зловеще усмехнулся и вновь открыл огонь. На этот раз это были бронебойные заряды, которые вонзались в гору льда, покрывавшую противника.

Давехат, Кокдор и все остальные увидели огромный клуб пара, поднимавшийся с того места, где находился танк. Лед и снежные массы таяли, превращаясь в облако тумана, через которое виднелось темное пятно. В нем с трудом можно было различить серьезно поврежденную, застывшую на месте машину, принадлежащую регулярным силам.

Кокдор собрался было поздравить Окффа с удачей, но удержался, потому что это не вязалось бы с его статусом пленника и наблюдателя. Он просто потрепал Ракса по спине, чтобы успокоить его.

Давехат сияла, радуясь победе, но Окфф сохранял озабоченный вид. Он указал на экран. Клуб пара увеличивался, рос, хотя этого не должно было быть.

— Что происходит? — спросила жрица.

— Гейзер! Обвал пробил отверстие либо прямо в земле, либо в горе. Долину, возможно, ждет настоящее наводнение.

— Что ты намерен делать?

— Надо скорее уходить отсюда.

Давехат кивнула в знак согласия, предоставляя Окффу полную свободу действий, ибо он все-таки был командиром.

Кокдор, как всегда, хранил внешнюю невозмутимость, однако в словах Окффа почувствовал сильное беспокойство. И это подтвердилось в следующую минуту. Вездеходу угрожала новая, бо́льшая опасность.

Гейзер увеличивал мощность. Отверстие расширялось под натиском кипящих подземных вод, которые были скрыты в недрах планеты. Поток уже бурлил, распространяя вокруг густой пар и выбрасывая все новые и новые кипящие волны.

Можно было разглядеть танк противника, завалившийся набок и частично зарывшийся в землю. Он уже не мог выбраться, и его заливала кипящая вода.

У Бруно сжалось сердце: несчастных членов экипажа машины ожидала страшная гибель в кипящем котле.

Но Окффу некогда было печалиться о судьбе других. Он старался спасти свой вездеход, который пробуксовывал на скользкой земле. Давали о себе знать и повреждения гусениц, потому что теперь они плохо цеплялись за лед.

На месте боя образовалось настоящее озеро. Кокдор внимательно следил за ситуацией. Он отметил, что гейзер продолжает увеличиваться, а в его основании, растопив толщу льда, образовались новые гигантские источники. Через огромные промоины извергались подземные воды, разогретые внутренним огнем планеты.

Наконец, несколько раз дернувшись и безжалостно перетряхнув пассажиров, вездеход медленно двинулся.

Оставаться на месте было уже невозможно. Вода все прибывала и из-под земли, и от таявших ледников. Экипаж и пассажиры не чаяли, как побыстрее выбраться из этого котла и оказаться в безопасности в переходной зоне. Там они начнут поиски фильтра, а если найдут его, смогут расшифровать послания. Вот тогда...

У Бруно Кокдора, как и у других путешественников, голова шла кругом при мысли о космических тайнах, откровениях мудрецов из давно исчезнувших миров, из несуществующих более эпох, обо всем том, *что* они могут дать живущим ныне.

Окфф шел на максимальной скорости, чтобы опередить наступающую воду. К несчастью, вездеход не мог двигаться так же быстро, как раньше, из-за повреждения гусеницы, однако на ремонт не было времени. Его отложили на потом, когда удастся покинуть эту западню.

За ущельем тянулась долина. Ее поверхность шла немного под уклон. По бокам машины текли горячие ручейки, взвивались столбики пара. Она вот-вот могла оказаться накрытой горячим водяным валом.

Окфф старался ехать по гребням ледяных холмов, избегая впадин и трещин, в которые могли пробиться горячая вода, грозившая им гибелью.

Некоторое время удача, казалось, была на их стороне. На панорамном экране далеко позади осталось огромное облако пара, обозначавшее место сражения, давшего жизнь гейзеру. Поверхность планеты была в буквальном смысле взломана, вскрыта, из ее глубин били фонтаны кипящей воды, питая ими колоссальную реку и заставляя таять окрестные снега и льды.

Враги, должно быть, уже погибли, но вездеходу угрожала иная опасность: стена воды, возникшая позади и испускающая обжигающий пар, ринулась вслед за ними.

Новый сигнал тревоги предупредил об опасности с воздуха. Над заледеневшими массивами показалась эскадрилья регулярных сил, вызванная, по-видимому, погибающим танком.

Эскадрилья состояла из трех бронированных, но очень юрких истребителей, которые старательно разыскивали во льдах вездеход восставших. Они ориентировались с помощью лазерного радара. Сигналы погибшего танка привели их к месту возникновения гейзера, и теперь им не составляло труда обнаружить вездеход, уходящий по ущельям, горным уступам и ледникам в тень гигантских обрывов, чтобы укрыться среди вековых сталактитов.

На этот раз огонь по беглецам был открыт без промедления.

Никто на борту вездехода не строил иллюзий. Дорога становилась все трудней, а вода продолжала настигать их с бешеной скоростью. Спастись от нее можно было бы, перебравшись через перевал, но теперь, под огнем с воздуха, этот путь стал невозможен. Обстрел с трех самолетов шел беспрерывно, и вездеход, потерявший скорость и маневренность, не мог увернуться от огневых ударов на открытом пространстве.

А вода все подступала.

Все пространство позади исчезало под струями пара. Это говорило о том, что бьющие из-под земли потоки становились все сильнее. Все соседние ущелья оказались залиты водой. Любой, случайно очутившийся в этих краях, был обречен.

Окфф упорно искал выход.

Давехат молчала, но рубиновые глаза выдавали охватившую ее тревогу.

Стоявший рядом Кокдор наблюдал одновременно за Окффом и панорамным экраном. Время от времени, заметив испуг Давехат, он ободрял ее взглядом. Она опасалась не за свою жизнь, она боялась, что с их гибелью оборвется ниточка, связывавшая их с теми, кто послал SOS. Меркурианцы уже не смогут установить контакт с носителями извечной мудрости. Фантастическая тайна может попасть в руки межпланетных властей, людей разных рас, среди которых нет избранных, как Давехат и Кокдор, которым только и дозволено постичь великие тайны космоса.

Она боялась этого и была права.

Несмотря на усилия, Окффу становилось все сложнее уворачиваться сразу и от выстрелов с самолетов, круживших над ними и целившихся все с большей точностью, и от бешено прибывающей воды.

Вдруг в глазах Окффа мелькнул огонек надежды. Не говоря ни слова, он показывал на что-то на панорамном экране в передней стене.

Давехат радостно вскрикнула. Кокдор заметил в верхней части черного беззвездного неба светлеющую полоску у самого горизонта. Кавалер понял все, и сердце его забилось от радости. То, что он увидел, означало близость умеренной зоны, первую веху на пути к горячему полушарию.

Вездеход, в принципе, мог добраться до горячей зоны. Через час-два пути ледниковые массы должны были исчезнуть, уступив место более радостному миру, растениям, жаркому небу. Переходная зона, как они знали, не была широкой.

Стиснув зубы, Окфф продолжал маневрировать, чтобы уйти от атак с воздуха и умножавшихся водных потоков. Горячие реки змеились в долине, испуская беловатые облака пара.

Но, несмотря на мастерство Окффа, дважды огневые удары настигли вездеход. Пришлось на ходу заделывать пробоину в иллюминаторе. Вторым выстрелом, к несчастью, были вновь повреждены гусеницы. Скорость вездехода еще больше замедлилась.

Люк Дельта, капитан Фарт, Дон, Жолена и несколько меркурианцев, приближенных к Давехат, пришли на командный пост. Объяснения были не нужны. Все молчали и внимательно следили за действиями Окффа. Тот приказал своим подчиненным открыть огонь по самолетам в момент, когда они приблизятся, а сам продолжал управление огромной машиной, что требовало немалого напряжения сил.

Внезапно Жолена вскрикнула:

— Вода! Вода!

На этот раз нечего было и надеяться спастись от потока. Стена воды наступала со скоростью прилива, а поврежденный вездеход все замедлял и замедлял ход, преодолев очередной холм.

На экране заднего обзора все с ужасом увидели настигающий их пенный вихрь. Вездеход дрогнул и всплыл на поверхность горячего потока. Несмотря на чрезвычайность ситуации, любопытство взяло верх над смятением, и все путешественники кинулись к иллюминаторам.

Кипящая вода несла их вперед. Не было видно ни гор, ни небес, ни светлой полоски, обещавшей спасение. Жара давала себя знать. Обшивка вездехода разогревалась до температуры кипящей воды.

Окфф мог управлять машиной-амфибией, полагаясь лишь на показания радара, поскольку панорамные экраны не воспринимали

ничего сквозь толщу пара, поднимавшегося от кипятка. Само небо было скрыто, пропали и проблески выстрелов. Самолеты-преследователи потеряли вездеход из виду, радар не мог помочь им в сложившейся обстановке.

Жар на борту вездехода становился ужасающим. Задыхаясь и обливаясь потом, путешественники принялись расстегивать застежки и сбрасывать одежду.

Никто уже не отдавал себе отчета в происходящем. Дышать раскаленным воздухом становилось невозможно. Почти обнаженный, как и Окфф, Кокдор стремился помочь ему выстоять. Вездеход плыл вперед больше по воле волн, чем подчиняясь двигателям. Его экипаж медленно погибал.

В пару, заполнившем внутренность вездехода, почти ничего не было видно. Кокдор, вцепившись в рукоятки управления, едва различал обнаженные вздрагивающие тела. Он слышал звуки падения, слышал стоны, призывы о помощи и даже хрипы агонии.

Ракс бил крыльями. Где же Давехат? Она страдала молча, в отчаянии от провала экспедиции.

Внезапно раздался ужасный вопль. Все прислушались, стараясь понять, что́ это было. Натыкаясь на такие же обнаженные тела меркурианцев, еще кое-как державшихся на ногах, Люк Дельта разглядел в облаке пара человека, только что получившего страшные ожоги. Подойти к нему было невозможно. С той стороны, где он находился, был слышен непрекращающийся свист.

— Вода! — вскрикнул один из меркурианцев.— В обшивке пробоина!

Видимо, броня оказалась поврежденной выстрелами, в образовавшееся отверстие под большим давлением хлынула вода и обварила одного из членов экипажа.

Вездеход тащило безумным потоком, как щепку. Кипящая вода постепенно заполняла его.

14

Остроконечные, устремленные ввысь вершины огромных гор, которые ни разу не точили дожди. Бесконечная цепь, почти полностью окружившая планету скалистым кольцом.

Над горами, на немыслимой высоте, висят облака. Их огромная масса, казалось бы, никогда не редеет и не рассеивается. Она настолько плотна, что кажется черной пеленой, неустанно клубящейся над пиками и отрогами. За тучами, на головокружительной высоте едва просматривается небо.

В заоблачных высотах глаз не выдерживает ослепительного света. Солнце скользит обжигающими лучами по верхушкам обла-

ков, которые словно нагромождены на базальтовые и гранитные вершины. За этим гигантским экраном угадывается чудовищное Солнце. Находящееся совсем рядом с планетой светило с самого рождения Солнечной системы испепеляет обращенную к нему сторону Меркурия. Сама природа позаботилась и соорудила над ним что-то вроде защитного купола, иначе жизнь была бы невозможна в этой части планеты, а умеренная зона, которую называли радостным поясом, не могла бы существовать.

Под теплыми облаками развилась великолепная и причудливая жизнь с гигантскими растениями, огромными цветами, жутких размеров насекомыми, гибридами млекопитающих и рептилий; большая часть туловища зверей была покрыта чешуей, этим природа предусмотрела защиту от ужасающих щупалец горячей зоны, которые та время от времени протягивала к умеренной.

Бурные реки прорезают тропические леса. Деревья там отличаются прихотливо вырезанными кружевными листьями, которые топорщатся пышным веером. Повсюду цветут цветы изумительной красоты. В такие же потрясающе яркие краски одеты и диковинные звери.

Иногда попадается затерянная в джунглях меркурианская деревушка. Там живут последние приверженцы первобытной жизни, уклонившиеся и от влияния жриц, и от цивилизаторских нашествий инопланетян.

И все же это самая настоящая жизнь. Жизнь под двойной защитой гор и туч, образующихся сгущением водяных паров из соседней зоны. Из зоны черной, мрачной, ледниковой. Паров, рождающихся в вечной битве между светилом, присутствие которого ощущается за этой фантастической стеной, и сумрачными и холодными областями, где, как в ледяном аду, беспрерывно и неустанно ложатся на безжизненную землю хлопья снега.

Природе удается поддерживать хрупкое равновесие, несмотря на капризные колебания Меркурия, возмущения его орбиты, его внутренние сотрясения, которые постоянно заставляют планету сползать из зоны жизни в огненную полосу жары или в район ледяного холода.

И в том, и в другом случае — это гибель, о чем свидетельствуют печальные следы по краям зоны. С одной стороны — это почерневшие испепеленные горные склоны, где видны лишь обгоревшие стволы деревьев да побелевшие от пепла остовы зданий, а с другой — то же опустошение, но другого типа. Повсюду видны гниющие болота, где подолгу плавают вздутые и зловонные трупы среди разрушений, вызванных неожиданными наводнениями от быстро тающих льдов.

Однако с течением веков меркурианцы приспособились к выживанию в сумрачном, заснеженном мире, как земные эскимосы.

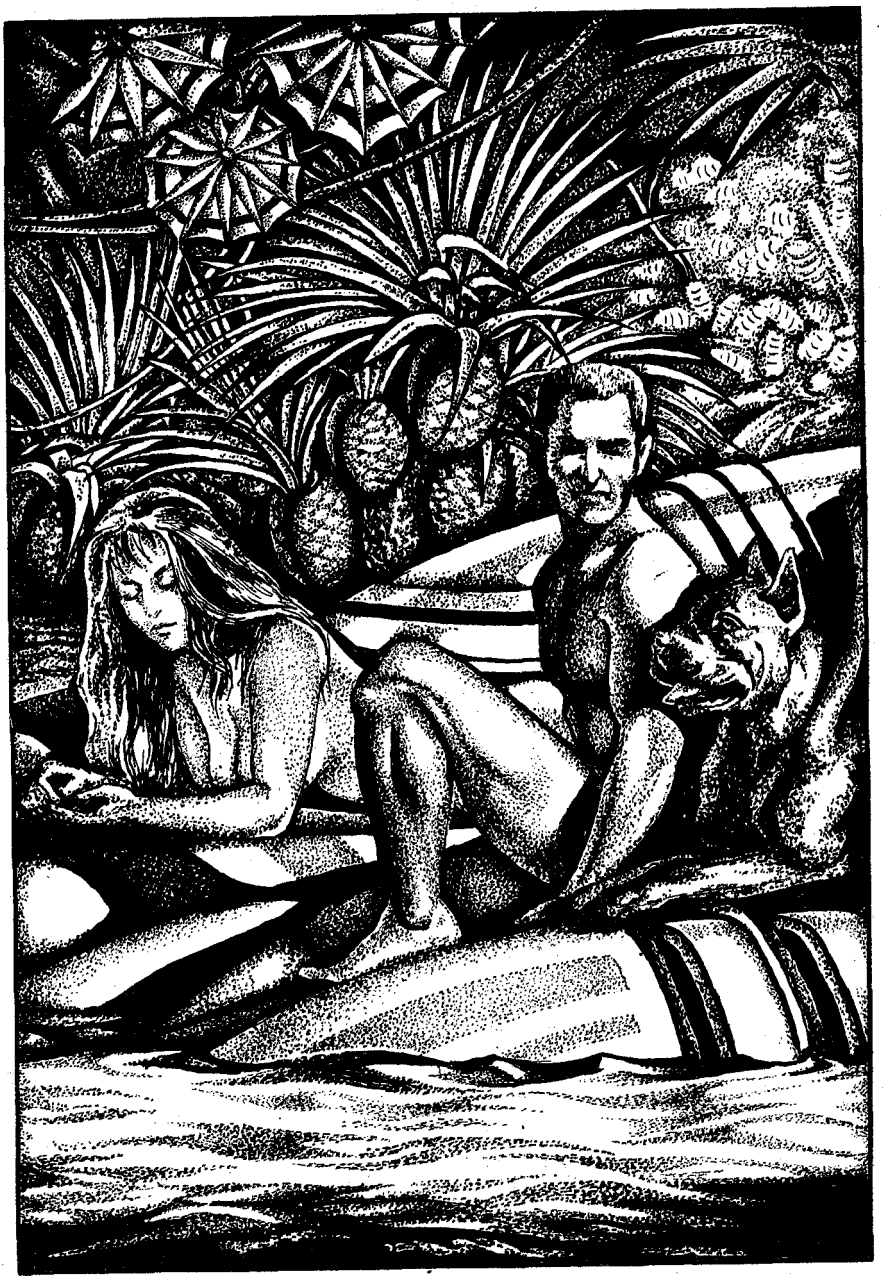
Там, где начинаются владения Солнца, такая жизнь немыслима. Редкие смельчаки, подошедшие слишком близко к ущельям, ведущим в огненную зону, не раз слепли, перейдя известные границы, за которыми немыслимая жара увеличивается с каждым шагом. В том мире живут только птицы-саламандры и кое-какие насекомые. И те и другие приспособились к существованию на краю вечно огненного полушария.

В зеленом поясе текут реки, впадающие не в океан, а в бездонную пропасть. Оттуда поднимаются облака пара и питают небесный покров, создающий защиту от жара. На одной из рек покачивается созданное руками человека судно, уносимое мощным течением.

Кажется, им не управляют. Горячие течения в реке распугали всех водных и прибрежных обитателей. На нижней палубе судна видна группа людей.

Совершенно обнаженные мужчины, женщины распростерты, недвижимы, измучены жарой. Только один человек подает признаки жизни.

Вездеход, управляемый Окффом, вырвался из зоны бедствия и устремился в холодную реку в тот момент, когда горячий прилив догнал его, растопив горы льда и снега. Мощная река шириной



с Миссисипи приняла в себя потоки кипящей воды и усмирила в своем гигантском чреве. Вездеход всплыл, и его пассажиры, едва не сваренные заживо, смогли, наконец, с облегчением вздохнуть и вернуться к жизни, оплакав своего несчастного товарища, погубленного фонтаном кипятка, ударившего через пробоину в обшивке. После титанических усилий дыру удалось заделать, благодаря особому способу наслаивать расплавленный металл и немедленно его охлаждать. Специальные аппараты сделали это за несколько минут. Сила бьющей струи не позволила закрыть брешь так быстро, как хотелось, но меркурианцы с помощью землян сумели довести дело до конца.

Ракс тоже был тут. Он распростер свои перепончатые крылья и высунул длинный язык. Кокдор смотрел на ослепительную наготу Давехат, которая, вытянувшись, лежала на спине. Ее освещали странные небеса, затянутые облаками, но пропускающие солнечное сияние.

Жолена в полубессознательном состоянии неподвижно лежала на руках Дона. Фарт, Люк Дельта и меркурианцы отпыхивались после того, что произошло.

Окфф встал, шатаясь. Ему были нужны добровольцы. Надо вновь взять в руки управление вездеходом, сделать кое-какой ремонт и подумать о том, как достойно похоронить жертву случившейся драмы.

Земляне поднялись, но Давехат удержала Кокдора за локоть.

— Останьтесь рядом со мной, кавалер.

Он подчинился, не смущаясь их наготы. Как прекрасно было все то, что он видел: цветущие берега, словно в одичавшей запущенной оранжерее; разноцветные существа снуют туда-сюда, карабкаются вверх, ныряют, убегают. Солнце невидимо, но стоит яркий день, который никогда не сменяется ночью.

Бронзовая кожа Давехат резко контрастировала со светлой кожей землянина. Рядом с ними мурлыкало чудище, рожденное в неведомых мирах.

Кавалер и Давехат остались вдвоем на нижней палубе вездехода. Только они и Ракс. Остальные были заняты работой.

Давехат заговорила. Сначала она постаралась обратить внимание кавалера на красоты планеты, которую считала своей вотчиной, затем сказала, что им скоро придется пристать к берегу, так как течение будет становиться все более быстрым и может унести вездеход, как щепку. Ниже начинаются неслыханные пороги и обрывы, река теряется в провалах, увенчанных колоссальными столбами пара. Вода или уходит глубоко внутрь планеты, или поднимается к небесам. Эти два пути могут таинственным образом сойтись в холодной зоне, где вода превратится в снег, падающий из вечных туч, или в ледники, выходящие из недр холодного полушария.

Но пока они еще далеко от устрашающих водопадов, где заканчивается жизнь реки. Добрых полвитка.

— Есть время,— сказала Давехат.— Мои люди с помощью ваших друзей исправят вездеход, и мы поедем в Зкафай по твердой дороге.

Кокдор согласился, улыбаясь. Он удобно устроился. Ракс охотно служил ему подушкой.

Кавалер Земли не мог налюбоваться красотой Давехат. На ней ничего не было, кроме кольца с вправленным таинственным обломком фильтра, который способен развертывать волны, приходящие из потустороннего мира, заставить звучать голоса тех, кого больше нет.

Таких женщин больше нигде не встретишь. Рубиновые глаза полны очарования, перед которым мало кто устоит.

— Начинаются серьезные дела,— произнесла жрица.— Вы и я должны будем разыскать фильтр. Он где-то в районе Зкафай, если верить древним манускриптам. Где? Одни боги ведают. Одна я не смогу его обнаружить. Поэтому-то вы здесь.

Кавалер снова молча кивнул. Да, он уже понял, что ему потребуются его способности. Не слишком-то легкий поиск, размышлял он.

Давехат бросила на него быстрый взгляд.

— Вы не подумали, как мы это сделаем?

— Ну как же, подумал. Надо совместить наши биополя, чтобы исследовать окрестности. Соединенное усилие более эффективно.

— Да-да...

— Но нам нужно от чего-то отталкиваться, Давехат. Можно попробовать, как делают искатели подземных вод, на карте планеты, или, что лучше, на карте района Зкафай. Я думаю, у Окффа найдется эта карта. Но есть и еще один способ. Вы владеете кусочком фильтра. Полагаю, надо начинать с него. Он будет опорой ясновидения.

Давехат была вся внимание. Она была счастлива, что ее так хорошо понимают. Прекрасная меркурианка страстно сжала руку Кокдора.

— Бруно, начнем сейчас же! Посмотрите, какая природа нас окружает! Роскошная, чувственная, полная жизни. Она как бы спешит насладиться моментом, потому что ей все время грозит то ледниковое нашествие, то огнедышащая жара. В такой обстановке лучше всего работается. Ни один медиум еще не чувствовал такую поддержку великих сил природы.

Рука Давехат уже излучала тепло. Кокдор почувствовал, что этот контакт породил в его ладони мириады горячих уколов, пронизавших всю его плоть и наполнивших его необыкновенной энергией.

Неведомым образом они оказались соединены сверхъестест-

венной мыслительной силой, свойственной лишь избранным, почти без усилий покинули свою плоть и отправились в путешествие по неведомым далям.

Внутри вездехода шла тяжелая работа. Окфф с помощниками к этому времени уже вытащили тело жертвы и выполнили все необходимые погребальные ритуалы. Люк Дельта трудился над сильно попорченным двигателем. Фарт занимался починкой теле- и радиосвязи. Остальные помогали, чем могли, а Жолена занималась на кухне, как добрая хозяйка, спасая те продукты, которые еще можно было спасти.

На палубе смуглая Давехат и светлокожий Кокдор напряженно всматривались в запредельные миры. Жрица повернула кольцо внутрь ладони, чтобы чувствовать магический камень. И Кокдор, державший жрицу за руку, был буквально подключен к частичке фильтра.

Они были на палубе, и в то же время их там не было.

Ракс затих. Он впился глазами в хозяина и его спутницу, глазами, в которых была тайна, чудо. Он тоже умел совершать подобные путешествия, и Кокдор знал об этом. Быть может, в настоящий момент он был с ними в огнедышащих горах Меркурия, в адски горячей стране Зкафай, где дух, покинувший плоть, носился в поисках фильтра, который должен был дать ключ к словам, пришедшим с другой стороны пространства-времени.

15

Вездеход подминал под себя кустарники, тонкие побеги, траву и цветы, раздирал завесы из лиан, давил и комкал колючие ветви, сея ужас среди обитателей этих роскошных джунглей, джунглей — баловней природы, никогда не знающих ночи, цветущих под беззвездным небом, которое сияло и грело сильнее, чем тысяча светил.

В этом необыкновенном свете центральной зоны Меркурия вездеход, кое-как залатанный слугами Давехат, продвигался к цели. Ремонт заканчивали после того, как вездеход выбрался из реки, течение которой стало слишком стремительным.

Вдали сквозь гущу зарослей виднелся огромный султан пара, поднимавшегося на тысячи метров в небо. Он указывал на место, где поток воды обрушивается в пропасть и уходит в глубины, которые затем вернут его на поверхность в ледяной зоне.

Мощная гусеница вездехода вновь принялась за свою работу. Никто, и Окфф в том числе, не мог сказать, сколько времени протянет машина. Главное было — добраться до Зкафай, где находился таинственный фильтр.

После долгих усилий Давехат и Кокдор смогли точно указать место, где он был укрыт. Обнаружив местонахождение драгоценной призмы, они долго трудились над картой Зкафай, составленной инопланетянами, которые завладели старинными рукописями меркурианцев. По обрывкам, имевшимся в их распоряжении, оба медиума пытались добраться до цели.

Все понимали, что скоро прибудут в Зкафай, а там станет трудно продвигаться вперед, а то и вовсе невозможно. Ведь все увеличивавшаяся жара достигала там фантастических отметок. В тех широтах вездеход не сможет двигаться, а если и рискнет, то может попасть в тяжелое положение. Прежде всего, это угроза зрению, потому что очки уже не смогут помочь; затем — невозможность дышать раскаленным воздухом и неизбежные ожоги при малейшем контакте с перегретыми камнями.

Дальше — граница, предел той зоны, где человеческое существо может выжить, на самом краю огненного полушария.

В том направлении и надо было идти на поиски фильтра, в гранитные горы под палящими лучами Солнца.

Был ли это натуральный камень, сохранивший данную ему природой форму? Или, напротив, он был как-то обработан древними меркурианцами? Неизвестно. В старинных текстах, которые читала Давехат, ничего не говорилось об этом. Кокдор склонялся к мысли, что камень был необработанным.

— Не могли же древние пророчества быть записаны на магнитофон за тысячелетие до того, как люди получили представление о транзисторах, радио и телевидении? — говорил он.

— Кто знает, кавалер,— качала головой меркурианка.— Наши предки на разных планетах могли намного раньше нас узнать тайны природы и совершить большие технические открытия.

Окфф предложил способ забраться без особых потерь довольно далеко в нужный район. Речь шла о простом приспособлении, придуманном еще в древности. Ведь огненная зона всегда притягивала людей, несмотря на таившуюся в ней смертельную опасность. Многие искатели приключений проникали в огнедышащие районы, каждый раз все дальше. Иные из них погибли или ослепли на подходах к адски горячим районам.

— Надо поймать нескольких летучих саламандр,— посоветовал командир вездехода.— Их шкуры можно надеть как скафандры. Они как раз подходят человеку. Эти шкуры защищают от очень высоких температур. Ими уже давно пользуются меркурианцы для походов в жаркие места. Конечно, у них есть свои скафандры, но, позволю себе заметить, искусственная одежда пока не дала хороших результатов, а вот природная броня помогает.

Бруно, Жолена, Дон Клиффорд, Фарт и Люк Дельта почти не отходили от окон вездехода. Они наблюдали за диковинным миром,

животными и растениями и замечали, что по мере приближения к высокой стене облаков все чаще встречались животные, покрытые жесткой чешуей.

Эти многоножки и рептилии, защищенные самой природой, напоминали кошмарных, фантастических броненосцев и ящеров. Они ползли, извивались, ускользали от надвигавшегося вездехода, прятались в расщелины, из которых вырывались фонтаны сернистых газов и горячей воды. Земля была покрыта трещинами от подземного жара.

Растительность постепенно редела. Хорошо была видна гигантская цепь гор, крепостной стеной вставшая на границе и увенчанная шапкой облаков. Масса туч казалась черной снизу, а вершины отдельных гор, поднявшиеся в заоблачные высоты, сияли, как золотые, в лучах светила. Величественная и ужасная красота его заставляла думать о неистребимом Молохе, который пожирал половину планеты. Его атаки оставили следы: путешественникам встречались целые лесные массивы, от которых остались черные стволы деревьев и посыпанная пеплом земля.

Черная пыль поднималась за вездеходом. Животные почти исчезли. Полуистлевшие скелеты свидетельствовали о жестоком зное, уничтожившем целый район, когда планете вздумалось качнуться.

Кое-кто делал путевые заметки, готовил репортаж «на всякий случай» — этим занимался Люк Дельта. Он сумел сохранить Доротею, несмотря ни на какие потрясения. Растение-медиум, посаженное в ящик с кондиционированным воздухом, благополучно перенесло путешествие в кармане бывшего пилота-испытателя. Он, как мог, ухаживал за зеленым побегом, поливал его, так что Доротея чувствовала себя прекрасно и даже выпустила новый цветок.

Словами и мыслями Люк Дельта передавал Доротее свои впечатления. Он уже умело делал такого рода записи.

— Если я не вернусь на Землю, отдайте цветок Тамаре, моей жене,— попросил он Кокдора.— Она узнает, *что* мне пришлось пережить!

— Чтобы выполнить ваше пожелание, дорогой мой Люк,— ответил смеясь кавалер,— надо, чтобы вы остались здесь, а я вернулся бы на родную планету. Согласитесь, что и то, и другое весьма проблематично.

Вездеход приближался к утесам гигантских гор.

Путешественники пытались найти летучих саламандр. Несколько птиц мелькнуло у самых вершин и пропало в тучах.

Охота обещала быть непростой.

Кокдор предложил Окффу:

— Раз уж придется пожертвовать несколькими несчастными

птицами, я предлагаю использовать Ракса. Если я буду им управлять, он прекрасно справится с ловлей саламандр.

Меркурианец удивился, но Давехат поспешила согласиться. Она полностью доверяла Кокдору.

Решили отправить пстора в атаку сразу, как только заметят летящую саламандру.

Вездеход продвигался вперед. После всех передряг он был не вполне исправен, система кондиционирования воздуха была нарушена, жара удушала. Поэтому искатели приключений привыкли обходиться минимумом одежды.

Джунгли кончились, вокруг оставались редкие деревья, скелеты животных, а может быть, и людей, ставших жертвами резких скачков температуры. Никто не обманывался: такое могло случиться в любой момент, но на риск они шли вполне сознательно.

Вдруг впереди показалась летучая саламандра, сидевшая на земле. Вездеход остановился, путешественники вышли наружу. Ноги погружались в пепел по щиколотку. Жара была невыносимой, дышать было трудно, но путь предстоял долгий.

Ракс высунул язык. Кокдор приостановил его и пристально посмотрел в золотые глаза. И вот так, таинственным путем, передал ему необходимые команды.

Вдруг зеленоглазый землянин резко отшатнулся и вскрикнул. Пстор забил крыльями в эффектном взлете, заставив отступить землян и меркурианцев. Он был прекрасен и страшен одновременно. Взлетая, Ракс громко засвистел.

Сначала он совершил полукруг над местом, где заметили летучую саламандру. Он готовился спикировать, но в этот момент меркурианское чудище взлетело...

Кокдор, замерев, впивался взором в летящего верного зверя, его губы беззвучно шевелились, лоб покрылся испариной. Кокдор и Ракс слились в единое целое. Казалось, кавалер сам летал в поисках добычи, атаковал, набрасывался на саламандру.

Жолена опиралась на плечо Дона и с восхищением следила за охотой. Давехат казалась бесстрастной. Она держала руку слегка согнутой в локте, приняв величественную позу статуи. Но огонь в глазах выдавал ее, как бы ни желала она сохранять равнодушие ко всему чужому, пришедшему с другой планеты — будь то зверь или человек.

Летучая саламандра, видимо, почувствовала опасность, потому что заскользила в сторону горы, где, вероятно, было ее гнездо. Весь напрягшись, Бруно управлял Раксом. Пот струился по его телу не столько от ужасающей жары, сколько от совершаемых им усилий.

Нелегко давалась ему эта игра — так использовать верного и отважного Ракса. Он всегда ненавидел охоту, считая ее развле-

чением варваров. Только острая необходимость заставила его пойти против своих убеждений.

На полной скорости Ракс кружил вокруг летучей саламандры. Внезапно он ринулся в атаку, но ему попался достойный противник. Крылатые меркурианские чудовища были хорошо защищены. Саламандра не могла избежать схватки, хотя чуяла рядом с собой более сильного противника. Развернувшись, она встретила пстора на полном лету.

Звери сшиблись в воздухе, сцепились, послышался яростный свист Ракса, болезненные стоны саламандры.

Что-то брызнуло, окрасив небо.

Ракс, как горделивый сокол, принес добычу к ногам хозяина — летучую саламандру с перекушенным горлом.

Даже меркурианцам нечасто приходилось видеть этого зверя вблизи, а землянам еще ни разу. Это была не птица, а млекопитающее, ничто вроде птеродактиля, покрытого чешуйчатым панцирем, с головой почти как у рептилий. Его длинные задние лапы заканчивались когтями, крылья были наделены великолепной подъемной силой.

Но Ракс сумел победить меркурианского зверя. И ему пришлось еще трижды повторить свои атаки.

Окфф и его помощники сняли с саламандр шкуры, очистили их изнутри. Жара быстро высушила оболочки, после чего их продезинфицировали, пропитали душистым снадобьем. Таким образом были подготовлены четыре необычных скафандра для продолжения путешествия.

Было решено, что за фильтром отправятся четыре человека. Само собой разумелось, что среди них первыми будут Давехат и Кокдор, затем — преданный Давехат меркурианец Паскко, который должен был служить проводником. Четвертым был неразлучный друг Кокдора, Люк Дельта.

Им помогли натянуть наскоро сработанные доспехи прямо на легкое белье. Хотя в шкурах жертв Ракса они выглядели, как смешные чучела, пришлось признать, что лучшую защиту от жары трудно было бы найти.

Раксу пришлось остаться с Жоленой и Клиффордом. Он тоскливо засвистел, глядя вслед удалявшемуся хозяину.

Все четверо двинулись в самое пекло. Черные очки защищали глаза. В руках Паскко была карта Зкафай, по которой он определял путь к точке, отмеченной ясновидцами.

У неподвижно стоявшего вездехода оставались друзья, провожавшие их взглядом. Около входа в ущелье, которое вело на ту сторону горной цепи, в огненную зону, четверка смельчаков остановилась. Отважные разведчики помахали на прощанье и скрылись среди скал.

16

Они были похожи на странных чудовищ, продвигающихся по меркурианской пустыне, почти непригодной для жизни, в этом пекле, созданном низвергающимся с небес безжалостным огнем; от него не могли защитить даже высокие скалы, прикрывавшие путников.

Смешные, гротескные силуэты. Нельзя было даже сказать, с людей ли переняли они этот облик или с животных; уродливые гибриды, нелепые создания брели по горячей земле меж обжигающих скалистых стен, облаченные в защитную одежду — чешуйчатые шкуры летучих саламандр.

Кокдор и Давехат, Паскко и Люк Дельта передвигались с трудом, измученные страшным зноем. Без защитной одежды, полностью закрывавшей тело, они и шагу не смогли бы ступить по этой земле. Все четверо обивались потом, дышали с трудом, падали от усталости, и все же они продолжали выносить эту пытку, шли и шли вперед.

Местность была похожей на узкий овраг. Окфф и другие, хорошо знающие зону Зкафай, выбрали этот путь. Но вначале пришлось внимательно изучить карты, пусть и очень несовершенные. Сведения, полученные двумя медиумами, помогли окончательно выбрать маршрут, а Паскко взял на себя роль гида.

Путники не без труда приближались к цели, углубляясь в скалистый массив. Они проникали в самую сердцевину фантастической горной гряды, закрывавшей Солнце и защищавшей тем самым срединную зону Меркурия.

В нескольких сотнях метров над ними нависало небо. Небо, постоянно закрытое вечными тучами, тяжелыми и плотными. И все же они ярко светились — так близко было Солнце. У поверхности жар был почти невыносим. Но природа хорошо позаботилась о своих созданиях и, не наделив их естественной защитой от огня, наделила их разумом и способностью приспосабливаться к любым условиям. Люк Дельта считал, что информация о летучих саламандрах должна заинтересовать Межпланетную Академию Наук. Шкуры этих зверей выдерживали неслыханные температуры. Кокдор был согласен с мнением, что даже самый современный скафандр с кондиционированным воздухом не защитил бы их так, как чешуйчатые оболочки меркурианских чудовищ.

Саламандры больше не встречались. Единственными живыми существами, попадавшимися путникам на глаза, были насекомые — огромные, суетившиеся на поверхности и взлетавшие при приближении. Все они тоже были снабжены жесткими панцирями. Непонятно было, чем они питались, потому что в этом огнедышащем мире не было растений.

Паскко посоветовал не смотреть вверх. В самом деле, высоко над ними, где почти сходились стены ущелья, можно было увидеть то, что должно было оказаться небом — облачный сияющий свод. Даже черные очки, которые никто не снимал, не могли спасти от ожогов, грозивших смельчаку, осмелившемуся поднять глаза к слепящему огню.

Время от времени Паскко останавливался, сверяя путь по карте. Давехат и Кокдор пользовались этими остановками, чтобы сосредоточиться.

Поиск был трудным, информации не хватало. Тем не менее что-то подсказывало им, что они мало-помалу приближались к цели, к магическому фильтру, всемогущему камню, который разделит волны, сделает четким изображение и внятными звуки — поможет услышать и понять голоса из потустороннего мира.

В такие минуты меркурианка и землянин брались за руки, чтобы соединить свои психоизлучения, сделать их стократ более мощными. Люк умолкал, Паскко смотрел на них, как смотрят на божества. Кокдор и жрица для него были высшими существами, не похожими на других людей.

Так они и шли в течение полувитка. В конце концов все выбились из сил. Сделали привал. Но ни лечь, ни сесть было невозможно — так обжигал камень. Достали фляжки с бодрящим напитком и витамины, подкрепились этой более чем скромной пищей. Люк Дельта кратко переговорил по радио с командиром вездехода.

Путешественники собирались уже тронуться в путь, когда Паскко признался, что он заблудился. Карта уже не помогала. Так или иначе, нельзя было продвинуться вперед более, чем на одну-две мили. В нарастающей жаре не поможет и защитная одежда.

— Даже летучие саламандры не долетают сюда, божественная Давехат. Мы добрались до границы возможного. Еще немного вперед — и придется спасаться, температура может резко подняться.

Выслушав заблудившегося проводника, Люк Дельта вопросительно посмотрел на Давехат и Кокдора.

Они поняли. Вновь взявшись за руки, оба медиума надолго замерли. Их нельзя было разглядеть под черными очками и нелепыми шкурами, но Люк легко представлял себе полуприкрытые глаза, сжатые губы, напряженные лица, залитые потом, который появлялся и от сильнейшей изнурительной для всех жары, и от страшных психических усилий.

Они искали. Мысленно они покинули измученную плоть, исследуя окрестности, чтобы обрести наконец фантастический камень, служивший ключом к вратам истины.

Неожиданно Дельта заметил, что оба медиума вздрогнули: совместными усилиями они достигли цели. Теперь надо было добраться до нее наяву.

— Мы совсем рядом,— сказал Кокдор.— Фильтр должен быть не далее сотни метров от нас.

— А в какой стороне?

Давехат показала рукой куда-то вниз, кавалер подтвердил кивком. Он тоже чувствовал, что фильтр где-то рядом. Они пошли в направлении, указанном жрицей. Наступил предел, за которым человек не мог выдержать жару. Не будь в их распоряжении шкур летучих саламандр, они уже сгорели бы заживо.

— Тут должен быть проход,— заверил Кокдор.

Проход нашли быстро. Перед ними прямо в скале зияла трещина, убегавшая вниз, в толщу камня.

Путники начали спуск, освещая путь фонарями. Впрочем, свет был нужен только Люку и Паскко. Кокдора и Давехат вел таинственный инстинкт.

Даже в подземелье было жарко. Чрево Меркурия тоже источало огонь.

Пещера, в которой танцевали отблески фонарей, была такой же, как подземелья на других планетах, ее стены и своды казались стократ виденными.

Кокдор и Давехат стремились вперед, как два колдуна. Вытянутые вперед руки со слегка разведенными пальцами служили им антеннами. Оба медиума, как приемники, воспринимали импульсы, превратившись в живые радары. Лихорадочная дрожь не оставляла их, потому что они чувствовали близкую цель. Второпях они то спотыкались об уступы каменистой тропы, то оступались на скользких краях ямок. Люк и Паскко едва успевали за медиумами, которых, казалось, несла неизвестная сила, манил таинственный чарующий призыв.

Довольно быстро они оказались далеко от входа в пещеру, глубоко погрузившись в чрево планеты. Оторвавшись от своих спутников, они все быстрее устремлялись к цели, задыхаясь от предчувствия конца поисков.

Люк Дельта собрался было догнать их, но Паскко задержал его. Меркурианец хотел дать двум избранным возможность первыми прикоснуться к фантастическому объекту.

Давехат и Кокдор в исступлении скребли ножами, руками в небольшой нише. Паскко отстегнул от пояса магнитофон, с которым не расставался с начала поисков.

Разгоряченные и тяжело дышащие жрица с Меркурия и человек с Земли вытащили, наконец, из самой грубины ниши нечто такое, о чем нельзя было сказать, создано ли оно природой или явилось творением рук разумного существа, загадочного, затерянного в глубинах прошедших тысячелетий.

Мало-помалу они освобождали фильтр от каменной оправы, в которую он был заключен. При слабом свете четырех фонариков

показалось что-то вроде сферы. Это был драгоценный голубоватый камень. Он отбрасывал приглушенные блики и очень сильно напоминал увеличенный бриллиант, украшавший палец жрицы.

Вдвоем они довели дело до конца: отколупнули последние кусочки породы, очистили фильтр от малейших следов грязи и пыли. Камень засиял первозданной красотой.

Давехат приказала охрипшим от волнения голосом:

— Магнитофон! Быстро, Паскко!

Люк Дельта опирался на острый выступ скалы, охваченный необыкновенным волнением. Он понял, что Давехат и Кокдор ни на мгновение не могли отдалять момент истины, что они собирались немедленно вступить в контакт с потусторонним миром, погрузиться в тайны исчезнувших людей.

Это было предрешено. Меркурианец, который знал свои обязанности, подал магнитофон с готовой кассетой. Давехат сама нажала клавишу. Раздался невнятный рокот голосов, гулко отдавшийся в пустой пещере.

Кокдор высоко держал фильтр, стараясь сориентировать его, поймать пучок волн, разделить их, чтобы вернуть смысл величественному призыву, пришедшему ниоткуда.

Люк Дельта чувствовал, что его сердце вот-вот остановится.

В пещере разгорался яркий свет. На этот раз все было не так, как когда-то в звездолете. Тогда они увидели лишь один кадр из грандиозного фильма. Теперь можно было видеть все. Темное и перегретое меркурианское подземелье заполнила толпа людей в натуральный рост. Четверо смельчаков с удивлением рассматривали одежды всех эпох, всех цивилизаций известных и неизвестных им миров.

Телесные оболочки пришедших людей давно рассыпались в прах, но вечно живые души старались найти своих дальних потомков.

Они были тут. Их видели. Их слышали. До них, кажется, можно было дотронуться, но рука ничего не ощущала, кроме пустоты. Несмотря на это, эффект присутствия человеческих существ был полным.

Знаменитые, знакомые по портретам лица выделялись в толпе. Все четверо узнали человека в белом парике, который появлялся при первых попытках расшифровать послания.

Опьянев от возбуждения, они стали слушать.

17

Кокдор переживал прекрасные минуты.

Всякий человек в течение всей жизни ищет свою правду, единственную, самую главную. Вдохновенные создатели земных легенд

запечатлели этот вечный поиск в сказании о священном Граале.

Будучи поэтической натурой, кавалер полностью поддался восторгу, который вызывало в нем все, что происходило. Он воображал, что окутанный тайной мерцающий камень, который он поднимал высоко над головой, и был тем недоступным Граалем, что постоянно ускользает от искателей.

Он сбросил с головы шкуру саламандры; то же сделала и Давехат.

Их преображенные лица сияли. Она включила магнитофон, а Кокдор улавливал звуковые и световые волны, которые затем разделялись и воссоздавали в мрачной меркурианской пещере отражение минувших эпох.

Люк Дельта прижался к каменной стене и не двигался, словно пораженный громом. Пещера наполнилась людьми, которые говорили на всех языках, какие только были на известных и неизвестных планетах. Забытые созвучия, языки, считавшиеся мертвыми, незнакомые диалекты.

Слова и фразы повторялись в разных стилях и, в соответствии с изменениями языков, в древних и современных вариантах.

Но больше всего потрясло зримое присутствие тех, кто произносил эти фразы. Они были радостными или растревоженными, ласковыми или яростными, доброжелательными или разгневанными. Разнообразие одеяний создавало впечатление фантастического карнавала. Люку казалось, что он листает чудесную книгу с картинками по истории космического мира.

Паскко был буквально раздавлен. Меркурианец не хотел признавать, что все, виденное им, было всего-навсего фильмом, подобным тому, что показывают по телевизору. Еще и еще раз он утверждался в мнении, что перед ним божества и что они сродни Давехат и кавалеру с Земли.

Зачарованная Давехат жадно слушала речи посланцев. Несмотря на ее высокую образованность, многое ускользало от ее понимания.

Кокдор, сбросив уродливый капюшон, стал похож на статую мечущего молнии бога. Он не шевелился, потому что нашел, наконец, нужное положение для получения идеального изображения, но тоже прислушивался.

Зрелище было поистине феерическим. Живые люди могли принять за реальность бесплотные тени, заполнявшие пещеру. Казалось, их можно потрогать, поговорить с теми, кто давно уже не существовал.

К несчастью, Давехат и Кокдор ясно осознавали, что диалог был невозможен. Эти видения не были «прямой передачей», а лишь записями, которые сделал радиопост В-93, расположенный на Меркурии.

Результат, тем не менее, был потрясающим.

В обитаемом космическом мире хорошо образованные люди, к числу которых принадлежали Кокдор, Люк Дельта и ученая Давехат, были прекрасно знакомы с портретами большого числа прославленных людей, сыгравших решающую роль в истории различных цивилизаций. Они узнавали этих высших представителей многих рас, слышали их голоса, заглядывали им в глаза и в самые глубины их души. Цветные стереопортреты были верным, как в зеркале, отображением, полученным благодаря развитой технике и магии меркурианских предков.

Великие.

Четверо отважных слушали потрясающие речи, видели полные сочувствия лица уже не существующих людей. Сочувствия к тем, кто были пленниками тяготения планеты. С бесконечной жалостью они разговаривали с ними, желая помочь им обрести свободу.

Они уловили отблески великого светоча гуманизма, который пробивался через века, через превратности судеб человечества и делал свое дело, несмотря на преступления и войны, революции и философские учения, низости и безумства как отдельных личностей, так и целых народов.

Величайший промысел — возведение человека к богу.

Огромное желание добра, шедшее к четверым смельчакам от великого братства, цепочкой соединявшего времена и миры. Великое знание, родившееся у тех, кто сумел отринуть мелочность, глупость, хитрость, слепую историю, способные столкнуть представителей разных рас, стран, религий. Знание той простой и глубочайшей истины — мы все едины своим происхождением, своей кровью, которая, если проливается, имеет всегда один и тот же цвет — красный.

Вдруг очарование исчезло.

Просто потому, что кассета кончилась и послышался щелчок выключателя.

Они вновь очутились в реальном осязаемом мире, потрясенные, изумленные и раздраженные остановкой.

Без защитных капюшонов Давехат и Кокдор почти горели, но не обращали на это внимания.

Жрица нетерпеливо сказала:

— Другую запись, Паскко, живей!

Меркурианец с трудом выходил из экстаза, в который погрузился, и Давехат пришлось потрясти его, чтобы поторопить и стряхнуть с него оцепенение. С трудом он вынул кассету. Люк Дельта часто дышал, лихорадочно дожидаясь продолжения.

Кокдор не пошевелился. Он держал фильтр, чудесную призму, которая мерцала мягким светом, окружая кавалера таинственной аурой.

Паскко неловкими руками вставил, наконец, следующую пленку. Давехат вновь включила магнитофон, а Бруно еще выше поднял чудодейственную призму.

Появились видения, пещеру вновь населили говорящие, движущиеся существа. У них было нечто общее в поведении. Они явно обращались к многочисленной аудитории. Все они умели разговаривать с толпой, с народными массами, умели красноречиво объяснять высокие истины. Слушающие понимали не все слова. Кое-какие фразы или части фраз ускользали, кроме того, некоторые языки были им неизвестны. И все-таки основные мысли доходили до них,— те, которые были выражены на языках Солнечной системы и ближайших созвездий.

Тем не менее, во всех речах было нечто общее: слушатели с удивлением осознавали, что понимают глубокий смысл даже во фразах, произносимых на незнакомых языках.

Так уж говорили призраки — они обращались не только к тем, кто понимал их язык, но и ко всем живущим во Вселенной.

Всепрощающих, ласковых, терпеливых мудрецов сменяли другие известнейшие в истории личности и произносили свои торжественные и пламенные речи.

Все вместе означало величайший SOS, присланный самой вечностью.

Те, кого уже не было, говорили с живыми.

Преступники, палачи-мучители, виновные в конфликтах государственные деятели, безумные идеологи, сочинявшие разрушительные теории, всевозможные губители человеческой жизни и творчества, тела и души соединяли свои несчастные кающиеся голоса с величественным и поэтическим призывом мудрецов и приобщенных.

Кокдор смутно узнавал Гитлера рядом с Сократом, Маркса недалеко от Будды, Чингис-Хана в тени Лютера, Торквемаду, стоящего немного впереди Сталина, и Ганди, озаренного светом Иисуса из Назарета.

Какой-то палач ползал у ног Конфуция, за спиной Франциска Ассизского рыдал вампир, между Эпикуром и Паскалем, моля о пощаде, простирал руки террорист.

Было ли это иллюзией? Бредовыми фантазиями, навеянными перенесенными тяготами на измученных людей? Действительно ли Кокдор, Давехат, Люк Дельта и Паскко видели великих людей, или призраки лишь напоминали им знакомые лица?

Во всяком случае, перед ними был невероятный синтез самых прекрасных героев и самых отвратительных чудовищ, рыцарей идеала, которые боролись, страдали и отдали жизнь за высшую цель,— и несчастных, которые умели только ненавидеть, унижать, критиковать, разрушать, вершить зло словом и делом.

И все, все, соединенные в вечности, исступленно кричали слушавшим их, что они ошибались, жили во лжи, что надо было наслаждаться радостями жизни, отвергать зло, обратившись к природе, принимать ее простые и понятные законы, а не извращать их заумными и бесплодными ухищрениями.

Кокдор в полном экстазе спрашивал себя, приснилось ему все это или было реальностью, не родились ли эти видения в его воспаленном воображении?

Он хотел спросить об этом Давеат, Паскко и особенно Люка, которому полностью доверял.

Ему хотелось бы поговорить с посланцами иного мира, двигавшимися вокруг него и сообщавшими важные вещи, обратиться к ним так, как они обращались к своим потомкам во Вселенной.

И еще спросить... Но задают ли вопросы персонажи фильма дикторам телевидения?

Он слышал призыв о помощи, но призывали они спасти не себя; спасаться надо было тем, кто слушал, потому что они были втянуты в страшные противостояния, потому что именно им угрожала опасность.

Было высшее слово Великих Мудрецов и ужасающие покаянные крики грешников, фальшивых логиков, псевдореалистов, сочинявших вымученные доктрины о переустройстве мира и виновных в неисчислимых несчастьях и катастрофах.

Давехат была в каком-то исступленном восторге, в упоении внимания тому, что пришло ниоткуда.

Люк задыхался, Паскко рухнул на землю в полной прострации.

Кокдор держал фильтр, выбиваясь из сил. Вдруг он закричал:

— Ну почему нельзя поговорить с вами? Задать вопрос? Спросить, в чем же величайшая мудрость?

То, что произошло дальше, было похоже на ответ. А может быть, простое совпадение, случайное? Все-таки они видели всего-навсего запись.

Так или иначе, но вперед выступил человек в возрасте с улыбающимся ясным лицом. Казалось, он смотрел на зрителей этого невероятного и чудесного фильма. Величавым в своей простоте жестом он приложил палец в губам.

Но тут раздался щелчок. Пленка кончилась.

Они молчали, подавленные, полные впечатлений и смутных мыслей.

Возможно, Давехат приказала бы Паскко приготовить новую кассету, но тут зазвенел звонок вызова на портативном переговорном устройстве, укрепленном на поясе Люка.

Он вздрогнул и стал слушать, слегка побледнев.

— Это Фарт,— сказал он.— Окфф просит нас побыстрее вернуться на вездеход.

— Что случилось?

— Ужасные новости. Регулярные силы атаковали Мкоор и уничтожили базу. Город в огне. Один маленький звездолет сумел взлететь. Он направляется к умеренной зоне и постарается соединиться с вездеходом. Окфф спрашивает у божественной Давехат, какие будут приказания.

Очарование исчезло. Жестокая реальность давала о себе знать.

18

Аэротанки регулярных сил не теряли времени. Секретная база была обнаружена, и, после того, как экспедиция под командованием Окффа отбыла, на Мкоор обрушилась целая армия.

Сначала город бомбили, потом сбросили десант, и жители его оказались в окружении. Все произошло очень быстро, и теперь среди темных ледяных долин холодной зоны пожары окончательно уничтожили то, что еще оставалось от базы восставших.

Только немногие из верных Давехат меркурианцев смогли спастись на борту крохотного звездолета, одной из летающих тарелок с геометрически ровными гранями, так заинтриговавших Люка Дельту и Кокдора во время нападения на космическую тюрьму.

Беглецы добрались до вездехода, ориентируясь с помощью шифрованных радиосигналов.

Меркурианской жрице и ее спутникам пришлось резко оторваться от волшебного очарования видений и, не задерживаясь, вернуться к тому месту, где их ждали друзья. Паскко нес магнитофон и драгоценные записи, Кокдор взял на себя хранение фильтра. Люк Дельта помогал идти Давехат. Путешествие было тяжелым и в начале его, и теперь, когда был близок конец. Идти надо было быстро, но путешественники были измучены. Когда все еще только начиналось, ноги сами несли их к чудесному камню; теперь же давали о себе знать эмоциональный упадок и истраченные в пути силы. Никогда еще жара не казалась им такой невыносимой.

Ущелье, по которому они возвращались, казалось раскаленным добела. Они взмокли под шкурами летучих саламандр, но без этой защиты они не прожили бы и минуты.

Паскко напоминал, что нельзя поднимать глаза к вершинам гор, где сквозь толщу облаков пробивались безжалостные лучи Солнца, разившие, как огненные стрелы.

Несколько раз, задыхаясь и выбиваясь из сил, то один, то другой неосторожно опирался на выступ скалы и получал жестокий ожог.

Ноги и руки их кровоточили, когда они добрались, наконец,

до вездехода, укрытого в покрытой пеплом долине, за горной грядой. Рядом стоял звездолет.

Их с нетерпением ждали. В пути Люк Дельта время от времени переговаривался с Окффом по радио. Давехат запретила кому бы то ни было выходить им навстречу. Без импровизированных скафандров никому не следовало рисковать. Но Дон Клиффорд и сам Окфф все-таки не послушались, и, выйдя из ущелья, путники заметили их силуэты среди почерневших стволов деревьев. Помощь была кстати, потому что сил уже не оставалось.

На борту вездехода их ждала умелая миниатюрная Луам, которой удалось выбраться из охваченного пламенем города. Все ее близкие погибли, и ей ничего не оставалось, как служить Давехат.

Окфф решил бросить вездеход и, с согласия Давехат, улететь вместе со всеми на звездолете на поиски временного убежища в пространстве.

Корабль взлетел, унося с собой всех. С небольшой еще высоты они заметили, как взорвался их вездеход — уничтожение было подготовлено Окффом.

Прошло какое-то время. Звездолет облетал Меркурий.

Путешественники поднялись высоко над поверхностью зоны, близкой к меркурианскому экватору. Оттуда ясно просматривались и горная гряда, и гигантский облачный покров. Из-за горизонта уже частично показалось Солнце, и пришлось зашторивать иллюминаторы и надевать темные очки.

Были ли они в безопасности? Сомнительно. Конечно, городок в пространстве был далеко, над самым центром темной зоны, да и аэротанки не поднимались до высоты, на которой находился звездолет, однако корабли регулярных сил неминуемо должны были появиться. Разрушив Мкоор, они непременно должны были броситься на поиски беглецов, потому что их целью была Давехат и ее главные помощники.

Беглецы имели отрывочные сведения о том, что происходило на Меркурии. Ситуация была сложной. Кое-где в городах, разбросанных на планете, оставалось много верных Давехат местных жителей.

Бруно Кокдор и Люк Дельта медленно приходили в себя после длительного отдыха. Их земные друзья старательно ухаживали за ними. Паскко пришлось поместить в медицинский отсек, а рядом с Давехат неотлучно находилась Луам и другие меркурианки, уцелевшие после катастрофы в Мкооре.

Давехат велела передать землянам, что фильтр и вся техника для просмотра были при ней.

На борту звездолета царило беспокойство. Нельзя было бесконечно блуждать в пространстве. Давехат приказала не удаляться от Меркурия. Ждали новых решений. Тем более, что полеты вокруг

капризной планеты и без регулярной армии таили в себе опасности. Малейший механический сбой или ошибка пилота могут увлечь звездолет в сторону огненной зоны и обрушить его на пылающую поверхность.

Беглецы рассчитывали на то, что сторожевые корабли, поскольку межпланетные правила запрещали полеты над экватором, не рискнут догонять их звездолет. Если же такое случится (а радары засекли вдали несколько кораблей противника), то командир звездолета сохранял слабую надежду увернуться от преследователей. Давехат полагала, что власти Меркурия ничего не знают об экспедиции в огненную зону и не будут — по крайней мере пока — искать их в этой районе.

Землянам тоже было о чем беспокоиться. То и дело Дон, Жолена и Фарт приходили в каюту, где расположились Кокдор и Люк Дельта.

Оба космонавта были невиновны в глазах властей, так как были похищены силой. Что же касается остальной троицы, то они считались бежавшими из заключения.

Что с ними станется? Вопрос возникал все более навязчиво, и даже оптимистичный Кокдор, хорошо умевший успокаивать, не мог найти нужных слов, чтобы рассеять тревогу, особенно у Жолены.

Только Ракс был счастлив. Храбрый пстор встретил возвращение хозяина с искренней радостью. Он не отходил от его кровати, урча от удовольствия и не сводя с Кокдора золотых глаз. Хозяин был с ним, а больше ему ничего не было нужно.

Так прошло три витка.

Настроение на борту звездолета оставалось неважным. Летающая тарелка не могла сохранять неподвижность и безостановочно облетала одни и те же районы. На таком расстоянии от поверхности планеты она не была видна невооруженным глазом, но радар легко мог ее обнаружить.

Запасы пищи подходили к концу. Никто не строил иллюзий. Раз Давехат отмалчивалась, значит, она потерпела поражение.

Паскко получил от своей повелительницы приказ молчать о том, что произошло в пещере. Она попросила о том же и землян. Однако они доверили тайну Жолене, Дону и Фарту.

Люк Дельта, лихорадочно нервный, измученный походом в огнедышащую пещеру, стал сомневаться в реальности увиденного.

— Нет, это невозможно! Это сумасшествие! Бруно, скажите, что нам это приснилось! Это был коллективный кошмар, галлюцинация!

— Увидим,— отвечал Кокдор.— Давехат, кажется, убрала кассеты в надежное место. Как только ситуация немного прояснится, она сама непременно захочет возобновить опыты, разгадать секрет

SOS, который идет из... ниоткуда. Вот тогда можно будет судить с большей определенностью. Я допускаю, что обстановка была необычной, могла как-то воздействовать на нас. Мы действительно были как в лихорадке. Все возможно... Подождем!

Однако ему было непонятно поведение Давехат. Нельзя же так бездействовать! Оправившись от потрясений и почувствовав себя совершенно здоровым, Кокдор попросил свидания с меркурианкой, которая не показывалась на глаза землянам.

Ему ответили, что она ожидает его, и он отправился к ней в сопровождении верного Ракса.

Давехат сидела в салоне звездолета и курила сигарету из фаоза.

Жрица казалась исхудавшей, но по-прежнему улыбалась. Кокдор нашел ее еще прекраснее, чем всегда.

Давехат протянула ему смуглую руку, на которой поблескивало кольцо с кусочком фильтра.

— Оставь нас одних, Луам.

Верная подруга вышла. Пстор уселся у ног Кокдора, привычно завернувшись в свои перепончатые крылья.

— Я знаю, о чем вы хотите спросить, кавалер.

— В таком случае вы освобождаете меня от излишних усилий, прелестная Давехат.

— Вы хотите знать, что я собираюсь делать дальше? Если хотите, я скажу вам правду. Признаюсь — вообще ничего!

Кокдор удивился.

— Как ничего? Все-таки нельзя вечно оставаться на этом корабле ни вам, ни нам. Кроме того, нас скоро обнаружат, в этом сомневаться не приходится.

— Я знаю. Но какое это имеет теперь значение?

Она затушила сигарету, откинулась на спинку дивана и закрыла свои прекрасные рубиновые глаза.

— Бруно...

— Слушаю вас, Давехат.

— Бруно, неужели вы думаете, что у меня есть какой-то дальнейший путь? Лучше сказать, возможность идти дальше?

— Объяснитесь, прошу вас!

— Мы перешли опасную границу, опаснее, чем граница горячей зоны. Границу жизни и смерти. Мы дошли до вершины, которой может достичь человек.

— Это так, но как же быть с нашим открытием, дарующим власть?

— А что она мне даст? Возможность царить на Меркурии? У меня уже есть эта власть. Что бы ни делали пришельцы, для настоящих меркурианцев повелительница — я. Я сохранила духовное наследие моих предшественниц. А теперь...

Она обреченно махнула рукой.

— Я думаю, нам не победить. Величайшая тайна... Видимо, она попадает в руки осквернителей, тех, кто сделал все, чтобы убить правду, скрыть от живущих великий и горестный призыв ушедших... Но ведь то же самое они говорили давно, много раз. Услышал ли их кто-нибудь? Нет, конечно...

— Откуда такой пессимизм, милая Давехат?

— Я отдаю себе отчет в том, что бессильна что-либо изменить в этом мире, дорогой Бруно. И потом, я осталась одна. У нас всегда царили женщины. Я не нашла себе супруга по своему вкусу. Конечно, я еще молода, но... вы правы, Кокдор, те, кто нас ищет, скоро нас найдут.

Бруно взял ее за руку, подчиняясь порыву щедрого сердца, которое никогда не покидало других, если они были в тоске. Давехат крепко сжала его руку. Во второй раз они почувствовали необыкновенную близость. Их губы соприкоснулись.

Она разделась. Все ее тело, словно выточенное из слоновой кости, трепетало. Сильные руки земного мужчины скользнули к ее груди, к нежному лону, которое навсегда останется бесплодным. Он ласкал прекрасную девушку, полную желаний и одновременно несчастную от того, что раса могущественных жриц Меркурия окончится вместе с ней, а величайшее откровение будет осквернено теми, кого она считает варварами. Кокдор дарил меркурианке единственное, первое объятие, которого ждет каждая девушка, самое болезненное, самое прекрасное и самое сладострастное.

Звездолет продолжал кружить над границей пылающего полушария. Хрупкая машина, творение рук человеческих, могла в любой момент сосользнуть в огненную пропасть.

Любовники, обменивавшиеся страстными ласками, неохотно прервали последний поцелуй — уже звенел сигнал тревоги: эскадра звездолетов регулярных сил неслась на огромной скорости, пренебрегая запретами, к единственному уцелевшему кораблю восставших меркурианцев.

19

Эскадра приближалась с присущей космическим аппаратам исключительной быстротой и маневренностью, несмотря на то, что она находилась в самых высоких слоях атмосферы. Еще немного — и звездолет Давехат будет окружен. Что произойдет тогда? Видимо, был приказ захватить в плен жрицу и ее помощников. В случае сопротивления, конечно же, уничтожат и зачинщиков восстания, и тех, кто что-либо знал о таинственном SOS. Давехат оделась, сохраняя странную безмятежность и покой.

Он был рядом с нею. В меркурианском небе она увидела далекие пока светлые точки — это приближались космические сторожевики.

Зазвонил интерфон, и раздался голос Окффа:

— Божественная Давехат, каковы будут ваши приказания?

— Иду,— ответила она.— Сейчас буду у тебя.

Повернувшись к Кокдору, она улыбнулась.

— Пойдем со мной.

— Не отойду от тебя ни на шаг!

Они вышли из салона, ставшего на краткий миг прибежищем их любви, вышли, чтобы никогда туда не вернуться. За ними поспешил Ракс, всегда с удовольствием сопровождавший своего хозяина.

Окфф, вытянувшись в струну, ждал жрицу у пульта управления.

— Принять атаку лицом к лицу или умчаться в пространство?

— Ни то, ни другое,— ответила Давехат.— В бою мы рискуем жизнями наших земных друзей, а я ими дорожу.

Кокдор поблагодарил кивком.

— А бегство недостойно меня,— добавила меркурианка.

Окфф поклонился в свою очередь. Хотя он ясно понимал возможные последствия такого шага, но одобрял его.

Зеленоглазый землянин побледнел.

— Давехат, надо ли понимать, что...

— Вы все поняли, кавалер! Вы знаете, что мы пролетаем в опасных местах, под экватором расположена зона гравитационной нестабильности. Немного дальше — притяжение Солнца будет действовать сильнее...

— Но... Звездолет упадет на поверхность горячего полушария!

Она подняла на Бруно рубиновые глаза, и кавалер убедился еще раз, что в определенные моменты они бывали непроницаемы.

— Давехат,— сказал кавалер,— вы еще можете спастись! Я допускаю, что следует отказаться принять бой, если он заведомо окажется проигранным, но космос... космос безбрежен! Ваш звездолет еще может улететь, выиграть в скорости, ведь сторожевики тяжелее и хуже маневрируют в пустоте. Улетим к Венере, к Земле, куда угодно!

Прекрасная точеная рука поднялась и, сверкнув кольцом, остановила его речи.

— Кокдор, вы забываете, что я восстановила против себя все власти, *все* миры, ведь величайший секрет SOS касается всех цивилизаций, куда бы я ни направилась...

— Это безумие, Давехат!

Вновь непроницаемая улыбка. Давехат повернулась к Окфу.

— Ты знаешь, что делать, действуй!

Меркурианец козырнул и принялся нажимать кнопки.

— Я не позволю!

Кокдор бросился к Окффу, понимая, что тот собрался отклонять курс корабля от идеальной линии экватора, чтобы бросить его за горные цепи и облака.

Но Давехат уже отдала короткий приказ по интерфону. Трое меркурианцев стрелой влетели в кабину управления и по знаку жрицы бросились на Кокдора, освободив Окффа. Ракс свистнул, раскрыл крылья и развернулся для атаки. Меркурианцам пришлось отступить, так ужасен был пстор в ярости.

Давехат мигом оказалась между квалером и охранниками.

— Послушайте, кавалер, я совсем не хочу стать причиной вашей смерти. У нас есть летающий челнок, вы спасетесь на его борту вместе с вашими друзьями. Сейчас нам ни к чему драка.

— Давехат, бедная вы моя, это — самоубийство!

— Умоляю вас, не надо таких слов, Бруно,— произнесла она неожиданно ласково.— Успокойте, пожалуйста, Ракса. Только вы это можете.

Он вздохнул и потрепал пстора по загривку. Конечно, Давехат была права, и ее решение было единственно возможным.

С этого момента время понеслось стрелой.

Меркурианцы поняли, что гибель звездолета близка,— он уже отклонялся к полыхающему полушарию,— и поспешили подготовить бортовой челнок, небольшую космическую капсулу, способную взять на борт дюжину пассажиров.

Жолена, Дон Клиффорд, Люк Дельта с Доротеей в кармане и капитан Фарт перебрались на борт спасательного корабля. Туда же меркурианцы пригласили и Кокдора.

Хотя сторожевые корабли приближались с потрясающей скоростью, они не могли пересечь некую определенную черту, потому что последствия этого могли стать катастрофическими. Бруно был мертвенно-бледен. Меркурианцы любезно, но настойчиво просили его поспешить, потому что промедление грозило гибелью его друзьям. Слезы подступали к его горлу, но последний аргумент убедил его, он ощутил, что звездолет уже теряет устойчивость.

Он в последний раз взглянул на меркурианскую жрицу.

— Прощайте, Давехат.

Горло перехватило. Менее часа назад эта женщина трепетала в его объятиях, познав любовь на пороге смерти, и вот он терял ее навсегда. Его печаль была безмерна, потому что Давехат была молода, умна и прекрасно знала, как и он, одну из самых фантастических тайн, когда-либо открывшихся человеку.

В глазах с рубиновым отблеском мелькнула тень.

— Прощайте, Бруно,— прошептала Давехат.

Он вышел из командной кабины вместе с торопившими его провожатыми. Жолена и трое других землян с облегчением встрети-

ли его в спасательном корабле: Они уже начали подозревать, что он хочет разделить судьбу Давехат.

Дверь захлопнулась. Люк Дельта, опытный пилот-испытатель, взялся сам вести челнок.

Через иллюминаторы они увидели, как летающая тарелка набрала скорость и ринулась к вершинам облачных гор.

Вдруг она вспыхнула, таким сильным оказалось охватившее ее солнечное излучение: Вскоре сияние стало невыносимым для глаз. Наблюдатели со спасательной капсулы и со сторожевиков поняли, что звездолет, подставив себя прямым лучам Солнца, раскалился добела и загорелся. Всем показалось, что меркурианский звездный корабль растворился в огненной феерии и навсегда исчез за гигантской облачной стеной.

«Спортиф» возвращался на Землю.

Кокдор был озабочен. С помощью Люка Дельта он составлял как можно более полный отчет о пережитых ими событиях. Он старался помочь Жолене, Дону Клиффорду и капитану Фарту, которые, сами того не желая, оказались замешаны в восстании.

Кавалер особенно упирал на то, что украденные записи были уничтожены вместе с магическим фильтром, поэтому опасность, исходившая от этой истории, больше не существовала и обвинять всех троих было не в чем.

Оба старательно корпели над текстом, но время от времени Люк отрывался от работы и задавал кавалеру мучивший его вопрос:

— Кокдор... все это безумие, не так ли? Все, что мы видели или думали, что видели? Нет! С мертвыми нельзя разговаривать! Там, наверху, просто перестраховались, нечего было устраивать такой переполох, принимать такие драконовские меры. Ну скажите, что у меня были галлюцинации, бред, воздействие гипноза или наркотиков! Чем больше я думаю, тем чаще говорю себе: и слава богу, что все эти фильтры и записи остались на борту звездолета! Жаль только, что люди погибли.

Задумавшись, Кокдор не отвечал.

— Бруно, ответьте! Не хочу верить, что Давехат и ее друзья отдали свои жизни зря, это было бы ужасно! Ах, голова идет кругом. Что это было — правда или сон?

Кокдор смотрел на него и молчал, не в силах найти подходящие слова. Вдруг он вспомнил одного из посланцев, того мудреца, который явился неизвестно из какого мира, неизвестно из какого времени; того, который и подсказал ему ответ.

Он приложил палец к губам.

МОРИС ЛИМА

ПОЛУНОЧНЫЙ ТРУБАДУР

ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ. ТРИНАДЦАТЫЙ ВЕК

Глава 1

Ветер почти полностью разогнал тучи на небе, под его резкими порывами таяли последние облака.

Сияла луна, полная луна, похожая на кусок сверкающего металла; под ее ослепительным светом четко, как на гравюре, выступали окрестные поля и леса, реки и долины, и возвышающийся на высоком крутом холме замок, гордость и оплот Кревкеров.

Амори де Кревкер — каждому известно это имя в его владениях — сейчас на охоте, ведь охота — самое любимое развлечение всех знатных сеньоров в тринадцатом веке. Он гонит вепря, оленя, охотится на волков, и всегда в компании со своим соседом по поместью — мессиром де Мортимером.

Однако ходят слухи, что эта общая страсть к охоте — всего лишь предлог, и оба феодала договорились заключить союз между Иоланой, племянницей и воспитанницей де Кревкера, и Игорем, наследником Мортимера. Вопрос о заключении союза на таком уровне решался, естественно, родителями и отвечал, прежде всего, интересам военного могущества. Соединить Кревкеров и Мортимеров — честолюбивые планы...

Но при этом, однако, забыли поинтересоваться мнением самих молодых людей. А между тем Иолана, любимица де Кревкера, была, как твердила молва, девушкой очень образованной: говорила полатыни, любила музыку, частенько принимала трубадуров и бродячих артистов, пела, сочиняла стихи, вела ученые беседы с богословами; и, вероятно, была бы не в восторге от перспективы стать супругой Игоря, бледного дегенеративного молодого человека,

единственным достоинством которого была его непроходимая глупость.

На землю упала ночь. Затихла деревня, прижавшись к подножью замка. Пробил колокол, призывающий к тушению огня, и никто не осмеливался нарушать этот указ Кревкера, освященный церковью, которая и сама не грешит, хотя и имет право отпускать грехи, свои и чужие...

Но в одной из башен замка, кажется, бодрствует мэтр Волюбилис. Наверное, он изучает какой-нибудь древний колдовской манускрипт, а может быть, просто задрал свой нос к звездам. Он не совсем в ладах с духовенством, но де Кревкер ему покровительствует. Граф немного побаивается старого звездочета, но частенько обращается к нему за советами.

Между прочим, Волюбилис объявил, что планы Кревкера выдать племянницу замуж встретятся с большими трудностями и некие неизвестные силы воспрепятствуют осуществлению этого союза.

Дом Бонифаций, капеллан де Кревкера, пообещал со своей стороны призвать на помощь силы небесные. С небом, как ему казалось, он был в хороших отношениях благодаря благосклонности епископа и святого инквизитора соседнего города.

На вершине одной из башен светится еще одно окно; оно даже не зашторено. Но это никого не смущает. Ведь всем известно, что это личные покои Иоланы де Кревкер и что образованная владелица замка даже ночью продолжает свои занятия науками и искусством.

Тишина вокруг. И в этой тиши из леса, окружающего холм, поднимаются тысячи таинственных звуков. Начинается пылкая и таинственная ночная жизнь различных тварей, которые просыпаются под лунным светом. Из болот доносятся хриплые, и в то же время приятные песнопения лягушек, воспевающих ночное светило.

Однако многие бы удивились, если бы увидели, что же на самом деле происходит в покоях прекрасной Иоланы.

Она здесь не одна. С ней две ее служанки, а скорее подруги и наперстницы, они чем-то заняты, ходят взад-вперед, хлопочут. В канделябрах по углам горят свечи, на стенах — факелы.

Широкое ложе, покрытое тончайшим льном, бледно переливается под пляшущими бликами факелов, которые отбрасывают тени, похожие на гномов и сказочных фей.

А вокруг — розы, обилие роз, которые принесли Флориза и Батильда. Сама Иолана, в платье из цельного куска полотна, стройная, смеющаяся и строгая одновременно, в изящном головном уборе, руководит приготовлениями.

Что же должно произойти этой ночью в замке Кревкеров?

Какая-то таинственная церемония, вне всякого сомнения. Само собой разумеется, что Флориза и Батильда подчиняются только

своей госпоже и всегда содержат в тайне все, что касается личной жизни очаровательной Иоланы.

Черные очи Иоланы странно блестят, весь ее озорной, но в то же время суровый и сосредоточенный облик резко контрастирует с ее юностью, с ее сладострастным нежным телом, которое угадывается под льняным платьем.

Наблюдая за хлопотами Флоризы и Батильды, которые поправляют канделябры и расставляют букеты роз вокруг широкой постели, Иолана держит в руке книгу, редкий манускрипт, написанный, разумеется, по-латыни. Духовное издание? Конечно, нет. Если бы дом Бонифаций узнал, что за текст держит в руках его прекрасная духовная дочь, он пришел бы в ужас и решил, что он написан не иначе, как самим Сатаной. Это был роман, описывающий нравы древних римлян, и где его достала Иолана — одному Богу известно. Здесь в ярких красках описывались изысканные пиршества, соединяющие гастрономию и сладострастие, где прекрасные римлянки и их любовники на свой лад прославляли культ Венеры и Купидона.

Простодушная Батильда, с восхищением оглядывая приготовленное ложе, окруженное светом и цветами, воскликнула:

— О, госпожа, вот уж точно — здесь как в часовне Дома Бонифация!

Флориза тихо рассмеялась, а Иолана хотела строго сдвинуть брови, но самой стало смешно.

— Ну-ну, глупышка! Заканчивайте побыстрее и не кощунствуйте...

Потому что Иолана, эта ревностная дочь церкви или желающая ей казаться, уважала религию.

Время шло. Девушки примолкли, лишь иногда перебрасываясь парой слов. Они были во власти ожидания.

Скоро пробьет полночь.

Он придет.

Он обещал прийти, когда пробьет полночь.

Для него не существует преград. Он появится со стороны рва, заполненного водой, и перейдет через него, не замочив ног, так он сказал.

Он войдет в покои Иоланы даже без веревочной лестницы, которую на всякий случай приготовила Флориза. Он пройдет через потайной ход, а если ход будет закрыт, или если там будет стража, он преодолеет и это препятствие.

В любом случае, он даст знак — несколько аккордов на своей цитре, потому что цитра — его любимый инструмент, родом из Италии, и чарующие звуки, которые он умеет извлекать из нее, заставляют сильнее биться сердце.

Иолана с трудом скрывала свое нетерпение. Ведь он идет к ней!

Батильда и Флориза волновались не меньше хозяйки дома; они ведь тоже должны были сыграть свои роли в языческой церемонии, которую готовила Иолана, вдохновленная описанием утонченных наслаждений античного Рима.

— Я слышу его! — воскликнула Батильда, простодушная и честная Батильда.

Более проницательная и разбитная Флориза, конечно, тоже услышала. Белые руки Иоланы слегка дрожали, и она, не в силах сдержать или скрыть свое волнение, отложила книгу, жестом призвала девушек к тишине и подошла к окну. И правда, в ночи прозвучали несколько нот, словно зазвенело ожерелье из драгоценных камней, ожерелье, которое заставило сладостно сжаться трепещущее сердце Иоланы.

Он здесь.

Молодой трубадур, певец любви и счастья, поэт, эльф, и в то же время человек, мужественный и прекрасный юноша, возлюбленный Иоланы пришел в назначенный час.

Но не опасно ли подавать такой сигнал? Нет, конечно, нет! Граф сейчас у Мортимера со своими воинами. А слуги, капеллан? Разумеется, они все спят. Мэтр Волюбилис если и не спит, то слишком занят своими делами, чтобы обращать внимание на серенады.

Остается стража, начальник и еще шестеро воинов, которые должны делать обход по трое каждые два часа. Но будут ли они так же прилежно нести свою службу в отсутствие сеньора? Наверное, болтают за кубком вина о каких-нибудь красотках, а может быть, их уже сморил хмель или сон.

И потом, он ведь немного волшебник. Ему не страшны никакие неожиданности.

Эрик пришел. Иолана дерзко высунулась из окна и машет ему рукой.

Он улыбается ей в ночи, но она скорее чувствует, чем видит эту улыбку. Луна-сообщница помогает ей лучше видеть изящную, но в то же время мужественную фигуру трубадура, перебирающего струны своей цитры. Новые звуки льются в ночи, они плывут в лунном свете, как капли золота.

Все хорошо, но как же Эрик войдет к своей возлюбленной? Флориза, глядя из-за спины Иоланы, прошептала:

— Он колдун. Волшебник, музыкант...

И действительно, Эрик уже много раз заставлял всех удивляться своему необыкновенному таланту, который начинал слегка беспокоить Дома Бонифация и слухи о котором уже достигли ушей церковников.

Батильда тоже очень хотела посмотреть на того, кого так ждали ее госпожа и подружка Флориза.

— Он приближается!

— Но... он перешел через ров...

— Он что же... перелетел? Что-то непохоже...

— Он ведь сказал, что это его не остановит!

— Он что, прошел по воде, как наш Создатель?

Иолана в гневе обернулась.

— Батильда! Еще одно богохульство, и я прикажу вас высечь!

Батильда на всякий случай примолкла, но продолжала неотрывно следить за каждым движением трубадура.

Теперь Эрик находился уже у самого основания башни. Потайная дверь была в двух шагах.

Предусмотрительная Флориза сказала:

— Пойду, посмотрю, свободен ли путь...

Она исчезла, но почти тотчас же вернулась и испуганно прошептала:

— Госпожа! Госпожа!

— Пресвятая дева! Что там случилось?

— Стража! Я видела свет фонаря...

У Иоланы замерло сердце. Неужели эти кретины не захотели воспользоваться отсутствием хозяина? Сейчас, значит, они проявляют свое усердие и ходят дозором вокруг замка. А если так, то они наверняка пройдут мимо потайной двери, запрут ее, если

уже не заперли, и, таким образом, отрежут дорогу ночному гостю, и хорошо еще, если они его не заметят и не схватят!

Перегнувшись через карниз бойницы, принцесса де Кревкер окликнула своего любовника:

— Эрик!.. Будь осторожен!.. Дозор!..

Ночную тишину разорвал злобный собачий лай. Значит, стражники уже вышли на обход, взяв с собой для большей уверенности сторожевых псов.

Иолана была в отчаянии, служанки тоже. Все пропало, языческий праздник не состоится.

Эрику остается лишь одно — бежать, исчезнуть, по крайней мере, на эту ночь.

Она говорила все это приглушенным голосом, опасаясь быть услышанной; она боялась быть застигнутой врасплох, боялась за любимого...

Эрик стоял у подножья башни. Казалось, он еще улыбается...

Он снова коснулся рукой струн цитры, и вдруг...

Эрик оторвался от земли, плавно взмыл в воздух, с легкостью бабочки поднялся к бойнице, где шесть женских рук подхватили его и втянули внутрь комнаты.

Женщины до сих пор ничего не могли понять в происходящем. Только разве дело в этом? Он здесь. Внизу идет дозор. Пляшет свет фонаря, который держит в руке один из стражников. Собаки нюхают воздух, крутятся на месте, заливаются лаем, потеряв след, оборвавшийся так неожиданно и непонятно.

Стражники продолжают обход. Им нечего доложить своему начальнику.

* * *

Чуть в стороне из-за кустов скользнула тень человека. Он все видел. Осеняя себя крестом, он трясся от ужаса, уверенный, что присутствовал при проявлении дьявольских козней. Затем он бросился к потайной двери подземного хода и начал так стучать, что поднял на ноги всю стражу. Ему открыли...

Он умолял разбудить дома Бонифация; он должен его видеть, он должен сделать ему ужасное признание.

* * *

Иолана и Эрик посмотрели друг другу в глаза и нежно поцеловались. Затем, по знаку госпожи, Батильда и Флориза приблизились к нему, взяли из рук цитру и принялись раздевать его...

Глава 2

Пламя восковых свечей, запах бесчисленных роз, в которых утопала комната Иоланы — все сливалось в терпкий, и в то же время нежный аромат. Все сталкивалось, смешивалось, порождая атмосферу таинственности.

Теперь женщины могли, наконец, рассмотреть обнаженного трубадура, с улыбкой лежащего на постели. Они все еще были потрясены и очарованы фантастическим видением, которое произошло у них на глазах. Подумать только, ведь он одним прыжком, легко и без каких-то видимых усилий, преодолел высоту порядка сорока шагов, отделяющую бойницу замка от твердой земли и от рва, заполненного водой! А ведь и хозяйка замка, и служанки уже хорошо знали Эрика. Им было известно о его необыкновенных способностях исцелять болезни, предсказывать будущее. Сын простого горожанина из соседнего города, Эрик вдруг приобрел способности, которые совершенно не укладывались в сознании. Он рос мечтательным мальчиком, ему больше по душе было перебирать струны своей цитры, чем орудовать метром, которым отец отмерял сукно в своей лавке. Теперь же молва о нем разнеслась далеко. Иолану он встретил в то время, когда племянница де Кревкера, удалив от себя стражу и служанок, прогуливалась по лесу. Их сердца открылись друг другу, несмотря на различие в сословиях.

Иолана с наслаждением смотрела на своего возлюбленного. Ему было двадцать лет, он обладал мускулистым, но гибким телом. Его красивое лицо со слегка иронической улыбкой обрамляли длинные волосы, как это было принято у молодых людей того времени.

Батильда и Флориза уже сбросили свои одежды и, обнаженные, торопились закончить последние приготовления к предстоящему ритуалу.

Пышная, округлая Батильда и изящная, смуглая Флориза являли собой прекрасные цветы любви, но молодой человек смотрел только на Иолану. Прямая и строгая, Иолана все еще была в своем длинном платье и в островерхом головном уборе, который делал ее еще выше ростом. Но под складками платья угадывалось сладострастное тело, вызывающее настоящее чувственное наслаждение.

Освещение было очень яркое, так как добавили еще факелов и свечей. Дорогие драпировки свешивались с каменных стен, и сказочные фигуры на них как бы оживали.

Эта атмосфера, присутствие девушек, вызывающих желание и страсть — все это еще более подчеркивало головокружительную красоту Иоланы.

И, кроме того, розы, обласканные светом свечей этой обители любви (Батильда была все-таки права, назвав ее часовней) погру-

жали молодых людей в состояние сна наяву, им казалось, что они вступают в новый, неизведанный мир.

Иолана приблизилась, сделала нетерпеливое движение. Девушки подбежали к ней и, под восторженным взглядом Эрика, сердце которого сжалось и ком подкатился к горлу, освободили от платья, которое соскользнуло вниз; сняли головной убор, и волна черных волос упала на белоснежные плечи, на крепкую изящную грудь.

Он прошептал имя любимой, и она опустилась на ложе рядом с ним.

Итак, церемония началась.

Батильда и Флориза подошли с обеих сторон к ложу влюбленных, которые пока только держались за руки и, прикрыв глаза, наслаждались близостью друг друга. Набрав в ладони лепестки роз, они принялись осыпать ими влюбленную пару; лепестки падали на обнаженные тела подобно сказочным бабочкам, а служанки тем временем начали протяжно декламировать текст заклинания, которому их терпеливо учила Иолана:

— Вот цветы... для твоего тела и твоих очей...

— А вот цветы для твоих губ...

— Вот цветы для твоих персей и твоего сердца...

— Вот цветы для твоего живота и лона...

— Вот цветы, которые покроют тебя с головы до ног...

Лепестки роз тихо падали на кожу, отсвечивающую то розовым, то золотистым цветом в колеблющемся пламени факелов.

Затем настал черед языческих кушаний.

Батильда принесла бокалы из прозрачного красного хрусталя, привезенные из Венеции. По легенде, они были изготовлены одним несчастным влюбленным, который окрасил их кровью своего сердца; в это время Флориза подала на серебряном подносе кувшин молодого хмельного вина с виноградников, процветающих на благодатной почве соседних холмов.

Влюбленные утолили жажду, глядя в глаза друг другу, затем обменялись бокалами, возбужденные не столько тонким вином, сколько первыми ласками, которые они позволяли себе, еле сдерживая нарастающую страсть. Одурманивающий аромат роз стал еще сильнее.

Обнаженные служанки внесли кушанья: дичь, запеченую рыбу, пшеничные и кукурузные лепешки, золотистый мед и амброзию, испускающую опьяняющий аромат.

Все было приготовлено отменно, но Иолана и Эрик едва прикоснулись к еде. Их снедал голод другого рода.

Цитру положили на деревянный сундук, отделанный металлическими украшениями тончайшей работы, и сейчас этот инструмент, с помощью которого Эрик мог заставить повиноваться кого угодно (так говорили в народе), несмотря на то, что не издавал ни звука,

казалось, тоже ощущал нарастающее сладострастие, которое наполняло комнату.

В бокалах богемского резного хрусталя принесли другие напитки, искрящиеся и опьяняющие. Но владелица замка и ее любовник уже не замечали ничего вокруг, а верные служанки, сами необычайно возбужденные красотой своей госпожи и мужественностью молодого трубадура, чуть не роняли посуду и утварь, которую держали в руках.

Наконец девушки поняли, что им уже пора удалиться в какой-нибудь укромный уголок за драпировки.

Внезапно Флориза вся напряглась.

— Шаги... я слышу шаги... Кто-то идет сюда... Кто-то поднимается в башню...

Иолана, оторвавшись от своего эмпирея, вздрогнула, приподнялась с блуждающим взглядом:

— Что ты говоришь, ты сошла с ума?

— Клянусь, госпожа... я слышала шаги...

Эрик побледнел, возвращаясь к реальности из заоблачных высот страсти, а Батильда зарыдала.

Крепкая дверь, окованная железом, содрогнулась под мощными ударами, наносимыми неумолимой рукой в рыцарской железной перчатке.

— Иолана... что там происходит? Откройте!

В наполненной сладострастием комнате воцарилась тишина. Как рвется парус, так же внезапно исчезли счастье и радость. За дверью слышалось бряцание оружия, голоса. А вот голос, сильный и властный, они узнали сразу.

Амори де Кревкер, грозный сеньор, владелец этих мест.

Девушки-служанки обратили взоры к своей госпоже, ожидая распоряжений и надеясь на защиту.

Эрик тоже поднялся, бледный, но решительный, его смущала только его нагота. Но что он мог сделать сейчас против разгневанного рыцаря, тем более, что тот был не один?

— Иолана! Откройте!

Иолана растерянно посмотрела вокруг. Эрик колебался — что делать? Она указала ему на окно, но он покачал головой:

— Я не покину тебя...

Иолана не успела возразить — мощный удар обрушился на дверь, которая не выдержала — сорвались петли. На винтовой лестнице, соединяющей этажи башни, виднелась толпа вооруженных людей, которые по приказу Кревкера объединили свои усилия и выбили дверь.

Первым вошел Амори, все еще одетый в охотничий костюм с перевязью, в набедренниках, опоясанный мечом.

Очень высокого роста, широкоплечий, не лишенный, впрочем,

благородных манер, граф обвел пронзительным взором своих зеленых глаз (этот взгляд заставлял трепетать многих) всю комнату, ложе, усыпанное увядающими уже лепестками, факелы, бесстыдных голых людей.

— Смотрите, мой брат мессир,— произнес вдруг едкий голос.— Вот уж действительно поучительный для нас спектакль...

Иолана сразу узнала этот голос, хотя не думала, что его обладатель окажется здесь. Знатный сеньор в доспехах и с гербом на груди. Мортимер, барон Мортимер собственной персоной.

Позади солдат де Кревкера, но немного в стороне виднелся бледный рыжеватый молодой человек с тусклым лицом, усыпанным веснушками, с глазами цвета морской волны: он все время довольно глупо ухмылялся. С чувством гадливости Иолана узнала его: это был сын барона де Мортимера Игорь, непроходимый дурак, которого оба феодала осмеливались прочить ей в мужья.

Де Кревкер был вне себя, а вид иронической гримасы на лице Мортимера еще более усиливал его гнев. Но в это время на пороге появилось новое лицо, потрясающее распятием.

Это был дом Бонифаций, капеллан, одетый в рясу из грубой шерсти. Его предупредил тот самый браконьер, который решил поживиться около замка, надеясь на отсутствие сьера де Кревкера, как и все остальные. И надо же было случиться, что именно в этот день Кревкер и Мортимер, пригласив с собой Игоря, решили вернуться ночью в замок, чтобы на следующий день дать, наконец, будущим супругам возможность побыть вместе и получше познакомиться.

Подняв распятие с изображением Того, кто отдал жизнь за счастье и любовь, монах кричал:

— Смерть колдуну! На костер его! На костер!

Толпа вокруг него бестолково и угодливо повторяла:

— Смерть! На костер дьявола! Зажгите костер!

Амори раздраженным жестом прервал эти вопли:

— Схватите его!

Стражники шагнули вперед, но дом Бонифаций снова завопил:

— Не прикасайтесь к нему! Он отмечен знаком дьявола! Держите его остриями ваших копий...

Солдаты повиновались, и все еще обнаженный Эрик был окружен стальным кольцом; безжалостные копья, направленные на него, уже кололи его кожу, и капли крови выступили на руках, на груди, на ногах...

Уже почти не владея собой от гнева, Амори де Кревкер простонал:

— Иолана... девочка моя... в таком виде... Оденьтесь! Немедленно!

Глядя на своего друга, Иолана стояла неподвижно, словно мол-

нией пораженная. Амори нашел покрывало, бросил ей, чтобы она могла прикрыть наготу.

Барон Мортимер счел нужным вмешаться:

— Мой любезный брат, разве вы не видите, что благородная барышня находится под влиянием дьявола? По-моему, она совершенно не должна отвечать за эти дьявольские козни...

Амори глубоко вздохнул.

— Да, вы правы, брат мой. Где служанки? — заорал он вдруг.

Дрожа от страха, все еще совершенно голые, девушки приблизились. При виде обнаженной женской плоти глаза стражников загорелись от вожделения. Игорь продолжал глупо хихикать, а дом Бонифаций закрывал рукой глаза, впрочем, больше для вида. Батильда и Флориза уже одевали Иолану.

Эрик в отчаянии посмотрел на свою возлюбленную. Прямой и неподвижный, он уже полностью овладел собой и теперь горел одним-единственным желанием дать отпор выходкам монаха, хотя и понимал, что это совершенно бесполезно. Сложив руки на груди, гордый, не потерявший достоинства, несмотря на то, что был без одежды, он презирал их всех. Он думал об Иолане и лишь раз взглянул на свою цитру.

Дом Бонифаций перехватил этот взгляд и снова завопил:

— Не дотрагивайтесь до этой игрушки дьявола! Она проклята, как проклято все, к чему он прикоснулся! Ее нужно представить перед судом святой инквизиции! И его тоже! — продолжал он, указывая рукой на Эрика, с вековой ненавистью против всех, кто приветствует наслаждения чувственной любви.

Подталкиваемый со всех сторон копьями, которые раздирали его грудь и спину, Эрик стал спускаться по лестнице, а затем его, все еще обнаженного, вытолкнули на ночной холод.

Амори бросил последний взгляд на проклятую отныне комнату. Затем тоже вышел в сопровождении Мортимера, Игоря и капеллана; так они шли вниз следом за солдатами, ведущими пленника. По пути Эрик заметил тень — какой-то человек прижался к стене, пытаясь остаться незамеченным. Это был тот самый браконьер, невольный свидетель его левитации, предатель. И хотя, возможно, он испытывал угрызения совести, но что это в сравнении с возможностью заполучить местечко в раю, выдав хоть одного приспешника дьявола...

Глава 3

Небо чистое и голубое. Солнце сияет в зените. В городе царит всеобщее веселье и ликование. Сегодня предстоят большие празднества: народное гулянье, священные церемонии, турнир, развлечения и в довершение всего — две казни.

Будет чем поразвлечь почтеннейшую публику!

Сегодня благочестиво будет сожжен на костре колдун. Молодого колдуна сожгут потому, что в него вселился злой дух — это неоспоримо определил духовный суд. Несколько раньше казнят браконьера, ему уготована честь быть повешенным. Конечно же, он имеет право на такую милость — ведь это он выдал колдуна, двадцатилетнего колдуна, который умеет подниматься в воздух без каких-либо механизмов, а значит, с помощью потусторонних сил. Он, правда, всего лишь свидетель, но ведь он нарушил границы владения сьера Кревкера, а уже тут снисхождения быть не может. Его пощадили от ужаса костра и решили просто повесить.

Впрочем, и это следует отметить, в народе царило некоторое смущение. Конечно, сжечь на костре слугу дьявола — святое дело, но ведь речь шла об Эрике, сыне суконщика, а в графстве Кревкера все любили этого юношу, и не одна девушка всплакнула тайком.

Вот уж действительно, не поскупились как следует обставить церемонию финальной части праздника. На центральной площади возвели трибуны, затянутые разноцветными драпировками. Здесь разместятся семьи феодалов, члены городского магистрата, почетные граждане и, наконец, духовенство. Уже виднелся мрачный силуэт виселицы. Рядом с ней палач и его помощники, все в кроваво-красных камзолах и в капюшонах с прорезями для глаз, укладывают последние вязанки хвороста у столба, к которому скоро цепями привяжут жертву.

Толпа разрасталась. Слышатся звуки фанфар. Приближался кортеж. Рыцари на своих боевых конях, герольды, дующие в фанфары, лучники, арбалетчики, копьеносцы, пешие и конные — все сливалось в единую симфонию ярких красок, где особенно выделялось украшенное серебром оружие, сверкающие доспехи и шлемы.

Появился епископ, и толпа преклонила колени. Священники несли его на носилках, балдахин которых защищал от солнца. Митра и посох символизировали победу добра над злом.

Как же это можно — исцелять людей, извлекать волшебные звуки из музыкального инструмента, летать, как нечистая сила,— и все без разрешения духовенства?

На великолепных боевых конях появились три рыцаря в полном вооружении, по крайней мере, двое из них имели очень внушительный вид. Граф де Кревкер, знатный сеньор и хозяин этих мест, и его любезный «брат» барон Мортимер; два могучих рыцаря, не раз доказавшие свою боевую мощь в борьбе с неверными и, тем самым, снискавшие всеобщее уважение. Третий рыцарь в боевом вооружении выглядел, по меньшей мере, странно и плохо держался в седле. Это — Игорь Мортимер, которому во всех отношениях далеко до своего отца.

За ними на белом скакуне появилась самая прекрасная урожен-

ка этих мест: Иолана де Кревкер, племянница, воспитанница и наследница благородного сьера.

Очень прямая в седле, с застывшим лицом, крепко сжимая в руке поводья — о чем думала та, чей любимый должен сейчас погибнуть в ужасных мучениях?

Поговаривали, что она стала жертвой происков колдуна, который самым гнусным образом ввел ее в заблуждение, но — слава небесам — ученые церковники смогли изгнать из нее злого духа и отлучить от дьявола. Теперь она настолько очистилась, что вполне достойна в самом скором времени стать супругой наследника Мортимера.

Отсутствующий вид девушки слегка приуменьшал ее обычную прелесть, но, тем не менее, в толпе пронеслось:

— Наследница Кревкера... Иолана... любимая племянница Кревкера...

Появился следующий персонаж верхом на муле; рядом благоговейно шли стражники. Люди, улыбавшиеся при появлении Иоланы, невольно вздрогнули.

Это был брат Алоизиус. Инквизитор.

Белая одежда и черная накидка доминиканца создавали мрачный, хорошо продуманный контраст.

Это он вел судебный процесс, это он был обвинителем, это он послал Эрика на огонь костра.

Затем прошли оруженосцы, и вот уже последняя группа рыцарей завершает парад.

Все заняли свои места согласно тщательно составленному этикету. Скоро начнется зрелище. Не хватает только двух главных действующих лиц — самих осужденных.

Какая-то женщина, затерянная в толпе, стиснула руки; она страдала так сильно, что не могла произнести ни звука. Страшное, немое отчаяние матери. Это жена суконщика, это она дала жизнь Эрику. И что бы там ни говорили церковники, она продолжала считать его невиновным.

И все же... все же он должен умереть ужасной смертью.

Подруги, добрые соседки пытались поддержать ее, успокоить. Отец, суконщик, тоже был здесь. Подавленный, молчаливый и самый несчастный человек на свете.

Они пришли сюда, чтобы поймать последний взгляд своего осужденного сына. Слабое утешение!

Молодая девушка, проскользнув в толпе, приблизилась к стоявшей матери, наклонилась к ней и шепнула на ухо:

— Мужайтесь, госпожа... Еще не все потеряно...

Мать вздрогнула и с печальным видом посмотрела на нее. Отец тоже все слышал. В такой момент они были готовы поверить во все, что угодно. Они узнали Флоризу, верную служанку Иоланы.

Флориза щептала очень тихо, чтобы слышали только они:

— Мэтр Волюбилис просил совета у звезд... Он сообщил моей благородной госпоже, что Эрик не умрет; придет помощь с небес и избавит его ото всех врагов.

Сказав это, она, быстрая и гибкая, тут же затерялась в толпе. Растерянные отец и мать переглянулись.

Где-то вдали послышался шум, и теперь вся толпа была охвачена единым порывом:

— Осужденные!

Показались две повозки, запряженные першеронами, окруженные помощниками палача. На первой повозке везли Ландри, этого дурака Ландри, погубившего и Эрика, и себя. И хотя браконьер имел самый жалкий и плачевный вид, народ не испытывал к нему никакой симпатии. Но совсем по-иному встретили вторую повозку, на которой везли колдуна, мнимого колдуна. Несчастный Эрик! Ему обрили голову, и его прекрасные локоны стали лишь воспоминанием. Он был одет в длинный балахон, пропитанный серой, на котором были нарисованы языки пламени и дьявольские рожи. Голову покрывал такой же колпак. Сан Бенито! Этому рубищу дали имя святого, чтобы бросать в нем живых людей на огонь.

Эрик был бледен, чудовищно бледен. Рядом лежала его цитра. Судьи решили, что инструмент должен разделить судьбу своего хозяина.

А дальше все происходило, как в кошмаре.

К подножью виселицы подвели Ландри, потом палачи схватили Эрика и привязали к центральному столбу костра.

Толпа безмолвствовала.

Сейчас ослепительным пламенем вспыхнет костер.

Отец и мать, затертые в толпе, замерли от ужаса, хотя в глубине души у них еще теплилась слабая надежда. И еще одна любящая душа не теряла надежды — Иолана, прямая и неподвижная, сидящая рядом с тем, кого ей прочили в мужья, впрочем, не удостаивая его ни единым взглядом.

Мортимер сидел со своей обычной иронической улыбкой. Кревкер был недоволен поведением своей племянницы. Разве она не должна испытывать радость, вырвавшись из когтей дьявола?

Иолана хорошо знала эту церемонию. Практически всем заправлял брат Алоизиус; епископ и его сопровождающие следовали ему во всем.

Эрика допрашивали, откуда взялись его необыкновенные способности? Он уверял, что ему ничего не известно об этом. Он охотно рассказал, как однажды на поляне леса, где он сочинял новые песни и играл на цитре, встретил людей в блестящих одеждах, которые вышли к нему из летающего шара. Описание этого шара повергло в ужас его мучителей. Разумеется, это были демоны,

хотя Эрик и утверждал, что ничего демонического в них не было. Они разговаривали с ним? Нет, по крайней мере, в обычном смысле. Ему показалось, что эти люди обращаются к нему мысленно. Такое признание еще более усугубило убеждение священного суда, что все это — происки ада.

Перед этой злой волей Эрик, добрый христианин, в конце концов сдался. Он думал о том, что Бог, в которого он так верил и которому так лживо служили все эти люди, восстановит справедливость. А разве может быть иначе?

Конечно, можно было призвать на помощь свидетелей всех его добрых деяний, но все, кого он исцелил от недугов своими песнями и игрой на цитре, остереглись явиться и сказать что-нибудь в его защиту. Да и как можно идти против могущества сеньоров и церкви!

Кроме того, чтобы снять вину с Иоланы, нужно было наказать обольстителя, действующего по наущению ада.

Эрика привязали к столбу. Ландри уже заплатил за свое вероломство. Все ждали.

Брат Алоизиус и судейские отошли в сторону. Они вынесли вердикт и теперь передали жертву в руки правосудия. Церковь Иисуса Христа умывает руки. Дело только за правосудием.

Палач уже поднес факел к самой низкой вязанке хвороста.

Крик прорезал тишину. Это мать упала в обморок.

Иолана вся сжалась в комок. Ей казалось, что она вот-вот умрет от боли, что мэтр Волюбилис ошибся, и ей почему-то вспомнились потухшие свечи и увядающие лепестки роз на полу несостоявшейся обители любви.

Флориза и Батильда, обе трепещущие, тоже находились в гуще толпы. Вдруг к ним кто-то протиснулся, загадочно улыбнулся, указал пальцем на сияющее небо и исчез. Они узнали мэтра Волюбилиса, астролога де Кревкера, одетого в обычное платье горожанина вместо своего живописного наряда.

Флориза подняла глаза и тут же указала Батильде на темное небольшое облако, оскорбляющее небесную синеву.

Огонь уже полз вверх по куче хвороста.

Глава 4

Что может быть прекраснее живого, радостного и согревающего костра, когда дерево потрескивает, сверкает и вдруг вспыхивает, рассыпая вокруг искры!

Но каково же может быть состояние души человека, прикованного цепью и ожидающего самой мучительной, ужасной смерти, когда он видит, как поднимаются, множатся, вытягиваются жадные

языки пламени, готовые пожрать несчастное, уже измученное тело?

До этого момента Эрик все еще надеялся и верил во вмешательство Всевышнего, несмотря даже на то, что Его слуги оказались такими злобными и враждебными. И все чаще и чаще вспоминал теперь о тех странных существах, с которыми случайно встретился и которые явно не принадлежали к этому варварскому миру. Знают ли они о его судьбе, что он всеми покинут, всеми брошен?

Пламя разгоралось все ярче, и Эрик уже задыхался в дыму, который все сильнее обволакивал его. Глазами, полными слез от горя и искр костра, он искал в толпе свою мать, которую не мог увидеть, но знал, что она здесь, чувствовал это. Он искал в толпе и отца, своего несчастного отца, который не всегда мог понять его поэтическую натуру. Он искал Иолану.

Его возлюбленная была здесь, он видел ее. Он узнал ее парчовое платье и головной убор среди дам в бантах и кружевах и среди рыцарей в парадных доспехах.

«Иолана, ты ответила на мою несчастную любовь, которая закончилась так трагически...»

Он видел также и тех, кто привез его на костер. Вот инквизитор Алоизиус, одетый в черное и белое, его хорошо видно, а вот дом Бонифаций, всегда жадный до славы, ведь это он изловил грешника; а рядом — разодетое в золото духовенство. Кошмарное, пышное великолепие.

Разумеется, Эрику было неизвестно предсказание мэтра Волюбилиса. Но если бы даже он и знал — на что он мог надеяться сейчас, когда пламя уже окружило его, когда пекло приближалось и шум огня застилал уши?

Перед ним лежала ни в чем не повинная цитра. Когда-то ее чарующие звуки могли исцелить любые недуги, а теперь она должна была разделить судьбу своего хозяина.

Между тем маленькое черное облако, непонятно откуда взявшееся в чистом небе, похоже, снизилось. Вот оно прошло мимо солнца, и его огромная тень упала на жертвенную площадь. Люди инстинктивно подняли головы. Было видно, как облако скользит по небу. Впрочем, в этом явлении не было ничего особенного, хотя оно и было не совсем обычно для этого времени года.

Что было действительно странно, так это резкий порыв ветра, всколыхнувший совершенно спокойный воздух, в котором слышался только треск горящих сучьев.

Ветер, ну и что? Подует и пройдет.

Но этот странный ветер дул только в ограниченном пространстве, как будто по оси, проходящей через костер к переполненным трибунам, украшенным гирляндами цветов и драпировками, где находились сеньоры и служители церкви.

А довольно высоко поднявшееся пламя уже вплотную подступало к Эрику.

Порыв ветра стал сбивать огонь в сторону, прижимая к земле. Раздался душераздирающий крик — загорелся один из помощников палача с вязанкой хвороста. Он начал кататься по земле, стараясь сбить пламя со своей кровавого цвета одежды. На помощь несчастному бросились палач и его подручные.

Побежденный, прижатый к земле огонь не достиг Эрика, наоборот, его мучители кричали от боли и ужаса, окутанные облаком искр, которые жгли их одежду и кожу.

В толпе поднялся страшный шум. Творилось что-то непонятное. Сеньоры и простолюдины, воины и рыцари, горожане и священники — все почувствовали зарождающийся в душе страх.

Теперь черное облако стояло точно над площадью. Стало совсем темно. От мрачных краев облака исходили страшные волны. Ветер все усиливался, но дул точно на костер таким образом, чтобы пламя не поднялось и не достало колдуна. Порывом ветра сорвало и унесло мерзкий колпак Сан Бенито, так что из рубища теперь торчала обритая голова Эрика. Но он уже был вне досягаемости огня, напротив, пламя набросилось на его палачей, которые в ужасе отступили.

Сьер де Кревкер, испытывая страх, как и все остальные, все же попытался сохранить достоинство и во весь голос начал отдавать приказы своим солдатам. Но все тонуло в криках толпы. Внезапно увидев, что происходит некое высшее вмешательство (а так оно и было, если не в мистическом, то в практическом смысле), выведенные из апатии люди кричали, что свершается чудо, и требовали освободить осужденного.

Вместе со всеми Иолана поднялась со своего места. Порывы ветра, дующего прямо на трибуны, сорвали с нее головной убор, и теперь ее длинные волосы извивались в воздухе, как змеи на голове Медузы. Она не больше других понимала в происходящем, но знала одно — что Эрик будет спасен.

Мэтр Волюбилис и звезды не обманули. Сильнейший шквал разметал горящий хворост и бросил его на палачей, солдат, рыцарей, на трибуну, которую уже уничтожал яростный ветер. Уносились прочь разодранные драпировки, растрепались прически дам, и воздух, наполненный искрами и огнем, ослеплял всех, кто находился вокруг. Все трещало, все рушилось. Горящие сучья костра обрушивались на людей. Поднялась паника.

А облако по-прежнему висело над этой фантастической сценой, бросая вниз глубокую тень, которую бороздили летающие куски дерева, остатки костра.

И только один человек понял, что жертва может ускользнуть; что нужно что-то делать, чтобы противостоять вмешательству

дьявола, пришедшего на помощь своему приспешнику. Это был брат Алоизиус. Он бросился вперед, невзирая на бурю, бушующую вокруг, несмотря на горящие куски дерева, которые сыпались на него дождем и жгли его белое с черным одеяние. Он предавал злой дух анафеме, изрыгал проклятья в адрес сатаны и воспевал любовь к господу Богу, которому, видимо, очень угодна смерть сынов своих в страшных мучениях.

Внезапно ударила молния. Но это была странная молния. Из черного облака в разные стороны сверкнули вспышки, создав огромную звезду из ослепительных огней. Облако разорвалось, и появился летающий шар. Впрочем, это был не совсем шар, а, скорее, большое круглое тело, на котором можно было видеть центральный купол с маленькими странными круглыми окнами, освещенными изнутри. И этот гигантский аппарат начал медленно снижаться. Ветер, дувший не переставая, теперь превратился в вихрь и продолжал уничтожать то, что еще оставалось от трибун. Казалось, он хотел разогнать всех тех, кто пришел посмотреть на казнь Эрика. В своем гневе он все вырывал, опрокидывал, швырял на землю людей, срывал кровли и опрокидывал повозки; в воздухе кружились сорванные вывески лавок, стоящих вокруг площади.

Мечущий молнии шар спустился еще ниже. Облако, по-прежнему окружавшее его, теперь походило на огромное кольцо, которое постоянно пронизывали острые лучи яркого света.

Где-то в толпе, обняв друг друга и не обращая внимания на происходящее, плакали мужчина и женщина; то были родители Эрика, благодарящие небо.

Взбешенный инквизитор держался стойко. Он, верный сын Христа-Спасителя, жаждал смерти и пыток. Вихрь закружил его. Почти теряя сознание, он понял, так же, как Иолана, поддерживаемая Кревкером и Мортимером, что Эрик уже освободился от инквизиторского столба. Костер вокруг него превратился в груду тлеющих обломков.

Впоследствии люди утверждали, будто видели, как Эрик без всякой посторонней помощи поднялся в воздух и взлетел к шару, все еще окутанному черным облаком, после чего необыкновенный аппарат рванулся в небо и исчез в бесконечности.

Ветер утих. Не было больше урагана. В небе по-прежнему сияло солнце, заливая лучами разгромленную площадь. Были раненые, кого-то задавили в панике.

Батильда и Флориза поддерживали свою госпожу, которая находилась в полуобморочном состоянии. Все трое тихо плакали, разумеется, от радости, и не слова, а взгляды лучше всего выражали их чувства.

Между тем постепенно приходили в себя знатные сеньоры и духовенство. Вернулись на место этого фантастического проис-

шествия. Искали. И неожиданно выяснили удивительную вещь: исчез не только Эрик, видимо, унесенный загадочным аппаратом вместе со своей цитрой — вместе с ним пропал и брат Алоизиус, этот ревностный служитель святой инквизиции.

Глава 5

Темно... светло... опять темно...

Эрик открыл глаза, вздохнул, потянулся, медленно выходя из состояния странного оцепенения и силясь вспомнить, где он, что с ним... Он с трудом различал какие-то черные и белые пятна. Нет, не понять. Как медленно возвращается сознание. Он даже не замечал, что бормочет что-то себе под нос.

Белое... черное... черное...

Вот оно! Он все вспомнил и хотел вскочить на ноги, но опять упал, чувствуя себя разбитым, перемолотым и сломанным; все тело болело.

Но, значит... все происходит на самом деле, и если у него болит все тело, значит, он не умер! Значит, его не сожгли!

Теперь на него нахлынули все еще смутные воспоминания: костер, языки пламени, которые тянутся к нему, пышная непристойность этого варварского праздника; великолепие трибун, знатные сеньоры, члены городского магистрата, духовенство, толпа вокруг; сверкающие под ярким солнцем доспехи и оружие.

И Иолана! Иолана пришла, чтобы присутствовать при его казни. Он снова как бы увидел свою мать в толпе. Казнь. Но ведь казни не было!

Опять вздох. Черное... белое... черное... ох!

Прямо перед Эриком, который все еще силился подняться, виднелось суровое, мертвенно-бледное лицо брата Алоизиуса. Что это — кошмар, видения? Нет. По крайней мере, все его больные члены свидетельствовали о том, что он еще не отошел в мир иной, хотя и не может понять до сих пор, где находится. В ушах стоял какой-то ровный гул. Может быть, это у него в голове гудит? Да нет же, он явственно слышит этот гул.

Поднимаясь, Эрик споткнулся о какой-то предмет, издавший нежный чистый звук, бальзамом пролившийся на его измученное сознание. Цитра! Значит, она тоже здесь, вместе с ним. Но почему же он видит здесь этого ужасного палача, брата Алоизиуса, или это ему кажется?

Наконец Эрику удалось подняться на ноги. Брат Алоизиус лежал в углу с безучастным видом, одетый в свою белую с черным одежду — причину первоначальных видений Эрика, и выглядел как выходец из могилы. Далеко не красавец от природы, сейчас Алои-

зиус был просто страшен: ужас безжалостно искажал черты его лица.

Он, конечно, тоже видел Эрика и все время отводил взгляд в сторону. Что же все-таки происходит? Эрик пытался понять: костер, пламя, а потом... что же было потом? Почему он оказался в этом непонятном месте вместе с инквизитором? Ему вспомнился какой-то черный туннель.

Романтичный и жизнерадостный Эрик в любой ситуации умел находить положительные стороны. Жертва и палач, вот так, рядом — разве это не забавно?

Входя в роль, он спросил:

— Вот мы снова встретились, не так ли, брат Алоизиус?

Из перекошенного рта монаха вырвался хриплый стон:

— Это ад! Дьявол... Мы в аду! Это ты привел нас сюда!

Его трясло. Он съежился, пытаясь укутать свое костлявое тело в черно-белую накидку, которая, как заметил Эрик, носила следы огня.

Все было слишком естественно, слишком очевидно, чтобы Эрик мог действительно поверить, будто они перенеслись в загробный мир. Здесь, кстати, было очень светло. Свет лился непонятно откуда, по крайней мере, никаких ламп или светильников не было видно.

Трубадур осмотрелся вокруг. Они находились в полукруглой комнате, освещенной очень мягким голубоватым незнакомым светом, который, казалось, исходит от самих стен. В углу распростерся брат Алоизиус. Эрик еще раз посмотрел вокруг. Потолок, стены, пол — все было из одного и того же материала. Он пощупал его. Металл? Нет, непохоже. Это был белый материал, излучающий свет, и в нем проделаны круглой формы окна. Эти круглые окна закрывали толстые стекла. Эрик решил подойти к одному из них.

Динь!

Он нагнулся, радостно улыбаясь. Цитра была здесь. Он совсем забыл про нее. Эрик еще раз дотронулся до нее, и она отозвалась знакомым звуком. Тогда он взял в руки любимый инструмент, от радости забыв на время все свои печали, и в кабине полились негромкие чистые звуки, как песня счастья.

Брату Алоизиусу все это было явно не по душе; он вздрагивал при каждом аккорде и прятал голову под черной накидкой. Для него это был — ни больше, ни меньше — дьявольский инструмент, и на этом инструменте играл колдун, которого он приговорил к смерти.

Только теперь Эрик обратил внимание на то, что все еще одет в балахон Сан Бенито — ужасная и нелепая одежда, в которой очень удобно сжигать человека живьем. Остановившись на полпути

к круглому окну, он еще раз осмотрел себя с гримасой отвращения, и в этот момент перепуганный как никогда Алоизиус завопил:

— Ад!.. Мы в аду!.. Демоны!

Несмотря на то, что Эрик чувствовал себя совершенно разбитым, все его чувства были обострены и от криков брата Алоизиуса сжалось сердце. То, что он увидел, заставило его в смятении отступить. Ведь для юноши, живущем в тринадцатом веке, где людей воспитывали больше в страхе перед дьяволом, чем в любви к Богу, все непонятное могло быть только происками Сатаны.

Вошедшие чем-то напоминали рыцарей в латах. Ростом они были около двух метров Вместо туловища у каждого из них был огромный куб, опирающийся на четыре ноги, присоединенные на шарнирах и похожие на рыцарские набедренники, только тоньше. Четыре руки были такой же конструкции. Но больше всего напугали монаха, да и трубадура тоже, их головы.

Над туловищем возвышался другой куб, поменьше, и соединялся с ним неким подобием шеи из соединенных друг с другом металлических колец. Лица как такового не было, были лишь глаза, или то, что заменяло им глаза: два страшных красноватых, переливающихся светом шара, которые поворачивались во все стороны независимо друг от друга и, казалось, наблюдали одновременно за обоими пленниками (разве они были не пленники?).

Впрочем, эти странные существа имели еще один, третий глаз, находившийся в середине лба. И этот огромный глаз тоже излучал ровный фиолетовый свет, постоянно вращаясь вокруг своей оси. Теперь странная комната освещалась этими разноцветными огнями, которые создавали в ней фантастическую радугу.

В наступившей тишине раздавались только стоны брата Алоизиуса, который обращался с мольбой к Пресвятой Деве и всем другим святым, несмотря на то, что давно их всех предал. Эрик, оцепенев, прижался к стене.

Его непослушные пальцы выронили цитру, которая упала с жалобным звуком, и Эрику послышалось: «Ты никогда раньше так не обращался со мной...»

Внезапно монах вскочил на ноги и начал делать какие-то беспорядочные движения; при этом он неистово крестился, постепенно приводя себя в экстаз, бормотал всякие латинские слова, которые Эрик различал с трудом. Теперь он понял: Алоизиус в последнем отчаянном порыве решил сыграть роль заклинателя злых духов, надеясь изгнать дьявола. Однако демоны никакого беспокойства при этом не проявляли.

Побежденный, отчаявшийся Алоизиус снова рухнул на пол, изрыгая проклятья:

— Это ад... мы в аду...

Однако Эрик не был уверен, что это так. В глубине души он

всегда сохранял веру, а значит, и надежду. Теперь эта надежда переросла в уверенность: он избежал костра. Все-таки ад — это, наверное, что-то другое. И в этом он окончательно убедился минутой позже.

В комнату вошли двое. Они, как и полагается псевдо-демонам, появились совершенно незаметно. Мужчина и женщина.

Оба молодые, привлекательные, в облегающих блестящих костюмах. Оба блондины. Женщина была необыкновенно красива.

— Не бойтесь! Вы вовсе не в аду... Вы у друзей.

Кто же это сказал? Определенно не она. И не он. Тем не менее, Алоизиус слышал все так же хорошо, как и Эрик! Слышали? Или, может быть, эта фраза сама по себе возникла у них в сознании? По крайней мере, оба были совершенно уверены, что мужчина обращался к ним, не раскрывая рта.

Наконец Эрик все вспомнил; и тут перепуганный насмерть Алоизиус увидел, как проклятый трубадур, протягивая руки, бросился навстречу незнакомцам. А они, улыбаясь, уже горячо пожимают эти протянутые руки. И в их улыбках нет ничего сатанинского, вовсе нет!

Сидя в своем углу, Алоизиус бормотал молитвы, перемежая их протяжными и жалобными стонами. Он каялся во всех своих грехах, впрочем, избегая говорить о главном — о своем преступлении против человечности.

Эрик был счастлив. Он жив. И эти двое... он их узнал! К нему подошла женщина. Ее странный костюм мужского покроя выгодно подчеркивал грациозность фигуры и соблазнительные формы, переливался светом, и при каждом ее движении вспыхивал алмазными блестками, подобно тысячам ослепительных звезд. Она взяла Эрика за руку и повела за собой. Он охотно подчинился. Она подвела его к одному из круглых окон.

— Смотри!

И на этот раз ее голос прозвучал у него не в ушах, а в сознании.

Прижавшись носом к прозрачной, как кристалл, перегородке, он стал смотреть.

Это было ослепительное зрелище!

Он увидел звезды. Это были яркие звезды, но не такие, какие он видел чарующими ночами, когда шел через леса и поля к своей Иолане и, едва касаясь струн цитры, сочинял по пути все новые романсы, предназначавшиеся только ей одной.

В роскошной бархатной тьме были рассыпаны сияющие солнца удивительного цвета, как потоки сверкающих драгоценных камней из сокровищницы сказочной волшебницы, которые стерегут волшебные драконы.

А эти круглые шары? Что это? Они переливаются необыкновенным светом. Один из них кажется ближе других, хотя Эрик пока

еще не может правильно определить расстояние. Такой красивый голубовато-зеленый шар, слегка мерцающий в темноте.

В это время спутник прекрасной незнакомки пригласил Алоизиуса подойти, чтобы тот тоже мог насладиться этим грандиозным спектаклем.

Монах, все еще дрожа, жестом оказался.

Тогда два демона, или кто там еще, приблизились к Алоизиусу, одной из своих четырех рук легко подняли его и, стонущего и вырывающегося, понесли к круглому окну.

Монах был ослеплен. Так же, как Эрик, он услышал внутренний голос:

— Неужели это похоже на врата ада?

Уверенный, что новые друзья (ведь это были друзья!) услышат его и поймут, трубадур ответил громко:

— О! Мне кажется, это больше похоже на рай!

Услышав это, Алоизиус вздрогнул, как большая жаба, но в глубине души не мог не признать, что это прекрасно, даже более чем прекрасно — это великолепно. И при этом он был уверен, что все это, разумеется, очередная дьявольская западня.

А в это время прекрасная незнакомка (Эрик никогда не смог бы забыть Иолану, но был очарован этим открытым красивым лицом, которое украшали чудесные глаза переливающегося цвета — такие не встречаются на Земле), прекрасная незнакомка указала на ближайший освещенный шар. Она объяснила, и это одновременно мог слышать инквизитор, что этот шар — планета Земля, откуда они родом, а сейчас они летят в открытом космосе.

— Богохульство! — проворчал Алоизиус.— Земля не может быть круглой. В Священном Писании нет ни слова об этом...

Эрик увидел, как его новые друзья засмеялись, и сам от души рассмеялся, даже не поняв причины смеха. Чем дальше, тем легче и спокойнее он себя чувствовал.

На монаха, обвиняющего всех и вся в ереси уже никто не обращал внимания, и любезная хозяйка предложила (если она и говорила на незнакомом языке, в голове Эрика происходили какие-то мгновенные процессы, и он понимал все):

— Сейчас необходимо вас осмотреть и подлечить. Идемте!

Она повела Эрика, за ними следовал ее спутник. Что касается Алоизиуса, то у него не было выбора, и он двинулся следом, зажатый с двух сторон металлическими демонами, которые составили ему если не почетный, то неколебимый эскорт.

Все покинули комнату в форме полумесяца, прошли по коридору, стены которого были из того же материала, излучающего голубоватый свет. Еще одна дверь.

Изумленный Эрик заметил, что, в сущности, никаких дверей вовсе не было, просто в стенах, по мере продвижения их группы,

немедленно открывались прямоугольные отверстия. Из любопытства он попытался заглянуть за эти «двери», но они моментально закрывались так, что даже не оставалось следов, где они только что перешагнули порог.

Новая комната. Очень большая. Здесь — новые демоны из металла, а также другие незнакомцы обоих полов, затянутые в блестящие костюмы. Все приветливо улыбались. Алоизиусу, естественно, казалось, что это дьяволы, а Эрик думал, что он попал в компанию ангелов.

— Сначала вы примете душ,— объяснила красивая чичероне,— а затем мы проведем полное медицинское обследование, чтобы определить, в каком вы состоянии и нужно ли вас лечить... После этого можете есть, спать вплоть до прибытия на Тераклу.

Теракла?

Эрик не очень-то понимал, что с ним будут делать, но не задавал никаких вопросов. Какая разница! Он доверяет этим любезным хозяевам!

Алоизиус был другого мнения, тем более, что в этот момент их повели к двум узким кабинам, совершенно белым изнутри и снабженным приборами, назначения которых Эрик не знал.

— Раздевайтесь! — предложила хозяйка.— Вот увидите, душ вам понравится!

Эрик не колебался и сделал было движение, чтобы стащить с себя этот позорный балахон, но тот был завязан у него на шее. Демоны тут же оказались рядом и помогли ему сбросить рубище. Он остался в том, чем его наградила природа.

С Алоизиусом, который отказывался раздеваться, поступили точно так же, и его вопли и протесты еще долго раздавались в помещении, вдоль которого вытянулись загадочные кабины; две из них предназначались для землян.

Оказавшись голым, Алоизиус почувствовал себя очень скверно. Эрик смотрел на него с гадливостью и состраданием. Жалкое зрелище! Худоба монаха была ужасна, кроме того, он носил на теле стигматы своего ордена и следы умерщвления плоти, которые, может быть, и сделали его в конце концов ненавистником всего живого.

Монах, со своей стороны, тоже смотрел на обнаженного Эрика и кусал губы. Хотя Эрик и был еще юношей, его мускулы уже стали принимать мощные и в то же время гармоничные очертания. Нехороший огонь зажегся в глазах монаха, привыкшего больше изгонять видения наготы, которые преследовали его по ночам, чем созерцать их. У него перехватило дыхание. Сейчас он больше, чем когда-либо, сожалел, что уже не сможет бросить в огонь эту плоть, способную вызывать желание.

Друзья Эрика не обращали ни малейшего внимания на душевное

состояние монаха. Эрику предложили занять место в одной из кабин, и он с удовольствием последовал приглашению. Алоизиуса металлические демоны затолкали силой. Затем их задернули прозрачной гибкой занавеской, какой Эрик никогда еще не видел.

Спутник красавицы-незнакомки включил какой-то прибор.

Глава 6

Эрик часто купался в реке, поэтому был немало удивлен, когда прекрасная подруга пригласила его искупаться в этой узкой, блистающей чистотой кабине. Эрик, разумеется, не знал ее названия, так как в его эпоху их еще не придумали, но он полностью доверял своим хозяевам.

Скоро на его голову посыпался теплый дождь, потом ручьем полился по всему телу. Вода была нежной, теплой, благоухающей; она навевала негу, и Эрик, закрыв глаза, полностью отдался этому наслаждению, вызывая в памяти перламутровое тело Иоланы, которая теперь была так далека от него.

Эти ощущения и мысли, соединившись, очень скоро пробудили его мужское начало. Эрик потешался при мысли, что в соседней кабине брат Алоизиус, наверное, испытывает то же самое и приходит в ужас, думая, что это дьявол вселился в его тщедушный организм.

Снова послышался приветливый голос молодой женщины в блестящем костюме.

Действительно послышался? Или это опять передача мыслей? Но фраза прозвучала совершенно ясно:

— Все нормально, Эрик... сейчас ты высохнешь!

Эрик все еще чувствовал на своем теле ласковые и такие приятные струи воды, но вот подул легкий ветерок, идущий, казалось, со всех сторон этой тесной кабины. Ветерок был нежный и успокаивающий. И скоро Эрик совершенно обсох. Мягкая занавеска отодвинулась, и он выбрался из кабины. Из соседней кабины вытаскивали совершенно ошеломленного Алоизиуса.

Друзья Эрика приблизились к нему; теперь, казалось, говорил мужчина:

— Пошли. Сейчас тебя осмотрят наши врачи. Необходимо выяснить, не пострадал ли ты во время путешествия и не осталось ли следов пыток... Знай, что теперь мы уже далеко от планеты Земля, где ты родился и где мы впервые вошли с тобой в контакт, помнишь?

Эрик испытывал искреннюю симпатию к этим странным людям, но, несмотря на эйфорию, которую не мог не чувствовать, он все время вспоминал ту, которую любил. Обеспокоенный тем, что уда-

ляется от родной планеты и, может быть, навсегда, он поспешно спросил:

— Далеко от Земли?.. Я не знаю, как выразить вам свою благодарность за то, что вы вырвали меня из рук палачей, но... там остались мой отец, моя мать и...

В его сознании раздался голос женщины:

— И прекрасная Иолана, любимая племянница Кревкера, не так ли?

Он слабо улыбнулся, довольный тем, что его правильно поняли.

— Не волнуйся, Эрик. Когда придет время, ты снова вернешься к тем, кого любишь... А теперь идем!

Они пошли вперед; за ними тащился дрожащий Алоизиус, умирая от страха между своими телохранителями, металлическими демонами с тремя глазами, которые повергали его в ужас каждый раз, когда направляли на него эти красные светящиеся шары.

Но как только они вошли в следующий зал, Алоизиус принялся вопить так, как никогда раньше. В том же освещении, исходившем от стен, можно было видеть множество различных фантастических приборов: стеклянные колбы на металлических подставках, от которых шли непонятные провода, лампы переменной частоты, большие белые столы, отделанные сверкающей сталью; все это обслуживали люди в блестящей одежде, которая, вероятно, была формой здешних обитателей; им ассистировали неизменные циклопы-демоны. Откуда-то доносился ровный, непрерывный гул, который Эрик, естественно, никак не мог объяснить.

— Камера пыток!.. Камера пыток!

Алоизиус рухнул на колени, умоляя пощадить его. Эрик не мог удержаться, чтобы не взглянуть на него с отвращением. Он вспомнил этого инквизитора, когда тот допрашивал его в полутемном зале с низким потолком, освещенном лишь несколькими факелами, да жаровней, где палачи раскаляли докрасна свое железо.

«Друзья» Эрика поместили его между двумя прозрачными пластинами. Напротив точно так же усадили дрожащего монаха. В зале погас свет, и на пластине сидящего напротив Алоизиуса Эрик вдруг увидел изображение темной пульсирующей массы. Так как кроме поэзии и мифологии он изучал немного еще и медицину, то сразу понял, что это — внутренности человеческого тела. Тела Алоизиуса.

Он различал форму скелета, неистово бьющееся сердце (он даже удивился, что у инквизитора оно есть) и другие неизвестные ему органы.

Обследование было совершенно безболезненным. Незнакомцы, склонившись над пластинами, обсуждали что-то на непонятном Эрику языке — это, видимо, был язык Тераклы.

Наконец снова вспыхнул свет, затем им принесли такую же

одежду, как у «друзей». Эрику костюм пришелся впору, он чувствовал себя в нем очень удобно, а вот тощий Алоизиус болтался в нем, как в мешке.

Эрику объяснили результаты обследования. У него обнаружили остаточные следы удушья, что было вполне естественно после того, как он задыхался в дыму костра. Скорее всего, он умер бы именно от удушья, а не от прямого воздействия огня, если бы вовремя не появился летающий шар, на борту которого он несся теперь к незнакомой планете под названием Теракла.

Теперь Эрик засыпал своих новых друзей вопросами, на которые ему охотно отвечали. Говорили каждый на своем языке, но в сознании Эрика каким-то образом мгновенно осуществлялся перевод, как, впрочем, и в сознании Алоизиуса, хотя тот едва ли слышал, настолько был перепуган.

Иногда трубадур никак не мог понять, о чем идет речь, так как новые для него слова и понятия были еще неизвестны в том веке, в котором он родился. В этом случае, чтобы усилить восприятие, его собеседники переходили на мысленный диалог, и Эрик сразу же ощущал большую разницу. Небольшое усилие — и мысль передавалась непосредственно от мозга-передатчика в его сознание. Это была доведенная до совершенства телепатия — обычное явление передачи волн на расстояние.

На Земле в тринадцатом веке еще не знали о существовании волн, но на Теракле это уже было известно. Впрочем, телепатия, это естественное и вечное явление, применялась на Земле с давних пор как раз теми, кого причисляли к колдунам, некромантам, магам, волшебникам и другим любимым приспешникам дьявола.

Теперь Эрик знал, что его нового знакомого зовут Пиил, а красавицу, которая так старалась ему помочь — Одд. Странное имя для женщины. Впрочем, какая разница! Это нисколько не умаляло ни ее красоты, ни ее обаяния.

Землян пригласили к столу. Алоизиусу пришлось сесть напротив юноши. Эрику было интересно узнать, чем же их будут угощать. Ему подали чашу, наполненную эликсиром изумрудного цвета. Но едва Эрик успел поднести ее к губам, как раздался сигнал тревоги.

По сигналу тревоги люди с Тераклы разом вскочили на ноги, и в это время откуда-то появился странный, режущий уши звук. Это был вибрирующий, дрожащий, угнетающий звук, какого Эрик никогда не слышал. Алоизиус решил, что слышит колокол какой-то сатанинской мессы. Вокруг них все куда-то бежали. Было ясно, что корабль готовится к бою.

Эрик плохо понимал, что происходит, но сообразил, что их атаковали, и, естественно, тут же бросился к одному из круглых окон, чтобы посмотреть в пространство, называемое на Земле небом.

То, что он увидел, его ошеломило. Что это — видение? Такое может привидеться только во сне. Что же это может быть? Юному трубадуру и так было довольно трудно привыкнуть к мысли, что он мчится в бесконечном пространстве на борту летающего шара, как он его окрестил, а теперь он видел нечто, еще более необычное. Может быть, это корабль?

Предмет, увиденный им, больше напоминал огромную рыбину серебристого цвета. Действительно, очень похоже, по крайней мере, такая же удлиненная форма с утолщением в середине. По бокам этой «рыбы» сверкало множество огней, если только это не была ее светящаяся чешуя.

Выходит, этот монстр произвел такое волнение на борту летающего шара и заставил его друзей готовиться к обороне? Даже не представляя себе истинную природу этого угрожающего объекта, Эрик уже был готов сражаться вместе со своими друзьями, но довольно быстро сообразил, что перед ними необычный противник.

Медленно двигаясь на фоне звезд, гигантская рыбина испускала в сторону шара разноцветные раскаленные лучи, напоминающие титанические стрелы огромной длины и необычайно ослепительной яркости.

Эрик заметил, что Пиил и его спутники тоже перешли к активным действиям и отчаянно защищаются. Совсем рядом, видимо, из корпуса летающего шара, вылетали такие же стрелы, но уже в направлении корабля-рыбы.

В течение некоторого времени, показавшегося Эрику целой вечностью, происходил обмен выстрелами, и скоро ему почудилось, что шар получил повреждение — пошла сильная вибрация по всему корпусу.

Алоизиус сидел рядом. Весь во власти своих суеверий, не в силах понять истинные масштабы космического пространства, он впал в полное отупение и уже ни на что не реагировал. Эрик жадно смотрел в круглое окно, прижавшись носом к стеклу. Страшная картина космической битвы одновременно была захватывающей, завораживающей, и романтический ум любовника Иоланы пытался вникнуть во все тонкости звездной дуэли, потому что это была именно дуэль.

Он инстинктивно сжал кулаки, когда увидел, как вылетающие из корабля его друзей ослепительные стрелы настигли, наконец, вражеский корабль. Место попадания озарилось вспышками. Было очевидно, что корабль-рыба понес значительный урон. Но и летающий шар, к несчастью, тоже был серьезно поврежден.

Эрик заметил, что больше не слышит того непрерывного гула, который он чувствовал при пробуждении после ночи, отделяющей его от страшных минут на костре. Кроме того, он испытывал теперь легкое головокружение от того, что качался пол. Ему показалось,

что летающий шар раскачивается и вибрирует. Видимо, из-за полученных повреждений. В голову пришла странная мысль: «А мы не утонем?» Для него были неразрывны родственные понятия «корабль—океан». Да и трудно юноше тринадцатого века понять, что такое межзвездная навигация.

Разумеется, они не утонули, но пол внезапно резко накренился. Эрик перелетел через всю комнату, пытаясь по пути ухватиться за что-нибудь. Алоизиус, все еще в полном оцепенении, съехал по наклонному полу назад и сильно ударился о противоположную стену. Но Эрик все же сумел избежать удара, вовремя вцепившись в какой-то металлический рычаг, назначения которого он, естественно, не знал. Вылетел сноп искр, приведший землян в еще большее смятение. Но если Алоизиус снова принялся за свои стоны и молитвы, то Эрик делал все возможное, чтобы вновь приблизиться к окну. Любопытство брало верх, и он хотел узнать, как будут разворачиваться события дальше.

Наконец он добрался до окна и, выглянув, увидел, как после очередного обмена сверкающими стрелами корабль противника решил применить новую тактику. От бортов корабля-рыбы отделились светящиеся точки, ставшие мгновением позже похожими на огненные пузыри, и эти огни, вместо стрел, понеслись к летающему шару.

Глава 7

У Эрика было ощущение, будто он попал в одну из тех сказок, которые, бывало, сам придумывал, перекладывал на незатейливые стихи и распевал под простую и чистую мелодию, аккомпанируя себе на цитре.

В действительности же вся эта феерическая картина была угрожающей, и трубадур прекрасно понимал, что кораблю его друзей грозит опасность. Особенно теперь, когда вместо стрел появились сверкающие точки. Он видел, как они перемещаются в космическом, или, как он его называл, небесном пространстве, двигаясь точно по направлению к шару. Припав к круглому окну, Эрик сначала решил, что это огромные птицы, так как их распластанные конечности и в самом деле были очень похожи на крылья.

Алоизиус был безучастен ко всему происходящему. Пол все время качался. Эрик снова потерял равновесие, но успел заметить, что корабль в форме рыбы, выпустив эти непонятные предметы, перестал испускать огненные стрелы.

Из корабля его друзей продолжали вылетать сверкающие лучи, но они, казалось, не приносили особого вреда странным существам, которые продолжали приближаться.

По мере того, как расстояние между ними и летающим шаром уменьшалось, у Эрика появилась возможность рассмотреть их.

Блестящие точки, огненные шары, огнённые птицы...

Огненные люди!

Пораженный этим видением, трубадур подумал, что все его сказки и все другие небылицы, которые во всех уголках Франции рассказывали его друзья-сказители, могут иметь вполне реальное воплощение. Ведь эти существа, тела которых представляли собой пылающие красные облака, на самом деле существовали и теперь неслись к летающему шару. Именно по ним вели огонь друзья Эрика, что так удачно спасли его от инквизиторского костра.

Сейчас он видел их очень хорошо, мог даже рассмотреть детали. Да, на этот раз Алоизиус мог бы, пожалуй, торжествовать победу. Если только демоны существуют, в аду или в другом месте, они должны выглядеть точно как эти существа.

По очертаниям тела они напоминали людей, но их фигуры были какие-то расплывчатые, особенно по краям, и Эрику показалось сначала, что они прозрачные. Действительно, эти странные тела, казалось, состояли из какой-то неосязаемой, неопределенной материи, похожей на клубящийся огонь. Как будто невидимая уверенная рука создала из магмы человеческие фигуры.

Они были уже совсем близко, и у Эрика создалось впечатление, что они сейчас врежутся в корпус летающего шара. Стрельба прекратилась; в отсеках корабля раздавались странные, незнакомые голоса. Через небольшие круглые отверстия, забранные решетками, Эрик мог видеть своих друзей, которые о чем-то совещались на незнакомом языке. Разговор, по всей видимости, велся на языке Тераклы, который Эрик, естественно, не знал, но одно слово с оттенком тревоги повторялось чаще других, что-то вроде «Иолы... иолы...»

Эрик подумал, что речь шла об этих фантастических существах, похожих на пылающих космических птиц, которые сейчас, наверное, уже ползли по корпусу корабля с Тераклы.

Стоя у иллюминатора, он вдруг резко отшатнулся назад: к стеклу с наружной стороны, как раз напротив его лица, неожиданно прижалось незнакомое лицо, которое действительно можно было назвать человеческим, только вот вместо кожи у него была сплошная клубящаяся огненная масса.

Раздался вопль ужаса. Это был брат Алоизиус. Схватившись за один из белых металлических столбов, которое он принял за орудие пыток, монах из своего угла все же рискнул взглянуть в окно, и то, что он увидел там, был, вероятно, дьявол собственной персоной, или, по крайней мере, один из его приспешников.

Но трубадуру было не до стенаний монаха, потому что как раз в этот момент в медицинскую комнату вбежали их новые знакомые, и в том числе красавица Одд. Она по-прежнему была одета в свер-

кающий костюм, но голову защищал шлем с прорезью для лица, следанный, видимо, из того же прозрачного материала, что и круглое окно. Она мысленно отдала ему приказ надеть такой же шлем, который уже протягивал ему один из астролетчиков. То же самое велели сделать и Алоизиусу, и снова пришлось прибегнуть к помощи одного из «демонов», чтобы тот, наконец, укрепил шлем на плечах монаха.

Одд быстро объяснила ситуацию, посылая в мозг Эрика мимолетные, но чрезвычайно четкие понятия:

— Иолы... Враги Тераклы... Необычайно могущественны... Много космических кораблей... Владеют секретом величайшей важности... Могут перевоплощаться из людей в огненные существа, способные проникать всюду...

Эрик, в какой-то мере защищенный своим шлемом, сразу же понял, что иолы захватили летающий шар. Одд и еще одна группа астролетчиков во главе с Пиилом уже сражались с первыми рядами пришельцев. Словно в кошмаре Эрик смотрел, как иолы накатываются волнами, значит, они, непонятно каким образом, проникли в корабль, и теперь убивают, жгут несчастных людей с Тераклы прямо на месте.

Но когда в бой ринулись металлические демоны, у Эрика проснулась слабая надежда, что у них, может быть, получится лучше? Нет! Битва оказалась непродолжительной. Металлические многорукие гиганты один за другим исчезали в вихре искр, едва соприкоснувшись с пылающими чудовищами. Все, что оставалось от этих машин — почерневший металлический остов, уже ни к чему больше не пригодный.

Вдруг Эрик увидел, что к нему приближается одно из чудовищ. Любовник Иоланы вовсе не был трусом, но тут он отступил.

Динь!

Отступая, он задел неосторожным движением свою цитру, которая уже давно лежала на полу, заброшенная сюда резкими движениями шара, раскачивающегося и крутившегося вокруг своей оси с самого начала схватки.

Но что это? Пораженный Эрик стоял и смотрел, как пылающий монстр, подобравшийся к нему уже совсем близко, вдруг с невероятной скоростью бросился прочь; его масса прямо на глазах сморщилась, стала расплываться, пока не исчезла совсем.

Кто его уничтожил? Каким образом?

Эрик лихорадочно искал ответ. Его взгляд упал на цитру, и он все понял. Быстро схватил инструмент и дернул за струны.

Динь! Следующий монстр начал извиваться, пока его не отбросило к потолку. Динь! Как будто подхваченный невидимой силой, монстр стал растворяться в воздухе и исчез.

Все еще не веря своим глазам, Эрик на мгновение замер.

В огромном помещении корабля его друзья продолжали сражение с пылающими существами, стреляя в них из каких-то невиданных трубок, похожих на духовое ружье. Из трубок вылетали ослепительно-белые огненные лучи, которые пронизывали пылающие тела, слегка деформировали их, но не более, и отброшенные назад чудовища снова бросались в атаку.

Вдруг трубадур с ужасом заметил, что Одд угрожает смертельная опасность. С помощью своей трубки она отбивалась от двух страшных противников, но еще мгновение — и она окажется под ними, сгорит на месте у него на глазах. Он должен успеть. И вот Эрик уже бросается вперед, подняв свою цитру.

Динь! Динь! Динь! — звучала всепобеждающая нота, все время одна и та же. Он старался ударять по струнам точно в определенном месте, чтобы извлекать именно тот звук, который случайно или благодаря Провидению оказал такое воздействие на первого монстра, который бросился на него.

Пораженные чудовища откатились назад, по их «телам» прошла вибрация. Они стали расплываться, как туман под резким порывом ветра, разорвались в клочья и исчезли, растворившись в воздухе.

Теперь характер сражения изменился. Пиил и его спутники, дравшиеся с отвагой отчаяния, заметили появление на поле битвы этого землянина с цитрой в руках, звуки которой по непонятной причине производили такое опустошение в рядах иолов.

Опустив оружие, они молча наблюдали за ним. На губах Одд играла торжествующая улыбка. Даже Алоизиус вышел, наконец, из оцепенения и теперь наблюдал за действиями того, кто должен был стать его жертвой.

Подобно новому рыцарю небывалого крестового похода или сказочному герою, поражающему грозных драконов, Эрик двинулся вперед, словно его влекла какая-то волшебная сила, извлекая из своей цитры точные звуки.

Динь! Динь! Динь!

Он проделывал бреши в массе огненных чудовищ, которые громоздились вокруг, готовые броситься на него, окутать своими адскими телами. Он уничтожал это живое облако, нанося беспощадные удары. Один за другим монстры скручивались, теряли форму, растворялись в воздухе и исчезали, как то первое чудовище, которое напало на Эрика, и, таким образом, невольно вызвало первые звуки его цитры, роковые звуки, убивающие эту форму жизни, больше похожую на фантастический, кошмарный сон.

Трубадур, слегка ошеломленный таким началом своего приключения, понемногу приходил в себя, расхрабрился... А ведь он уже почти распрощался с жизнью, когда на него напали огненные люди. Выходит, их можно было победить просто звуком его цитры.

Но иолы, а это были именно иолы, еще не сдавались. Они пре-

красно понимали превосходство своего могущества над обитателями Тераклы и явно не хотели сдавать позиции перед каким-то скоморохом с инструментом в руках, пусть даже этот инструмент и оказал такое неожиданное действие.

Несмотря на огромные потери, эти невиданные создания пытались снова собраться в плотную массу, чтобы перейти в наступление; Одд, Пиил и их спутники с беспокойством наблюдали за этой картиной.

Алоизиус тоже вовсю смотрел. Он с удивлением поймал себя на мысли, что желает удачи тому, кого хотел убить во имя счастья, милосердия и любви.

Эрик держался храбро и даже улыбался. С горящим взором он бросал вызов этой пылающей орде, и когда началась стремительная атака, он устоял, а струны его цитры пели, как живые.

Гордо выпрямившись, любовник Иоланы крепко держал свое необычное оружие, оказавшееся таким эффективным; он буквально разметал плотную массу этих дьявольских тварей. Крепко держась на ногах, юноша постоянно поворачивался, чтобы не пропустить нападения сзади, и при этом беспрестанно извлекал из цитры звуки, которые оказались смертоносными для противника, нанося ему такие страшные потери.

Теперь эти исчадия ада вспыхивали, превращались в маленькие красные облачка и исчезали подобно затухающим искрам.

Под дрожащей рукой Эрика нежно пела цитра. Казалось, она ожила и точно чувствовала все, что от нее требует музыкант. Как возлюбленная, как верная боевая подруга, она теперь составляла с ним одно целое. И они побеждали темные силы космоса.

Эрик пьянел от победы, понимая, что внес в эту победу огромный вклад. Он представлял себя настоящим паладином, таким, как Мортимер и Кревкер, которые некогда отправлялись завоевывать святые земли. Но ведь это были захватнические войны, истинная причина которых скрывалась под религиозными побуждениями, а он бился за правое дело, он защищал своих друзей, выручивших его самого; кроме того, он защищал и свою собственную жизнь. Отважный воин защищал Жизнь, и он победил.

Восхищенные и успокоенные Одд, Пиил и их оставшиеся в живых спутники теперь наблюдали за окончательным беспорядочным отступлением огненных людей. Те, поняв, что битва проиграна, все разом стали покидать корабль, а им вслед неслись торжествующие победные звуки цитры.

Наконец на корабле с Тераклы не осталось ни одной из этих мерзких тварей. Через круглые окна было видно, как они стрелой мчались к ожидающему их кораблю-рыбе.

Прижавшись лицом к прозрачному стеклу, Эрик смотрел, как вражеский корабль растворялся вдали, открывая чистое небесное

пространство. Окончательно успокоившись на этот счет, он постепенно приходил в себя, остывая от возбуждения битвы; затем нежно погладил цитру рукой и отложил в сторону.

Его окружили друзья с Тераклы. Пиил обнял его, а Одд поцеловала в губы.

Глаза красавицы пылали.

— Эрик, наверное, это космический Разум привел нас к тебе, когда мы опустились на планету Земля... Когда мы впервые услышали твою музыку, то сразу поняли, что ты обладаешь необыкновенными способностями. Ты был именно тем, кого мы так долго искали в пространстве и во времени... Именно поэтому мы передали тебе часть наших знаний, например, способность воздействовать на человеческий организм и, по желанию, освобождаться от силы земного притяжения. Теперь ты должен идти дальше, выше... Мы летим к Теракле. Ты только что уберег нас от огромной опасности... доказал, что ты единственный, кто может противостоять могуществу иолов... Теперь тебе, Эрик, принадлежит будущее...

ТАЙНА ИОЛОВ

Глава 8

«Железная Муха» стремительно неслась к Стране Оживающего Воздуха. Корабль относился к классу звездолетов, обладающих исключительной маневренностью и имеющих самую совершенную конструкцию и мощное вооружение. Достижения науки и техники на Теракле достигли очень высокого уровня, и неожиданное открытие, которое тераклианцы сделали благодаря молодому землянину, теперь давало им в руки незаменимое оружие в борьбе с племенем иолов, а эта война шла уже в течение многих десятилетий.

Мирное население Тераклы из созвездия Гидры, находящееся на высокой ступени развития, всегда стремилось достичь наивысшего уровня цивилизации. К несчастью, как это часто бывает, мечтая о вселенском покое и братстве, они столкнулись с буйной, воинственной и агрессивной расой, не признающей никаких духовных ценностей и презирающей права личности. Желая захватить не только планету Гуур, но, по возможности, и другие планеты, они постоянно нападали на Тераклу.

На борту «Железной Мухи» находились астролетчики, обладающие удивительными способностями; их специально пригласили присоединиться к экипажу корабля. Кроме Эрика с планеты Земля, здесь был Тог с Эридана, Акке, родившийся где-то у звезды Спики, и многие другие — все они обладали необычными личными качествами, недоступными простым тераклианцам; каждый владел неким особым даром. Некоторые из них даже не подозревали об этом и никогда не узнали бы, если бы не мудрецы с Тераклы. После определенной подготовки их привозили на Гуур, не спрашивая, хотят

они этого или нет. Здесь, на Гууре, им оказывался великолепный прием, в их распоряжение предоставлялись все достижения науки, чтобы еще больше развить те физические и психологические качества, которые открыли в них посланцы Тераклы.

Эрик был одним из них.

Отношение к нему было особое, поскольку он, используя всегонавсего колебание металлической струны, нанес страшный удар иолам, их непостижимому могуществу, перед которым раньше было бессильно любое оружие.

События последних дней обрушивались на него подобно шквалу, но теперь он старался слиться с обитателями Гуура, в то же время постоянно вспоминая свою планету, свою родину, родителей. И, прежде всего, Иолану.

Что стало с молодой женщиной? Вначале он опасался, что на нее падет месть Мортимера и гнев инквизиции, но потом, узнав во время своего процесса, что Кревкер делает все для того, чтобы в глазах людей снять вину со своей племянницы, немного успокоился. Тем более, что дом Бонифаций и его единомышленники старались вовсю, обвиняя во всех грехах колдуна, совратившего невинную наследницу.

Помнит ли она его, вспоминает ли о нем? А может, она уже стала супругой этого мерзкого Игоря? Эрик совершенно потерял чувство времени, захваченный всеми этими ошеломляющими событиями последних дней. Кроме того, он совершенно не разбирался в астрономии.

Здесь следует заметить, что тераклианцы делали все возможное, чтобы ускорить адаптацию землян, вырванных из родного им мира, окружая их вниманием и заботой. Что касается Эрика, то он с самого начала находился в приятной компании очаровательной Одд. Космонавт высокого класса, Одд в то же время оставалась женщиной и в этом качестве прекрасно помогала Эрику привыкать к своей новой жизни. Благодаря ей «адаптация» проходила очень приятно, и ссылка на Теракле казалась не такой уж тяжелой. Иногда, думая о Иолане, он испытывал все же легкие угрызения совести. Увидит ли он ее снова? На этот вопрос было трудно найти ответ, и трубадур это понимал. Поэтому он просто наслаждался настоящим, не особенно мучаясь воспоминаниями о той, что осталась на другом конце Вселенной.

Среди необыкновенных членов экипажа, чьи способности и возможности были обнаружены и развиты учеными Гуура, Эрик довольно быстро нашел себе друга. Им оказался высокий, стройный и смешливый парень. Он был родом с планеты, вращающейся вокруг Проциона, Альфы Малого Пса (впрочем, Эрику, это ни о чем не говорило). Он, как и все представители его расы, был лыс. А так как Эрик появился на Теракле с обритой головой, именно это и дало начало

их взаимной симпатии; поскольку Лууз с Проциона принял его за соотечественника.

Теперь же он с изумлением смотрел на Эрика, волосы которого уже начали понемногу отрастать, тем самым прогоняя кошмарные воспоминания о казни на костре.

Лууз тоже привыкал к новым обстоятельствам в компании обворожительной девушки с Гуура по имени Ва-Им. Таким образом, жизнь на Теракле казалась обоим вполне сносной, и их не особенно мучили жгучие воспоминания о родных планетах.

Кроме металлических чудовищ в обслуживающем персонале корабля были и представители человеческой расы. И среди них — один землянин, брат Алоизиус.

Одд, Пиир и другие астронавты, посланные на Землю, сразу же по прибытии сумели войти с Эриком в контакт и тут же, при первой встрече, дали ему новые необыкновенные способности и необходимые знания для их дальнейшего развития. Но очень скоро были вынуждены форсировать ход событий, пораженные тем, что человек, способный творить чудеса, находится под угрозой ужасной смерти, а его мучители — не кто иные, как служители Мессии, сына Космического Разума. Таким образом, астролет (то есть летающий шар, так испугавший Кревкера) создал искусственную грозу и забрал Эрика на борт. Вместе с Эриком захватили и цитру; Пиил уже давно заметил, что этот источник вибрации обладает богатыми, но еще не исследованными возможностями. Что же касается Алоизиуса, то его втянуло в шар притягивающей волной случайно, как раз в тот момент, когда он бросился догонять свою жертву, чтобы покончить с ней.

На Гууре это все было хорошо известно, и поэтому тераклианцы, верящие в доброго Бога, встретили монаха довольно враждебно. Но Эрик великодушно вмешался, уверяя всех, что на его родине почитают то же доброе божество, так что все происшедшее — простое недоразумение. Он был так счастлив, избежав мучительной казни на костре, что готов был снисходительно и с легким сердцем прощать любые грехи. Так что Алоизиусу, можно сказать, повезло, и он с удовольствием занял место среди прислуги.

А в это время ученые и техники Тераклы лихорадочно трудились над изучением явления вибрации металлических струн; было необходимо исследовать и понять природу звукового воздействия (на самом деле — ультразвукового, но Эрику было непонятно ни то, ни другое), обнаруженного так неожиданно для всех, а затем предпринять экспедицию против иолов.

После битвы с космическими монстрами все восхищались Эриком, несмотря на естественное невежество землянина, пришедшего из тринадцатого века, и в конце концов тераклианцы стали приписывать ему такие возможности, которыми на самом деле он не

обладал. Во всяком случае, все были уверены, что он способен на большее. Но как бы там ни было, идея раскрытия тайны иолов не перестала беспокоить умы. Их способность посылать всепроникающие и наводящие ужас огненные существа была совершенно непонятна ученым Тераклы, поэтому было решено создать нечто, вроде отряда коммандос, и отправить его в район Страны Оживающего Воздуха, которая пользовалась очень дурной славой и находилась на границе со страной Нефритовых Пирамид, где жили иолы.

Предложение участвовать в экспедиции несколько смутило Эрика, но все же он согласился, а когда узнал, что Лууз тоже принимает в этом участие, то совсем успокоился. Он прекрасно понимал, что от него ждут того, что он, возможно, не сможет совершить, однако обстоятельства складывались таким образом, что отказываться было нельзя.

«Железная Муха» являлась самым совершенным кораблем для околопланетных исследований, а теперь, после выяснения природы звука цитры, вибрация которой была способна разрывать пылающих чудовищ, на нем установили какое-то странное устройство, напоминающее гигантскую антенну в форме арфы. Эта антенна приводилась в действие изнутри корабля, так что теперь астролет был неуязвимым в случае внезапной атаки иолов и их пылающих посланцев.

А пока что Эрик, ставший к тому времени весьма уважаемой личностью, весело болтал с Луузом и хорошенькой Ва-Им (Одд в это время была в городе Теракла, где занималась проблемами астродрома). Предметом их шуток был несчастный Алоизиус. Дело в том, что по законам Гуура делалось все, чтобы вновь прибывшие с других планет чувствовали себя как дома. Прекрасные девушки Тераклы помогали адаптироваться Эрику, Луузу и всем другим, поэтому Алоизиусу сразу же по прибытии прислали очаровательную «воспитательницу», от которой он в ужасе сбежал, считая всех женщин дьявольским отродьем.

Воспоминания об этой сцене очень веселили молодую компанию, в то время как объект их шуток скрылся на кухне. А экипаж с удовольствием наблюдал, как девушка, рожденная под солнцем Гуура, и юноши, прилетевшие с далеких звезд, прекрасно понимают друг друга.

Итак, Ва-Им, Лууз и Эрик находились в самом прекрасном расположении духа, когда вдруг раздался сигнал тревоги, высокий и резкий звук которого Эрик уже слышал на борту летающего шара.

В одно мгновение экипаж «Железной Мухи» приготовился к бою. До Страны Оживающего Воздуха оставалось еще много тысяч стадий, но иолы часто высылали разведывательные корабли в сторону Тераклы.

Как и все остальные члены экипажа, трубадур мог видеть окру-

жающее небо на экране кругового обзора. Он уже все меньше и меньше удивлялся всем этим диковинным приборам, которых на Тераклe было великое множество.

На линии горизонта появился какой-то летательный аппарат; это, по всей видимости, был корабль иолов. С помощью радиолокационного устройства он был обнаружен еще до того, как стал виден, и теперь на пост оператора передавалось изображение, звук и характеристики объекта. Это была обычная система — бумеранг, которая появится и на родной планете Эрика несколько веков спустя. Однако сейчас понятие радар-бумеранг ничего не говорило Эрику, потому что, во-первых, он не знал, что такое радар, а во-вторых, Австралию к этому времени еще не открыли.

Теперь уже не было никакого сомнения в том, что это корабль иолов, причем прекрасно оснащенный, и поэтому тераклианцы стали решительно готовиться к обороне.

Когда корабли сблизились на достаточное расстояние, тераклианцы развернули защитную антенну, размещенную сверху на обтекателе и напоминающую огромную арфу, которую изготовили техники Тераклы, предварительно изучив эффект действия струн и тех звуков, которые можно извлекать из этих струн.

И вот уже — неизбежная атака пылающих людей. Их ждали, и на этот раз не с таким ужасом, как раньше. Ведь раньше эти зловещие фантастические существа наносили тераклианцам страшные опустошения и при этом были практически неуязвимы, а теперь экипаж «Железной Мухи» надеялся на защитное устройство антенны.

Итак, атака началась. От корабля иолов отделился первый отряд пылающих чудовищ, и командир тераклианцев тотчас же включил вибрационную систему. Антенна-арфа зазвенела, заполняя воздух необычным звуком. Здесь следует заметить, что ученые Тераклы, узнав об удивительных свойствах инструмента, привезенного Эриком с далекой планеты, не только сумели использовать это бесценное открытие, но и во много раз увеличили его эффективность. Антенна-арфа имела целый набор струн с различной частотой звуковых колебаний, так что, когда началась эта необычная симфония, то звук и, особенно, ультразвук самой различной частоты, распространяясь в атмосферных слоях, имел все шансы достать неуязвимых огненных существ.

Так и произошло. Впервые за все время бой между иолами и тераклианцами проходил с применением звукового оружия. И на борту тераклианского корабля уже было решили, что дело сделано. Антенна-арфа гудела; это был неистовый водопад звуков. Мощное анданте переходило в аллегро, взрывалось бесконечным ларго и переходило в финал, где смешивались все возможные звучания.

Вне себя от радости, тераклианцы наблюдали за разгромом

огненного десанта. До сих пор неуязвимые, эти существа расползались на части, словно разрываемые невидимым ураганом, и растворялись, исчезая в атмосфере. Нечто похожее уже было на борту астролета, когда Эрик вступил в бой с этой дьявольской силой.

Последние аккорды этой величественной симфонии еще сотрясали атмосферу, а армада пылающих людей уже исчезла, пропала, растворилась. Воздух был чист, и тераклианцы ждали, что корабль противника, потерпев поражение, обратится в бегство.

Однако этого не произошло. Потеряв десант, корабль иолов отошел на некоторое расстояние, но покидать поле боя явно не собирался.

А тераклианцы уже праздновали победу, смеясь и крича от радости. Они опять окружили Эрика, восторгаясь им и поздравляя. Разве можно было забыть, что только благодаря ему удалось создать чудесную антенну, такую безобидную с виду, но дающую необыкновенный результат.

Однако командир и его люди не разделяли всеобщего ликования. Чувствовалось, что иолы готовят что-то еще. Если они не уходят — это неспроста. Не так-то легко заставить воинственных иолов признать превосходство Тераклы. Возможно, что сейчас они готовят новую атаку и вполне могут преподнести что-нибудь неожиданное.

Эти опасения оправдались. Внезапно на корабль, где Эрик гордо расхаживал между Ва-Им и Луузом, обрушился плотный огонь. Тераклианцы поубавили спеси и начали яростно защищаться. Какое-то время оба корабля обменивались страшными ударами, сверкая ослепительными стрелами, которые Эрик уже видел с борта астролета. Это был классический бой; обе стороны уже имели серьезные повреждения.

Антенна-арфа все еще оставалась в развернутом положении; в случае новой атаки пылающих дьяволов ее поражающий эффект был хорошо известен.

И вот в самый разгар битвы, когда противники яросто хлестали друг друга тепловыми лучами, нанося серьезные повреждения, но, впрочем, не причиняя особого вреда людям, от борта корабля иолов отделился какой-то блестящий металлический предмет.

Все произошло так быстро, что на борту «Железной Мухи» не успели отреагировать. Это была летающая капсула, скорее всего, одноместная. В мгновение ока она уже была в самой гуще огненных лучей, возможно, была задета, но не остановилась и продолжала мчаться к кораблю тераклианцев.

Пораженная насмерть прямым лучом с борта тераклианцев, капсула, двигаясь уже по инерции, задела антенну, которая упала, оставив тем самым корабль с Тераклы без защиты против огненного десанта.

А капсула все еще летела, пока не вспыхнула, показав на миг обугленный труп пилота, который пожертвовал собой, чтобы уничтожить грозную антенну.

На борту тераклианцев прошла легкая волна паники. Теперь следовало ожидать атаки иолов. Обычное вооружение, каким бы совершенным оно ни было, бессильно против этих неуязвимых воинов.

Тогда, набравшись решимости, Эрик заявил командиру:

— Разрешите мне подняться на корабль... Я подниму антенну!

Глава 9

За последнее время Эрик сильно изменился. Жизнь на другой планете, ее нравы, постоянное участие в его «воспитании» прекрасной Одд — все это сделало его совсем другим человеком. Обитатели планеты Гуур прекрасно владели телепатией, поэтому они смогли научить Эрика своему языку в удивительно короткий срок. Кроме того, сейчас он находился в прекрасной физической форме. А ведь совсем недавно его легкие были поражены ядовитым дымом костра, из которого его так вовремя сумели спасти. Теперь он был полностью здоров и, кроме того, благодаря усилиям врачей Гуура, получил, казалось, новый заряд энергии. Помимо всего, сыграли свою роль его личные качества и та тренировка, которой его подвергли сразу же по прибытии в Тераклу. Так же, как Тог, Лууз, Акке и другие, он постоянно развивал и совершенствовал свои индивидуальные возможности. Вот поэтому он так уверенно и непринужденно вызвался подняться на обтекатель и восстановить антенну, поврежденную вражеским пилотом-самоубийцей.

Разрешение было получено без промедления. Раз уж этих суперменов собирают со всех концов Вселенной, то почему бы не воспользоваться их помощью? А сейчас как раз такой случай.

Под восхищенными взглядами тераклианцев и, в особенности, Ва-Им, Эрик отправился в путь, получив на прощание от Лууза дружеский шлепок по спине. Он взял с собой свою верную цитру; теперь он никогда не расставался с этим драгоценным инструментом, который, кстати, умельцы Тераклы сумели воспроизвести во многих экземплярах. Многие хотели бы повторить подвиг трубадура, и, кроме того, для ученых это был реальный предмет для дальнейшего изучения звуковых колебаний и, в частности, таинственного ультразвука, природу которого Эрику пытались объяснить. Но для него пока что это была тайна за семью печатями.

Благодаря тренировкам, Эрик прекрасно овладел левитацией. Выбравшись наружу через внешний люк, он использовал в качестве жесткого трамплина цитру и поднялся над кораблем. Теперь он мог

стабилизировать свое положение, психологически нейтрализуя силу тяжести. Ветер ударил в лицо, но он не обращал внимания. Корабль иолов держался на расстоянии, и было видно, что он не собирается покидать поле боя. Повреждение защитной антенны у тераклианского корабля давало ему явное преимущество.

Нужно было спешить. Далеко внизу, на поверхности, дымились обломки капсулы пилота-самоубийцы. Не теряя времени, Эрик начал поднимать антенну-арфу.

Встречный ветер сбивал его с ног, и, сделав несколько попыток, Эрик был вынужден передохнуть, а заодно восстановить равновесие, чтобы не свалиться вниз с большой высоты. Он сконцентрировал все свои мысли и усилия так, что теперь, хотя и с трудом, мог обходиться без опоры, самостоятельно преодолевая силу тяжести. Теперь нужно было хотя бы частично восстановить антенну, чтобы иметь возможность снова создать невидимый звуковой барьер в случае нового нападения пылающего десанта.

Будучи не особенно сведущ во всех премудростях науки, Эрик не знал, да и не искал логического, рационального объяснения всему происходящему; для него это была просто сказка, которая началась с момента встречи с пассажирами летающего шара на поляне в лесу Кревкера. Поэтому он не особенно удивлялся нападкам церковников и своему приговору. Трубадур — да. Колдун — вне всякого сомнения. Там, в лесу, где Одд и Пиил одарили его новыми возможностями, выходящими за рамки обычного понимания, он чувствовал себя этаким маленьким веселым фавном, мечтающим о прекрасной Иолане.

Но сказка сказкой, а сейчас приходилось поднимать разбитую арматуру антенны. Наконец гигантская арфа снова заняла свое место на обтекателе. И вовремя, потому что иолы предприняли новую атаку.

Действия импровизированного механика не ускользнули от их внимания, и они, воспользовавшись аварией антенны, поспешно выслали новый огненный десант. Эрик видел, как от борта вражеского корабля отделились охваченные пламенем силуэты. Он вцепился в растяжку антенны так, что онемели руки, держа ее изо всех сил...

А летающие существа, похожие на огромные разумные факелы, уже, казалось, заполнили все пространство вокруг небольшого корабля тераклианцев, который пытался защитить человек с Земли, сжимая в руках металлический трос, некогда удерживавший всю конструкцию и лопнувший от столкновения с капсулой пилота-смертника.

Эрик попытался снова закрепить трос, но это оказалось трудной задачей, и у него ничего не получалось. Необходимо было хоть как-нибудь удержать антенну в развернутом положении, если уж не

удается закрепить ее. Стоит отпустить трос, как все рухнет, и невозможно будет создать звуковой барьер против летающих иолов.

А они уже были здесь. Но, видя грозную антенну, они не решались приблизиться вплотную и кружились вокруг корабля подобно хищным птицам, угрожая несчастному юноше, который изо всех сил держал эту защитную сеть. Эрик понимал, что так он долго не продержится, ибо уже терял силы, и, чтобы хоть как-то удержаться и спасти антенну, обмотал конец троса вокруг пояса. Теперь, худобедно, он держал антенну вместе с ее струнами всей тяжестью своего тела.

Едва удерживаясь на месте, Эрик вытянул руки насколько мог и попытался заставить вибрировать струны. Их натяжение, конечно, ослабло, но все же это еще была арфа.

Результат не заставил себя долго ждать. В небо полились мощные звуки; они оказывали свое обычное убийственное воздействие на чудовищных птиц, которые вились вокруг Эрика в своем дьявольском хороводе.

Эрику объясняли, хотя он и плохо понимал, о чем речь, что существует нечто за границей звука, некая субстанция, существующая также и за границей видимого света. Но эти научные откровения мало что могли объяснить юноше, родившемуся на Земле в средние века. Вся эта борьба ультразвука против ультрасвета была выше его понимания. По крайней мере, он хорошо знал, что нужно делать на практике. И сейчас он снова видел, что летающие иолы несут огромные потери. Огненный десант отступил. Лучевая дуэль между кораблями прекратилась.

Эрик чувствовал, как уходят последние силы; трос резал и сдавливал тело, пот струился по лицу, несмотря на сильные порывы ветра, которые хлестали его при движении корабля. Осталась одна-единственная мысль: если он отпустит трос, антенна снова рухнет, и тогда корабль окажется во власти огненных людей.

В какой-то момент корабль скользнул в сторону, и Эрик потерял равновесие. Он напрягся изо всех сил, стараясь освободиться от силы тяжести и создать хотя бы видимость левитации, чтобы удержаться. Но силы были уже на исходе, и он с ужасом понял, что вот-вот наступит мгновение, когда он перестанет бороться и не сможет держать антенну.

И это мгновение наступило. Изнемогая, Эрик издал крик отчаяния, а волна огненных иолов уже неслась в его сторону. Из последних сил Эрик удержал антенну и ударил по струне. Сильно поредевший десант снова отступил.

Но и трубадур совершенно обессилел. Один из иолов, как бы чувствуя его состояние, отделился от клубящейся массы и бросился на Эрика.

Эрик понял, что это конец. Он не сможет противостоять этому

монстру, он уже не в силах ни держать антенну, ни уйти от нападения с помощью левитации.

И вдруг, пока пылающее чудовище пикировало на него, рядом на кокпите появился силуэт человека. Отчаявшийся Эрик узнал Лууза. Человек с Проциона встал между Эриком и атакующим иолом; как живой щит, он стоял и ждал нападения. Эрик закричал от ужаса. Он понял, что Лууз хочет спасти друга ценой своей жизни. И в этот момент неумолимое чудовище с лета ударилось в него...

И пролетело насквозь.

Ошеломленный Эрик широко раскрыл глаза. Но поскольку нападающий уже возвращался, он в последнем отчаянном усилии рванул струну. Звуковая волна тотчас разметала горящего иола; он разорвался в клочья и исчез.

Удивленный как никогда, Эрик видел перед собой смеющегося Лууза, а тот, другой Лууз, сквозь которого на полной скорости промчался иол, таял, как призрак, бледнел, расплывался и наконец исчез.

Корабль иолов уходил прочь.

Лууз подхватил теряющего сознание Эрика и, смеясь, сказал:

— Я тоже кое-что могу!

Глава 10

Радости на борту «Железной Мухи» не было конца. Только теперь тераклианцы по-настоящему оценили присутствие на борту этих сверхлюдей, которых они так тщательно отбирали во всех уголках космического пространства.

Вообще-то на Гууре считали, что все гуманоиды в любой Галактике таят в себе неизведанные чудесные ресурсы. Человек — разве это не божественное создание? Алоизиус, слушая подобные рассуждения, был слегка ошеломлен. Разве Земля — это не единственный оплот веры и познания?

Верно было и то, что лишь очень немногие, под каким бы солнцем они ни родились, знали о своих сверхвозможностях, поэтому приходилось их тщательно отбирать, а затем развивать личные качества каждого до необходимого уровня.

На «Железной Мухе», победительнице летающего корабля иолов, спешили сообщить радостную весть в город Теракла-Майор. Для этого опять использовали эти странные аппараты, способные передавать на расстояние изображение и звук. Это приводило Эрика в восхищение, а монаха в ужас.

Как только корабль иолов обратился в бегство, оба героя вернулись на борт и теперь получали поздравления в центральной рубке. Эрик выглядел молодцом, а Лууз казался очень усталым. Оба дру-

жески обнялись. Однако Лууз был совершенно измотан, и вскоре объяснил причину.

Если такие люди, как Тог, обладали удивительной способностью посылать электрический заряд огромной силы, если Акке был настоящей живой призмой, способной улавливать и передавать мысли на расстояние, то Лууз владел биолокацией. Он мог работать с одним или несколькими предметами одновременно, но мог также по желанию создать свое собственное изображение, нечто вроде призрака, который был его точной копией. Таким вот образом он пришел на помощь Эрику, когда на того нападал пылающий иол. Огненный воин, обманутый искусственным образом человека с Проциона, спикировал прямо на него и угодил в пустоту, пронзая всего лишь нематериальный спектр. Это дало возможность трубадуру собрать последние силы и, пользуясь растерянностью иола, уничтожить его.

Это раздвоение потребовало от Лууза огромной затраты физической энергии. Он знал, что может это делать лишь в самых исключительных случаях, и нисколько не колебался, когда увидел, что Эрику, его другу, грозит опасность.

Тем временем «Железная Муха» продолжала свой путь. На Теракле уже не сомневались в окончательноам успехе экспедиции. С такими сверхлюдьми, прошедшими специальную тренировку на Гууре, тайна иолов скоро будет раскрыта, и наконец станет известно, каким образом им удается создавать легионы огнедышащих людей, это безумное оружие, дающее такое наводящее ужас военное превосходство. Таким образом, с этим будет покончено раз и навсегда, потому что известная военная сила всегда более уязвима, чем неизвестная.

Как бы то ни было, но последний инцидент бесспорно доказал: иолам известна цель экспедиции корабля тераклианцев. Теперь было необходимо ввести их в заблуждение и переменить тактику. Вскоре могли появиться другие корабли иолов, причем с самыми дурными намерениями.

Чтобы продолжать движение в направлении Страны Оживающего Воздуха, командир тераклианского корабля решил прибегнуть к помощи еще одного инопланетянина.

Это был Акке. Его пригласили с планеты, вращающейся вокруг Спики. Худощавый, бледный и довольно хрупкий на вид человек обладал способностью передавать и принимать любой вид электромагнитных волн.

Акке попросили войти в транс, чтобы с этого момента вести «Железную Муху». Таким образом можно было отключить все приборы наведения и телекоманды. Было хорошо известно, что иолы, находящиеся на высокой ступени развития техники, имеют свои средства обнаружения и вполне могут уловить волновое излучение «Железной Мухи».

С момента, когда бортовым компасом стал человеческий мозг, корабль полностью выходил из-под контроля многочисленных антенн иолов. Вокруг сосредоточенного Акке стояли старшие офицеры корабля. Конечно, у него, как и у Лууза, наступят последствия от огромного умственного напряжения. Но пока все шло хорошо.

Сейчас он вел «Железную Муху» к далекой горной гряде, утверждая, что этот район, соседствующий со Страной Оживающего Воздуха, если и таит в себе опасность, то, по крайней мере, практически необитаем и там нет кораблей иолов.

Поскольку спешить было некуда, командир решил держать курс, который бы существенно отклонялся от прямой линии. И, перелетев через море, искрящееся изумрудными волнами, корабль приблизился к другому континенту, никого не встретив на пути.

Эрик не переставал восхищаться проносящимися мимо картинами. Лууз тоже наблюдал с интересом; он чувствовал себя гораздо лучше и уже восстановил свои силы к величайшему удовольствию Ва-Им, которая не отходила от него ни на шаг. Молодая тераклианка тоже никогда не видела этих мест. Инопланетяне были в восторге. Огромный океан, невиданные растения, величественные горы, вид которых так отличался от рельефа родных планет — все вызывало возгласы удивления.

В самом деле, флора и фауны были великолепны. Правда, видавшие виды бортовые офицеры, не разделяли общего энтузиазма. Кроме того, Акке только что поделился сомнениями: в Страну Оживающего Воздуха лучше всего можно попасть через огромный горный массив, но в этой местности и корабль, и людей ожидает некая грозная опасность, природу которой он не может уточнить.

Теперь вперед продвигались с величайшей осторожностью, постоянно сверяясь с ощущениями Акке, который неимоверно устал, но старался держаться бодро.

Эрик заметил: то, что недавно произошло с ним, испытывают все члены элитарной группы, набранной тераклианцами. Все эти сверхлюди в состоянии транса очень быстро приходили к полному физическому истощению. Еще там, на Земле, он обратил на это внимание, когда Одд и Пиил помогали ему развивать его собственные возможности, о которых он даже не подозревал. Тогда он научился читать мысли, исцелять болезни, в которых с научной точки зрения не очень-то разбирался. И каждый раз: то ли это были занятия левитацией или игра на цитре, звук которой так заинтриговал посланников Тераклы, или какие-то другие упражнения — каждый раз Эрик чувствовал себя совершенно разбитым. Все это объяснялось очень просто — обычный расход психической энергии. Но эти явления, вполне объяснимые с точки зрения элементарной биофизики, были совершенно непонятны юному любовнику Иоланы.

По мере приближения к горной гряде, на которую указал Акке, экипаж «Железной Мухи» удвоил осторожность. Постоянно ждали каких-нибудь неприятностей со стороны этого таинственного Оживающего Воздуха. Кроме того, должна была существовать некая неведомая опасность, о которой предупредил Акке. Пока что полет проходил без особых инцидентов, но корабль уже вошел в опасную зону, хотя пейзаж вокруг был самый приветливый. Внизу проплывали озера и зеленеющие долины. Пассажиры «Железной Мухи» не переставали восхищаться красотой природы, стадами грациозных животных с длинной мохнатой шерстью, неким подобием обезьян, снующих среди ветвей, сверкающими на солнце рептилиями, которыми кишели водоемы, великолепными птицами, которые, взмывая в воздух, образовывали ослепительные разноцветные облака, а иногда подлетали совсем близко к кораблю.

Но Акке вот уже какое-то время обнаруживал признаки тревоги, но в ответ на вопрос офицера-навигатора лишь неопределенно пожимал плечами. И вообще он казался смущенным. Он ведь взял на себя ответственность провести «Железную Муху» к горному хребту, чтобы не приближаться вплотную к границе Страны Оживающего Воздуха, и вот сейчас чувствовал, как нависает неминуемая опасность. Правда, он с самого начала предупреждал, что эта местность полна ловушек, но на корабле решили, что опасность исходит от Оживающего Воздуха, о котором давно ходила дурная слава и о котором тераклианцы абсолютно ничего не знали. Страна иолов находилась очень далеко от города Теракла-Майор, их разделяли огромные континенты, и враждующие народы мало что знали друг о друге, а точнее сказать, не знали ничего.

Внезапно Акке громко воскликнул:

— Надо возвращаться! Немедленно! Скорее назад!

Дежурный офицер доложил командиру, и, мгновение спустя, все навигаторы «Железной Мухи» были уже в курсе. Акке окружили, но человек со Спики буквально трясся, не в силах скрыть свой ужас. С трудом, почти выкрикивая слова, он объяснил, что аэронеф несется к своей гибели и погибнет, если достигнет гор. Командир отдал приказ сделать разворот, в глубине души думая, стоит ли доверять этому ясновидящему, или как он там называется.

То, что произошло потом, не вызывало никаких сомнений: возвратиться назад было невозможно.

Напрасно включили реакторы на полную мощность, напрасно пытались повернуть штурвал на полный оборот... «Железная Муха» мчалась прежним курсом, постоянно увеличивая скорость, совершенно независимо от мощности двигателей.

Последовал приказ остановить двигатели и приземлиться, однако ни один маневр не удавался. Корабль с остановленными двигателями не только отказывался идти на посадку, но, наоборот,

продолжал мчаться к горам со скоростью, которая возрастала с каждым мгновением.

Дрожь пробежала по экипажу. Что все это значит?

Акке, полностью обессилев, был не в состоянии ничего объяснить. Эрик попытался применить свои способности медиума, чтобы вызвать какой-нибудь образ и узнать, что происходит, но безрезультатно.

«Железная Муха» со своей безупречной и теперь совершенно бесполезной силовой установкой неслась в сторону гор, подобно камню или куску металла, пущенному из гигантской пращи.

Люди цеплялись за все подряд, у многих начались головокружения. Почти у всех членов экипажа к горлу подступала тошнота. Предпринимались меры предосторожности против возможного падения; все это не могло длиться вечно, и теперь каждый ждал финальной катастрофы. Люди пристегнулись ремнями; было сделано все, чтобы хоть как-то смягчить неминуемый удар.

Подхваченная невидимой силой, «Железная Муха» уже достигла горной гряды и влетела в довольно широкое ущелье, за которым оказалось обширное пространство.

На борту заметили, что ни один прибор не работает, а все металлические предметы вдруг словно ожили и теперь совершали странные, резкие и неожиданные движения.

Мрачные слухи, ходившие об этой стране на границе земли иолов, стали реальностью. Пассажиры «Железной Мухи» видели, что дурная слава об этих краях нисколько не преувеличена.

Ва-Им прижалась к Луузу. Влюбленные сильно побледнели, но все же старались улыбаться друг другу. Алоизиус бормотал молитвы. Эрик думал об Иолане и завидовал юноше с Проциона и девушке с Гуура. Если суждено погибнуть, они погибнут вместе, и тогда врата вечности откроются перед ними, потому что они любят друг друга. Ему стало грустно от того, что он умрет один. Однако минутой позже он вдруг почувствовал, что еще рано предрекать конец.

Корабль, несущий своих отчаявшихся пассажиров, пролетел через ущелье и оказался в гигантском скалистом цирке в самом центре горного массива. Вокруг поднимались острые горные вершины красивого красно-коричневого цвета, увенчанные пурпурными облаками, которые солнце Гидры окрасило золотистыми лучами. И в самом центре этого огромного цирка лежал обширный водоем.

Вода? Да, конечно! Это не могло быть ничем другим. Это было огромное озеро, сверкающее, как огромная драгоценность, вставленная в скалистую оправу. Именно этот ослепительный блеск больше всего поразил людей на борту.

От озера исходили яркие отблески, каких никогда не бывает у обычной воды. Глаза не выдерживали сияния этого огромного зеркала. Все переливалось ослепительным блеском.

И теперь «Железная Муха» неумолимо пикировала на поверхность этого зеркала. Озеро притягивало корабль и готово было поглотить его.

Наконец аэронеф коснулся поверхности. Жидкая масса колыхнулась, но это было совсем не похоже на контакт с водной гладью. Удар был необыкновенной силы. Создалось впечатление, что «Железная Муха» если и коснулась жидкости, то очень густой. Так бывает, когда какой-нибудь предмет погружают в ртуть.

Но это была не ртуть. Почти сразу же люди заметили, что корабль не тонет; он лежал почти на поверхности, лишь слегка погрузившись в эту вязкую жидкость. И новый сюрприз — «Железная Муха», чуть скользнув по поверхности озера, остановилась сама по себе, как будто совершенно гладкая зеркальная масса при посадке удерживала аэронеф, как обычная почва.

Открыв люки, все выбрались на обтекатель и осмотрелись вокруг, пытаясь понять. Один из бортовых офицеров долго смотрел на то, что могло быть чем угодно, но не водой, затем спустился вниз к самой поверхности и, под изумленными взглядами экипажа, встал на нее.

Поверхность озера прогибалась под его тяжестью, но, тем не менее, он не проваливался. Потом он пошел, погружаясь по колено при каждом шаге в эту эластичную пленку, которая казалась единым целым, не разбрызгивалась, слегка подавалась, но не рвалась.

Кое-как он сделал небольшой круг и вернулся к кораблю, неподвижно лежащему на поверхности озера.

— Металлическая вода,— сказал он.— Мы кое-что слышали об этом... Состав: вода-металл неизвестного происхождения. Это необыкновенное озеро обладает неслыханной силой магнитного притяжения... Таким образом, оно и захватило нашу «Железную Муху», потому что корабль состоит целиком из металла... Сильнейшее притяжение озера держит аппарат, и оторвать его невозможно. Нам уже никогда не вырваться отсюда!..

Глава 11

Небольшой отряд с трудом продвигался вперед вдоль берега этого странного, так непохожего на другие, озера.

Были сделаны всевозможные попытки поднять корабль в воздух, но «Железная Муха» так и осталась прикованной к поверхности металлической воды, которая притягивала ее с такой силой, что летательный аппарат, казалось, слился воедино с этой то ли жидкостью, то ли с жидким металлом.

Положение казалось безнадежным, но люди упорно искали

какой-нибудь выход. Командир попавшего в магнитный плен корабля решил послать разведывательную группу, чтобы осмотреть окрестности и поискать возможный путь к спасению. Командиром этой группы был назначен Атим, тот самый офицер, который определил природу этой, ни на что не похожей жидкости и который, кроме этого, неплохо разбирался в геологии. В группу вошли четыре человека из экипажа, а также Эрик, Лууз и Тог, электрический человек. Набравшись смелости, Ва-Им упросила командира отпустить ее с экспедицией. Но так как нужен был еще кто-то, кто мог бы заниматься хозяйством и готовить пищу в случае, если экспедиция затянется и группа встанет лагерем, в группу был включен Алоизиус.

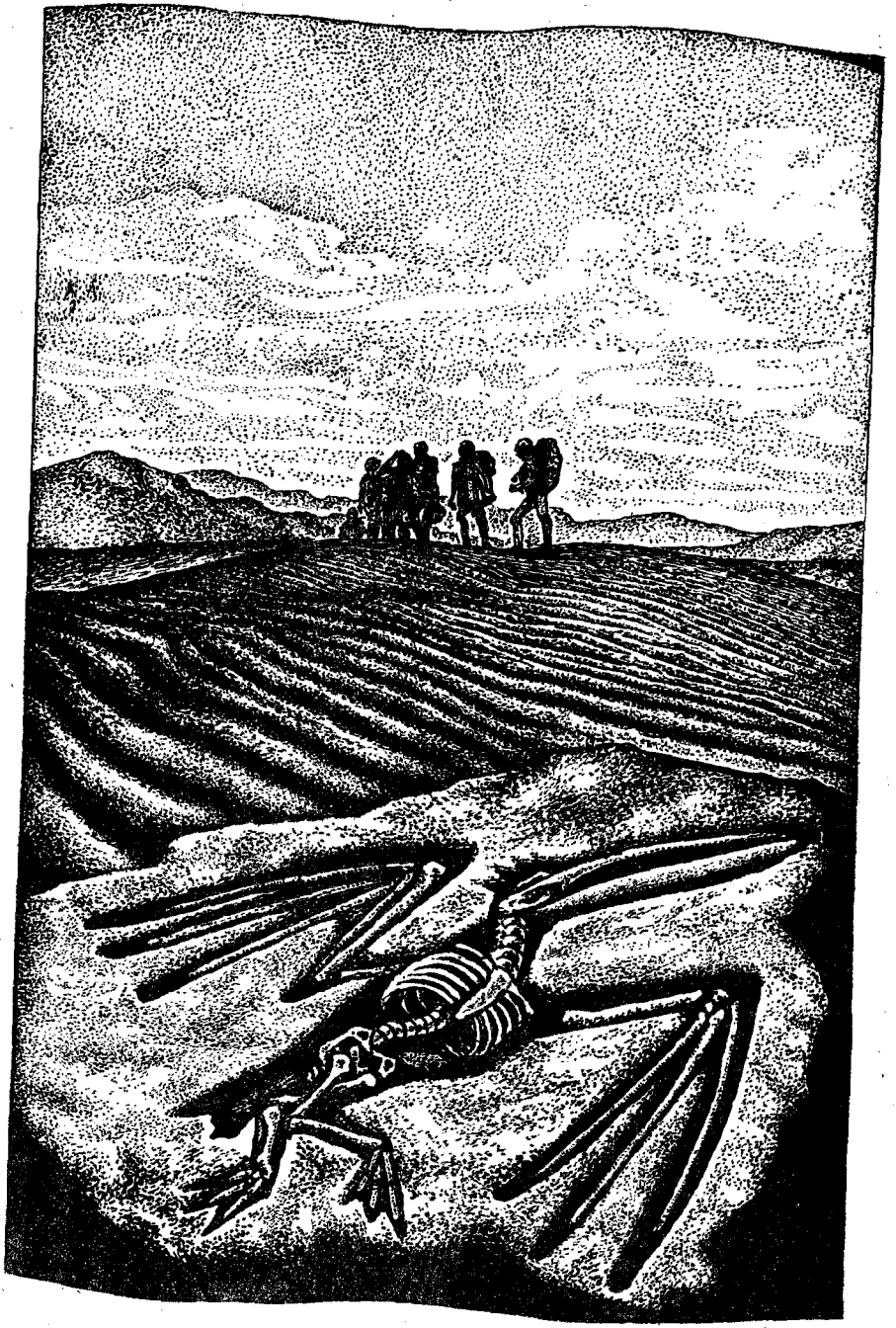
Совершенно ошеломленный стремительным развитием событий, монах в последнее время стал абсолютно покорным, и сейчас тихо шел вместе со всеми, нагруженный разной утварью и провизией.

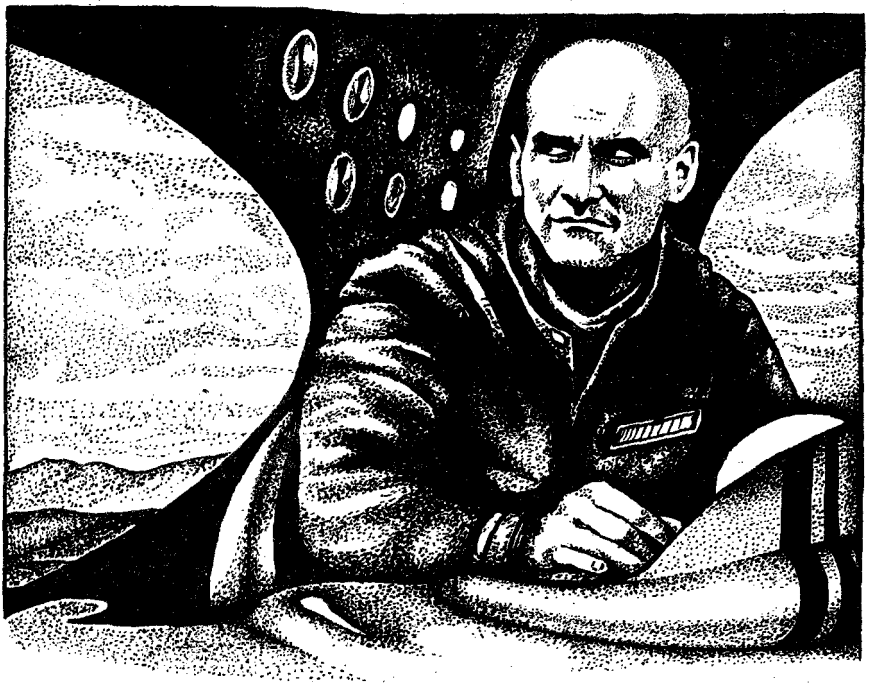
Весело болтая с Луузом, Ва-Им и Атимом, Эрик изредка нетнет да поглядывал на бывшего инквизитора, думая о странных превратностях судьбы. Что сделала жизнь с этим человеком, который совсем недавно хотел подвергнуть его мучительной смерти во имя ложной своей веры! По сравнению с Алоизиусом, Эрику в каком-то смысле повезло: оторванный от родной планеты, он все же не чувствовал себя совсем уж несчастным. Он пользовался уважением на Гууре и, кроме того, рядом была красавица Одд... Вспоминает ли она его в Теракла-Майор? Другое дело — Алоизиус, считавший себя выше всех человеческих слабостей...

Всем пришлось надеть солнцезащитные очки: от металлического озера, опоясанного высокими скалами гигантского цирка, исходило ослепительное сияние, стоило лишь подняться солнцу Гидры, вокруг которого вращалась планета Гуур. Огненное светило тысячи раз отражалось в зеркальной поверхности, и этот блеск был невыносим для незащищенных глаз.

Атим, который увлекался геологией, тщательно изучал почву вокруг — она состояла из совершенно незнакомых ему минералов. Эти места были неизвестны тераклианцам, жившим очень далеко от Страны Оживающего Воздуха, ближе к экватору Гуура. До них, конечно, доходили всякие неясные слухи об ужасных опасностях этой страны, но все было покрыто тайной. И вот теперь офицер имел возможность увидеть этот загадочный край своими глазами. Нигде раньше он не встречал такого компромисса между жидкими и твердыми телами, а кроме того, почва по своему составу тоже представляла собой немалый интерес.

Очень часто попадались большие участки земли, состоящие из





искрящегося полупрозрачного минерала светлого, почти белого цвета. Свет причудливо отражался в скалах, в многочисленных лужах металлизированной воды, которые образовывали небольшие лагуны вокруг центрального озера, и все вместе, отражаясь, создавало невыносимое, ослепительное свечение, заполняющее горный массив.

Поражало еще одно обстоятельство. Все, кроме Алоизиуса, были молоды, здоровы и сильны, а передвигались они вперед еле-еле, словно на них давил какой-то невидимый непомерный груз.

— Идем, как будто в воде,— заметила Ва-Им.

— Верно,— согласился Атим.— Кажется, что даже воздух давит на нас...

Идти было действительно очень трудно, и Эрик почувствовал жалость к Алоизиусу. Инквизитор, волею судьбы оказавшийся в ином, чуждом для него мире, был уже немолод. Кроме того, его ноша была довольно тяжела, так что по лицу струились крупные капли пота, несмотря на то, что в горах сейчас было холодновато.

Наконец трубадур не выдержал, глядя на бредущего и спотыкающегося Алоизиуса, который согнулся под тяжестью своей ноши. Он подошел к нему и, не говоря ни слова, снял с него мешок с

продуктами и посудой, взвалил себе на плечи, а потом пустился догонять друзей.

Атим, как ни пытался, не мог найти объяснение той непонятной тяжести, которая давила на людей. Кроме того, всех поражало отсутствие какой бы то ни было растительной или животной жизни, тогда как перед горной грядой все видели и стада животных, и дикую буйную растительность.

Разумеется, на «Железной Мухе» могли попросить помощи в Тераклa-Майоре. Но капитан не торопился. Сначала было необходимо тщательно разобраться в сложившейся обстановке и попытаться выяснить причины неподвижности корабля.

Отряд, ведомый Атимом, имел полную свободу действий, и офицер был уверен, что по возвращении на борт принесет ценные сведения, пусть это и займет определенное время.

Уже сейчас было ясно, что озеро находится на большой высоте, гораздо выше долин и оврагов, которые отходили от массива, как лучи звезды. Атим задумался; было видно, что в голове у него уже зреет какой-то план действий. Из этого состояния его вывела неожиданная находка: один из матросов, склонившийся над землей, как загипнотизированный, криками звал всех к себе. Вокруг него был тот самый белесый минерал, которым, казалось, изобиловали горы на этой высоте. Большие плиты этого минерала напоминали землянам мрамор. И в самом деле, эти алебастровые белые плиты были подернуты разноцветными прожилками.

Но не плиты привлекли внимание тераклианца. Перед людьми, пришедшими на его зов, лежало тело, покрытое перьями. Это была большая птица, которая, видимо, умерла здесь и уже частично разложилась.

Может быть, она погибла в ожесточенной битве. Вокруг валялись перья, а страшно истощенное тело было все искромсано. Может быть, она, отбиваясь, поранила себя когтями. Кое-где на белой плите виднелись небольшие засохшие пятна крови. Все это было довольно странно, так как в этом огромном цирке еще не встретилось ни одно живое существо, тем более, птица. Но это было еще не все. На скалистой плите все с удивлением обнаружили какой-то след, отпечаток. Чтобы рассмотреть его получше, слегка отодвинули в сторону останки несчастного пернатого.

Это был явно силуэт птицы. Умирая в этом месте, она оставила свой отпечаток. След был грубый, расплывчатый, но узнаваемый.

Атим казался сильно озабоченным. Ва-Им наклонилась пониже, чтобы лучше видеть. Напрашивался вывод, что несчастная птица нашла здесь свою гибель, отбиваясь от кого-то. Но от кого или от чего?

Во всяком случае, эта гипотеза никак не объясняла странный рельефный отпечаток на скале. На Гууре такое не встречалось ни

разу. Об этих местах на Теракле ходили самые невероятные слухи, но даже если сделать скидку на буйную фантазию или игру воображения, то все равно это была удивительная страна.

Отряд продолжал свои исследования целый день. На Гууре день соответствовал примерно полному обороту Земли с дополнительной разницей в два часа. Поэтому, когда солнце уже садилось, разведчики были очень далеко от того места, где лежал корабль, и Атим решил разбить лагерь, чтобы переночевать. Не было смысла возвращаться, а кроме этого, люди выбились из сил.

Стали готовиться к ночлегу. Эрик с улыбкой наблюдал, как Алоизиус хлопочет изо всех сил, стараясь приготовить ужин. Ва-Им, видя затруднения старого землянина, с улыбкой пришла на помощь, и Алоизиус с недоверчивым удивлением наблюдал за дружелюбным поведением этой дочери сатаны.

Атим распределил вахты. Все ощущали какое-то смутное беспокойство. Сказывалась усталость, навалившаяся за день. Совершенно изматывал постоянно давящий воздух. Откуда-то исходило постоянное чувство тревоги, но не из атмосферы. Тогда откуда? Это еще предстояло выяснить.

Мужчины разделили между собой вахты, исключив из них Ва-Им, несмотря на ее протест. Все приготовились к ночлегу. Эрику выпала последняя вахта, то есть спустя двенадцать часов по земному отсчету, так как и ночь и день на Гууре длились около четырнадцати часов. Он нес вахту вместе с матросом с Гуура. Они уселись в стороне от спящих людей, чтобы их не беспокоить, и тихо беседовали. С момента захода солнца Гидры абсолютно ничего не прозошло, и это настораживало.

Несмотря на отдых, оба чувствовали, что на них наваливается какая-то непонятная тяжесть; они едва смогли подняться с места, когда пришел их черед заступать на дежурство. Другие участники похода спали мертвым сном, который казался скорее летаргическим, чем нормальным.

Ва-Им спала немного в стороне, но не одна. С ней был Лууз, пришедший сразу после вахты. Они лежали рядом, обнявшись, такие же застывшие, как и все остальные.

Взошло солнце. Атим, будучи командиром и ответственным за экспедицию, поднялся первым. Точнее сказать, попытался это сделать. Он прилагал все усилия, чтобы подняться, и Эрик уже было сделал движение в его сторону, чтобы подать руку. И тут ему показалось, что он прикован к земле. Как будто тонны свинца повисли у него на ногах. Казалось, его держит невидимая железная рука.

Собрав все силы, он двинулся в сторону Атима. Матрос пополз вслед за ним, так как с ним творилось то же самое. Офицеру «Железной Мухи» уже удалось подняться на ноги, и он с трудом пере-

водил дыхание. Так же, как Эрику и его спутнику, Атиму стоило огромных усилий, чтобы удержаться на ногах, открыть глаза и говорить. Каждое сказанное слово требовало неимоверных усилий, тем не менее, нужно было обменяться впечатлениями. Люди, лежащие вокруг, больше походили на покойников, чем на спящих.

Трое мужчин чувствовали, как их охватывает ужас.

Эрик оглянулся вокруг и вдруг закричал, но этот крик с трудом вырывался из горла, перехваченного необъяснимой усталостью этой долгой ночи. Перед тем, как заступить на пост, он спал, и еще до разговора с Атимом и матросом его уже начали преследовать кошмары, и особенно трудно было подняться. Но сейчас он увидел нечто такое, что в корне меняло дело.

На том месте, где он лежал, на месте, откуда только что поднялся Атим, на плитах того самого белого минерала остались вытянутые темные следы. Солнце уже скользило между пиками горных вершин, становилось все светлее и светлее.

И тут растерявшиеся путешественники увидели...

На земле вырисовывались их собственные силуэты. На том месте, где они спали, где лежали неподвижно те несколько часов сна, почва буквально уловила отпечатки их тел, очерченные грубыми линиями.

Реакция Атима была немедленной. С большим трудом он закричал:

— Встать!.. Всем!.. Скорее!.. Вставайте!

Люди вырвались из сна, но, проснувшись, ни слова не могли ответить своему шефу. С трудом разминали они конечности, которые, казалось, были прикованы к земле. После этого «отдыха» все чувствовали себя еще более усталыми. Атим расталкивал их по мере того, как мог продвигаться сам. Эрик помогал ему по мере сил. И скоро люди начали подниматься, как привидения, покачиваясь, снова падая и задыхаясь от собственного бессилия.

Ва-Им и Лууз, такие же усталые, как и все остальные, стояли, поддерживая друг друга.

Атим кричал, выплевывая слова, вкладывая в это все силы:

— Смотрите!.. Посмотрите, где вы спали!

Теперь увидели все. Следы всех, кто провел здесь ночь, были очень узнаваемы. Отчетливо виднелись силуэты отдельных тел и влюбленной пары.

Атим прерывисто кричал:

— Уходить!.. Немедленно уходить!.. К кораблю!.. Попросим помощи... Это место... это место...

Никто еще ничего не понимал. Несчастные, бледные и шатающиеся люди окружили своего командира.

— В чем дело?.. Что случилось, Атим?

— Птица! — хрипел тот.— Вспомните птицу!.. Она была такая

слабая... может быть, раненая... Она не смогла оторваться... оторваться от земли... Эта земля — вампир! Она высасывает, выпитывает жизнь!.. Она питается нашими жизненными силами... Нужно бежать... бежать...

Люди кое-как собрали вещи, упаковали багаж и отправились в обратный путь, стараясь стороной обходить плиты из светлого минерала. Теперь уже не было сомнения в том, что эти камни питаются биологической жизнью. И всех охватил страх. Разговаривали мало. Обратная дорога была еще тяжелее — плиты, на которых они спали, буквально выпили из них всю силу.

Атим начал понимать. Металлизированная вода озера, вдоль которого они шли, обладала магнитными свойствами, воздействующими на все соединения, содержащие железо; кроме того, здесь были еще и скалы, смертельно опасные для жизни. Необходимо было как можно скорее вырвать «Железную Муху» и ее экипаж из этих проклятых мест.

Но как? Корабль был зажат, как в тисках.

Конечно, можно было затребовать по радио помощь с Тераклы. Но любой летательный аппарат, подобно «Железной Мухе», будет неминуемо захвачен в магнитный плен, и тем быстрее, чем будет больше по объему.

Но Атим не терял зря время в экспедиции и теперь делал чертежи на стекле (сейчас Эрик восхищался тем, что изобретут на его родной планете через шесть веков), с точностью рисуя отдельные части массива.

Вернувшись, наконец, на неподвижную «Железную Муху», Атим со своей командой сделал подробный отчет обо всех злоключениях. Немедленно состоялось заседание штаба корабля. И на этот раз снова было решено — пока не обращаться за помощью в Теракла-Майор.

План действий, зародившийся в мозгу Атима, был подробно обсужден, а через несколько часов разработан до мельчайших деталей.

Но его еще нужно было осуществить.

Эрик, пораженный дерзким замыслом своих друзей, опять предложил им свои услуги.

Глава 12

Дерзкий, граничащий с безумием проект Атима требовал мобилизации всех сил экипажа. Кроме того, в этих условиях промедление было смерти подобно. Помощь в Теракла-Майор решили пока что не запрашивать.

Капитан «Железной Мухи» вместе со своими офицерами на-

деялся, что они выберутся из этой неправдоподобной ситуации сами и по возвращении предоставят подробный отчет об этих таинственных горах с их опасными ловушками.

Первым делом было необходимо пришвартовать летающий корабль. На борту находилось различное оборудование на все случаи жизни, в том числе и прочные металлические тросы. Если удастся, то корабль, лежащий на поверхности металлической воды, не унесет вместе со всей массой этого фантастического озера.

С корабля спустились две группы, чтобы протащить два огромных троса к берегу. Здесь их обмотали вокруг остроконечных каменных глыб, поднимающихся на несколько метров, и надежно закрепили.

Эта операция была трудна. Приходилось передвигаться по корпусу «Железной Мухи», а затем по поверхности озера с грузом тяжелых тросов, что создавало тысячу трудностей, особенно если учесть, что сама поверхность вовсе не была такой же твердой, как грунт. Она проваливалась под ногами, и приходилось каждый раз выдергивать ногу перед тем, как сделать следующий шаг.

В то время, как капитан лично руководил этой операцией, другая группа двигалась к берегу. Командиром этой группы опять был назначен Атим. На этот раз его сопровождали те же люди, что и в прошлый раз, за исключением Ва-Им и Алоизиуса, которые остались на борту «Железной Мухи». Эрику, Тогу, Луузу и матросам из предыдущей экспедиции предстояло выполнить необычную работу.

Им пришлось еще раз совершить тяжелый переход по берегу озера с металлической водой, но теперь они, по крайней мере, знали причину этой давящей среды. С этим разобрались на борту после первой экспедиции.

Действительно, это было проклятое место. Прежде всего — огромный бассейн дурманящего озера, громадное сосредоточение воды, которая была не водой, а жидким металлом неизвестного происхождения. И эта огромная масса обладала редким по силе свойством притяжения; намагничивание неотразимо действовало на все вещества, хоть в какой-то мере содержащие железо. Вредоносные излучения шли от белесых скал, которые обладали таким смертельным эффектом. Камни-вампиры — так назвал их Атим. Камни, которые вытягивали и впитывали в себя любую жизненную энергию. В первой экспедиции люди встретили погибшую птицу, а в этом походе им попались на глаза еще две жертвы.

И та, и другая уже превратились в скелеты; видимо обе трагедии произошли очень давно. Первая жертва была одной из тех больших птиц, которую встретили в первый раз и которую сожрала дьявольская почва; второй жертвой был человек. От него остались лишь побелевшие кости. В обоих случаях на месте ужасной агонии

в камне остались неизгладимые следы жертв. Жуткая почва питалась жизненной силой больных или же раненых существ, которые были не в состоянии вырваться из невидимых объятий того места, на которое упали.

Теперь становилось понятно, почему эти горы имели такую репутацию. Тераклианцы никогда не появлялись в этих местах. Для иолов эта горная гряда была границей со Страной Оживающего Воздуха, которая занимала не всю территорию, а только лишь широкую пограничную зону; и по возможности они тоже старались не попадать в эти места. Кроме того, иолы сознательно создавали и поддерживали легенды об этой проклятой местности, ибо это служило им дополнительным средством защиты — мало кто рискнул бы проникнуть на их территорию с этой стороны.

На это отважился лишь дерзкий экипаж «Железной Мухи», ведомый Акке. Правда, Акке в какой-то момент почувствовал опасность, но развернуть корабль уже не удалось. «Железная Муха», влекомая силой магнитного притяжения металлического озера, села на его поверхность.

Теперь было необходимо вырваться из этих гигантских тисков.

Атим и его команда совершенно выбились из сил, пока добрались до нужного места. И теперь прямо перед ними поднимался перевал, отделяющий огромное плато, окруженное горными вершинами, от широкого оврага, представляющего собой один из лучей той гигантской звезды, в центре которой находился горный массив.

Атим изучил местность. В этом месте между озером и оврагом была лишь небольшая складка местности незначительной высоты, похожая на стену. Хитроумный офицер-тераклианец решил извлечь выгоду из этого естественного рельефа местности.

Сообщив по радио на «Железную Муху» о прибытии на площадку, Атим и его люди немедленно принялись за работу, несмотря на усталость и позднее время. Работали уже в темноте, при свете автономных электрических ламп. Эти чудесные лампы в прямом и переносном смысле ослепили Эрика, когда он захотел познакомиться с ними поближе.

В горной породе естественной стенки над оврагом пробурили отверстия; такие же углубления выдолбили на берегу, по возможности обходя стороной плиты из минерала-вампира. Затем в каждое отверстие Атим приказал заложить неизвестное Эрику вещество. Он объяснил не только Эрику, но и Тогу, прибывшему с планеты с низким уровнем развития, что это взрывчатое вещество. К взрывчатке (этот термин был неизвестен инопланетянам) матросы «Железной Мухи» подвели провода, которые шли из какой-то странной коробки, очень заинтересовавшей Эрика; Атим пояснил, что эта адская машина управляет взрывом.

Когда наступила ночь, все уже было готово. Атим дал отбой, затем выяснил по радио, что швартовка «Железной Мухи» на другом конце озера удачно завершилась. Выставив посты, люди заснули. Для ночлега выбрали, разумеется, безопасные места, избегая даже близко находиться около плит из белого минерала-убийцы.

Заря уже застала всех на ногах. Решили, что на площадке с Атимом останется один матрос, а остальные вернутся на «Железную Муху».

Обратный путь тоже был нелегким.

Капитан почти постоянно держал связь с Атимом, и к полудню тот доложил, что все готово.

Эрик уже начал понимать, что происходит, хоть это и давалось ему с большим трудом. Вся эта техника опережала его на несколько веков, и на его родной планете еще много предстояло открыть, изобрести, осуществить. Все было ново и захватывающе для пылкого юноши.

Любовник Иоланы более или менее разобрался в ситуации. Атим задумал сделать пролом в горе, причем как раз в том месте, где гигантский цирк закрывала лишь небольшая стена. Заложенная со стороны озера взрывчатка должна была проделать нечто вроде канала, после того, как стена взлетит на воздух. Таким способом образуется широкая брешь, выходящая на лежащий внизу овраг. И тогда вода, а точнее, жидкость металлического озера устремится в эту брешь и полностью, или хотя бы частично, осушит бассейн. Вот так надеялись спасти аэронеф. Безумная надежда? Шарлатанство? Возможно. Но ведь не было выбора! Даже самые фантастические предприятия во всех мирах имеют иногда шансы на успех.

К полудню люди были готовы к операции — им предстояло перенести серьезное испытание.

Атим со своей странной коробкой расположился на склоне горы, значительно выше того места, где одновременно должны были открыться канал и взлететь на воздух стена, нависающая над оврагом.

Командир находился у пульта управления «Железной Мухи». Если все пойдет по плану, то металлическая вода уйдет из озера и освободит корпус корабля хотя бы частично. До этого момента тросы будут удерживать «Железную Муху» с тем, чтобы ее не унесло с отливом в отверстие, которое образуется после взрыва. В нужный момент тросы, которые удерживаются на магнитных замках, будут сброшены.

И в этот миг, используя мощное усилие реакторов, корабль попытается подняться в воздух. Магнитная масса озера быстро уменьшится, соответственно уменьшится и сила притяжения. Пока что это была лишь теория, но если все пойдет как надо, то можно было надеяться на успех.

Оба офицера поддерживали связь по радио. Эрик упросил коман-

дира оставить его в центральной кабине, чтобы иметь возможность наблюдать все этапы этой дерзкой попытки.

Здесь, рядом с ним, были также Ва-Им и Лууз.

План и в самом деле был очень прост. Мероприятия, задуманные Атимом, должны были полностью или частично осушить огромный бассейн этого металлического озера. Предполагалось, что его единая масса вся целиком придет в движение, и через канал устремится в брешь, проделанную в стене. Удерживаемая тросами «Железная Муха» постепенно будет освобождаться от огромной массы воды-металла. В этот момент нужно попытаться поднять корабль в воздух, и капитан уже занял свое место у пульта управления.

В переговорных устройствах раздались голоса:

— Готово, Атим?

— Готов, командир!

— Огонь!

И в то же мгновение на «Железной Мухе» отчетливо услышали грохот. Со своей горы Атим произвел серию взрывов, которые прозвучали почти одновременно. Стена рухнула, и на этом месте теперь должен был образоваться канал. В конце металлического озера открылась широкая горловина, и его необычная масса должна была хлынуть вниз на равнину.

Прижавшись лицом к иллюминаторам (к тем самым круглым окнам, которые так поразили Эрика на астролете), люди увидели, как в воздух взлетело облако дыма и осколки горной породы, поднятые взрывом огромной силы.

Корабль тряхнуло. Командир у пульта напряженно ждал момента, когда бассейн опустеет и можно будет сбросить магнитные замки тросов, чтобы попытаться поднять корабль в воздух.

Эрик и его друзья не могли скрыть волнения; Ва-Им, прежде всего женщина, сделала движение, как будто хотела найти защиту у Атима, тот обнял ее.

Наступило молчание. Все ждали.

Теперь было заметно, что озеро вздрагивало всей своей массой металлической воды, слитой в единое целое.

Раздался голос Атима:

— Получилось!.. Металлическая вода движется к каналу... Вот она уже в горловине... Подходит к бреши... А-а-а! Теперь она катится вниз... Удача!.. Скоро озеро опустеет!..

Люди на «Железной Мухе» вздрогнули от радости. Скоро пришвартованный тросами корабль освободится от магнитного плена огромной массы металлической воды.

Но тут послышался удар, и люди вскочили на ноги. Командир побледнел, его взор блуждал; все пытались понять, что же случилось.

Раздался крик матроса:

— Тросы!.. Тросы!..

Только теперь все почувствовали, что корабль движется. И они тоже движутся вместе с кораблем. Это было ужасно. То ли виной тому был фабричный дефект или неудачное переплетение, то ли сила магнитного притяжения металлического озера оказалась слишком большой, но оба троса лопнули одновременно.

«Железная Муха», спаянная воедино с поверхностью озера и представляющая теперь одно целое с металлической водой, неумолимо двигалась к горловине.

Люди делали отчаянные попытки освободиться. Реакторы были включены на полную мощность. На борту началась паника. Мимо корабля все с большей скоростью проносились окружающие скалы; «Железная Муха» неслась вперед, спаянная с металлической водой, которая теперь была похожа на гигантскую каплю ртути, и эта капля по фарватеру, проделанному дерзкими действиями Атима, уже начала спускаться к подножью горного массива.

Подобно гигантскому языку, озеро под яркими лучами солнца стекало вниз, ослепительно сверкая; блеск его резал глаза.

Атим в отчаянии катался по земле. Он видел, как «Железная Муха», его корабль, который он так хотел спасти, вместе с этой дьявольской жидкостью вот-вот рухнет в пропасть.

Капитан слился с пультом управления. Все напрасно! В машинном отделении механики сбились с ног. Гигантская эластичная масса озера уходила в канал; приближаясь вместе с ней к огромной дыре, «Железная Муха» достигла небывалой скорости. Людей на борту мутило. Это вовсе не было похоже на приятное воздухоплавание, к которому они привыкли. Это была неумолимая гонка к катастрофе, разрушению, смерти. Нечего было и думать о том, чтобы покинуть гибнущий корабль. Не было уже никакого смысла выброситься с обтекателя на эту гладкую, как никогда сверкающую поверхность, которая хоть и казалась неподвижной, но, тем не менее, неслась с бешеной скоростью вместе со своей жертвой.

Атим закричал от бессилия, когда «Железная Муха» проносилась мимо него.

Металлическое озеро убывало, это было очевидно. Еще немного, и вся эта жидкая компактная масса через канал устремится в брешь и низвергнется сверкающим водопадом вниз, в долину, где на сотни метров уже начало образовываться новое озеро, такое же застывшее, как и первое; оно заливало цветущую местность, ломая деревья и кустарники и изгоняя все живое.

Алоизиус, ничего не соображая, забился на «Железной Мухе» в угол. Скорее всего, он молился, вспоминая все свои мерзости перед лицом неминуемой смерти. Ва-Им и Лууз прижались друг к другу, слившись в прощальном поцелуе.

Эрик думал об Иолане. О своей матери.

«Железная Муха» стрелой пронеслась по каналу, и вот она уже у обрыва, там, где раньше была стена, закрывающая скалистый цирк.

Оказавшись на краю обрыва, корабль качнулся.

Командир из последних сил навалился на рычаг управления и, уже ни на что не надеясь, пытался оторвать корабль.

И это сработало. «Железная Муха» рванулась вперед частично под действием центробежной силы, частично от рывка реакторов.

Атим и сопровождавший его матрос в растерянности смотрели, как аэронеф устремился в воздух, превозмогая магнитное притяжение металлической воды.

На долю секунды вспыхнула надежда на спасение, а потом... Длинный корпус корабля обрушился на стоящий внизу лес, врезался в чащу и развалился на куски, которые разлетелись во все стороны, распугивая животных, гонимых с обжитых мест.

Глава 13

Ко-Кими, фарч иолов (офицерское звание, нечто вроде коммодора), внимательно выслушивал рапорты своих помощников.

От главного правителя народа иолов фарч получил неукоснительные инструкции. Точнее сказать, это был приказ, не выполнить который было немыслимо. Эта миссия с самого начала была обречена на успех, потому что Ко-Кими знал, что его ожидает в случае провала. Что ожидает его и его подчиненных. Это будет обычная быстрая дезинтеграция — иолы не терпят неудачников.

Задача была проще некуда: выяснить все о продвижении корабля с Тераклы, который в настоящее время должен находиться в районе горной гряды, граничащей со Страной Оживающего Воздуха. Захватить экипаж, обращая особое внимание на двух из них, предположительно инопланетников, с помощью которых тераклиане разгромили летающий корабль иолов, высланный на перехват упомянутой «Железной Мухи».

В высших командных кругах этот факт немедленно сопоставили с другим поразительным событием — в своем отчете один из звездолетов иолов упоминал о конфликте с тераклианским космическим кораблем. И в том, и в другом случае легионы огненных людей, это всемогущее оружие иолов, были разбиты и обращены в бегство. Кроме того, на «Железной Мухе» была замечена странная конструкция, напоминающая решетку из тонких струн. Звуки, извлекаемые из этих струн, вероятнее всего, и были причиной уничтожения пылающих существ.

Итак, Ко-Кими получил приказ: уничтожить «Железную Муху» и ее экипаж. Захватить неизвестное приспособление и, одновре-

менно, обоих виновников, сыгравших решающую роль в последней схватке воздушных кораблей.

Сейчас фарч выслушивал донесения, сопоставлял, делал выводы. База, где он в данный момент находился и главнокомандующим которой являлся, была построена (и не без труда) на территории Страны Оживающего Воздуха. Эта местность, кроме многочисленных естественных ловушек, представляла собой идеальный наблюдательный пункт для охраны приграничной зоны. С этой стороны можно было ожидать набегов тераклианцев вплоть до настоящего вторжения.

Ко-Кими внимательно изучил отчеты, затем поднял голову и спросил: — Выпуклое око?

— Оно готово, фарч! Если вы желаете убедиться сами...

Ко-Кими молчаливо кивнул, поднялся и прошел вслед за офицерами технической службы в зал, где находилась система оптических приборов, в центре которой виднелся слегка наклонный экран чистого белого цвета шириной около трех метров.

Покрутили ручки настройки: на белой поверхности экрана появилось изображение потерпевшей катастрофу «Железной Мухи»; ее разбитый корпус лежал в глубине оврага, в котором продолжало формироваться металлическое озеро из жидкости, ранее заполнявшей бассейн в горном цирке.

Вокруг изуродованного корабля виднелись фигуры раненых людей, многие пошатывались, иногда падали на землю.

Иолы, несмотря на свои варварские нравы, всегда придавали огромное значение развитию техники; многие технические решения они заимствовали у тераклианцев, благодаря изощренной сети шпионажа. Здесь, в этой стране, ценность человека определялась постольку, поскольку он мог быть полезен обществу. Тот или та, кто имел какое-либо дарование, какой-либо талант, тотчас же брались на учет и с этого момента должны были целиком и полностью заниматься его усовершенствованием. До изнеможения, а если нужно — до смерти.

Эта безжалостная политика принесла в жертву тьму народа, но дала поразительные результаты. Оставшиеся в живых не заблуждались на этот счет и старались максимально использовать свой творческий потенциал.

И вот теперь Ко-Кими стоял перед одним из интереснейших изобретений за последние обороты планеты.

Иолам был известен эквивалент радара, но до последнего времени считалось невозможным изогнуть траекторию движения волн, имеющих досадное обыкновение распространяться по прямой линии и так же возвращаться.

Тогда один ученый решил воспользоваться явлением, известным во всех мирах — это был мираж.

Он знал, что опрокинутое изображение, отраженное от объекта, места, сцены, удаленных на большое расстояние, часто появляется в природе благодаря нагреванию воздуха, точнее, его различных слоев, формирующих невидимую систему призм, которые улавливают световые волны и передают их дальше.

Для того, чтобы можно было видеть не только далеко, но и через какое-либо препятствие, например, за горной грядой, упорный ученый нашел довольно простое решение. Принцип изобретения был удивительно прост, но реализация, как всегда, оказалась намного сложнее.

И, тем не менее, его усилия увенчались успехом. Во-первых, нужно было создать столб воздуха повышенной температуры в определенной зоне, что оказалось довольно легкой задачей. Это был базовый элемент всей системы, заменивший собой естественное природное явление.

Теперь нужно было поймать изображение (сначала невидимое) в самых верхних нагретых слоях.

Тогда решили изготовить искусственную призму. Она состояла из множества мощных световых лучей, сведенных в одну точку; эти лучи имели частоту абсолютно белого света и могли пересекаться на любой высоте колонны горячего воздуха. Пересекаясь, лучи образовывали грани псевдопризмы. Именно в этом месте появлялось нужное изображение в прямой видимости, так как воздушный столб возвышался одновременно и над наблюдаемым предметом, и над экраном оператора.

Оставалось лишь регулировать оптимальную высоту этой искусственной призмы и ориентировать ее таким образом, чтобы получать изображения по различным азимутам, пока не появится нужное.

На следующем этапе в дело вступали фотонные излучения, которые формировали изображение объекта, и это изображение, проходя через множество каналов, появлялось на экране с различной степенью резкости. На том самом экране, в который сейчас пристально всматривался Ко-Кими и его люди.

С момента, когда воздушный корабль иолов спасался бегством от «Железной Мухи», службы, управляемые Ко-Кими, практически не выпускали из вида тераклианский корабль. Выпуклый глаз, как называли иолы оптическую систему на своем языке, постоянно и четко информировал их обо всех передвижениях экспедиции.

Дальнейшее развитие событий очень нравилось Ко-Кими. Безрассудная попытка освободить «Железную Муху» окончилась катастрофой. Теперь переданным в распоряжение фарча силам нужно было всего лишь окружить обломки корабля, захватить всех оставшихся в живых и ту проклятую штуку, которая привела в замешательство ряды огненных людей.

Ситуация была слишком благоприятной, чтобы ей не воспользоваться. Ко-Кими незамедлительно отдал соответствующие распоряжения, решив лично участвовать в операции.

А в это время уцелевшие от катастрофы бродили среди обломков. Большинство членов экипажа погибли, в их числе был и капитан, сделавший последнюю отчаянную попытку спасти корабль, пытаясь оторвать его от магнитного захвата. В какой-то момент ему это даже удалось, он включил взлетное устройство точно тогда, когда корабль прошел горловину. И все же усилия, необходимого для взлета, оказалось недостаточно, и вот — трагический финал.

Атим чувствовал себя прескверно, но продолжал бороться вместе со всеми. Эрик, Алоизиус, Акке и Тог в момент падения находились в верхней кабине, которая пострадала гораздо меньше; это их спасло. И теперь среди погибших матросов они разыскивали Лууза и Ва-Им.

Из изуродованного корпуса выбрались с трудом. Вокруг потрескивал тлеющий кустарник — остатки пожара от падения корабля. Но прежде всего, люди чувствовали, что последние силы покидают их, ибо они в течение многих часов находились под дьявольским воздействием горного массива, не говоря уже о последнем эпизоде их приключений.

С одной стороны, на организм экипажа «Железной Мухи» действовало магнитное излучение металлического озера, тем более, что и металлический корпус корабля намагнитился до предела. Кроме того, были еще плиты белесого минерала, убивающие жизнь. А в месте их вынужденной стоянки его были тонны и тонны. Избежать вредоносного излучения было невозможно.

Такова была невеселая ситуация, в которой оказались пассажиры «Железной Мухи». Мрачные, хмурые и подавленные, они теперь пытались рассмотреть местность, в которой оказались волей случая.

Следует отметить, что пейзаж здесь был гораздо привлекательнее, чем на высоте скалистого горного массива. Лесистый овраг покрывала веселая зелень. Птицы, поднятые в воздух падением корабля, кружились вокруг, распевая свои песни, но животные, видимо, разбежались. Рядом, в нескольких сотнях метров, продолжало наполняться металлической водой новое гигантское озеро. Казалось, скоро все содержимое верхнего озера перейдет сюда, переменив место благодаря гениальной и в то же время безрассудной идее Атима. Идея, которая, в конечном итоге, обошлась слишком дорого.

Люди с трудом выбирались из-под обломков, отбрасывая в сторону тлеющие ветви, ища пропавших и считая друг друга.

Атим велел собрать все, что осталось из оружия и провизии, а

сам вместе с одним из уцелевших техников стал пытаться проникнуть в бортовой пост телесвязи, чтобы вызвать Теракла-Майор.

И в этот момент уцелевшие от катастрофы заметили, что их окружают.

В лесу, вокруг прогалины, проделанной тяжелым корпусом корабля, ломавшим деревья во время падения, виднелись силуэты людей. Они были одеты в блестящую зеленую форму, означающую принадлежность к милиции иолов. Тераклианцы не теряя времени схватились за оружие, которое так напоминало Эрику стрелометные трубки — это были излучатели.

Но даже малейшее движение давалось им с трудом. Сказывался эффект горы-вампира. Готовясь к бою, они знали, что долго продержаться не смогут.

Срочно позвали Атима. Он был обескуражен: вся аппаратура вышла из строя, все было разбито в катастрофе, так что выйти на связь с Теракла-Майор было невозможно.

С горсткой оставшихся людей он стал готовиться к бою.

Ко-Кими наблюдал, как падала «Железная Муха» и все, что случилось потом, через систему искусственного миража в перевернутом изображении, а теперь мог видеть, как развиваются события, собственными глазами.

Фарч был доволен. Для отряда, которым он командовал, захватить этих несчастных с «Железной Мухи» было детской игрой. Он заранее предвкушал, как будет получать поздравления от главного наместника. Осталось только выяснить, живы ли те два инопланетника. Время покажет.

Ко-Кими отдал приказ окружить тераклианцев и захватить по возможности живыми.

Но первая атака все же была отбита. Атим расположил остаток людей в каре, у всех было оружие, которое удалось унести с корабля. Эрик, Тог, а также Алоизиус и Акке, держали в руках совершенно непривычные для них излучатели. И иолам пришлось отступить, так как и те, и другие, видимо, пользовались своими лучеметами довольно эффективно. Ко-Кими негодовал. Он призывал своих солдат бережно обращаться с противником и, по возможности, избежать кровопролития. Но несколько иолов уже лежали в пыли, пораженные огнем теркалианцев. Только фарч был уверен в успехе — сейчас время работает на него. Эти несчастные долго не продержатся. Он перегруппировал своих солдат, чтобы иметь возможность напасть с тыла, приказав делать это очень медленно, чтобы дезориентировать противника.

Небольшая группа иолов пошла на сближение. Двое тераклианцев бросились навстречу, но тут же были убиты. В группе, окружающей Атима, произошло замешательство, но в это время появился второй десант иолов, затем третий.

Атим не строил никаких иллюзий. Нужно было драться и погибнуть в бою, вот и все. Однако первые ряды иолов, уклоняясь от огня излучателей тераклианцев по мере возможности, вдруг натолкнулись на совершенно неожиданную преграду.

Один из пассажиров «Железной Мухи» после катастрофы окончательно пришел в себя. Это был Тог, человек с Эридана, который до настоящего момента еще не имел возможности проявить свой талант, а ведь тераклианцы выбрали его не случайно.

Он дал иолам возможность подойти к нему вплотную, не делая при этом никаких угрожающих движений. Более того, он был безоружен. И четверо иолов разом бросились на него.

Эрик знал, что Тог обладает какой-то таинственной силой, но не знал, в чем она проявляется. И вот теперь увидел.

Иолы тоже.

Неожиданно Тог расслабился, а затем ударил. Иол, на которого пришелся удар, окутался снопом искр, его буквально подбросило в воздух, затем он упал на землю, какое-то мгновение лежал неподвижно, после чего забился в судорогах. Тогда иолы бросились на Тога с двух сторон. Направо и налево мелькнули кулаки, вспыхнул настоящий фейерверк, и оба солдата отлетели в стороны, отброшенные электрическим разрядом невиданной силы, исходящим от человека с Эридана.

Перепуганный насмерть четвертый иол убежал, чтобы рассказать об увиденном Ко-Кими, который в этот момент находился довольно далеко от места необычной схватки.

Это неожиданное триумфальное вмешательство Тога слегка подняло настроение несчастным осажденным. Все по достоинству оценили его талант. А Тог, по-прежнему невозмутимый, готовился к новой схватке. И вот началась новая атака.

Атим, Эрик и матросы били из лучевых трубок, хоть как-то сдерживая натиск нападающих иолов. На Алоизиуса и некоторых членов команды сверкающие струи, вылетающие из их излучателей, наводили больше страха, чем на тех, кому они предназначались. Тог поражал солдат, осмеливавшихся сойтись с ним врукопашную.

Но Атим уже понимал, что это конец. Еще одна атака, и они не выдержат, поскольку силы слишком неравны.

Внезапно он заметил какое-то движение на борту корабля, и через пролом в металлическом корпусе появился человек.

Это был Лууз. Он держал на руках Ва-Им, которая, наверное, была мертва.

Лууза все уже считали погибшим, так как не смогли найти его в разбитом корабле. И вот теперь он шел, не обращая внимания на бой вокруг него, отрешенный от всего мира, не видя дороги, прижимая к себе свою обожаемую, по выражению тераклианцев, «воспитательницу».

Ему кричали вслед, звали вернуться и остаться, иначе он попадет под огонь иолов. Но он, казалось, ничего не слышал и шел, убитый горем, обнимая свою любимую.

Рискуя оторваться от своей маленькой группы, ему наперерез бросился Эрик. За ним, совершенно инстинктивно, последовал Алоизиус. А вскоре следом за ними уже бежали Тог и Акке. Эрик мчался

— Лууз! Вернись! Останься с нами!.. Лууз!.. Они тебя убьют!

Атим в отчаянии смотрел на своих друзей, бежавших прямо в окружение иолов. На этот раз, решил он, все кончено.

Но в этот момент со стороны иолов, которыми командовал фарч Ко-Кими, послышались крики, шум, ропот.

Пораженные тераклианцы увидели то, что так напугало их врагов.

ГЛАВА 14

Во всех мирах любое живое существо обладает инстинктом самосохранения. Перед лицом опасности мгновенно срабатывают защитные рефлексы, иногда эффективные, иногда нет, но всегда направленные на собственную защиту. Но когда в опасности оказывается ближний, любые законы поведения часто бывают бессильны.

Именно это и произошло в душе Эрика, связанного недавней, но крепкой дружбой с человеком с Проциона. И если трубадур, прилетевший с Земли, бросился на помощь, забыв о том, что вокруг летят огненные стрелы, то в таком же едином порыве шли на помощь Луузу Алоизиус, теперь совсем иной Алоизиус с тех пор, как покинул родную планету, и хрупкий Акке, и могучий Тог; они мчались спасать Лууза, который, погруженный в свое горе, шел неизвестно куда, неся на руках безжизненное тело прекрасной Ва-Им.

Вместе с Эриком они звали его, кричали, чтобы он вернулся назад, к кораблю, который еще удерживали Атим и его матросы.

Тераклианцы уже было решили, что их друзья-инопланетники пропали, что их неминуемо захватят в плен иолы. Но что-то изменило ход событий.

Что же?

Эрик и его друзья не понимали, в чем дело. Иолы что-то кричали, но слов нельзя было разобрать. Тераклианцы, наверное, знали, что все это означает.

Тем временем Лууз с драгоценной ношей на руках продолжал свой трагический марш. Эрик со своими друзьями уже догонял его. Однако иолы, вместо того, чтобы воспользоваться ситуацией и захватить их в плен, или в конце концов просто убить, были охвачены какой-то новой внезапной тревогой, которая отодвинула на задний план все остальное.

Эрик, бежавший впереди маленькой группы, наконец нагнал Лууза и встал перед ним, все еще крича, чтобы тот остановился и не рисковал жизнью, как вдруг увидел нечто такое, от чего замер на месте.

Лууз полностью отключился от окружающего мира и ничего не понимал, кроме того, что Ва-Им умерла. Но любовник Иоланы наконец, увидел, что произвело такой переполох в стане иолов.

Недалеко от него, на земле, ограниченной окружностью в несколько метров, природа словно взбесилась. Два дерева согнулись и сломались; листья, камни, вырванная с корнем трава — все это поднялось в воздух и теперь кружилось, как будто внутри какого-то невидимого шара, обладающего страшной силой. Эрику показалось, что началась буря, сопровождаемая ветром неистовой силы, но это была очень странная буря, будто заключенная в некий сосуд. Буря местного значения.

Смятение трубадура довершило то, что он видел теперь: внутри этой сферы, возникшей непонятно откуда, находились трое иолов, захваченные яростным воздушным потоком.

Несчастные пытались сопротивляться. Наверное, они кричали от ужаса и боли, но кто мог услышать их! Они были пленниками этой непонятной прозрачной тюрьмы, форму которой невозможно было различить.

И все же по дрожанию воздуха, как это бывает, когда воздушные потоки устремляются в нагретые слои атмосферы, по завихрениям, пронизанным солнечными лучами, можно было в общих чертах определить форму этого явления: то была сфера, внутри которой разразился ураган невиданной силы.

Вместо того, чтобы броситься на помощь несчастным, унесенным вихрем, иолы разбежались в разные стороны, испуская одни и те же крики, так что Эрик, не зная их языка, начал понимать сущность явления природы, происходящего у него на глазах.

Оживающий Воздух!

Так вот она, эта страшная опасность, ставшая легендой, которая держала в страхе всю планету Гуур. После злоключений в горах-вампирах тераклианцы попали в Страну Оживающего Воздуха, как раз на границе с территорией иолов. И теперь появление этого необъяснимого монстра изменило ход сражения.

Иолам, видимо, было хорошо известно грозное явление этого непостижимого смерча; вот и теперь, покидая поле битвы, они бросились во все стороны, ища спасения в лесной чаще.

Атим и те, кто оставался с ним, находились под прикрытием корпуса корабля, вокруг которого еще дымились остатки пожара и тихо тлел кустарник, росший рядом. Бой прекратился. Появление Оживающего Воздуха, очевидно, привело иолов в такой ужас, что они даже бросили трех своих товарищей, уносимых прозрач-

ным или почти прозрачным шаром, а значит знали, что все попытки спасти их бессмысленны.

Лууз продолжал идти вперед, как во сне, с блуждающим взглядом.

— Лууз... Прошу тебя...

Эрик встал впереди него. Погоня привела почти к самому краю вновь образовавшегося металлического озера, и сейчас у него резало глаза. Солнце Гидры ярко освещало гладкую сверкающую поверхность, так что блеск ее был невыносим. Но Лууз, кажется, даже этого не замечал. Эрик схватил его за руку, умоляя вернуться.

Алоизиус, Акке и Тог, рванувшиеся на помощь, уже догнали их, и в этот момент снова услышали вопли и крики иолов, прячущихся в зарослях где-то совсем рядом.

Они едва успели заметить приближение невидимого монстра. Живой Воздух создал новую сферу, и теперь она неслась по направлению к друзьям.

От сильного удара Лууз вскрикнул и от неожиданности выпустил из рук тело Ва-Им. Эрик вцепился в друга, чтобы заставить его вернуться к «Железной Мухе», и в это мгновение их опрокинуло, они взлетели в воздух ногами вверх, затем их швырнуло о стенки, которые, казалось, были из стекла, но в действительности это был воздух, фрагмент атмосферы, который вдруг приобрел страшную силу.

Оглушенные и задыхающиеся, избитые и перемолотые, согнутые пополам, друзья крутились в центре этого прозрачного смерча. А сфера, пока еще невидимая, тащила их в направлении металлического озера.

Пленники уже ничего не соображали, оба были в полубессознательном состоянии. Они даже не могли приоткрыть глаза, настолько ослепительным был блеск озерной поверхности.

Оставшиеся в живых люди с «Железной Мухи» бессильно наблюдали за этим похищением. Что касается иолов, то они сейчас думали лишь о собственном спасении от этого непредсказуемого противника, находя ненадежную защиту в лесных зарослях.

Ко-Кими, найдя себе укрытие в складках местности, постоянно поддерживал связь с резиденцией главного наместника. Он подробно докладывал о развитии событий, которые приняли совершенно неожиданный поворот, и получал четкие инструкции о дальнейших действиях.

Задача была очень простая: довести до конца начатое дело. Что касается Оживающего Воздуха — это был всего лишь эпизод, которого следовало ожидать. Подобные атмосферные явления в этой стране встречались довольно часто и всегда имели плачевные последствия.

Поскольку несколько тераклианцев были унесены смерчем, ос-

тавалось лишь захватить корпус разбитого корабля, взять в плен оставшихся в живых тераклианцев и непременно завладеть антенной, которая так интересовала иолов — ведь именно она явилась причиной разгрома огненного легиона.

В настоящий момент антенна опасности не представляла. Ко-Ким мог легко покончить с Атимом и его командой с помощью нескольких пылающих существ. Но инструкции строжайшим образом запрещали кровопролитие и требовали взять тераклианцев живыми, особенно тех, кто вывел из строя огненных людей во время атаки на «Железную Муху».

А между тем Живой Воздух уносил свои жертвы все дальше и дальше, и вскоре, как это обычно бывало, сферы потеряли свою прозрачность.

И иолы, и тераклианцы зачарованно смотрели на удаляющиеся шары, уносящие своих пленников: один — трех иолов, другой — Эрика и Лууза, и, наконец, третий — Тога, Алоизиуса и Акке. Внутри полупрозрачных шаров, несущихся неведомо куда, бедняги чувствовали себя совершенно уничтоженными.

Теперь, когда вращающиеся пузыри воздуха пролетали над новым металлическим озером, все еще наполняющимся падающим с гор каскадом, без темных защитных очков на них невозможно было смотреть. Солнце стояло высоко, его лучи били прямо на зеркальную поверхность, вызывая ослепительный, невыносимый для глаз блеск.

Сферы сверкали, как никогда, и пленники, находящиеся внутри, должны были бы ослепнуть, если только они были еще в сознании.

Но вот один из шаров стал изменяться. Кроме того, что он отражал ослепительный свет от металлического озера, всем показалось, что он еще как бы вспыхнул изнутри.

Иолы не могли понять, в чем дело, хотя и были свидетелями необыкновенной реакции одного из своих противников.

В самом деле, это было проявление рефлекса Тога. Человек с Эридана был слегка ошеломлен, когда его захватила и унесла воздушная сфера, но теперь пришел в себя и колотил руками изо всех сил, насколько это позволяли вращение и тряска воздушной сферы. Электрический потенциал его организма производил короткие замыкания, и при этом вылетали снопы искр, совсем как во время схватки с тем иолом, который получил электрический шок. Залитый ярким солнцем и ослепительным блеском, исходящим от металлического озера, шар теперь вспыхивал изнутри молниями, вылетающими из-под мощных кулаков Тога.

Но на состояние воздушной сферы Оживающего Воздуха это не производило ни малейшего впечатления. И иолы, и тераклианцы видели, как три сферы пересекли местность, где разливалось новое озеро и постепенно исчезли за горизонтом.

Ко-Кими издалека наблюдал за развитием событий, рядом с ним примостился специалист по радиосвязи. Сделав краткий доклад верховному правителю, он решил, что пора заканчивать операцию. Нашествие Живого Воздуха, этого природного явления предположительно геотермического происхождения, природу которого наука иолов еще не могла объяснить, на этот раз, видимо, закончилась. Опасность с этой стороны, кажется, миновала, и теперь можно было покончить с «Железной Мухой».

Военные силы, находящиеся в глубине страны, получили приказ разыскать шары Оживающего Воздуха, уносившие иолов, тераклианцев и, предположительно, инопланетников.

Ко-Кими сам повел своих людей в атаку. Стремительным броском иолы рассчитывали захватить в плен Атима и его людей, но этот последний бой оказался более жестоким, чем они ожидали. Тераклианцы понимали, что для них все потеряно, и, собрав последние силы, отчаянно защищались. Вот упал Атим, сраженный выстрелом, но горстка обороняющихся отказалась сдаться. Ко-Кими видел, как они падают один за другим.

Наконец-то через груду неподвижных тел он мог ступить на чужой корабль и вблизи рассмотреть то, что когда-то было антенной-арфой. Тяжело вздохнув, фарч приказал тщательно собрать обломки, чтобы затем перевезти их к Нефритовым Пирамидам, где располагалась правительственная резиденция. Там же находился оплот самой развитой науки, самой тончайшей техники, которой располагали иолы.

На следующий день, лишь частично выполнив свою миссию, Ко-Кими со своими людьми прибыл к подножью четырех пирамидальных башен, возвышающихся над гигантскими строениями — это был центр, сердце, мозг народа иолов. Здесь он узнал, что сферы Оживающего Воздуха вовремя засекли, и что они, как обычно, растаяли, освободив свои жертвы. Все, конечно, были в плачевном состоянии, но, что самое главное, живы.

Теперь лучшие врачи иолов колдовали над тремя своими воинами, а также прилагали все силы, чтобы вылечить четырех тераклианцев, а точнее, инопланетников, которые смогут дать очень ценные сведения, если выживут.

ГЛАВА 15

И они выжили!

Выжили, но находились в очень тяжелом состоянии, как, впрочем, и другие жертвы Оживающего Воздуха. Каждый раз, когда этот смерч обрушивался на землю, людей, внезапно захваченных возникающими воздушными сферами, не только крутило и

трясло, их еще изрядно молотило градом камней и всеми другими предметами, которые засасывались внутрь.

Так было с тремя иолами, унесенными первым шаром, так было с Эриком и Луузом, но тяжелее всего пришлось Алоизиусу, Тогу и Акке. Эти трое несчастных получили сильнейшие ожоги и вообще были наэлектризованы. Когда Тог начал бушевать внутри сферы, от него во все стороны летели пучки искр, которые всегда появлялись в его организме в момент гнева или драки. Так что с этими пациентами медикам иолов пришлось заниматься особо.

Удалось спасти всех.

В этой стране уровень развития науки и техники был необычайно высок. В области анатомии, биологии, гистологии, нейрологии для иолов не существовало тайн. По крайней мере, в том, что касалось обычных людей. Но сейчас был совсем другой случай.

Настроение у иолов было приподнятое. Еще бы, ведь они победили тераклианцев, захватили в плен этих необыкновенных людей, которые обратили в бегство огненных существ, и теперь эти герои находятся в их власти.

Во время сражения они сумели оценить и достоинства Тога, электрического человека. Что касается Акке, то он еще находился в подавленном состоянии, и пока что было невозможно выявить его талант. Не нашли ничего особенного и у Алоизиуса; совершенно отупевший, он молча сносил все приемы врачевания.

Для обсуждения необычайных способностей этих людей, странных людей, собрались самые именитые ученые страны иолов. Были тщательно изучены подробные, даже слишком, отчеты Ко-Кими и его людей, но это мало что дало. Анатомически эти люди ничем не отличались от других, радиография и различные контрольные тесты дали нулевой результат. И теперь ничего другого не оставалось, как произвести вскрытие, чтобы таким образом точно определить, как их пленники могут становиться либо источником энергии, либо передатчиком, способным уничтожать огненных воинов, либо раздваиваться.

Итак, было решено произвести аутопсию у всей компании, включая Акке и Алоизиуса, потому что, как знать, может быть они тоже обладали каким-нибудь необыкновенным даром.

Однако это решение встретило решительный протест правительства. Никакой аутопсии! Наоборот, необходимо беречь этих бесценных пленников, привести их в нормальное физическое состояние, а затем исследовать, не торопясь и тщательно. Может быть, их особый дар может передаваться другим людям. Если иолы овладеют такими возможностями, они будут иметь безусловное превосходство, и не только на Гууре, но и в других мирах.

Таким вот образом Эрик и его спутники испытали на себе все тонкости медицины иолов. Кстати сказать, это было вовсе не так

уж плохо. Им выделили отдельные апартаменты в огромном дворце-крепости, где размещались лаборатории Нефритовых Пирамид. Врачи, физики постоянно дежурили около них, а целая команда очаровательных сиделок делала процесс лечения еще более приятным. Иолы привыкли получать оптимальные результаты в любой области, и им, без сомнения, было известно, что нежное женское присутствие очень способствует процессу выздоровления.

Девушки, все, как одна, были красивые и изящные, а кроме того, они знали язык Тераклы, который инопланетники уже неплохо стали понимать, и поэтому могли вести милые беседы во время лечебных сеансов и даже после них.

Эрик, Тог и Акке находили все это весьма забавным. Алоизиус начал склоняться к мысли, что во всех мирах женщины не такие уж монстры, как ему вдалбливали всю жизнь. И только Лууз был погружен в неизлечимую меланхолию после гибели Ва-Им. Он искренне привязался к очаровательной дочери Тераклы и был неутешен от этой трагической утраты. И все же хороший уход и прекрасное лечение делали свое дело, и Лууз постепенно возвращался к жизни, несмотря на свое безутешное горе.

За ними наблюдали, их изучали, зондировали, но делали это очень тактично, не причиняя физической боли. В процессе выздоровления и по мере того, как улучшалось их состояние, иолы начали задавать вопросы; друзья, по взаимному согласию, заявили, что им непонятно, почему их держат пленниками. В конце концов они ведь не принадлежат к расе тераклианцев, их, можно сказать, против собственной воли привезли на Гуур. Иолы предупредительно ответили, что вовсе не видят в них своих врагов, несмотря на то, что они оказались в стане противника; их будущее гарантировано, если, разумеется, они согласны сотрудничать со своими новыми соратниками. Предвидя подобное предложение, друзья решили прикинуться простачками. Если они и смогли продемонстрировать какие-то свои таланты, то ведь только защищаясь. Эрик настаивал на том, что он музыкант, Лууз и Тог сказали, что они борцы. Акке промолчал о своих способностях медиума и телепата, тем более, что это невозможно было обнаружить даже при помощи изучения мозга. Что же касается Алоизиуса, то он заявил, что является честным и безупречным служителем церкви и вовсе не собирается быть запятнанным всей этой дьявольщиной.

Пока что иолы не настаивали, ограничиваясь лишь тщательным лечением своих пациентов. Но долго так продолжаться не могло, и впереди следовало ожидать более серьезных допросов, на которых пленников могли подвергнуть различным хитроумным тестам и таким образом выявить присущие каждому из них способности.

Впрочем, они, по крайней мере, в первые дни своего плена и сами не знали, сохранились эти таланты или нет. Эрик еще не чув-

ствовал, что у него восстановились способности к левитации, то же происходило с Луузом в плане биолокации, Акке не мог использовать телепатию, а Тог драться с помощью электричества. Они были еще слишком слабы, слишком больны, и думали лишь о том, чтобы, наконец, залечить свои раны. Следует заметить, что и врачи, и очаровательные расторопные сиделки прекрасно знали свое дело, поэтому здоровье пяти мужчин быстро восстанавливалось. Даже Алоизиус стал похож на нормального человека, ведя, наконец, более здоровую и естественную жизнь, не в пример его собратьям-священникам.

Эрику очень нравились одна-две из его очаровательных сиделок, но при этом он не забывал Одд. Вспоминает ли она его в Тераклa-Майор? Кроме того, в его сердце до сих пор сохранился образ Иолаиы. Наверное, она тоже думает о нем, хотя их и разделяют звездные миры.

Тог и Акке улыбались при появлении предупредительных девушек. Для Алоизиуса наступили трудные времена: он задавал сам себе массу вопросов и не находил ответа. Только Лууз был по-прежнему погружен в свою печаль; меланхолия покидала его лишь в те редкие моменты, когда друзья оставались одни и могли, не боясь быть услышанными, обсудить свое теперешнее положение.

Они могли выходить на прогулки, во время которых имели возможность по достоинству оценить величие огромной цитадели, в которую их привезли. Четыре пирамиды из красивого сверкающего зеленого камня ограничивали гигантский прямоугольник. Их вершины поднимались на сотни метров, а между пирамидами простирался огромный плац, где проводили учения войска иолов. Обычно пленников сопровождали в прекрасные ухоженные сады, расположенные за пирамидами; по пути они часто могли видеть летающие объекты. Сады были великолепны: благоухающие цветами растения, бассейны, наполненные кристально чистой водой, обилие птиц, гуляющие на свободе животные. Трубадур и его друзья прекрасно понимали, что их хотят очаровать, но с одной целью: завладеть их секретами, чтобы использовать в своих целях. И конечно же, прежде всего, против Тераклы.

Эрик полностью разделял мнение своих друзей: предать тераклианцев было бы подлостью. Пусть даже их привезли на Тераклу помимо собственной воли — в чем можно было упрекнуть этих гостеприимных хозяев? Особенно Эрику! Если бы не своевременная помощь Одд, Пиила и их экипажа — гореть бы ему в костре инквизиции. Разве это можно забыть?

Во время прогулок их прелестные сиделки были, разумеется, рядом, и все же Эрик улучил момент поговорить с Луузом и другими своими спутниками. Что делать дальше?

По мере выздоровления они чувствовали, что становятся все

увереннее в себе и что скоро вновь обретут свои необыкновенные возможности.

Эрик решил сжечь за собой корабли. Нужно было действовать, форсировать события.

Иолы, в свою очередь, тоже не теряли время. Сейчас они трудились над антенной-арфой, демонтированной с обтекателя «Железной Мухи». Лучшие силы науки, инженеры звука пытались понять принцип ее действия. Настал момент, когда Эрику объявили, что его помощь могла бы оказаться полезной. Он сумел отказаться, объясняя, что был всего лишь простым исполнителем, не более.

Необходимо было выиграть время. Эрик не строил никаких иллюзий насчет своего будущего. Их относительно приятное заключение у иолов имело одну определенную цель: досконально выяснить все секреты пятерых инопланетников.

Несмотря на целый каскад событий, которые в конечном итоге привели их к Нефритовым Пирамидам, они вовсе не забыли цели той миссии, которую задумали в Теракла-Майор. И если теперь экипаж «Железной Мухи» погиб, а корабля больше нет, то оставшиеся в живых завершат начатое дело. В осуществлении этого трудного замысла все особенно рассчитывали на трубадура с Земли. Необходимо раскрыть тайну иолов, узнать, каким образом им удается создавать легионы наводящих ужас пылающих чудовищ. Всем было известно, что именно Эрик обратил в бегство этот дьявольский десант, сделав это лишь с помощью вибрации своих струн. Тераклианцы сумели быстро и эффективно использовать звуковые колебания. Но никто не предвидел трагического исхода экспедиции.

До пленников Нефритовых Пирамид иногда доносились целые концерты какофонических звуков, которые иолы усердно извлекали из антенны-арфы, снятой с «Железной Мухи». В принципе ее действия они, по-видимому, еще не разобрались, но, конечно, понимали зависимость своих военных призраков от воздействия звуковых волн.

Все шло к тому, что Эрика скоро вызовут на допрос, тем более, что внешне он уже находился в прекрасной физической форме. И от того, в какой мере он будет сотрудничать с иолами, будет зависеть его будущее. Репутация этого, не знающего жалости народа была хорошо известна в Теракла-Майор. Если он будет упорствовать на допросах, его вполне могут подвергнуть пыткам.

Эрик, уже испытавший на себе все ужасы подвалов инквизиции, был явно не в восторге от такой перспективы. Он прекрасно понимал, что настало время переходить к решительным действиям. Но что можно было предпринять? Он посоветовался с товарищами. Все, даже Алоизиус, видели единственный выход из этой ситуации — побег. Каким образом? Но это уже была другая проблема.

Друзья были уверены, что исчезновение «Железной Мухи» не прошло незамеченным в Теракла-Майор. Корабль пропал бесследно, так как и капитан, и Атим решили до самого конца не просить помощи. В течение довольно долгого времени экипаж не выходил на связь, и в этом случае обеспокоенные тераклианцы должны были всеми средствами начать поиски экспедиции или того, что от нее осталось.

Просить помощи в Теракла-Майор? Эрик чувствовал себя превосходно, а поэтому неоднократно пытался установить телепатический контакт с Одд. Ведь только с ней он был по-настоящему духовно близок, по крайней мере, во время пребывания в городе. В эти попытки молодой землянин вкладывал всю энергию своего мозга, но контакт не получался.

Дальнейшие события, как всегда, определил случай.

Эрик и его товарищи ежедневно присутствовали на учениях. Два или три раза они даже видели летающих между гигантских пирамид огненных призраков, которые тренировались. Во время тренировок этих существ друзья задавали себе вопрос: люди это или нет? Во всяком случае, их поведение было вполне разумно и логично, и ничего механического.

Что касается механики, то в нефритовой крепости ее было предостаточно. Особенно поражали воображение огромные куклы, аналогичные тем, что так удивили Эрика и напугали Алоизиуса на космическом корабле тераклианцев. Это были роботы. По конструкции и внешнему виду они отличались от тераклианских, но в принципе выполняли те же многочисленные функции.

Если врачи и медицинские сестры были единственными живыми существами, которые находились около пленников, то охраняли и, одновременно, обслуживали их именно эти диковинные машины, внешними очертаниями напоминающие людей; они передвигались рывками на своих несгибающихся ногах, издавали странные звуки, сверкали странными огнями. Эти механизмы были превосходно отрегулированы, очень полезны и эффективны во всех отношениях. Они подавали пленникам пищу, были готовы исполнить любое желание. Предупредительные и расторопные, они в то же время были бдительными, неусыпными и безжалостными охранниками.

Этим утром, стоя у окна, Эрик наблюдал за призрачными огненными существами, которые проносились между Пирамидами. Офицеры, стоящие на эспланаде, следили за их эволюциями, обсуждали и, кажется, отдавали инструкции по радио.

Один из роботов возился с чем-то около трубадура, но юноша уже привык к этим механизмам и не обращал на него внимания.

— Что ты там увидел?

Это был Тог, который только что проснулся и теперь зевал, потягиваясь.

— Огненные люди,— просто ответил Эрик, показывая на пролетающих мимо окна фантастических воинов, которые, видимо, учились выстраиваться в боевые порядки, кружась как птицы смерти вокруг одной из Пирамид под наблюдением офицеров-инструкторов.

Человек с Эридана направился к окну и, проходя мимо, задел робота.

— О! — воскликнул изумленный Эрик.

Он так и не узнал, специально это сделал Тог или нет. Скорее всего, это произошло случайно. Но факт остается фактом. Вспыхнул сноп искр, раздался резкий, как удар хлыста, щелчок.

Робот буквально взорвался, во все стороны полетели осколки металла, стекла, неизвестного инопланетникам материала, затем он закачался, почернел и наконец рассыпался, став полностью непригодным.

Тог растерянно наблюдал за происходящим. Значит, к нему опять вернулась его былая сила, которая накапливалась с каждым днем и теперь проявилась так очевидно, хоть и неожиданно.

Привлеченные грохотом, прибежали Алоизиус, Акке и Лууз. Пораженные, они уставились на неподвижную груду обломков человекоподобной машины, на этот изуродованный механизм.

Первым пришел в себя Эрик, вскочил на ноги и закричал:

— Тог обрел свою силу... Теперь он может убивать металлических демонов... Воспользуемся этим! Бежим! Это лучше, чем быть здесь пленниками... в ожидании пыток или даже смерти!

— Верно! Верно! — поддержали его остальные, охваченные единым порывом.

На крики прибежала сиделка. Ее схватили и бросили на кровать. Девушка закричала, неправильно истолковав истинные намерения внезапно взбунтовавшихся пленников. Но те уже выбежали из комнаты. Они были безоружны, приходилось рассчитывать на собственные силы, которые они решили отдать без остатка вплоть до гибели, если придется.

Перед беглецами возникли два робота. И тут произошло чудо. Тог, который вновь обрел свою силу и теперь знал, что может уничтожить роботов (раньше ему приходилось действовать только против людей), бросился между двух металлических монстров, увертываясь от их многочисленных манипуляторов, и выбросил в обе стороны кулаки, как делал это всякий раз, когда его пытались окружить два человека.

Вспышки огня заполнили комнату, и раздался неслыханный грохот.

Поднялась тревога. Пленники кинулись прочь, тем более, что уже немного представляли себе топографию своей тюрьмы.

Появились иолы, но они не стреляли — приказ есть приказ.

Друзей окружили, но Эрик внезапно взмыл в воздух и перелетел через охранников, которые от неожиданности замерли на месте. Пять или шесть Луузов окончательно сбили их с толку, нападающие не знали, которого из них хватать. Тем временем Акке и Алоизиус, решив, что другого такого момента не представится, проскользнули мимо иолов, которые вообще перестали что-либо соображать.

Кругом раздавались крики, слышались команды, сигналили сбор.

Друзья мчались по широким коридорам, переходам, минуя галереи, скатываясь и поднимаясь по лестницам, сметая все преграды. Множество роботов и даже несколько человек уже валялись на полу, одни полностью изуродованные, другие просто в шоке от сильнейших электрических разрядов, исходящих от Тога, который не на шутку разъярился и раскидывал все на своем пути.

Эрик бегом следовал за ним, иногда взлетая в воздух, а монах и человек со Спики неслись в окружении полудюжины Луузов.

И вдруг беглецы налетели на целую вереницу роботов. Двенадцать или пятнадцать металлических монстров загородили дорогу. На этот раз Тогу предстояла серьезная работа.

Металлические роботы приближались, идя вплотную друг к другу. Эрик перелетел через них; левитация отнимала последние силы. Сможет ли Тог что-нибудь сделать?

Первый робот приблизился, пытаясь схватить человека с Эридана.

Тог ударил.

Клубы огня посыпались в стороны. Демон буквально взорвался, рассыпаясь осколками.

Возникло замешательство.

Другие роботы надвигались медленными шагами, устремив взгляд своих трех глаз на взбунтовавшихся пленников; цвет этих глаз постоянно менялся, производя жуткое впечатление.

Иолы благоразумно держались в отдалении, выжидая удобного момента, чтобы арестовать инопланетников.

И вот теперь вся эта группа металла надвигалась на Тога.

И он ударил еще раз.

С невообразимым грохотом разлетелся на куски ближайший робот, а за ним весь ряд: из-за сильнейшего короткого замыкания машины взорвались, вспыхнули искрами; посыпались куски и обломки. Электромагнетизм, исходящий от тела Тога, вывел из строя всех роботов разом, так как они касались друг друга, соединенные в единую цепь.

В крепости Нефритовых Пирамид на какое-то время воцарились переполох и смятение. А когда опомнившиеся иолы бросились искать среди обломков пленников, то обнаружили, что те исчезли.

ГЛАВА 16

И снова им помог случай.

В то время, как вихрь огня и металла уничтожал остатки роботов, Эрик и его товарищи сумели воспользоваться вполне естественным смятением иолов и углубились в лабиринт бесконечно запутанных коридоров Нефритовых Пирамид.

Через некоторое время почти все силы милиции дворца-крепости были брошены по следам беглецов. Еще гремели взрывы, а инопланетники, не встречая препятствий, уже достигли шестиугольной ротонды; от нее во все стороны, вверх и вниз расходились лестницы, а две грани образовывали герметично закрытые двери.

Здесь никого не было, и беглецы остановились, чтобы перевести дыхание. Тог буквально задыхался, израсходовав огромное количество энергии во время бегства. Все прекрасно это понимали. Природа и специальная тренировка — все это, разумеется, дало необыкновенный дар каждому из друзей, но реальное использование этих возможностей очень быстро приводило к сильному истощению организма.

Тог выложился полностью, Лууз применил свою способность к биолокации не в полную силу, но что касается Эрика, то в момент левитации, тем более без эффективной помощи ультразвука, он совершенно выдохся, и теперь ему было крайне необходимо восстановить силы.

Алоизиус и Акке, желая оказаться полезными и внести свою лепту в общее дело, начали шнырять вокруг. Куда бежать дальше? Вниз? Вверх? Взломать одну из дверей? Нужно еще определить, какую именно. В любом случае беглецы не знали, куда они ведут.

Вдруг Акке, все чувства которого были обострены, прохрипел:

— Они уже здесь!

Никто еще ничего не слышал, но Акке уже применял свои способности медиума. Он указывал пальцем на одну из лестниц, ведущих к ротонде, а минутой позже беглецы и в самом деле уже могли различить звон оружия и торопливые шаги.

Скоро иолы будут здесь, захватят ротонду и окружат пленников. Друзья, конечно, решили драться, но у них не было никакого оружия, кроме собственных организмов. Но этого теперь уже было явно недостаточно, так что в случае драки они долго бы не продержались, потому что энергетические ресурсы были на исходе.

Бежать? Но куда?

— Акке... Попробуй сосредоточиться... Ищи!

Маленький человечек побледнел, закрыл глаза и весь напрягся. Все увидели, как он задрожал.

Шаги приближались. Казалось, что отряд уже находится внизу у лестницы, на которую указал Акке.

Внезапно телепат указал на одну из дверей:

— Скорее туда... Я не уверен, но... там есть проход!

— Сейчас увидим!

Но как открыть дверь, на которой нет ни ручки, ни задвижки? Замки, разумеется были, но их не было видно.

Эрик посмотрел на Тога. Тот дышал, как загнанная лошадь, пытаясь восстановить силы и привести в порядок мысли.

В этот момент Алоизиус выдохнул:

— Они приближаются!

Тог больше не колебался. Он набрал полные легкие воздуха, бросился к двери, на которую указал Акке, и ударил.

И на этот раз энергетический потенциал человека оказался на высоте — под импульсом Тога сработала система замков, видимо, электромагнитная. Створки дверей из материала, внешне очень похожего на металл, открылись.

Иолы мчались вверх по лестнице и были уже совсем близко.

Эрик, не раздумывая, первым бросился в открытый проем. Остальные последовали за ним.

Опять случай? Или это сработал автоматический механизм? Створки дверей бесшумно скользнули за спиной беглецов, закрывая проход.

Когда отряд иолов появился в ротонде, там никого не было, беглецы вновь улетучились. Очевидно, преследователям просто не пришла в голову мысль, что их от пленников отделяет лишь одна из дверей (ведь такая сложная система замков!), поэтому они разделились на группы и бросились по четырем лестницам, расходящимся от этого перекрестка в разные стороны крепости. Вверх и вниз по лестницам, через весь дворец Нефритовых Пирамид продолжались поиски беглецов.

А в это время Эрик и его друзья находились в полной темноте, не имея ни малейшего представления о том, куда они попали. Единственное, что они сейчас почувствовали — это страшный холод. Они почувствовали его сразу, как только закрылась дверь, и теперь дрожали в этой ледяной атмосфере. Но как только глаза привыкли к темноте, беглецы стали смутно различать, что они находятся на площадке, откуда вниз ведут ступени лестницы. А оттуда, как из глубины пропасти, едва брезжил слабый свет.

Было так холодно, как бывает иногда самой суровой зимой; казалось, вот-вот начнется метель.

Осторожный Алоизиус прислушался к происходящему за дверью, через которую они только что вошли. Он даже перестал дышать, чтобы лучше слышать. По звукам за дверью можно было догадаться, что идти сюда никто не собирается, и что иолы, напротив, уходят из ротонды по разным лестницам.

— Мы не можем торчать здесь целую вечность,— проговорил

Лууз тусклым, бесцветным голосом, появившимся у него после гибели Ва-Им.

С этим нельзя было не согласиться, а так как возвращение в ротонду было опасно, то решили спускаться — выбора не было. Эрик, Лууз и Тог первыми начали спуск; за ними следом шли Алоизиус и Акке. Приходилось долго нащупывать следующую ступеньку, прежде чем опустить ногу. Чудовищный холод обжигал беглецов; ледяная атмосфера этого места была так непохожа на мягкий, нежный климат страны Нефритовых Пирамид.

Люди продолжали спуск, и чем ниже они спускались, тем больше мерзли. Это было настоящее дыхание смерти. Они уже покрылись инеем, ледяной воздух забирался под одежду, лица и руки покраснели от мороза. Эрик чувствовал, что у него замерзли нос и уши; он весь трясся в своем комбинезоне. Остальные чувствовали себя не лучше и время от времени стучали зубами. Положение было — хуже некуда, но и обратного пути тоже не было.

Они уже спустились на очень большую глубину по отношению к тому уровню, на котором находились Пирамиды с крепостью, дворцом и лабораториями, и теперь находились в подземелье. Стало еще холоднее, люди совершенно окоченели.

Эрик несколько раз споткнулся на ступеньках, которые стали скользкими, как будто их покрывал лед. Он с горечью думал о том, что без своей любимой цитры, а вернее, без звучания ее струн, без этих звуковых волн, которые так подпитывали его организм, он очень быстро выдыхался от применения левитации.

Тог тоже страшно устал. А последнее усилие для открытия двери с электромагнитной системой окончательно истощило его. Человеческие аккумуляторы не заряжаются так быстро. Лууз, пожалуй, устал меньше других, но с момента драмы на «Железной Мухе» он стал настолько замкнутым, что сейчас судить о его состоянии было трудно.

Эрик чувствовал себя отвратительно и начал оступаться все чаще и чаще. Вдруг кто-то стал поддерживать его под локоть. В полутьме он узнал Алоизиуса.

За время пребывания в крепости Нефритовых Пирамид монах совершенно преобразился. Затворничество, но зато прекрасный уход, здоровый образ жизни и отличное питание — все это сделало его другим человеком. Куда только девался тощий, костлявый и мрачный монах, который совсем недавно заседал в трибунале святой инквизиции! И вот теперь он сразу же поспешил Эрику на помощь, как только увидел, что тот едва держится на ногах.

Эрик молча принял эту помощь, и маленький отряд продолжил спуск.

Холод, казалось, еще более усилился, а темнота, наоборот, стала рассеиваться, так что беглецы уже могли более-менее видеть место,

куда они пришли. С виду это было огромное подземелье, высокие своды которого отражали слабый свет, идущий от скрытых в стене источников. Стены были темно-зеленого цвета или казались такими при этом освещении. Видимо, гигантское подземелье под дворцом было построено тоже из нефрита.

Какое-то время пленники все еще опасались погони, но теперь было ясно, что иолы потеряли их след. Но это была лишь небольшая отсрочка. Иолы не теряют времени. Обыскав весь ансамбль Нефритовых Пирамид, они начнут прочесывать подземелья.

От холода содержащаяся в воздухе влага превращалась в иней. Маленькие белые кристаллы, сверкая, медленно опускались с потолка, ложась у подножья страшной лестницы и покрывая толстым слоем пол, должно быть, тоже из нефрита.

Шатаясь, поддерживая друг друга и скользя по обледенелым плитам, инопланетники брели, сами не зная куда. Все вокруг было похоже на огромный склеп, но они уже начали замечать, что подземелье вовсе не было заброшенным, здесь виднелись какие-то странные предметы.

Людей не было. Не было также металлических роботов. В этой ледяной бездне, очевидно, царила автоматика.

Друзья пошли дальше.

Внезапно в глубине подземного зала возникло что-то ослепительно-яркое, огненно-красного цвета, поднялось и с немыслимой скоростью исчезло, окрасив снег в рубиновый оттенок. Все пятеро одновременно вздрогнули и в ужасе остановились.

— Это...

— ...огненный человек!

— А вдруг здесь их логово? Может быть, эти монстры, это страшное оружие иолов, вылетают именно отсюда?

Какое-то время все молчали, не зная, что и думать.

Первым заговорил Эрик.

— Если это так... Ведь в конце концов это наша цель — раскрыть тайну иолов.

Никто не ответил. Вырвать у иолов их тайну? Слишком рискованно, если не сказать больше. Но, с другой стороны, раз уж они здесь...

Почти машинально они двинулись дальше и увидели...

Ни одной живой души. Никакого присутствия человека. Но здесь, под землей, под гигантской нефритовой крепостью располагалась огромная установка непонятной конструкции.

В полумраке виднелись машины, назначения которых друзья не могли понять. Мерцая зловещим блеском, они больше походили на ряды демонов, затаившихся в подземелье, чем на механизмы. Слышалось постоянное мерное гудение. Все агрегаты работали в каком-то особом ритме. Чувствовалось, что все это вместе — на-

стоящий завод, причем завод самой совершенной конструкции, где все процессы запрограммированы заранее.

Беглецы продвигались все дальше и дальше, пока не увидели уходящую вдаль аллею, протянувшуюся между двумя рядами низких конструкций, также непонятных инопланетникам. Все блоки, установленные по обеим сторонам аллеи, были абсолютно идентичны и напоминали ящики длиной до трех метров и высотой около двух; стенки их отсвечивали.

Все пятеро зачарованно смотрели на них, пытаясь понять.

— Гробы!..— сказал вдруг Алоизиус.

Может быть, он был прав? Подойдя поближе, они оказались в середине аллеи, образованной двумя рядами надгробий, и теперь могли их получше рассмотреть.

— Покойники,— опять сказал Алоизиус, воспринимая вещи на земной манер.

Остальные ничего не ответили, только смотрели во все глаза. И в самом деле, под каждым «надгробием» стоял цоколь, очевидно, металлический, а на этом цоколе — нечто вроде прозрачного хрустального гроба, а может быть, и не хрустального, но из очень похожего материала. В каждом из этих диковинных саркофагов лежал человек.

Иолы. Инопланетники уже довольно хорошо изучили расу врагов Тераклы. Худощавые, высокого роста, изящные и в то же время мускулистые — таковы, в основном, были представители расы иолов. Те, которые лежали здесь, были неподвижны, с закрытыми глазами. Но при ближайшем рассмотрении они не казались мертвыми. Было очевидно, что они жили. Сон? Анабиоз? Гипноз?

Ни Эрик, ни Алоизиус, ни даже Лууз, Тог и Акке, не могли этого сказать. Они просто смотрели, вот и все.

— Они спят!

— Да. Кажется, они дышат... но очень слабо!

Лежащие в саркофагах иолы были обнажены по пояс и одеты лишь в прилегающие брюки, которые составляли часть формы их милиции; возможно, они принадлежали к вооруженным силам. Действительно, все они были молодые и крепкие, настоящие воины. У каждого из них на животе в районе солнечного сплетения лежала маленькая металлическая коробка, по форме напоминающая звезду, которая сверкала, переливалась различными цветами, бьющими в глаза.

Вдруг к криками ужаса друзья бросились назад.

«Гробница», стоящая почти рядом с ними, внешне не изменилась, но над крышкой саркофага неожиданно появился огромный факел. Скованные ужасом друзья увидели, как в одно мгновение сформировался человеческий силуэт, метнулся вверх, к своду подземелья, и исчез так же молниеносно, как и появился.

С пересохшим горлом и задыхаясь, они выкрикивали:

— Огненный человек!

— Смотрите!.. Еще один!

— А вот еще... и еще... Сколько же их?

Из саркофагов, где лежали спящие иолы, один за другим появлялись огненные существа, взмывали вверх и исчезали. Когда инопланетники немного пришли в себя, то заметили отверстие в сводчатом потолке — через эти отверстия и исчезали дьявольские создания.

Лууз заговорил вполголоса:

— Именно здесь они их создают, этих пылающих дьяволов... Огненные люди возникают из человеческого организма... Человека охлаждают, после чего его жизненная сила катализируется этой звездой... Иолы преобразуются только им известным способом, преобразуют своих воинов в существа, состоящие из пламени, и...

Неожиданно под сводами подземелья раздался голос, усиленный микрофоном, говоривший на том наречии Тераклы, которое все хорошо знали:

— Вы все прекрасно объяснили, господин Лууз... Уроженцы Проциона всегда отличались высоким умом и образованием... Вы совершенно правильно поняли нашу систему... Но вы должны понимать также и то, что вы и ваши друзья знаете теперь слишком много... И ни один из ваших союзников с Тераклы не должен быть в курсе, откуда и как появляются наши огненные воины...

Пятеро инопланетников сделали попытку отреагировать, но было уже слишком поздно.

Все они совершенно выбились из сил, хотя Эрик и попробовал взлететь, Тог — сделать несколько ударов, а Лууз раздвоиться. Они были окружены со всех сторон толпой иолов; охранники появились из всех углов подземелья.

В одно мгновение их повалили на землю, связали и поволокли прочь из этого фантастического подземелья, служившего инкубатором для огненных воинов, рождающихся из человеческих организмов волей непостижимой науки иолов.

Немного позже фарч, командующий отрядом людей и металлических демонов и имеющий приказ ни на минуту не сводить глаз с пленников, объявил:

— Отныне вы объявлены особо опасными. Мы не можем больше оказывать вам ни малейшего доверия, и теперь вы послужите материалом для опытов, проводимых нашими исследователями... Вы все — исключительные личности, и мы надеемся с помощью нашей науки получить самые удовлетворительные результаты, досконально изучив ваши организмы.

Глава 17

Кому впервые пришла в голову идея создания этих дьявольских существ? В таком общественном укладе, как у иолов, любое открытие оставалось анонимным. Идивидуальная мысль растворялась в массе других и имела ценность лишь постольку, поскольку могла служить на благо и в интересах общества.

Теперь уже невозможно было узнать, кто из иолов придумал использовать пленных как материал для исследований, чтобы узнать, наконец, секрет звука, ультразвука и порождающей их вибрации, способной уничтожать доселе неуязвимых пылающих призраков, которых создавала криогенная система путем мутации тепловой жизненной энергии, полученной из погруженных в состояние абсолютного покоя человеческих существ.

Огромные силуэты Нефритовых Пирамид поднимались в небо Гурра. За этими гигантскими твердынями простиралась сильно пересеченная местность; на горизонте вставали высокие отвесные горы — там была граница Страны Оживающего Воздуха.

Как всегда на центральной эспланаде проходили учения военной милиции иолов. Но теперь по инициативе того, кто опять-таки остался неизвестным, между двумя Пирамидами установили любопытное устройство.

Это был ряд арф различных размеров. Рамки этих арф, на которые натягивались струны, имели самую различную геометрию; таким образом можно было изменять поверхность вибрации. Струны, кстати, тоже были иготовлены из различных материалов: из металла, стекла, растительных веществ и даже из жил животных. Использовали также необыкновенно прочный шелк, получаемый из выделений гигантских пауков, обитающих в соседнем лесу — нити из этого шелка не имели равных по прочности, гибкости и эластичности.

Фантастические арфы, арфы страдания и смерти.

Специально подобранные команды аудиофонических техников трудились день и ночь. Кроме основной задачи — понять, как неизвестные звуковые гармоники воздействуют на пылающих призраков, необходимо было самым тщательным образом измерить эффект влияния всей этой «симфонии» на человеческий организм. В качестве подопытных кроликов, естественно, взяли пятерых инопланетников — терять им было нечего, судьба их была предрешена, и всем было известно, что через какое-то время их быстренько дезинтегрируют.

Но перед этим иолы хотели узнать все, что только возможно, об этих пришельцах из других миров, которые сами захотели сунуть голову в волчью пасть.

В течение многих дней Эрик, Тог, Алоизиус, Луун и Акке под-

вергались допросам, тестам, зондированию, анализам, психоанализам, радиографии, электродиаграфии, электрокардиографии и так далее.

По общей договоренности они вели себя пассивно. Никто не проявлял своего дара. Они постоянно твердили своим мучителям, что они — обычные люди, а «это» появляется у них стихийно и только в момент сильных эмоций, как неожиданный и неосознанный рефлекс.

Больше ничего иолам не удалось из них вытянуть.

Проще всего было притворяться Алоизиусу, потому что он и в самом деле не имел никаких особенных достоинств. Акке также удалось скрыть свои возможности телепата. Лууз был как никогда мрачен и относился ко всему с полным безразличием. Труднее всего было Тогу и Эрику — электродинамическая сила первого и способность к левитации второго были хорошо известны иолам.

Если их еще не подвергали пыткам, то, по всей видимости, потому, что надеялись вырвать максимум информации.

С этих сеансов, которые длились часами, пленники возвращались совершенно измотанными, и физические исследования (радиография, уколы, анализы и тому подобное) казались им все же не такими страшными, как те многочисленные вопросы, которыми засыпали их ученые-физики, не прибегающие, как это часто бывает даже в других мирах, к элементарной психологии.

Иолы уже начинали понимать, что им вряд ли удастся вытянуть из пленников еще что-нибудь сверх того, что они уже знают, а они считали, что знают уже достаточно. Дальнейшие сеансы могли привести к полной потере необычайных возможностей инопланетников, поэтому их передали в распоряжение исследователей несколько иного свойства.

У основания гигантского устройства, удерживающего набор арф, сделанных по образу и подобию той, что изготовили тераклианцы и которую сняли с обтекателя «Железной Мухи», лежал человек, распластанный и крепко привязанный к специально изготовленному цоколю. От него к различным контрольным приборам, на которых мерцали циферблаты, лампочки и зуммеры, тянулись многочисленные провода, и все это вместе должно было регистрировать импульсы, исходящие от человеческого организма.

Этим человеком был Тог. Иолы решили использовать такой прием не только для того, чтобы выяснить неизвестную и странную природу генерирования электрической силы в его теле, но и сопоставить это явление с большим диапазоном звуковых колебаний, которые извлекались из огромного количества струн, натянутых между Нефритовыми Пирамидами.

Рядом с несчастным, который лежал, подняв глаза к небу, не в силах шевельнуться, находились еще четыре жертвы.

Эрик, Лууз, Акке и Алоизиус.

От них хотели получить другие результаты.

Не принимая во внимание, что Эрик может летать, а Лууз раздваиваться, их накрепко привязали струной от арфы к двум другим пленникам. Затем, их, как и беднягу Тога, подсоединили проводами к контрольным приборам. Целая армия техников хлопотала и суетилась вокруг.

Пытка началась.

Сначала собирались посмотреть, что даст простая гамма звуков, затем, более сложная. Потом — для этого прибегли к помощи талантливых музыкантов — начали сочинять целые симфонии, иногда очень гармоничные по содержанию, а иногда — настоящую какофонию — подобная музыка захлестнет родную планету Эрика несколько веков спустя, когда общий хаос Великого Декаданса проникнет и в живопись, и в музыку.

Какое-то время Эрик и его спутники ничего особенного не ощущали. Они были только слегка оглушены и ошарашены водопадом звуков, который обрушился на них, но в целом все это было вполне сносно.

Стало гораздо хуже, когда в игру вступили диссонансы.

Расположенные вплотную к источнику вибрации, четверо пленников и Тог вместе с ними испытывали адские муки, тем более, что струны были сделаны из разных материалов, в результате чего звучали совершенно по-разному.

Дрожь волнами пробегала по коже вместе с тем, как звучали то приятные, то диссонирующие звуки; гармония быстро сменялась крайней дисгармонией, и пленники мгновенно переходили от величайшей эйфории к абсолютному раздражению, от наслаждения, рожденного мощными прекрасными аккордами, к невыносимому скрежету, который посредством вживленных в их тело многочисленных электродов электромагнитной системы приводил их в состояние ожесточения, тоски, щемящей душевной боли, которую невозможно описать словами, осознать, но которая жгла раскаленным железом, разрывала на части волнами, и эти волны, иногда противоречивые, сталкивались между собой и уходили, оставляя их задыхаться до следующего прилива, который обрушивался новым потоком звуков и шумов, от самых низких и сверхвысоких, достигая иногда немыслимой частоты.

И это продолжалось, продолжалось...

Иолы сгрудились вокруг своих приборов и, не отрываясь, наблюдали за результатами эксперимента, не испытывая при этом никакого сочувствия к несчастным пленникам, у которых шел мороз по коже от этого в высшей степени интересного и поучительного опыта.

Наконец они решили, что на этот раз достаточно, а то, неровен

час, подопытные не выдержат и сойдут с ума. Их отвели в уединенный район, которым командовал фарч со своей безжалостной командой. Вполне естественно, что здесь уже не было очаровательных сиделок, зато сколько угодно металлических демонов.

Их практически не оставляли одних, разве что на время сна. Теперь они жили в большой камере, которая тщательно запиралась на ночь. Измотанные сеансами допросов и экспериментами, несчастные пленники, возвращаясь, без сил валились на койки, но даже во время короткого отдыха боль, полученная во время ужасных сеансов, не отпускала.

Сеансы велись в любое время. Просыпаясь утром, пленники не знали, придут за ними или нет. Роботы не сводили с них глаз.

Они чувствовали, что выдыхаются, что снова начинают утрачивать свой дар. И однажды ночью, спустя два или три дня после серии экспериментов, им наконец удалось поговорить.

Друзья пытались представить себе, что сейчас происходит в Теракла-Майор. Они не имели никакого представления о событиях на Гуур за последнее время. Было немыслимо, чтобы их союзники до сих пор не начали поиски «Железной Мухи». Была надежда, что тераклианцы придут спасать их, даже если для этого им придется ввязаться в конфликт.

Эрик вновь попытался установить мысленный контакт с Одд. Ему было известно, что телепатическая связь легче возникала между близкими людьми. Но, очевидно, из-за очень большого расстояния между Нефритовыми Пирамидами и Теракла-Майор у него ничего не получалось.

Итак, друзья тихо совещались, боясь быть услышанными и не исключая возможности установки в их камере микрофонов-жучков. Они уже начали отчаиваться, прекрасно понимая, что иолы по окончании своих экспериментов просто-напросто их аннигилируют.

Эрик рассказал о своих попытках связаться с прекрасной Одд. Вдруг Акке прошептал:

— А что, если я попробую стать твоим ретранслятором?

— Что ты хочешь сказать?

— На моей родине со мной проводили такие опыты. Ты знаешь, что мой мозг может посылать очень сильные излучения, и часто я могу видеть предметы, находящиеся очень далеко?

— Да. Ну и что?

— Ты пытаешься установить контакт с Одд... У тебя не получается... Так вот что я хочу предложить: ты будешь обращаться к Одд через мою мысль, а я буду ретранслятором. Или, по крайней мере, попробую ретранслировать,— скромно добавил маленький человечек.— Иногда я, знаешь ли, способен на серьезные вещи...

Эрик подскочил.

— Что же ты раньше не сказал?

— Но мы об этом никогда не говорили!

— Ну что ж, попробуем?

Остальные трое внимательно слушали их разговор. Совершенно измотанный Тог, из которого ушел весь его электрический потенциал, был рад любому, даже самому безнадежному проблеску надежды на спасение. Алоизиус после ежедневных пыток совсем ушел в себя и поэтому встретил предложение Акке довольно равнодушно. В последнее время он вообще часто впадал в задумчивость, видимо, размышляя вовсе не о своем прежнем ремесле. Лууз был отрешен от мира сего, все еще находясь во власти своего горя.

Эрик и Акке начали делать попытки установить мысленную связь. В эту ночь никто не мог заснуть. Трубадур и Акке достигли некоторых результатов в передаче мысли друг другу, но было совершенно очевидно, что им не хватает тренировки. Наступил рассвет, но все попытки были безрезультатны.

Вскоре появились иолы, и несчастным пленникам пришлось пережить еще один ужасный день. Тога опять распластали на земле, подключив к нему электроды, а остальных подвесили между струн фантастических антенн-арф исключительно с научными целями.

Затем вызвали огненный легион, чтобы испытывать воздействие звуковых волн, излучаемых огромным источником звука. Иногда некоторые пылающие существа заметно слабели, что означало появление частоты, вредной для их экстрабиологической конституции. Такие случаи иолы изучали неистово, страстно, а затем, к великому несчастью пленников, повторяли опыт.

В этот вечер все они были еле живы, но Эрик, стиснув зубы, не давал покоя Акке, пытаясь снова послать мысль на расстояние.

Но понадобилось еще три ночи, пока это им удалось.

Передача рождалась в мозгу трубадура, ее тотчас же подхватывал человек со Спики и, вкладывая все силы, старался передать в Теракла-Майор.

И вот, наконец, результат.

В сознании обоих мужчин внезапно возник образ, правда, еще туманный, ускользающий, удаляющийся. Но Эрик узнал, и сердце его забилось. Это был образ белокурой молодой женщины, это была она... Одд... Одд из Теракла-Майор!

Эрик звал ее, сосредоточив всю энергию. Передача шла на такой высокой частоте, что Акке морщился, чувствуя, как через его мозг молнией пролетает мысль Эрика. И наконец оба почувствовали, что пришел ответ.

Где-то далеко, в Теракла-Майор, Одд, охваченная необъяснимым предчувствием, уловила контакт. Она попыталась ответить, сначала робко, нащупывая длину волны. Постепенно в ее воображении возник слабый, но четкий образ Эрика, того Эрика, которого она привезла с планеты Земля и который был ее любовником.

Поскольку она была в курсе дела и, кроме того, имела научный склад ума, то сейчас же погрузилась в состояние, способствующее наилучшему приему.

Начала поступать информация.

Медленно, с большим трудом, едва улавливая искаженные, слабые, ускользающие импульсы, Одд старалась разобрать содержание передачи. Было ясно, что говорит Эрик: «Железная Муха» погибла в катастрофе, в живых остались четверо — все инопланетники, они захвачены в плен и сейчас находятся в крепости Нефритовых Пирамид. Она вздрогнула, узнав, что им теперь известна тайна иолов.

Одд ответила успокаивающей и, одновременно, ласковой мыслью, обещая Эрику немедленно все передать властям Теракла-Майор. На этом контакт прервали — опустошенные, измученные Эрик и Акке с одной стороны, и Одд — с другой.

Теперь у пленников появилась надежда.

А иолы спешили. Инопланетников снова подвергли два раза подряд ужасному эффекту воздействия антенны-арфы. Исследования, похоже, приближались к концу. Скоро тайна звуковых волн перестанет быть тайной.

Между тем, сеансы отнимали у пленников последние силы. Их поддерживала лишь надежда на спасение. Во время нового контакта, такого же трудного, как и предыдущий, Одд сообщила, что Теракла готовит экспедицию, чтобы окончательно покончить с Нефритовыми Пирамидами. Иолы, наверняка отреагируют немедленно, и тогда, под шумок, можно будет организовать новый побег. А в том, что будет бой и осада крепости, пленники не сомневались.

К несчастью, они были безоружны. Лишенный своих флюидов, Тог мало на что годился. Эрик не мог больше летать. Лууз мрачно заметил, что его биолокации надолго не хватит.

Ночью Лууз сел рядом с Эриком:

— Я должен тебе кое-что сказать. Это касается Тога...

— Говори, я слушаю.

— Это очень важно. Собственно говоря, я узнал об этом от Акке... Он прочитал мысли Тога. Это получилось случайно, когда он искал контакт с Одд для тебя... Волны иногда пересекаются.

— И что он тебе сказал?

— Он сказал, что Тог все еще может здорово помочь нам во время побега... он может снова обрести свою электрическую силу!

— Но как, ради всего святого!

— Есть один способ, но он не хочет о нем сказать...

Лууз наклонился и прошептал Эрику на ухо несколько фраз. Даже в полумраке было видно, что Эрик побледнел.

— Ты уверен?

— Абсолютно. А он потому молчит, что не хочет, не может просить нас об этом...

Эрик сжал руку друга.

— Спасибо... Мы что-нибудь придумаем...

Этой ночью они тоже не могли заснуть.

Днем за ними не пришли; видимо, иолы были заняты другим делом. Наверное, обрабатывали и классифицировали результаты своих экспериментов.

Вечером того же дня к Тогу подсели его спутники.

— Тог, мы все знаем...

— Что знаете?

— Не будь идиотом! Мы знаем, что ты из-за своей щепетильности не хочешь вернуть свои силы... Ты ведь прекрасно знаешь, как это сделать!

Человек с Эридана вскочил.

— Как вы узнали?

— Я прочитал твои мысли... совершенно случайно,— признался Акке.

Тог ужасно расстроился.

— Мы понимаем, ты не хотел пугать нас,— тихо сказал Эрик.— Спасибо за это. Но послушай, Одд сообщила, что скоро сюда придут тераклианцы. Мы не можем сидеть сложа руки. Это наш последний шанс. Нам нужно выбраться отсюда любой ценой. Но мы ничего не сможем сделать без тебя. Только ты один можешь уничтожить металлических демонов. Конечно, мы с Луузом тоже сделаем все возможное... А без твоих флюидов у нас ничего не выйдет... Ну что, ты согласен?

Тог молча кивнул.

— Тог... Ты можешь вернуть свою силу... Для этого тебе нужна кровь... человеческая кровь... Свежая! Живая! И ты снова надолго станешь самим собой, каким бы усталым, каким бы опустошенным ты ни был. Нужно, чтобы ты согласился выпить кровь кого-нибудь из нас в тот момент, когда тераклианцы атакуют! Так надо!

Тог закрыл лицо руками. Да, это была правда. Он знал, и так уже бывало на его родине — он становился сильным и эффективным, как никогда, если его накормить таким вампирическим способом. Но сейчас все в нем восставало против этого.

Он попросил, чтобы его отпустили спать, на самом же деле он хотел подумать над предложением Эрика, которого, кстати, поддерживали все остальные. Ждать пришлось недолго.

Через два дня, после очередного сеанса, еще более жестокого, чем предыдущие, Эрик в паре с Акке получили мысль Одд и узнали, что к Нефритовым Пирамидам направляется целая эскадра кораблей типа «Железной Мухи».

И вот посреди ночи они поняли, что началась атака. Иолы мгновенно поднялись по тревоге, и скоро шум боя уже гремел между Нефритовыми Пирамидами.

Вскочив на ноги, пятеро пленников лихорадочно одевались. Потом все посмотрели на Тога. Тот все еще колебался.

Эрик, улыбаясь, подошел к нему:

— У нас нет оружия... нет даже ножа. Иолы отобрали все... Но у тебя есть зубы, Тог!

Эрик разделся не спеша по пояс и приблизился к нему. Тога слегка трясло.

— Быстрее! Кусай! Пей кровь! И снова будешь сильным! Ты уничтожишь этих металлических сторожей!

Но тут вперед бросился Алоизиус и оттолкнул Эрика.

— Нет! Оставь Я... послушай, Тог, я не хочу, чтобы ты пил кровь Эрика... Возьми мою...

Тог покачал головой.

— Благодарю тебя, Алоизиус, но... понимаешь... ты уже не так молод, как Эрик. Действительно, мне нужна кровь, чтобы вернуть свой дар, но это должна быть кровь молодого и сильного человека.

Опустив голову, Алоизиус отступил. Да, его жертва никому не нужна. Он стар, и кровь его тоже стара и бессильна.

Эрик пожал монаху руку. Алоизиус испустил вздох, похожий на рыдание. Трубадур слегка отодвинул его в сторону и снова подошел к Тогу, указывая пальцем на грудь.

— Давай, Тог. Возьми кровь прямо из сердца...

Потрясенные Лууз и Акке молчали.

Тог прохрипел:

— Прости меня, Эрик...

Наклонившись вперед, он обнажил волчьи зубы...

Послышался грохот, похожий на раскаты грома. Это эскадрилья «Железных Мух» начала бомбардировку Нефритовых Пирамид.

Глава 18

Над Пирамидами бушевал бой. Тераклианцы использовали корабли, близкие по классу к «Железной Мухе». Перед тем, как броситься в пике на Нефритовые Пирамиды, армада шла на очень большой высоте. Иолы всегда находились в боевой готовности и имели превосходное вооружение, но умелое наведение помех на их радары позволило тераклианцам миновать системы обнаружения и появиться неожиданно.

Защитники крепости быстро справились с растерянностью и тотчас использовали все средства для отражения нападения. Необыкновенно точным огнем уже были сбиты две «Железные Мухи», мгновенно исчезнувшие в вихре пламени.

И все же тераклианцы пока что имели преимущество, даже несмотря на фактор внезапности. Они активно продолжали блоки-

ровку Нефритовых Пирамид, и одна из четырех гигантских башен уже была серьезно повреждена — дезинтегрирующими снарядами у нее буквально срезало вершину.

Эскадра иолов готовилась к взлету, и скоро бой уже кипел в небе, вперемешку со страшными ударами с земли и из крепости.

Ночь Гуура озарилась кровавым светом. Сверкающие стрелы, яркие, как молния, вспышки, взрывы, удары, рушащиеся вниз обломки — все слилось в сплошном кошмаре.

Иолы хорошо знали своего противника, но такого нападения явно не ожидали.

Собственно, идея проведения этой операции появилась в Теракла-Майор после мысленной передачи, которую Эрик с помощью исключительного мозга Акке удалось транслировать Одд.

Молодая женщина сделала краткий отчет, особо обратив внимание на следующее:

Инопланетники, единственные, кто остался в живых от экспедиции, находятся в Пирамидах в качестве пленников; каким-то образом им удалось раскрыть тайну огненных легионов, что и было основной целью их миссии. Фантастические огненные существа в течение многих лет приводили Тераклу в отчаяние. Тераклианцам никогда не удавалось противостоять им вплоть до появления трубадура с планеты Земля. Большая надежда возлагалась на антенны-арфы, которые уже дали прекрасные результаты. И вот пленники сообщают своим союзникам, что им стало известно, каким образом иолы создают огненный десант. Это было последнее недостающее звено головоломки, с помощью которого в Теракла-Майор надеялись победить враждебную расу раз и навсегда.

Бой в небе над Пирамидами и вокруг них принимал все более сложный характер. Мертвые и раненые устилали широкую площадь центральной эспланады, с которой в небо, в направлении «Железных Мух», уставился ряд гигантских труб, изрыгающих огонь и смерть. Однако теперь стрельба с земли осложнялась присутствием в небе воздушных кораблей иолов — стреляя по противнику, можно было задеть и своего.

А глубоко под землей в ледяном гроте кипела работа, лихорадочная работа. Сюда примчался десант, и воины, вместо того, чтобы спешить на поле боя, быстро укладывались в прозрачные саркофаги. Вокруг хлопотала команда техников; на живот каждого солдата устанавливали некую металлическую коробку с таинственным, переливающимся разными цветами, устройством в форме звезды.

В ледяной атмосфере подземелья, где со сводов медленно опускались кристаллы льда, лаборанты что-то соединяли, подключали, чтобы как можно скорее привести этих живых покойников в состо-

яние каталепсии, одеревенения, необходимое для катализации их термий.

С помощью гениально сконструированного преобразователя эти термии приобретали человеческий облик и нечто вроде астрального пылающего тела, которое поднималось над саркофагом, а затем через отверстия в сводах вылетало наверх, чтобы занять свои места в огненном легионе, который уже начал формироваться между Пирамидами.

Появление огненного десанта сразу же связало действия «Железных Мух». Это было то, чего тераклианцы опасались больше всего. Дело в том, что антенной-арфой был оборудован лишь корабль разведывательной экспедиции, тот, на котором летели инопланетники. На боевых кораблях антенн не было, поэтому десант пылающих существ сразу же нанес эскадре Тераклы серьезные повреждения; кроме того, ее беспрестанно атаковали воздушные корабли иолов.

Но тут произошли события, которые резко изменили ход битвы.

Слишком занятые обороной, защитники Пирамид на время совсем забыли о своих пленниках. Вообще-то, во время сражения пролетел слух о том, что уничтожено много роботов, но тогда никому и в голову не приходило, что это дело рук беглецов. Естественно, думали, что металлические демоны погибли во время бомбардировки, которая, кстати, ни на миг не прекращалась.

И вот, на эспланаде, в полыхающем свете сражения вдруг появился маленький отряд.

Фантастический ураган огня, металла, лазерных лучей, ослепительных вспышек дезинтеграторов, которые воедино связали землю и небо и бросали зловещие блики на полированные, сверкающие грани Пирамид, четко высвечивал силуэты пятерых пленников, появившихся из глубины крепости.

Впереди решительным шагом шел мощный, приземистый человек. Этот человек сметал своими кулаками все, что попадалось на пути; от него во все стороны летели искры.

Несмотря на общее смятение, некоторые иолы пытались стрелять в него. Но стоило кому-то поднять оружие, как его тут же окружала толпа невесть откуда взявшихся людей. Каждый, кто знал Лууза, мог бы с уверенностью сказать, что любой из этих персонажей — Лууз, и только Лууз. Но каждый раз этого было достаточно, чтобы привести в замешательство стрелка и дать время человеку с Эридана подскочить к противнику и покончить с ним, свалить на землю в брызгах искр и оставить в судорогах.

Сзади Тога шел молодой человек с обнаженной грудью. У левого соска зияла кровавая рана — след от укуса Тога, который разорвал его кожу, чтобы напиться крови прямо из сердца. Тогда Тог страдал не меньше, чем тот, чью кожу он рвал зубами. Зато он ввo-

лю напился эликсира жизни, и, полностью опустошенный, вновь обрел колоссальную силу, которая удвоила его невероятный электродинамический потенциал.

Эрик был бледен, истощен. Он едва шел, с двух сторон его поддерживали Акке и Алоизиус. Группу замыкал мрачный и молчаливый, но предельно внимательный Лууз. Он замечал малейшие детали боя и успевал множиться каждый раз, когда какой-либо иол угрожал Тогу.

Настоящий град зарядов рушился на Нефритовые Пирамиды. Иолы дрогнули. Им казалось, что битва уже проиграна, инициатива полностью перешла к эскадре «Железных Мух». Оставалась последняя надежда на действия огненного легиона. Тем более, что в эскадре Тераклы, на которую обрушилась атака практически неуязвимых огненных воинов, не было ни одного корабля, снабженного антенной-арфой.

Тераклианцы, выиграв начало битвы, теперь уже начали опасаться, что удача изменила им: огненные призраки иолов, пронзая ночь своими фантастическими силуэтами, наносили страшные удары кораблям проникая на борт с непостижимой скоростью.

— Я должен... я должен... помогите мне! — прохрипел Эрик.

Тог по-прежнему бежал впереди, успевая наносить смертельные удары остаткам иолов, бегущих по эспланаде; вслед за ним спешил Эрик, прикрываемый фантомами, рожденными биолокацией Лууза. Друзья все так же поддерживали его с двух сторон.

В неописуемой суматохе, освещенной жутким заревом битвы, трубадур добрался, наконец, до подножья антенн-арф, построенного иолами, который был для него и его друзей орудием пытки в научных целях. Эрик стиснул зубы. Он крайне ослаб от потери крови и был неспособен даже к малейшей попытке левитации. Но он знал также, что нужно действовать и как можно быстрее...

Акке и Алоизиус поддерживали его, почти несли, и вот, наконец, они достигли подножья гигантской паутины, сплетенной из струн.

Над ними в небе яростно кипел бой. Со страшным грохотом рушились на землю корабли иолов и «Железные Мухи», вспыхивали, разлетались на куски, разбрасывая вокруг безжизненные или еще дергающиеся в судорогах тела, которые тут же разбивались на эспланаде или на окровавленных гранях Нефритовых Пирамид.

Огненные чудовища вились вокруг «Железных Мух» подобно ядовитым насекомым, чьи удары были невозможно отразить.

И вдруг, среди всеобщего хаоса и грохота, к небу, обезумевшему от ужаса, стала подниматься необыкновенная мелодия.

Поддерживаемый своими спутниками, защищенный одновременно Тогом и Луузом (оба были уже на пределе своих магических свойств), Эрик вложил в эту мелодию всю силу своего таланта.

Дрожащими руками он ласкал, трогал, щипал многочисленные

струны, совсем не так, как это делали невежественные в данном отношении иолы, а прекрасно, гармонично, рационально, мягко. Он извлекал из титанической арфы, построенной иолами, аккорды, и мощная вибрация струн заполняла воздух, пробиваясь сквозь грохот сражения, сотрясала слои атмосферы и поднималась, поднималась к небесам над Нефритовыми Пирамидами, где кружились военные корабли противников, где тераклианцы сражались против иолов и где легионы пылающих воинов уже начали склонять чашу весов в сторону народа, к которому они принадлежали.

В стане врагов наступило смятение. Все вдруг заметили, что на огненный десант снова действует непонятная сила. Под воздействием мелодичных звуков, извлекаемых умелыми пальцами трубадура, пылающие фантомы превращались в лохмотья, расплывались, так что теперь побежденную термию нужно было снова интегрировать в ледяном гроте из человеческих организмов.

Несколько фарчей пытались привести свои войска в порядок, но уже началась паника, и их никто не слушал. С одной стороны, огненный легион таял на глазах, лишая Пирамиды своей надежной защиты, с другой стороны, роботы, эти металлические чудовища, на которых возлагали столько надежд, были практически все уничтожены кулаками электрического человека.

Последнее каре иолов еще держалось, но тераклианцы, высадив десант, уже начали их окружать. «Железные Мухи» садились вокруг Пирамид и прямо на эспланаде.

Эта последняя смертельная схватка была для иолов делом чести. Но что окончательно завершило их разгром, так это внезапное появление группы призрачных людей. Луузы, Луузы, Луузы — все они были похожи друг на друга; казалось, что это галлюцинация. Конечно, будь они из плоти и крови, с ними можно было бы быстро покончить, но, к несчастью для иолов, их удары уходили в пустоту. У основания антенны-арфы стоял еще один Лууз с искаженным от усилия лицом, со стиснутыми зубами, на пределе своих сил.

Лууз, человек с Проциона, использовал весь свой дар без остатка. Он прекрасно понимал, что долго в таком ритме не продержится. Никогда еще Луузу не приходилось осуществлять биолокацию в таком объеме. Его размноженные образы были настолько реальны, так мастерски исполнены, что иолы постоянно ошибались и уже заметно нервничали, поражая нападающих на них людей, которые на самом деле оказывались эктоплазмой.

Тем временем тераклианцы захватывали позиции вокруг Нефритовых Пирамид и даже внутри крепости.

Как обычно, среди сражающихся были женщины, а среди них, разумеется, Одд, прекрасная воительница Одд, бегущая во главе самого первого отряда на поиски инопланетников, на поиски близкого ее сердцу Эрика, который сумел позвать ее из такой дали.

Продвигаясь среди трупов и обломков разрушенных роботов, Одд и ее солдаты покончили с последним оплотом сопротивления иолов. Шаг за шагом тераклианцы захватывали Пирамиды.

Поднималась заря в зловещем отблеске пожаров, которые разгорались то тут, то там среди обломков воздушных кораблей обеих армий. Изнемогающий Эрик слабо улыбался, глядя на склонившееся над ним прекрасное лицо, чувствуя ласковое прикосновение. Акке и Алоизиус растроганно смотрели на них.

К сожалению, потерявшего силы Тога пришлось транспортировать на борт летающего корабля и поручить заботам медицинских служб, но вернуть к жизни Лууза не удалось. В этом последнем бою человек с Проциона вышел за предел своих возможностей. Он использовал для биолокации весь резерв своей энергии, прекрасно понимая, на что идет. Он отдал жизнь, чтобы спасти своих друзей.

Огромный грот заполнили тераклианцы, которых привел туда Эрик. Тайны легионов огненного войска больше не существовало.

Это была полная победа.

В дни, последующие за триумфом Тераклы, Эрик, Тог и Алоизиус были на вершине счастья.

В Теракла-Майор их чествовали как героев. Правда общую радость омрачала героическая гибель Лууза, но многие понимали его поступок. Он все равно был бы неутешен после утраты Ва-Им. Тог возвращался к жизни. Эрик вкушал чудесные мгновения рядом с Одд. Что касается Алоизиуса, то он полностью преобразился и теперь приобщался к жизни на Гууре, и вообще к жизни в обществе очаровательной «воспитательницы», которую уже не пытался избегать.

Время шло...

Одд, тонкая натура, стала замечать, что Эрик, несмотря на приятную жизнь, временами становится задумчивым, меланхоличным. Она поделилась этим наблюдением с высокими властями. Правители Теракла-Майор, ставшие к этому времени хозяевами всей планеты, приказали привести трубадура.

— Сеньор Эрик,— сказали ему,— вы знаете, и мы тоже знаем, что мы вам обязаны, и наша признательность не имеет границ. Мир торжествует на Гууре, и это стало возможным только благодаря вам. Одд поделилась с нами своей тревогой о вашей грусти и скорби. Скажите, что вы желаете? Не стесняйтесь! Говорите! Мы готовы сделать для вас все, что лежит в пределах наших возможностей.

Эрик кусал губы. Затем с грустью в глазах повернулся к Одд.

— Прости,— сказал он.— Но ведь я землянин! И я хочу вернуться.

ТУРНИР ДЕ КРЕВЕРА

1

Снег. Всюду глубокий нетронутый снег. Холмы, равнины, лес — все покрыто пушистым белым ковром; с неба, по которому плывут рваные сероватые облака, падают снежинки.

Мороз разукрасил вершины деревьев, осыпав их сверкающими кристаллами, заковал в ледяные тиски пруды и озера, расписав их зимними узорами.

Иногда слышен тихий крик. Жалобный. Робкий. Это птица. Ей страшно. Ей холодно. Она не может понять. Тихий голос в белом безмолвии.

Издалека раздается вой, затем, снова глубокая тишина. Волки... Их гложет голод; говорят, уже вторую ночь они подходят к самой деревне. Сьер де Кревкер собирается организовать облаву, в которой должны участвовать знатные сеньоры, вилланы и горожане.

Ходят и другие слухи. Но об этом говорят шепотом. После того, что случилось с трубадуром Эриком, приходится быть осторожным... У инквизиции везде есть уши. А между тем...

«Это» видели охотники, хотя кое-кто утверждает, что им только показалось...

В равнодушном небе, которое из-за снегопада невозможно было отличить от земли, появился монстр. Никому не известное чудовище? И тем не менее, несколько месяцев назад его видели абсолютно все. Что это? Дракон? Летающий шар? Что бы это ни было, гонители невинных животных испытали самый сильный ужас во всей своей жизни. Одно дело — с удовольствием убивать несчастных лесных обитателей, чтобы потом хвастаться этими жестокими убий-

ствами, но совсем другое дело — встретить огромного летающего демона, который шипел, как тысяча гигантских змей. Виллапы, которые смело идут толпой на кабаниху с молодыми поросятами, при этом зрелище сразу же зарылись в снег, трясясь больше от страха, чем от холода.

Молчаливое согласие, общий страх, внушаемый одновременно замком и церквью — меньше говори о том, что видел.

А в это время в глубине леса шли два человека.

Два человека, которые родились на Земле, но, заброшенные волей судьбы в другие миры, они сами стали совершенно другими.

Один из них — юноша, другой — согбенный под тяжестью лет, но еще сильный человек.

Было очевидно, что они хорошо знали дракона, хозяина летающего шара. Во всяком случае, они очень тепло попрощались с ним, и, кажется, у обоих, особенно у молодого человека, в глазах блеснули слезы, мгновенно застывшие на ледяном ветру. Потом они ушли в глубину леса, который, похоже, был хорошо им знаком. По крайней мере, юноша прекрасно здесь ориентировался и уверенно шел вперед, несмотря на глубокий снег. Оба несли довольно тяжелый груз. Что же они несли? Видимо, это были очень ценные вещи, неизвестные на родной планете, которые очень скоро удивят местных жителей.

Вдали выли волки, но люди не обращали на них внимания. Известно, что волк никогда не нападет первым на человека. Впрочем, у них было чем защититься и от хищников, и от людей. А насчет людей на этой планете они не строили никаких иллюзий.

Никто не знал и о том, что молодой человек тайно, под покровом ночи, пробрался в один из домов поселка. Торговец сукном и его жена, оба вне себя от радости, вновь видели перед собой сына, своего сына, которого, казалось, они потеряли навеки — ведь его унес летающий дракон прямо из пламени очистительного костра инквизиции.

— Успею я вовремя?— спросил юноша.

— Все в руках божьих,— мягко ответил пожилой человек.— Мы должны безгранично доверять Богу...

— Вы мне поможете, брат Алоизиус?

— Я сделал для тебя все, что смогу, сын мой!

Этот диалог мог бы показаться очень странным тому, кто знал, при каких драматических обстоятельствах они встретились несколько месяцев назад.

Появилась поляна, засыпанная глубоким снегом. Молодой человек лег на белое пушистое покрывало, пока его спутник что-то искал в их багаже.

Наконец он извлек оттуда странного вида небольшую черную коробку, по форме напоминающую звезду, многочисленные лу-

чи которой переливались разными цветами. Затем он наклонился над своим молодым спутником и приложил к груди молодого человека, который уже распахнул одежду, чтобы звезда прижалась к его коже.

Пожилой человек отступил назал и тихо сказал:

— Мой бедный Эрик... Как тебе, наверное, холодно!

Тому и в самом деле было холодно, очень холодно, но он постарался ответить твердым голосом:

— Это для нее, брат Алоизиус. Я должен ее спасти!

Больше он не шевелился. Снег, кружась, падал на землю. Юноша замерзал. Тело окоченело. Он впадал в бесчувственное состояние оцепенения, вызванное холодом.

Тот, которого он назвал братом Алоизиусом, еще раз вздохнул, затем поднялся, обратив к затянутому белой морозной пеленой небу взгляд, полный и скорби, и надежды...

2

— Я никогда не стану вашей женой!

Оскорбление было велико. Между Мортимером и Кревкером как будто кошка пробежала. После дьявольской смуты, в которую была замешана Иолана, прекрасная Иолана, на некоторое время утихли разговоры и даже намеки на женитьбу племянницы сеньора, владельца этого поместья, и сына его соседа, слабоумного Игоря.

В конце концов посовещавшись друг с другом, и спросив на то совета церкви и, что греха таить, получив консультацию у астролога мэтра Волюбилиса, кумовья решили сделать еще одну попытку к сближению молодых людей.

Справедливости ради нужно сказать, что мэтр Волюбилис был не очень уверен в счастливой перспективе этого союза. Он вел себя очень уклончиво и ограничивался тем, что советовал соблюдать большую осторожность и не торопиться с официальной помолвкой. Раздраженный этим увиливанием, Амори де Кревкер грубо оборвал мага и, кипя от гнева, вышел вон к удовольствию сьера де Мортимера.

И вот, наконец, официальная встреча молодых. Помолвка будущих супругов. И ясный, без обиняков, ответ принцессы Иоланы:

— Я никогда не стану вашей женой!

Это было публичное оскорбление. Назревала гроза, поползли самые невероятные слухи. Кое-кто считал, что Иолана до сих пор находится во власти колдуна, которого послали на костер и который сумел — не без помощи сатаны, разумеется,— вырваться из огня, да еще утащить вместе с собой святого человека Алоизиуса в какую-нибудь дьявольскую преисподнюю.

Амори, вне себя от гнева, так ничего и не сумел добиться от своей племянницы. Невзирая на скандал, она была непоколебима. Этого скандала Мортимер не мог простить. Он требовал удовлетворения. Пришлось вмешаться дому Бонифацию и некоторым ученейшим личностям. Значит, на то — Божья воля, говорили они. В конце концов Иолана тоже имеет какие-то права, и нельзя тащить к венцу молодую благородную девушку, как кобылу к жеребцу. Если она отказывается выходить замуж за предназначенного ей супруга, то пусть найдет рыцаря, который в честном поединке защитит ее цвета.

Иолана, удалившаяся в свою высокую башню и не желающая никого видеть, кроме верных служанок, внезапно изменила решение.

— Я согласна на турнир... Победитель мечом заслужит мою благосклонность!

— Но кто же он?— прорычал Амори.

— Он приедет в нужный день и в нужный час, дядя. Необходимо только, чтобы вы отвели ему боевого коня в место, которое я укажу. Пусть там его привяжут за уздечку, и чтобы никто больше не смел приблизиться к нему!

От всей этой таинственности Кревкер пришел в бешенство, но его племянница была непреклонна. Руганью ничего не добьешься, решил он. Хватит того, что ссора с Мортимером разрушила все его планы. В конце концов, если эта маленькая идиотка заупрямилась, нужно сделать все, чтобы неизвестный рыцарь не смог победить.

Тогда он назначил Мортимеру тайную встречу. Много всего было сказано, но в одном они сошлись: Игорь неспособен сражаться на турнире. Он слабо держится в седле, плохо владеет оружием. И Мортимер принял решение: он защитит честь фамилии и сам будет сражаться на турнире вместо своего непутевого сына.

Что же касается противника, этого таинственного защитника Иоланы...

— Не волнуйтесь на этот счет, любезный кум,— сказал Мортимер Кревкеру, когда тот предложил каким-нибудь предательским образом воспрепятствовать появлению на турнире неизвестного рыцаря,— я сам займусь им и, клянусь, убью его без этой вашей дьявольщины!

Бывший крестоносец был уверен в своих силах. Конечно, Кревкеру не совсем нравилось собственное поражение, которое он считал неизбежным и которое могло бросить тень на его не знающий поражения герб. Но в конце концов Иолана приглашает своего рыцаря не для защиты чести Кревкеров, а исключительно ради бабьего каприза и нежелания выходить замуж за того, кого ей предлагают. Так что пусть Мортимер победит — главное — результат. А результатом явится союз двух могущественных сеньоров.

Поскольку Мортимер появится на турнире в латах и с закрытым забралом, то никто не усомнится, что это Игорь, оскорбленный жених, но уж никак не его отец. Будет сделано все возможное, чтобы никто не узнал о том, что благородный сьер занял место своего никчемного отпрыска.

Иолана дала слово: если Мортимер победит, она смирится и согласится на союз, против которого восстает ее сердце. Благородная племянница Кревкера имела чувство долга. Со своей стороны, Амори надеялся переубедить ее, что бы ни случилось, пользуясь своим влиянием опекуна. Хотя исход поединка был, разумеется, предрешен заранее — с таким воином, как барон Мортимер, шутки плохи.

Придя, наконец, к обоюдному согласию, кумовья решили не терять времени даром. Турнир, как они считали, был пустой формальностью. Свадьбу решили сыграть весной. Официально об этом будет объявлено после помолвки.

На городской площади, где совсем недавно высились эшафоты, огородили барьерами ристалище. Опять появились трибуны. Расчистили большую площадку, на которой вскоре сойдутся в поединке рыцари. Скоро за изгородью соберется толпа, придут люди из владений Кревкера, Мортимера и из соседних городов.

Зима уже была на исходе, но в это утро, утро турнира, земля снова покрылась белым ковром. Ристалище теперь было похоже на шкуру горностая.

Такие события, как турнир или публичная казнь, всегда собирали много народа. Несмотря на холод, на площади с самого утра уже толпились горожане и вилланы. В воздухе витала какая-то тайна, порожденная то ли чьими-то туманными намеками, то ли неосторожными словами, сказанными вполголоса. Кто же он, этот загадочный рыцарь? В памяти людей прекрасно сохранились недавние события — казнь трубадура и его немыслимое исчезновение.

Поговаривали, что Иолану будут защищать темные силы, что под гербом Мортимеров добиваться руки прекрасной принцессы будет вовсе не Игорь. Слухи... слухи...

И вот точно так же, как перед казнью, шла религиозная церемония, на ней присутствовали Амори де Кревкер со своей племянницей, оба Мортимера, а также благородные дамы и еще несколько сеньоров рангом пониже.

Рыцаря, которого выбрала Иолана, еще не было, что, естественно, не осталось незамеченным и вызвало много толков. Что касается сьера Амори, то он решил честно выполнить все инструкции Иоланы. Конь в боевых доспехах, латы, щит, копье (на всем цвета Иоланы) находились на поляне в ближайшем лесу. Оруженосцам было велено привязать коня и тут же удалиться, не оборачиваясь. Непослушание каралось. Таким образом никто не мог видеть рыцаря в лицо.

Сеньор Амори мучился в бессильной злобе, сознавая двусмысленность своего положения. Мортимер, под предлогом проверки снаряжения своего сына Игоря, готовился в последний момент сесть в седло, что и сделал с помощью двух верных оруженосцев, в молчании которых был уверен. Игорь же благоразумно исчез вплоть до самого окончания турнира.

Трибуны стали заполняться. Вот появилась Иолана. Как всегда, очень прямая, одетая просто, но элегантно, она казалась совершенно невозмутимой, и только ее прекрасные глаза сверкали странным огнем. Несмотря на холод, она сохраняла величественную осанку, в то время как ее продрогшие подружки смеялись, болтали, сплетничали, но не осмеливались обратиться к ней, что, впрочем, не мешало им бросать колкие замечания об Иолане и ее неизвестном рыцаре.

Когда, наконец, все заняли свои места, Амори поднялся и сделал знак рукой. Пропели фанфары герольдов, затем один из них выступил вперед, развернул пергамент и громким голосом объявил формулу турнира, где в поединке встречались сьер Игорь Мортимер, с одной стороны, и избранник девицы Иоланы де Кревкер, с другой.

Первым появился Мортимер, гарцуя на великолепном боевом коне, украшенном богатыми доспехами. Гул восхищения пролетел по толпе при появлении такого блистательного рыцаря. Он объехал вокруг арены; копыта его коня четко отпечатывались на снегу. Взмахом копья он приветствовал Иолану, сидящую в центре трибуны — ведь именно она была наградой в турнире.

С трибуны, со стороны прекрасных зрительниц летели улыбки, лестные замечания, сопровождаемые взмахами красивых рук. И только Иолана, не обращавшая внимания на холод, казалась изваянием из мрамора.

По толпе прокатились знакомые слова:

— Любимица... любимица... любимая племянница Кревкера!

Но вот снова пропели фанфары. И сразу же наступила тишина. Толпа затаила дыхание.

Никто не заподозрил, что Мортимер занял место своего сына, тем более, что шлем полностью скрывал лицо. Конечно, латы были тяжеловаты для этого недоноска, но, в конце концов он был богатым наследником огромного поместья, и это вызвало зависть подруг Иоланы. Ей же самой все это было совершенно безразлично.

Теперь все рассматривали другого рыцаря. Кто же он? Но под роскошными рыцарскими доспехами ничего нельзя было разглядеть. От этой таинственности турнир, казалось, обещал быть еще интереснее.

Незнакомец тоже сделал круг по ристалищу, приветствуя трибуны. Все увидели, как на этот раз Иолана ответила сдержанным, но

полным грации движением руки. Лицо ее все так же было бесстрастно (даже подружки ничего не заметили), только глаза блестели ярче обычного.

И вот поединок начался.

Соперники столкнулись.

Все восхищались военным искусством Мортимера. Так называемый Игорь мастерски управлял конем и демонстрировал необыкновенную гибкость маневра, несмотря на огромную тяжесть своих доспехов и оружия.

Вот они сшиблись второй, третий раз. В какой-то момент казалось, что их силы равны; было очевидно, что Иолана нашла себе достойного защитника.

Пока что стычки не приносили успеха никому из них, и стало заметно, что Мортимер начал злиться. Вдруг он резко развернул коня, вонзил ему в бока шпоры и яростно понесся вперед, выставив копье.

Раздались аплодисменты. Толпа кричала:

— Мортимер! Вперед, Мортимер!

Возбуждение на трибунах достигло предела. И только Иолана казалась безразличной к происходящему.

А она в этот момент вспоминала туманные предположения мэтра Волюбилиса, к которому ходила за советом.

— Ваш рыцарь победит, сударыня... В этом нет никакого сомнения! И вы никогда не станете женой Мортимера!

— А... тот, про кого я вас спрашивала?

— Увидите ли вы его снова? Безусловно. Вы его увидите... только я не могу сказать, когда и при каких обстоятельствах... Это произойдет довольно скоро... Но...

— Говорите же, мэтр Волюбилис!

— Я вижу снег... снег... и этот снег становится красным от крови...

Больше Иолана ничего не смогла узнать. Теперь она смотрела на арену, разбитую копытами лошадей. За время поединка снег превратился в грязное месиво. Может быть, скоро он обагрится кровью?

Из задумчивости ее вывел крик толпы. Мортимеру не удался его натиск. Рыцарь Иоланы, рванув в сторону своего коня, неуловимым движением уклонился от страшного удара копья, которое неминуемо пронзило бы его насквозь. Затем, пользуясь бешеным порывом своего противника, стремительно атаковал его, с такой силой ударив копьем, что Мортимер, потеряв равновесие, нелепо свалился в снег.

Среди всеобщей бури восторга Иолана даже не пошевельнулась.

Амори задыхался от ярости. Толпа смеялась и рукоплескала, приветствуя победителя, который, развернув коня, изящно склонился перед трибуной.

Пока оруженосцы поспешно поднимали с земли неповоротливого в своих доспехах Мортимера, шлем которого при падении даже сдвинулся набок, победитель исчез так же незаметно, как и появился. Амори де Кревкер поднялся, быстро вышел из-за трибуны, крикнул своих людей, на ходу отдавая приказы. Мгновением позже они уже неслись галопом по направлению к лесу.

Снег все еще шел, но следы от копыт коня, уносящего победителя, были отчетливо видны. Рыцарь, видимо, ехал к тому месту, где взял свое снаряжение.

Один из оружейников почтительнейше заметил сеньору, что его отсутствие может показаться подозрительным. Он, хозяин поместья, должен сейчас находиться возле торжествующей принцессы, а заодно и около бедняги Мортимера, расстроенного неудачей. Самое время хоть как-то смягчить плачевный результат этого благородного поединка. Мортимер может не на шутку рассердиться.

— Пусть будет так,— сказал Амори.— Я возвращаюсь в город... Но вы знаете, что мне нужно!

— Разумеется, господин, мы привезем его связанного по рукам и ногам!

— Пусть будет так! Но если что — пощады не ждите!

И он во весь опор помчался к ристалищу, а его воины двинулись дальше по следам рыцаря-победителя, надеясь схватить его в тот момент, когда он спешится.

Метель усилилась; снег бил в глаза и всадникам, и лошадям. Видимо, из-за непогоды люди Амори испытывали странное чувство, какую-то безотчетную тревогу.

Таинственный рыцарь, не обращая внимания на преследователей, которых он не мог не заметить, уже подъезжал к опушке леса. Снег валил густо, и его силуэт принимал призрачные очертания. Всадники видели, как он углубился в чащу, очевидно, направляясь к тому месту, где совсем недавно по приказу Иоланы де Кревкер ему оставили коня и боевые доспехи.

Сержант, которому Амори поручил произвести арест — а это был именно арест — сделал знак своим лучникам, латникам и оруженосцам спешиться. Маленький отряд двинулся дальше пешим порядком, привязав лошадей к первым деревьям леса. Люди шли, соблюдая всяческую осторожность, скользили как тени между деревьев и кустов, незаметно окружая то место, где должен был остановиться защитник прекрасной Иоланы, чтобы освободиться от тяжелых доспехов, оставить их, а затем исчезнуть.

Очень скоро воины Кревкера, где ползком, где пригнувшись, окружили небольшую лужайку, где должен был остановиться неизвестный рыцарь. Погода им благоприятствовала, метель не утихала, и снег покрыл толстым слоем и ветви деревьев, и крадущихся людей.

И вот, наконец, рыцарь перед ними; он уже остановил коня и, видимо, готовился спрыгнуть на покрытую снегом землю.

Сержант подал сигнал, и все бросились вперед.

Теперь их жертва не могла ускользнуть — несмотря на мужество и доблесть, тяжело вооруженный и закованный в латы рыцарь может сражаться с подобным ему противником, но ничего не может сделать с толпой пеших стражников.

Еще мгновение — и рыцарь увидел, что его окружают. Со всех сторон к нему протянулись сильные руки; кто-то схватил за поводья коня, кто-то ухватился за наколенники лат, пытаясь опрокинуть его, сбросить с коня, повалить на землю, чтобы на земле сорвать с него латы, связать по рукам и ногам, и доставить, как было обещано, сеньору де Кревкеру...

Что же вдруг произошло? Об этом никогда и никто не узнает.

Латы действительно упали на землю. Но эти латы оказались пустыми. Внутри доспехов не было никого и ничего.

Потом солдаты клялись, что в этот момент неизвестно откуда появился огромный столб пламени, фантастический адский огонь, отдаленно напоминающий человеческую фигуру. Пылающее существо мгновенно исчезло за верхушками высоких деревьев, засыпанных толстым слоем снега.

Кто-то крестился, кто-то клацал зубами. В конце концов все бросились прочь, забыв про коня и про доспехи. Невозможно описать словами ярость Амори, когда ему преподнесли всю эту историю.

Он приказал немедленно мчаться на место этого из ряда вон выходящего происшествия, затем отправился туда сам, прихватив заодно дома Бонифация, очень недовольного тем, что его вытащили на такой мороз. После того, как снова нашли коня и снаряжение исчезнувшего рыцаря, монах окропил поляну святой водой, благочестивое действие которой сказалось лишь в том, что она тут же замерзла.

Если бы преследователи углубились подальше в чащу леса, то они были бы немало удивлены, встретив здесь брата Алоизиуса.

Они могли бы увидеть, как инквизитор склонился над закоченевшим, неподвижным телом юноши. Затем почти силой влил в него содержимое дорожной фляжки, снял с груди странный прибор в виде коробки, на которой переливалась различными цветами звезда, и начал энергично растирать его, возвращая жизнь и тепло...

3

Ночь. Тишина вокруг, но тишина обманчивая. Снегопад прекратился, но еще очень холодно. Луна скользит в ясном небе, а издалека, из лесной чащи доносится волчий вой.

Темной громадой высится замок де Кревкера, освещенный ночным светилом, окруженный рвом, в воде которого отражается гордая Диана.

Уже пробил час тушения огня, и город заснул. Но не все спали в эту ночь. Вокруг замка, у потайного входа, в зарослях, под деревьями, растущими по краю рва, в кустах роз затаились темные тени.

Среди воинов — а это были именно воины — находился сьер Амори де Кревкер собственной персоной. Вооруженный, как подобает рыцарю, и полный решимости. Он много думал, прежде чем решиться на такой шаг. Многих вещей он не понимал, да и не мог понять, и в этом ему не могли помочь ни дом Бонифаций со своей запутанной теологией, ни научные, но очень туманные откровения мэтра Волюбилиса.

Итак, Амори принял решение, основываясь на простой логике человеческих отношений.

Теперь понятно поведение Иоланы. Иолана влюблена, и отсюда все идет. Таинственный рыцарь? Ее любовник, вне всякого сомнения. Он сумел спастись — дьявол его разберет, каким образом — от костра инквизиции. Но вот теперь он вернулся. Это он победил Мортимера в поединке, и опять-таки ему удалось избежать ареста в заснеженном лесу. Все эти рассказы про адский огонь не производили впечатления на Кревкера. Он верил только в свой меч и своих солдат.

«Он» придет!

Кревкер был уверен, что трубадур обязательно явится вздыхать к башне Иоланы. Поэтому с момента окончания турнира он ни разу не высказал своей племяннице ни малейшего упрека. Он вообще избегал с ней разговаривать, потому что боялся задать жгущий его вопрос: коль скоро она оттолкнула Мортимера, то значит собиралась замуж за своего рыцаря? В таком случае, кто же он? И где он?

Все эти разговоры были бесполезны. Сейчас Амори был уверен в одном: «он» придет.

Ему казалось, что он видит белый силуэт в высоком окне башни. Вот уже три ночи, как он устроил здесь ловушку, которую со смехом называл ловушкой любви. Пусть Иолана ожидает своего возлюбленного.

ОН придет!

Среди хорошо замаскированных, преданных людей Кревкера произошло легкое движение.

Это он. Вот он идет вдоль рва, подходит к основанию башни, откуда совсем недавно совершил свой чудесный полет к окну любимой на глазах оторопелого браконьера, которому, в конечном итоге, это дорого обошлось.

Несколько нот прозвучали в ночной тишине...

Цитра! Значит, он взял с собой этот дьявольский инструмент. Амори в бешенстве сжал кулаки. Но терпение! Сейчас он положит конец этим романтическим встречам.

Снова послышались звуки цитры. Там, наверху, через карниз бойницы перегнулась Иолана.

Верный своей традиции, Эрик, трубадур, пришел в полночь. Вот он оторвался от земли и легко полетел к своей любимой; она уже протягивала руки ему навстречу...

Раздался хриплый голос, отдающий команду. Облако стрел взметнулось в воздух.

Стрелы пронзили трубадура в полете, как большую птицу, на глазах оцепеневшей от ужаса принцессы.

Он тяжело упал, похожий на изломанную куклу, ударился о берег рва; тело, утыканное стрелами, подскочило, вздрогнуло и погрузилось в ледяную воду, которая тотчас сомкнулась над ним и его цитрой. Цитра закончила существование вместе со своим хозяином, магом и волшебником, вернувшимся живым и невредимым из далеких звездных миров. Снег у подножья башни стал красным.

Амори поднялся, сделал знак своим людям, чтобы те вышли из засады. Сейчас Иолана увидит их и поймет, в какую ловушку угодил тот, кого она никогда не переставала любить. Поймет, что хозяин здесь — Амори де Кревкер и что отныне она будет вынуждена слушаться его воли...

4

В монастыре Сетмон царили смятение и растерянность. Настоятель созвал капитул. Произошло невероятное событие: брат Алоизиус, представитель святейшей инквизиции, снова среди них и просит приюта.

Он рассказывал немыслимые вещи. Говорит, что посетил звездные миры, видел обитателей других планет, и что наша Земля вовсе не такая, какой ее привыкли себе представлять.

Все это явно пахло ересью. Но дальше пошло еще хуже.

Алоизиус явно стал не тем человеком, что раньше. Он держит недопустимые речи и бесспорно богохульствует. Разве он не заявляет с несказанной радостью, что познал истинный смысл христианства и самопожертвования Иисуса? Он говорит, что познал страдание и радость жизни. Познал, что такое товарищество, доброта, преданность, самопожертвование и даже любовь...

Да, любовь! Он утверждает, что если Бог создал этот мир, то исключительно для любви. Что под сенью распятия нужно не мучить, приводить в отчаяние и убивать, в любить, помогать ближнему, поддерживать, успокаивать, пробуждать любовь к жизни!

Монахи слушали, полные смятения.

А теперь он начал прославлять красоту женщины. Он говорил, что такая неоспоримая добродетель, как целомудрие, имеет безусловного врага — воздержание. Что можно оставаться духовно чистыми и целомудренным, имея полное сексуальное удовлетворение, и при этом жить под Богом, наслаждаясь в разумных пределах его благодеяниями, уважая и себя и ближнего своего.

Монахи содрогались под этой лавиной богохульства. Неужели брат Алоизиус не понимает, что каждое его слово — вязанка хвороста в костре...

5

Война, война между Мортимером и Кревкером! На этот раз оба бывших собрата по оружию срочно вооружали своих людей, создавали отряды из горожан и вилланов. Уже начались военные действия. Уже начались грабеж, насилие, убийства, пожары. Война оправдает все преступления, все проявления самых низких инстинк-

тов — война есть война. И ссора двух сеньоров — это только предлог, хотя каждый из них надеется на победу, которая позволит захватить земли соседа, независимо от того, женятся их наследники или нет.

Но кое-кого все эти события оставляют равнодушными.

В высокой башне замка Кревкера живет преждевременно состарившаяся женщина, ее волосы уже посеребрила седина, лицо увяло от горя и тоски.

Иолана отказалась от всего. От жизни. И теперь думала закончить свои печальные дни в каком-нибудь монастыре.

Часто оглядываясь вокруг, она вспоминала, как эта ее комната была некогда обителью любви, когда в языческом великолепии знойных ветров она ожидала своего полночного трубадура. И сердце наполнялось тоской.

Свечи потухли. Розы увяли...

СОДЕРЖАНИЕ

А. Рюллан ОРТОГ ВО ВЛАСТИ ТЬМЫ. Роман.
Перевод *В. Агеева* 3

Р. Бессьер ИМЯ МНЕ... ВСЕ. Роман.
Перевод *А. Ермошина* 113

М. Лима SOS НИОТКУДА. Роман.
Перевод *Н. Разумовой* 201

М. Лима ПОЛУНОЧНЫЙ ТРУБАДУР. Роман.
Перевод *В. Агеева* 301

Литературно-художественное издание

ПОЛУНОЧНЫЙ ТРУБАДУР

Фантастические романы

Составитель
БАРСОВ
Сергей Борисович

Редактор *Н. В. Резанова*
Технический редактор *Г. В. Стачева*
Корректор *И. С. Пигулевская*

Сдано в набор 02.12.93. Подписано в печать 21.03.94. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$.
Бумага книжно-журнальная, газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 24,18. Уч.-изд. л. 27,84. Усл. кр.-отт. 28,07. Тираж 30 000 экз. Заказ № 4233 С 010.

Издательство «Флокс», 603600, Н. Новгород, Костина, 20.

ГИПП «Нижполиграф», 603006, Н. Новгород, Варварская, 32.

ПОЛУНОЧНЫЙ ТРУБАДУР